

Наталья Сапункова

Пряничные туфельки

Глава 1. Пряники от леди

Третий день рождения своего первенца и наследника граф Ленгар праздновал с размахом, и только леди Ринна Венеш, единственная сестра графа, не радовалась. Но кому какое дело? Множество гостей, торжественное усаживание мальчика на боевого коня под одобрительный рёв толпы, пир на поляне перед замком, угощение для горожан прямо на улицах — свиные туши, жареные на вертелах, пироги, вино и прочие напитки. Конечно, не обошлось без цирковых представлений, без танцев на площади, без разбрасывания мелких денег, среди которых изредка попадались серебряные, без большого бала, без огненного фейерверка в замковом парке...

Ринна понимала, что следующее развлечение, для многих главное, будет завтра и с её участием. Завтра брат желает объявить её помолвку. С герцогом Ольгером из Кандрии. Которому уже исполнилось пятьдесят! Представить себя женой седого старика она не могла. Это было во много раз хуже, чем все предыдущие варианты. Казалось бы, о чём переживать? Отказаться, и всё.

Ах, если бы...

Брат на этот раз не тратил время на уговоры, он высказался кратко:

— Если вы не согласитесь на помолвку, леди сестра, я прикажу утопить вашу драную кошку. У вас на глазах, конечно. Любому терпению есть предел, понятно вам?

Да, она пыталась. Просить, возражать, возмущаться. Но всё, конечно, было понятно. И то, что всегда есть возможность что-нибудь придумать, было понятно тоже.

— Надеюсь, завтра у нас будет счастливый день, — сладко сказала вчера леди Бьюла. — Я молилась, Ринна. Мы все молились. Должно же когда-нибудь Пламя просветить ваш затуманившийся разум.

Графиня, жена Клайка Венеша, графа Ленгара. Она сказала это громко, за общим столом.

— Тогда я тоже помолюсь о вашем просветлении, Бьюла, — вкрадчиво ответила Ринна, — это никогда не вредит, правда?

Графиня насупилась и уткнулась в свою тарелку, другие дамы за столом тоже примолкли, искоса поглядывая на сестру графа и на её светлость. Не то чтобы война, но сдержанное противостояние между ними тянулось уже не первый год. Хотя это обычно, когда жена и золовка не очень ладят. Но тут, конечно, всё настолько запущено, что только на Пламя Светлое и уповать! Потому что сестра графа удивительно вздорная, плохо воспитанная и самонадеянная особа, к тому же начисто лишённая здравого смысла! Кто в этом сомневается, тому объяснят, что он не прав.

Вот какая она, Ринна Венеш. Несчастье семейства, вечное испытание для графини, наказание для графа, и вообще удивительно, почему к ней ещё сватаются? Нет больше девицы, что посмела бы так себя вести! А всего-то и дел отказать нескольким женихам. Точнее, семи? Или восьми? Хотя вездесущая молва уже увеличила их число по меньшей мере вдвое.

После того обеда графиня пришла на балкон, где Ринна устроилась с книгой.

— Ах, я посижу немного с вами? Что за беспокойный день. Но это такое счастье — сыну три года! И счастье, и гордость! Ничего, настанет день, когда вы меня поймёте.

— Я и понимаю, и разделяю, Бьюла, — мирно заметила Ринна. — Я ведь люблю Дарина, он мой племянник.

— Ах, но это совсем не то! Материнские чувства — это... Я всё поняла, лишь когда сама произвела на свет моего чудесного мальчика...

— Я верю, Бьюла. Вы хотели отдохнуть, может, посмотрите книгу? Мне недавно прислали много новых книг. Есть любопытные.

Обсуждать материнские чувства Ринне не хотелось. Да, вот как ни странно — не хотелось.

— Потом, — махнула та рукой, — знаете, я ведь знакома с вашим женихом. Мой отец не раз принимал его в нашем горном поместье. Герцог любит охотиться. Я была в него немного влюблена. Он такой сильный, ловкий, и вообще очень симпатичный.

— Только его сыновья старше меня. Как считаете, я испытаю материнские чувства, если выйду за него замуж? А какие-нибудь иные чувства, предваряющие материнские и положенные в браке?

— Ах! Не говорите непристойности! Вы незамужняя девица! — невестка покраснела.

— Простите? — изобразила удивление Ринна. — Доверие, расположение, уверенность. Что в этом непристойного?

Она насмешничала, конечно, и намекала вовсе не на доверие и расположение. Но для Бьюлы внешние приличия были на первом месте, и если незамужней девице следовало быть наивной в интимных вопросах, то эту наивность Ринна должна была демонстрировать до старости — если не выйдет замуж, конечно. Но она была вполне осведомлена, так уж вышло. Она — тай...

— Кто вам помешает испытать это? — продолжала наседать графиня. — На герцога Ольгера заглядываются все леди!

— Даже теперь? Очень мило. Как считаете, я скоро стану вдовой и наследники укажут мне моё место?

— Ринна, дорогая, вы не забыли, сколько лет вам? — вспыхнула Бьюла.

— Скоро двадцать три, а что?

— Позвольте, но это уже не семнадцать!

— Но до пятидесяти пока далеко!

Невестка уже не впервые на разные лады повторяла одно и то же. Сама она вышла замуж за Клайка в семнадцать, а Ринна в её двадцать три уже старая дева. В чем сама и виновата, конечно: надо быть разумной и слушаться родственников.

— Вам раньше следовало об этом думать, — резонно заявила графиня. — А теперь миритесь с тем, что есть. И вообще, с таким отношением к браку можно было уже уйти в монастырь. Подумать только, вас добивались знатнейшие лорды Побережья! Даже кандрийской принц, ну и что с того, что он вам не нравится? В данном случае титул искупает всё! А вас теперь зовут капризной принцессой и не иначе!

Эта ненужная беседа раздражала леди Ринну неимоверно.

— У меня нет ни малейшей склонности к монастырской жизни, Бьюла, — сказала она, — я уже это объясняла. И я прошу лишь оставить меня в покое! Уеду к себе, в мой Нартель, и можете хоть совсем обо мне не вспоминать! Отец позволил и брат с этим согласился, в конце концов!

Нартель — это маленький замок возле моря, часть маминого приданого, который отец передал ей на шестнадцатилетие.

Графиня скептически хмыкнула.

— Какой вы ещё неразумный ребёнок, на самом деле!

Она была на целых три года старше золовки.

— Вам и так потворствовали, но это не может продолжаться вечно! — с пафосом заявила графиня, уходя.

А потом появился брат и окончательно объяснил, что к чему. Что любому терпению есть предел, видите ли.

Да, отец позволил ей — самой выбирать мужа. Он обещал это её умирающей матери! Он завещал это брату! Но ей не предоставили настоящего выбора, лишь предлагали иногда варианты, которые она не захотела принять. И король рассержен. А над ней действительно смеялись по всему Руату и дальше, называя капризной принцессой! Но утопить Мику, её зверя, её ручную рысь?! Брат совсем с ума сошёл?!

— Ты этого не сделаешь, Клайк! — воскликнула она гневно.

Они всё-таки семья. Есть вещи, которые близкие люди делать не должны! Это жестоко и оскорбительно, в конце концов!

— Думаешь, я хочу? — пожал плечами граф Ленгар. — Если с тобой иначе не справиться, я сделаю это. Клянусь Кровью и Честью. Я уже приказал запереть её в зверинце. Ты поняла, Ри? Ты соглашаешься стать невестой графа Ольгера. Всё.

Действительно, всё. Мика — под замком. Ручная рысь, которую принесли в замок маленьким котёнком. Ринна — тай. От матери она унаследовала способность подчинять животных, общаясь с ними мысленно. Способность, которой испокон веков владеют некоторые семьи Руата — говорят, в их стране таев больше, чем где-либо. К своему зверю у тая отношение особое. Ринна не способна

позволить убить Мику — Клайк знает, чем грозить...

Завтра в полдень в Большой зал замка набьется множество народу, все гости праздника, и ещё толпа соберется под балконом. Всем любопытно, поскольку уже пошёл слух, что на этот раз «капризной принцессе» не дадут капризничать.

Пир ещё продолжался, Ринна ушла раньше, сославшись на головную боль. С помощью горничной она избавилась от парадного платья и влезла в самое простое. Повязала длинный, до пола фартук — теперь она сама стала почти похожа на одну из многочисленных служанок замка. Почти — потому что лень было разбирать причёску, чепцом прикрыть — и довольно. И серьги остались, маленькие, золотые, с ярко-голубыми топазами — мамины, и подвеска на золотой цепи, хорошо заметная в ворота платья. Вот кольца с рук она сняла — в кухне это мешает. Если замесить тесто на лепешки, это помогает восстановить душевное равновесие. А когда оно восстанавливается, в голову приходят хорошие решения.

— Я к Ноне, — сказала она горничной, — запри дверь и всем говори, что я сплю.

— Но миледи, её светлость в прошлый раз гневалась, что вы были в кухне! — заметила горничная Этель, которая была не в меру разговорчивой. — Лучше не сердите её лишний раз, умоляю!

Ринна только рассмеялась — Бьюла гневалась, это серьезно? Она совсем не боялась сердитую её светлость, вот ещё!

— Вот что, лучше ты не сердь меня! — посоветовала она и ушла, хлопнув дверью.

Огромное помещение кухни, разделенное невысокими, не до потолка, стенами, гудело от шума и голосов, ещё и смеялся кто-то! Странно, ведь пир завершался, готовить уже прекратили, только слуги ещё бегали, приносили что-то и уносили — как раз то время, когда поварам и судомойкам в пору падать от усталости.

Голоса доносились из-за загородки, за которой обычно ели слуги, Ринна туда заглянула. За длинным накрытым столом собралось много народу, и слуги, и незнакомцы, они ели, разговаривали, смеялись. Большинство, прихлопывая, наблюдало, как на небольшом местечке в стороне от стола танцевала пара — парень и девушка, девушка перебирала и притоптывала ногами, и ещё подбрасывала цветные шарики, а парень танцевал на руках и крутил ногами в воздухе. А у края стола сидели три здоровяка с непомерно раздутыми мышцами, их Ринна видела на цирковом представлении. Всё понятно, стол для циркачей накрыли здесь. Ринна испытала досаду — чужие вторглись туда, где она собиралась отдохнуть и подумать. Да-да, отдохнуть и подумать — в кухне, ну и что?!

Один из здоровяков повернулся к ней, подмигнул и рукой поманил, уверенно так — иди-ка сюда, дескать, девонька. И понятно, в ней сейчас никто из чужих и не заподозрит леди. Она поспешно отступила, скрылась из глаз нахального мужлана. А тётушки Ноны, главной пекарки, за столом не было, значит, можно застать её на обычном месте. Ринна отправилась в хлебный угол. И правильно, Нона там и отыскалась, но не одна. За столом сидели два парня, судя по одежде, тоже циркачи, а помощница Ноны, Кайта, возилась у жбана с опарой для завтрашнего хлеба. Парни прихлёбывали из кружек травяной чай и слушали, что пекарка неторопливо им рассказывала, певуче так, с удовольствием, словно песню пела.

— Значит, муку ржаную мы заварили в меду, специи добавили, орехи, цукаты. Остыло уже — вот, видите? Ах, как пахнет. Вот, понюхай-ка, — она зацепила из кастрюли и сунула под нос одному из циркачей немного теста на лопатке, тот понюхал и сморщился, а Нона рассмеялась.

— Настоится, раскроется вкус, тогда оценишь! А, это ты, моя ласточка? — повернулась она к Ринне, — проходи, присядь. Невеселая ты сегодня.

Она показала взглядом на гостей и усмехнулась одними глазами, как бы говоря — ничего, поиграем опять, может, ты и развеселишься! Игра была привычная — когда Ринна приходила к Ноне вот так одетая, та делала вид, что молодая леди никакая не леди, а кто она — да кому какое дело? Называла ласточкой, они весело болтали. Делать всё, как положено, слишком скучно!

Ринна в ответ хмыкнула и присела за стол подальше от циркачей, сначала налив себе чая из высокого медного чайника. Толстостенная глиняная чашка приятно согревала пальцы. Быть изысканной леди отчаянно не хотелось. И кто придумал, что она должна?..

— Вот, мальчишки эти, из цирка, что на празднике выступали. Привезли мне кое-что от старинной знакомой, — пояснила она Ринне, — и рецепт пряников хотят получить. А я что, я не против! Когда это я рецепты прятала? Да, ласточка?

— Конечно, Нона, — улыбнулась Ринна, — мы хорошим всегда делимся.

Накануне Новогодья пряники пекли по всему Руату, но и в другое время тоже, их продавали в кондитерских, на ярмарках, всюду они были немного разные, но суть всё равно одна. Но Ринна ни на какие другие не променяла бы ту душистую сладость, что готовили только в их кухне.

— Говорят, вкуснее ваших, ленгарских пряников ничего нет, — сказал один из парней, явно намереваюсь польстить поварихе, та только усмехнулась.

— Почему же. Я считаю, что много чего есть вкуснее пряников. Я могу тебе десять бисквитов с разным кремом подать, на первом — ты мой, и на десятом совсем ум отъешь. Суть пряников совсем в другом. Да, иногда их ничем не заменишь.

— Я скорее отъем ум, если ты приложишь свои таланты к свиной вырезке, тётушка, — заметил циркач.

Ринна уже к ним присмотрелась. Оба лет примерно двадцати пяти, оба без брачных браслетов. Бывают у циркачей брачные браслеты, интересно? И вообще, где цирк, а где пряники? Зачем им эти пряники?..

В то же время они циркачи, значит, люди сильные и смелые. Так может?..

— Я знаю, — ответил другой циркач, — у пряников особый вкус, особый запах, который не забывается. Откусишь и вспомнишь того, кто тебя такими же угощал. И это без всякого колдовства, да? — его глаза лукаво блеснули.

— Всё правильно, — согласилась Нона. — В каждой пекарне свои пряники. Моя мать пекла их для отца, когда он уходил в плавание — он был моряк. И здесь, в Ленгарском замке, тоже свои пряники. Они лучше всех. Точно такие раньше готовили при королевском дворе в Асварде, потом они рецепт потеряли. То, что пекут там сейчас — уже другие пряники. Тот рецепт теперь тут, потому что племянница короля когда-то стала графиней Ленгар.

— И что? Ленгар не так и далеко от Асварда, вы подданные короля, так почему у них нет правильного рецепта?

Нона посмотрела на парня так, словно он явную глупость сморозил, махнула рукой и весело пояснила:

— А не положено! Что имеешь — береги, потерял — не плачь! Так, что там с тестом дальше? Вливаем хлебное вино и поташ, разбиваем яйца по одному... вот так... — пекарка не только говорила, но и ловко проделывала сказанное, — муку пшеничную крупитчатую тоже, отмеренную, добавляем, и лопаткой вымешиваем, вымешиваем, ещё вымешиваем. Хлебная мука не годится, понял? А теперь в погреб отнести, пусть выстаивается. Через неделю можно печь.

— Как через неделю, — вскинулся один из циркачей, — разве ты не обещала, что отведаем? Через неделю мы далеко будем!

Нона смерила его насмешливым взглядом.

— Что я сказала, то и будет. Из подвала уже готовое тесто принесли, да не двухнедельное, а годовое. Сейчас будем печь.

— Так оно в подвале год простояло?!

Ринна уже сдерживала смех. Многие иноземцы удивлялись, слыша, что тесто для руатских пряников готовится так долго!

— Будешь помогать, ласточка? — ласково спросила её Нона. — Ты ведь поэтому пришла, повозиться захотелось?

Кайта, помощница, прошла близко от стола, и циркач мимоходом схватил её за талию, потянул к себе на колени. Девушка, испуганно глянув на леди Ринну, козой отпрыгнула в сторону.

— Эй, ты чего балуешь? — Нона замахнулась на него лопаткой.

— Прости, тетка, прости, не буду, — тот покаянно поднял руки ладонями вперед, но и не подумал пригасить весёлый блеск глаз.

— Ишь, нахал какой, я такого гостя... — пробормотала пекарка и принялась осторожно разминать ком принесенного из подвала теста. — Силы девать некуда — сейчас делом займу. Дам скалку, а потом решишь, в цирке твоём легче, или на моей кухне!

Она преувеличила, конечно, но отлежавшееся и созревшее пряничное тесто обычно бывало таким твердым и жестким, что справиться с ним — та ещё работа. Ринна этим не занималась, в кухне было, кем командовать.

— Не надо им скалку, Нона, я лучше для другого дела их найму, — сказала она, — говорят, что циркачи люди ловкие, и всё, что захотят, сделать могут.

— Так байки это, красавица, — тут же отозвался весёлый циркач. — Рассказывают люди о нас ерунду, не всему верь. А скалку дайте, я не отказываюсь.

Парень этот был редкий красавец, темноволосый, с правильными чертами, с длинными прямыми ресницами вокруг серо-голубых глаз, и взгляд у него был такой уверенный и смелый — кто бы тут устоял! Но дочь графа всем этим не проймешь. Другое дело Кайта.

— Золотом плачу, — сказала Ринна. — Сначала золотой задатка, потом ещё два — за работу.

Нона всплеснула руками и отложила скалку.

— Ты чего задумала, ласточка? — беспокойно спросила она.

Второй циркач, который больше помалкивал и то и дело бросал на Ринну косые взгляды, сказал вдруг:

— Что у вас за беда? Что требуется?

— Выпустить из зверинца мою ручную рысь. Открыть клетку и проследить, чтобы рысь ушла. Всего-то.

— Там охрана? Собаки? — уточнил циркач.

— Да, — признала Ринна, — обычно пара охранников и собаки.

— Но ради вашей рыси охрану могли и увеличить? — хмыкнул он понятиливо.

— Могли. Больше десятка туда не поставят.

— Десяток и собаки — уже не шутки.

— Я и плачу щедро! — она начала сердиться, поняв, что с ней торгуются.

— Два золотых задатка, и три после, — он смотрел прищурившись, насмешливо. — Мы сделаем.

— Пять золотых?! — она вспыхнула, но под его взглядом сдержалась, отвернулась.

Этот нахал про скромность и не слышал, наверное.

— Так ведь они у вас не последние? А дело непростое.

Точно нахал. Но на самом деле она заплатила бы и больше. И вообще, не время было торговаться.

— Вы точно сделаете? Поклянись на огне, — потребовала она.

— Точно сделаем, — сказал циркач и клясться не стал, а бросил ей такой взгляд, что она не решилась повторить требование. — Два золотых выкладывайте. И рассказывайте, что нам надо знать.

Не только нахал, ещё и грубиян. А тот, который красавец, поглядывал недовольно, но подвинулся ближе и теперь тоже выглядел исключительно серьёзно.

— Ждите, — сказала она, — я принесу деньги.

Не помня как она взлетела по лестнице наверх, в свои покои, достала спрятанную в гардеробной шкатулку, отсчитала деньги, сразу пять монет, две взяла с собой, три завязала в лоскут шёлка и бросила в шкатулку для рукоделия — оттуда можно быстро взять. Вернулась в кухню и положила две монеты перед тем циркачом.

— Если обманете — много раз пожалеете.

Угроза не была пустой, наказать их потом за обман она сможет. Дочь Лайна Венеша, графа Ленгара — нашла бы, кому пожаловаться. Да они в родстве с королевской семьей и со стороны мамы, и со стороны отца! Вот только на брата, конечно, жаловаться бессмысленно. И на короля.

— Мы не обманем, — спокойно сказал «некрасавец». — Я уже видел ваш зверинец. Где рысь? Где

обычно охрана? Всё рассказывайте, нам и мелочи нужны.

Этот взгляд, спокойный такой, взгляд уверенного в себе человека. И когда он вот так поворачивает голову, его лицо кажется чуть-чуть знакомым. Или он на кого-то похож? Скорее всего.

— Как тебя зовут? — спросила она.

Имя красавца ей знать не захотелось, а этого серьезного нахала, который сразу требовал с неё золото — отчего-то очень.

— Рик Кан меня зовут, — и бровью не повел циркач. — Давайте же к делу...

Это имя Ринна слышала впервые.

Она рассказала про зверинец, где там что, какой распорядок — очень постаралась. Если Мики завтра не будет в клетке, то она свободна. Завтра те, кто мечтал посмотреть, как своенравной птичке подрежут крылышки, будут разочарованы, а она опять сможет некоторое время жить спокойно.

Циркачи слушали, иногда переспрашивали, уточняли, переглядывались с таким видом, что Ринне даже показалось, будто дело сделано — и ничего трудного. Она успокоилась. Нона вот заволновалась, даже муку просыпала, но помалкивала. Ринна забрала у неё скалку и принялась раскатывать на припылённой мукой доске размятое тесто.

— Лангерские пряники обычно небольшие, квадратные, только на Новомодье тесто звёздами режут и тремя языками пламени, — пояснила она, — Новомодье нескоро, как же режем?

— Да какая разница? Хоть в виде старых башмаков, на вкус будут не хуже, я прав? — сказал тот, который Рик.

— Конечно, не в форме дело. Башмаки, говоришь? — обрадовалась Ринна.

Теперь, когда вопрос с несчастной помолвкой был решен — а ей так вдруг показалось, — захотелось подурачиться. Примерившись к пласту теста, она старательно вырезала силуэт деревенского башмака. Второй пряник получился в виде более изящной туфли. Третий — совсем хорошо. Тыльной стороной ножа Ринна сразу наносила рисунок на пряники, после выпечки рисунок останется. Можно цветной глазури добавить, и вообще, шалить в свое удовольствие. Это когда пряники традиционные, к празднику — там шалости не приветствуются, надо делать, как заведено, а в другое время — можно и башмаки стоптанные, и бальные туфли, хоть что хочешь.

Когда она закончила, Рик отломил маленький кусочек теста и помял его в руках, понюхал, потом лизнул.

— Вкусно пахнет. Действительно не забудешь. И это всего лишь корица с мускатным орехом?

— Нет, дорогой. Корицу и мускатный орех я в то тесто добавила, — сказала Нона. — А это особое, тут ровно те специи, каким и положено быть в ленгарских пряниках.

— И какие же это?..

— Не знаю, — развела руками Нона и хитро улыбнулась. — Точный рецепт смеси известен только леди.

— И что же в ней особенного, в этой смеси? — продолжал отчего-то настаивать Рик.

— Не знаю, — повторила Нона.

— То есть настоящий рецепт тех самых пряников, которые когда-то пекли на королевской кухне в Руате, мы не узнаем?

— Вы не узнаете от меня рецепт пряной смеси для теста. Зато отведаете пряники. Я же пообещала, да простят меня лорды Венешы.

— Но мы ведь заплатили!

— И получили всё на свои деньги.

Нона лукавила, она знала рецепт. Но говорила чистую правду насчёт того, что это — секрет Венешей, точнее, секрет их леди, и готовят они пряную смесь собственноручно, так делала бабушка, потом мама, теперь так, якобы, делает графиня Бьюла. Только Бьюла не делает. Её не интересует кухня, а в её родной семье леди лишь давали распоряжения главному повару. Старая руатская традиция, когда леди сама отсыпает муку для хлеба, к праздникам печёт хлеб и оделяет

им всех жителей своего замка, и лишь собственноручно замешивает пряники, уже почти отошла в прошлое. Когда Бьюла впервые увидела, что её юная золовка, перемазанная мукой, месит тесто, обмениваясь шутками с Ноной — была в шоке...

Ринна не вмешивалась в их перепалку, она закончила нарезать пряники и теперь складывала их на противень. Осталось испечь, а потом, горячие, покрыть яичным желтком — для блеска, вряд ли Нона захочет делать сейчас сахарную глазурь.

— Вы, похоже, всё тут такие же обманщицы, как ваша капризная принцесса, — сказал Рик, не сводя глаз с рук Ринны, которая теперь взбивала в миске желток.

Она чуть не выронила миску, и не возмутилась, а изумилась, скорее:

— Вот это наглость! Ты что себе позволяешь, циркач? Кого это леди Ринна обманула?

— Она обманула столько ожиданий, что у меня пальцев на хватит перечислить. Ей самой это лучше всех известно.

— Ты точно забываешься, шут, — Ринна отставила миску.

И куда делось недолгое умиротворение. Выгнать бы наглеца прочь из замка, так ведь она от него теперь зависит! Вся её будущая жизнь зависит!

— Мы не шуты, — сказал Рик. — Мы фехтовальщики и жонглёры. Но вы правы, миледи, особой разницы и нет.

Вот так, он её узнал. Впрочем, она была на празднике, иначе одетая, конечно, но и только. Да и странно надеяться, что этот жалкий маскарад обманет всех!

— Не волнуйтесь, миледи, мы сделаем, что обещали, — добавил циркач, — но мне хотелось бы ещё кое-что попросить. Мы даже довольствуемся задатком, а от основной платы откажемся. Три ваших поцелуя, миледи. Каждый ценой в один золотой, так получается? Со мной.

Нона возмущённо всплеснула руками. Ринна была в замешательстве. Позвать стражу, чтобы выкинули этого шута немедленно?

— Мы уже договорились, — сказала она ровно, призвав на помощь всю свою выдержку, — а об одном не торгуются дважды. Сделайте, что обещали, и получите деньги.

Уходя, она отчего-то оглянулась. А этот... шут... он ещё улыбался и выглядел таким дерзким! У него взгляд был... медовый. Нет-нет, не о сладости мёда он напоминал, только не о сладости. Скорее о сложной смеси вкусов, которые разбавают сладость, и о горчинке тоже — её особенно много в янтарно-тёмном горном меде, на котором и надо готовить пряничное тесто. И о цвете, конечно. Захотелось подойти и заглянуть ему в глаза — какого они на самом деле цвета?

Она ушла, даже не кивнув на прощанье Ноне.

Это просто люди из бродячего цирка. Ловкачи, которые не упускают выгоду. Их жизнь приучила, иначе как им выживать, не имея крыши над головой и кочуя из города в город, из страны в страну в своих старых повозках? Леди Ринна привыкла думать о циркачах именно так.

Почти всю ночь сестра графа не сомкнула глаз. Она уговаривала себя, боялась, переживала, опять ломала голову, как поступит, если у циркачей ничего не выйдет. А когда заснула, сон ей приснился под стать остальной ночи: она увидела, как стая лающих собак окружила того циркача, Рика Кана, как огромный чёрный пёс вцепился в его руку, прокусил, побежала кровь, другие собаки прыгали, норовя достать шею Рика, наконец стражники отогнали собак и стянули руки пленника за спиной, даже не потрудившись перевязать обильно кровоточащую рану.

Ринна вскочила в холодном поту и долго сидела на постели, а перед глазами стояла та страшная картинка. Не сразу пришло понимание, что наяву всё было бы не так ужасно, что собаки охраны приучены не нападать без необходимости, они просто окружили бы, и собаки у их стражи совсем другие, и вообще...

Спать она больше не смогла. Если с этим парнем на самом деле что-то случилось, как она сможет себя простить? Ведь получается — по её вине. К демонам лесным чьи-то там обманутые ожидания, Ринна Венеш никому не давала обещаний по доброй воле, но этого циркача она сама уговорила на опасное предприятие. А ведь очень возможно, что брат, который знает её лучше всех, всё предвидел и как-то слишком усилил охрану. Рик, конечно, порядочная заноза, и почтительности его не учили, но это не стоит такой участи! Ей придётся его выручать, обязательно, делать всё

возможное, уговаривать Клайка...

А если потребуют ради Рика выйти за герцога?..

Утром Кайта, помощница Ноны, принесла свежие булочки, и, подгадав момент, шепнула:

— Циркачи сообщили, что всё в порядке, миледи. Рысь ушла в лес.

— А они сами? Не пострадали? — она боялась верить в настолько замечательную новость.

— Сказали, что всё тихо вышло. Сторожа, может, ещё и не хватились.

— И как только смогли, — пробормотала Ринна, отчётливо ощущая, насколько легче стало дышать.

— Так ведь циркачи, миледи, — удивленно пояснила Кайта, как будто одно это всё объясняло.

— Кто принёс весть? Передали через кого-то? — продолжала расспрашивать Ринна.

— Он сам приходил, миледи. Не Ивар, а тот, другой. Рик который. Ваши туфли пряничные забрал, — она хихикнула. — Спросил про деньги. Циркачи уже вещи пакуют, уедут скоро.

Это тоже отчего-то обрадовало — то, что приходил не красавчик, а тот наглец Рик. Может, он внушал больше доверия? Несмотря на поведение, которое граничило с издевкой.

Получив шелковый узелок, Кайта убежала.

— Вы так долго шептались с этой кухаркой, миледи, — заметила горничная Этель.

— Нона сомневается, надо ли добавлять в тесто для булочек корицу и кардамон, — не думая ответила Ринна. — Я решила, что обойдётся без кардамона. А ты как любишь?..

Рассуждать про кардамон, как, впрочем, и про корицу, Этель не могла при всём желании, поэтому она переключилась на понятный предмет:

— Вам срочно надо сделать холодный компресс для глаз, леди Ринна!

В положенный час, а именно как раз перед парадным завтраком, сестра графа Ленгара вошла в зал под руку с лордом-сенешалем его величества, который заодно приходился ей дядей. У стола их ожидали. Между братом и возможным женихом, кандрийским герцогом Ольгером, стоял его величество Фарут, король Руата. Король, о Пламя! Хотя и ничего удивительного — в былые времена короля здесь принимали часто.

— От имени его величества предупреждаю, что неповиновение чревато... — в третий или четвёртый раз тихо сказал лорд-сенешаль, — именно так, слово в слово. Будь разумна, девочка, прошу, как брат твоей матери.

Дядя-сенешаль был искренне встревожен, а Клайк, она видела, с трудом сдерживал ярость — видно, узнал о пропаже рыси. В груди у Ринны стало холодно, она с трудом подавила приступ паники. Но она ведь не может выйти за старика?!

— Это лишь помолвка, — добавил дядя.

Ну да, помолвка. И жених сразу увезёт её в Кандрию, чтобы сочетаться браком там. У неё не будет выхода! Здесь она, по крайней мере, дома.

Герцог Ольгер стоял с непокрытой головой, совершенно седой, в чёрном костюме с серебром. И как ни странно, он действительно был хорош собой — Бьюла не обманывала. Военачальник, герой недавней войны, один из тех, кто, говорят, пользуется особым доверием короля Эдина. Но всё равно Ринна не могла представить его с собой рядом в качестве мужа. Чужой мужчина, и между ними пропасть лет. Нет, невозможно.

— Герцог оказал честь нашему дому, попросив руки моей сестры, — сказал брат громко. — Я был бы горд и счастлив вручить ему то, что он желает. Но обязан спросить, леди Ринна, — он заговорил с нажимом, — согласны ли вы выйти замуж за лорда Орвина Корвинта, герцога Ольгера?

Она ведь уже отвечала, вчера: нет, нет и нет! Но от неё требуют непременно участия в этом спектакле!

Она глубоко вздохнула. Выдохнула. Дядя больно сжал её руку, и она высвободилась, отступила на шаг.

— Милорд герцог, ваше величество, дорогой брат! Я прошу прощения, но вынуждена отказаться от

этой высокой чести. Я очень сожалею, но не смею давать обещания, выполнять которые не считаю для себя возможным.

Брат побледнел от гнева, король с легкой усмешкой приподнял бровь, волна сдержанного шороха пробежала по залу — все поторопилось так или иначе выразить отношение к происходящему. Герцог, пожалуй, огорчился.

— Я прошу вас не торопиться, леди Ринна, — сказал он, — обещаю, что вы не пожалеете. Может быть, мы сейчас кратко переговорим наедине? Вы позволите, ваше величество? — он повернулся к королю.

— Нет, милорд, прошу вас! — воскликнула Ринна. — Я не выйду за вас замуж, и это моё последнее слово! Нет!

К чему соглашаться на уговоры, если они ни к чему не приведут? Но они мучительны.

— Последнее так последнее, — холодно согласился король. — Я благодарю вас за честь, герцог, что вы оказали Руату в целом и семье графа Ленгара в частности, но тоже считаю, что Ринна Венеш этой чести не достойна. И я желаю преподать урок на будущее всем девицам моей страны. Поскольку достойных лордов на Побережье больше не осталось, а склонности к смиренной жизни в монастыре леди не имеет, она должна немедленно покинуть Ленгар законной супругой первого же простолюдина, который попросит её руки. Этот простолюдин не должен служить в Ленгаре и быть так или иначе связан с семьей Венешей — если что, я спрошу за это, граф! Я лишаю Ринну Венеш наследства, положенного ей как дочери своих родителей, однако в дальнейшем, возможно, оно будет передано кому-то из её детей — если я сочту это возможным. Возвращаться обратно ей запрещено! Это моё слово!

На зал упала тишина, изумлённая, вязкая — несколько мгновений такой тишины. Лишить прав и прогнать за ворота леди Ринну Венеш, дочь графа Ленгара? Но ведь это чересчур!

Сама она тоже не верила своим ушам. Король действительно это сказал?!

— Ваше величество?! Но это невозможно! — выдохнула она.

— Это вполне возможно и будет сделано, — заявил король. — Древние права позволяют, а если я раньше так не поступал — просто повода не было. Нам следует выйти во двор, леди Ринна, и проследовать к воротам. Если мы станем дожидаться, что какой-нибудь простолюдин явится прямо сюда, мы рискуем проголодаться.

Их взгляды скрестились — её гневный и растерянный, и его, такой уверенный и холодный. О, она понимала, что этим только больше рассердит короля! Он заранее всё решил! Он решил её наказать. В назидание. Взгляды скрестились, и Ринна свой не опустила, не начала плакать и умолять — это было унижительно и главное, бесполезно. Если он передумает... якобы передумает, это тоже будет независимо от её просьб.

Как во сне, она пошла к выходу, оставив позади всё: этих гостей, которые получили своё развлечение, брата, невестку, дядю-сенешаля. Её не увидят испуганной и рыдающей. Ещё непонятно, чем всё закончится, но чтобы король действительно решил отдать её кому попало — нет, невероятно!

— Да она сумасшедшая! К чему это упрямство? — сказал кто-то позади.

Она услышала. Ничего страшного, не первый раз. Она — сумасшедшая? Нет, просто она — Венеш. Венеш умеют добиваться своего. А Ринне всего-то и надо, чтобы её не принуждали. Не ломали. Она никогда не изменит ни королю, ни своим близким, ни тому, что ей дорого — только пусть ей позволят остаться собой!

Вот замок позади, она миновала площадь, дубовую аллею и остановилась у высоких кованых ворот — выхода в город. Ни разу не оглянувшись, хотя знала, что за ней следует вся толпа, что была в зале, во главе с королём и братом Клайком — ну как же, ещё ничего не кончилось. По бокам теперь были стражники из охраны короля — чтобы видеть их, оглядываться не требовалось. Они думают — она сбежит?..

Осталось дожидаться «первого простолюдина». Ждать и здесь придётся долго — кто из неблагородных рискнёт посвататься? Может быть, каждому станут предлагать — не желает ли он жениться на леди Ринне Венеш, только без приданого, и уйти с ней куда глаза глядят? Да этот прохожий тут же убежит от такого счастья, ведь мало ли что придёт в голову королю чуть погодя?! Ринна не удержалась от улыбки, подумав об этом и представив, как удирает её очередной «жених». Может, на это и расчет: она простоит тут напрасно, а потом король объявит, что простолюдинам она, оказывается, тоже не нужна. Такое вот наказание унижением! И она сможет вернуться к себе. Вот и хорошо.

Она ошиблась, долго ждать не пришлось. В ворота вошёл человек, запylённый и в потрепанной одежде, в руках у него была палка, за плечами — дорожный мешок, а на ремне через плечо — старый, побитый и чиненый с помощью верёвки музыкальный ящик. А его лицо... вот он сдвинул берет набок, улыбнулся Ринне, и она еле удержалась от возгласа — это был Рик Кан, тот самый Рик Кан. Точнее, он немного изменил внешность, как это умеют делать циркачи, но она всё равно его узнала. А когда он подошёл и заговорил, кланяясь, сомнений не осталось.

— Я помогу вам, леди Ринна. О цене столкнемся после, у нас это хорошо получается. Иначе выйдете за того, кого подсунут.

Она быстро кивнула в ответ — даже прежде, чем подозрительно подумала, а стоит ли соглашаться. Ведь так и есть — подсунут, и настанет момент, когда она не сможет сопротивляться. Мало ли чем на неё надавят в следующий раз? Договориться, расплатиться, сбежать и переждать — лучше не бывает!

— Поможешь мне добраться, куда попрошу, и получишь деньги. Пятьдесят дров серебром, — осторожность возобладала и потребовала каких-то гарантий. — Только деньги, понятно?

— Хорошо, — сразу согласился он.

— Поклянись Пламенем.

— Клянусь Пламенем.

Рик улыбнулся, обошёл Ринну и низко поклонился тем, стоящим за её спиной.

— Я слышал, что могу забрать себе эту леди? Это правда, милорды?

— Да, если сводишь её в Храм и Пламя позволит вам брак, — ответил король, — эй, кто-нибудь, проверьте этого пройдоху на зависимость от Венешей!

Она не повернула головы, чтобы видеть, как колдун или кто-то из придворных проверяет Рика амулетом, заставляет в чем-то клясться.

— Зависимости нет, ваше величество, — отчитался этот кто-то.

— Тогда благословляю, — бросил король, — отведите их в Храм, а после отпустите на все четыре стороны.

— Пожалуй, на брачные браслеты я не наскребу, милорды! — развел руками пройдоха Рик.

— Граф заплатит, — решил король, — граф Ленгар, вы ведь заплатите за серебряные брачные браслеты для вашей сестры и её супруга?

Ответ Клайка был нечленораздельным, но на возражения не похожим.

Обряд состоялся — священник проговорил всё положенное, Пламя на алтаре взметнулась вверх. Ринна до последнего сомневалась, что такой нелепый брак может быть одобрен Пламенем. Когда священник задал вопрос о согласии, она пробормотала:

— Да не может быть... Да! — быстро поправились, сообразив, что, если ничего не выйдет, не получится уйти с Риком.

Для неё это не было настоящим настоящим брачным обрядом. Рядом — циркач в гриме, что тут настоящего? Её вины нет, она выполняет приказ короля! Рик на вопрос ответил, как положено:

— Да, беру эту женщину в жёны.

А до этого священник, конечно, твердил о незыблемости брака, о том, что это — на всю жизнь, и всё остальное согласно канону — она почти не слышала, смотрела на Пламя. Волнение предшествующих часов, её вынужденная невозмутимость, необходимость держать лицо сделало своё дело — кажется, на какое-то небольшое время она потеряла сознание, не слышала ничего не и осознавала, у неё в глазах плясали огоньки пламени — и только.

Потом, когда всё кончилось, Рик защелкнул на её запястье серебряный браслет, а себе надел сам, хотя это следовало сделать ей. Сказал:

— Вот что, жена, давайте-ка выбиратья отсюда.

— Как ты смеешь! — она опомнилась, — не смей так меня называть!

— Только так и стану называть, пока мы не в разводе, — крепко взяв за плечи, он вывел её из Храма.

У входа ждал другой циркач, кажется, Тайла называла его Иваром, и подошли ещё двое. Один дурашливо поклонился:

— Примите наши поздравления, милорд, миледи.

— Нашёл лорда! — фыркнул Рик, — Поздравляю, дорогая, — он повернулся к Ринне, — вы больше не зависите от Венешей, вы свободны. И король отпускает нас на все четыре стороны. Или желаете вернуться к гостям и послушать их горячие поздравления?

— Нет, — Ринна покачала головой.

Лучше уйти потихоньку, чем устраивать напоследок ещё одно представление и бояться каждой очередной прихоти короля. Она вышла замуж — значит, просто вернуться к тому, что было, уже не выйдет. Но проститься, взглянуть последний раз... да полно, не может быть, чтобы она уходила навсегда! Это смешно!

— Я тоже так думаю, — согласился Рик, — а то ещё увяжется кто ненужный следом.

— Я — леди Ринна, — всё-таки напомнила она, — Мы не равны и не женаты, даже не думай.

Рик пожал плечами:

— Вот об этом давайте сразу договоримся, леди. Не будем потешать народ и привлекать внимание. Поиграем в супругов. Я ничего не потребую, как обещал. Но я ваш муж, а вы моя дорогая жёнушка. Никаких леди, уж не серчайте. Доброй быть или злой, решайте сами. Понятно?

Она смешалась и не сразу нашлась, что ответить. А он дожидаться не стал, кивнул, словно ставя точку под сказанным, и потянул её к дорожке, ведущей в глубину парка.

Северный выход, маленькая калитка в глухом заборе! Откуда-то циркачи знали о ней. Там их ждала маленькая крытая парусиновым пологом повозка, Рик подхватил Ринну за талию и посадил, почти закинул внутрь. Запрыгнули остальные, и возница тут же защёлкал кнутом.

Глава 2. Шаг вперёд

Музыкальный ящик, с которым явился Рик, валялся теперь на полу повозки между сидящими, а мешок один из мужчин небрежно бросил куда-то в угол. На мешок Рик и не взглянул — наверняка там было ненужное барахло. Вот музыкальный ящик он ободряюще хлопнул ладонью.

— Посмотрю потом, может, починю. Хорошо, что меня не заставили сыграть на этой сломанной тархтелке. Откуда она?

— Купил за медяк у старьевщика на углу рынка, — ответил Ивар. — Думал, тебе понравится. Тебе ведь нравятся сломанные игрушки... и капризные невесты. Лёгкой жизни отчего-то не хочешь.

Ринна, услышав про игрушки и невест, вспыхнула от негодования. Разве что ещё раз попробовать объяснить этому невеже, с кем он имеет дело? Хотя... а смысл?

— Помолчи, брат, а? — мирно попросил Рик, устраиваясь поудобнее. — И вы тоже, дорогая супруга. Поболтать и потом успеем.

Ехали не меньше часа. То и дело Ринна ловила на себе осторожные и очень заинтересованные взгляды. Особенно красавчик, Ивар, не сводил с неё глаз, но поспешно отвернулся, когда она открыто на него посмотрела. Только Рик, пожалуй, ни разу на неё и не глянул. Им надо поговорить. Им очень надо поговорить!

Цирк ждал на развилке дорог — больше десятка разноцветных фургонов. Рик помог ей выбраться, точнее, опять подхватил и поставил на землю.

— Отдохните и разомните ноги — посоветовал он, — ехать придётся долго, к вечеру доберёмся до деревни, переночуем, завтра будем в городе Раби. Там стоим три дня и даём представления, у нас квиток.

Она только дернула плечом — ей какое дело до представлений и каких-то квитков? Раби... тоже город Венешей. Почти на границе графства.

— Нам надо поговорить, эсс, — сказала она. — Эсс Кан, да? — она решила держаться с ним учтивее, и заодно более официально.

— Просто Рик, — поправил он. — Ваш муж.

Он взял её под руку и отвел в сторону, показал на поваленное дерево, предлагая сесть. Сам тоже сел, вытянул ноги.

— Даже не думайте, что я действительно буду вашей женой, — на всякий случай уточнила она. — Это нелепость!

— Мы уже договорились, — он кивнул.

Она продолжала:

— Я оплачу вашу помощь. Пятьдесят дров серебром будет достаточной платой за сопровождение меня в обитель Белых Сестёр? Это два дня пути отсюда. Если, конечно, не давать представления.

— Мы не можем их не давать, — возразил Рик спокойно. — Все эти люди должны заработать. Мне интересно другое: вы ушли из замка в чём были, откуда у вас деньги?

— Это не ваше дело, — огрызнулась она.

— Конечно, моё, — не согласился он. — Как я могу рассчитывать на деньги, если знаю, что их нет и быть не может? Хорошо ещё, что заранее ту плату взял, всё-таки пять золотых на дороге не валяются.

Он улыбался. Он был несносен!

— Я смогу расплатиться, — заявила Ринна, — настоятельница монастыря кузина моей мамы. Она одолжит денег и поможет в остальном. Я вовсе не нищая, что бы вы там ни думали. Просто проводите меня до монастыря!

— Хорошо, — Рик пристально посмотрел на неё. — Но по закону вы моя жена. Я отвечаю за вас, обязан заботиться, ну и всё такое. Каким образом я оставлю вас где-то в монастыре? Так не делается.

— Очень просто, мы разведёмся, — сказала Ринна. — Ведь это и подразумевалось?

— Не знаю, — усмехнулся Рик. — Напомню вам, что первый возможный срок для развода — три года, и то если брак бездетный. Хотите прожить это время в монастыре, формально являясь моей женой?

— Три месяца, если брак не осуществлен! — напомнила Ринна.

Запираться в монастыре на три года она не собиралась ни при каких обстоятельствах.

— Тогда придется назвать причину. Увы, но отказ невесты после венчания — не причина. По закону вы обязаны мне позволить гм... осуществить брак, да, — он улыбнулся, окинул её заинтересованным взглядом. — Я должен заявить, что неспособен?

— Почему нет? — сухо согласилась Ринна, — я и за это вам заплачу. Хотите ещё тридцать? Хорошо, я дам вам сто дров, если довезёте меня и заявите, что вы... вы поняли.

— Целых сто дров за то, чтобы так себя оговорить? — теперь он откровенно рассмеялся. — И это может случиться лишь через три месяца, ближе к Новому году, значит. Так что нам не резон торопиться в этот ваш монастырь.

— Не выдумывайте, — отмахнулась она, — и давайте не будем усложнять. Проводите меня до монастыря, получите деньги, и мы можем забыть друг друга. Дальше я всё решу сама. Я слышала, что у вас, циркачей, венчание в Храме — не такое уж важное дело...

— Вы неправильно слышали, — перебил он, хмурясь. — Мы не всегда венчаемся, это верно, но, когда такое случается, это важно. Ладно, я понял. Доставить вас к тётушке? За сто дров? Хорошо. Дальнейшие проблемы останутся вам? Договорились. А пока вам придется пожить с нами. Видите, у нас всё просто. Вам не станут прислуживать, уж простите. Но будут очень уважительно относиться — как к моей жене. И я против вашей воли пальцем вас не трону.

— Вот и хорошо, — согласилась она, в глубине души чувствуя себя задетой, хотя причину этого не понимала.

Он продолжал исподлобья её разглядывать, и о чём только думал, интересно? Она встала.

— Я вынуждена попросить у вас займы, эсс Рик. Дров десять хотя бы. Сожалею, но я действительно вынуждена...

— Что вы, дорогая, — по его губам скользнула усмешка, — я ваш законный муж, а у мужей не одалживают. Я вот, знаете ли, вчера немного заработал, а вам надо приодеться. Приедем в город — пройдётесь по лавкам.

Значит, он подумал о том же самом — у неё нет одежды. Совсем нет, даже сорочки на смену! Это унижительно, это то, что она ещё припомнит королю! Но нет, не думать пока. Про короля и королеву, про Клайка и Бьюлу. Они все выбросили её. Прогнали. Радуются? Она мешала кому-то? Особенно королю, чтобы он захотел показать свою власть таким образом?

Ещё она тревожилась о Мике. Рысь ушла — куда? Она вернётся в Ленгар, не найдёт хозяйку, будет поймана и очутится в зверинце. А может, брат прикажет отпустить её в лес, он не жесток. По крайней мере, убивать не станет. Значит, всё поправимо.

— Ответьте мне, эсс...

— Прекратите всё же называть меня эссом, — попросил он мягко.

— Рик. Это ведь сокращение? Как будет ваше полное имя?

— Что? — кажется, он удивился. — О Пламя. Да за вами глаз да глаз нужен! Я имя в Храме называл. Вы сегодня замуж вышли, не слушая, за кого! А вексель подписываете, не глядя?

— Не смейте так говорить, вы, невежа! — вспыхнула Ринна. — Вам трудно мне ответить?

Циркач намекает на её глупость и неаккуратность? Да она ни разу ещё не подписала бумагу, не прочитав! Но сегодня, действительно, получилось плохо.

— Меня зовут Рик. Рик Кан, — сказал он, встал и отряхнул штаны. — отдыхайте, скоро трогаемся. И я бы на вашем месте прогулялся вон в те кусты, — он показал направление.

Она смутилась. Что за мужлан, разве благородный мужчина даст девушке такой совет! Она и сама прекрасно знает, что ей нужно, а что нет!

— Из-за вас потом весь обоз останавливать не хотелось бы, сами понимаете, — добавил Рик и отвернулся.

Совсем неплохо путешествовать в хорошей карете, с компаньонкой или родственниками, с горничными, среди кучи подушек, и чтобы можно было читать книги, а в ногах устраивалась Мика, от которой горничная и компаньонка старались бы незаметно отодвинуться. Теперь была повозка, к счастью, пустая — Ринна с ужасом ожидала, что придётся тесниться среди чужих людей, к тому же циркачей. Когда Рик подвёл её к этой маленькой кибитке и откинул полог, она вздохнула с облегчением. Ещё он принёс ей холодного жареного мяса на куске чёрствой лепешки и кружку душистого травяного чая.

— Чего-нибудь существенного поедим в деревне, — пояснил он, — а пока так. Отдыхайте, там внутри есть одеяла и подушки.

— Спасибо, — она взяла еду.

Вот вам и парадный завтрак, леди Ринна Венеш.

Остальные циркачи ели вместе, расстелив пеструю скатерть на земле между повозок, они разговаривали, смеялись, с любопытством разглядывали Ринну — издалека. И хорошо. Ей не хотелось бы оказаться за этим «столом». Она не стеснялась и перед высшей знатью всех королевств, но в том и дело, что там она была рыбкой в своем озере. А эти люди, циркачи, были другими.

Ринна наскоро поела и забралась в кибитку. Пол там покрывал кусок потертого шерстяного ковра, сбоку стоял сундук, пристёгнутый ремнями — чтобы не болтался во время езды, на нем — тюк из цветных лоскутных одеял. Две подушки в цветных чехлах валялись в углу. Спереди, где место возницы, и позади — просто сдвинутые занавески из такой же парусины, что и крыша, можно пройти сквозь повозку, не задержавшись. Ничего лишнего. Да чего уж там — ничего нужного! То ли дело удобные сиденья кареты, где к тому же можно закрыть дверь и даже запереть её изнутри!

Циркачи — они ведь бездомные? Как же они живут, всегда в пути и обходясь столь малым? Впрочем, она и видела пока только эту повозку...

— Вы устроились? Трогаемся, — заглянул красавчик Ивар.

Это он, оказывается, уселся на передке и взял вожжи. Одна за другой повозки и деревянные фургоны выезжали с полянки на дорогу. Люди были заняты и уже не обращали внимания на Ринну, и ей расхотелось прятаться, она переместилась вперед, уселась, откинув занавесь, возле возницы. Следовало, по крайней мере, осмотреться.

— Я побуду тут, с вами, можно, эсс?

— Да, миледи, сделайте милость, — спокойно разрешил Ивар.

Он назвал её миледи. А Рик почему-то не желает!

— А где Рик? — не удержалась она.

— Не знаю, — пожал плечами циркач, — думаю, напросился поспать к кому-нибудь.

— Поспать?..

— Ну да. Ему прошлую ночь не удалось. Вы нам задали непростую задачку, — подчёркнуто-любезно пояснил он.

Всё так, но она и заплатила немало! Так что упрёки были неуместны. Напросился поспать к кому-нибудь — значит, место, где он спит обычно, занято. Ну конечно, ею и занято. Она тут же решила это уточнить:

— Это его повозка?

Ивар кивнул. Что ж, за неудобство она тоже платит!

— А вы? Не устали? — она решила разговорить красавчика.

— Я немного поспать успел.

Он держался невозмутимо, отвечал охотно, без запинки, но — ни слова лишнего. Только ответ на вопрос.

— Вы давно знаете Рика?

— Давно. Как брат брата.

— Вы братья? Ну конечно, я сразу подумала об этом.

— У нас разные родители. Но относимся мы друг к другу именно как братья, миледи.

— Кто-то из вас сирота? — осторожно предположила она.

— Нет, слава Пламени, наши родители живы и здоровы.

— А кто... родители Рика? — она отчего-то запнулась на этом простом вопросе.

Какое ей дело, на самом деле, кто его родители? Она их и не узнает. Но сам факт венчания, которое пусть и временно, но законно привязало её к чужому мужчине, Рику Кану, а, значит, и к его семье тоже! Не беспокоиться об этом было сложно, тем более девушке, которой с детства твердили, что замужество — самое важное, к чему следует стремиться и с чего вообще начнётся её настоящая жизнь.

— Его отец управляет большим цирком, — ответил Ивар.

— А мать? Она тоже артистка?

Она видела немало представлений и точно знала, что даже старухи бывают циркачками и выступают перед публикой. Хотя, конечно, для женщины в возрасте это двойной позор, но циркачи совсем иначе смотрят на такие вещи!

— Да нет. Но всегда поддержит и поможет, без сомнения, — парень широко улыбнулся.

— А братья и сестры у него есть? — продолжала она расспросы.

— А как же. И братья, и сестры. А почему вы так интересуетесь его семейством, леди Ринна? Всё-таки примеряете на себя? Это понятно. Семейство достойное, и небедное, да. Многие девицы за счастье почли бы выйти за моего названного братца, а вам счастье само прилетело, да что-то вы не радуетесь! — кажется, красавчик над ней смеялся.

— Не забываетесь! Вы помните, кто я? — задетая его тоном, она гневно вскинула подбородок. — Надеюсь никогда не узнать это достойное семейство!

Он скосил на неё глаза, криво усмехнулся:

— Да и они, наверное, вам не обрадуются. Девица, которую выгнали из дома в одном платье за её дурной нрав — вот уж большое счастье! Им точно для сына чего-то получше хотелось, я вас уверяю, миледи!

Вот теперь Ринна задохнулась от возмущения и не нашлась с ответом. Ивар как ни в чём ни бывало продолжал:

— Ему на это с детства пеняют. Что всё норовит разным несчастным помогать, птичкам там, зверушкам. И нет чтобы другим поручить, там сам лезет, спасибо шею ещё не свернул. Брошенного медвежонка три года воспитывал. Но чтобы жениться... — он покосился на Ринну, — жениться, говорю, на девице, которая и не глянет по-доброму, всё презрением норовит заморозить... я хотел сказать, на леди, конечно, да, вы поняли, — опять покосился, улыбнулся. — И зачем?

Он не по-руатски немного растягивал слова, отчего вся его речь казалась сплошной насмешкой. И дурашливость, которая не пристала благородному лорду — лорду не пристала, но ему, циркачу, в самый раз! И какой лорд скажет такое леди?! Но возразить тоже было нечего.

— Да как ты смеешь, олух! — рассердилась Ринна, готовая цапнуть его когтями. — Нет чтобы взять деньги и достойно их отработать, проявляя уважение к леди! Но этого, видно, не стоит ждать от... вас...

— Вот предложить бы вам поискать других олухов, леди Ринна, — тихо и серьезно сказал парень, — но куда теперь деть ваш с Риком законный брак?

С трудом сдержавшись — нельзя забываться! — Ринна нырнула внутрь кибитки, занавеси упали и отгородили её от возницы. Вот и пожалуйста, вот и хорошо! Рик предложил ей отдохнуть? Она и будет отдыхать!

Она постелила на пол кибитки одеяло, накрылась другим и решила поспать, но пока сон пришёл, успела и передумать обо всём, и отчаяться, и вволю поплакать.

Итак, сегодня её старая, привычная жизнь разбилась. Она всего лишь отказалась выйти замуж за престарелого герцога! Немыслимая жестокость. И мелькала мысль, что, наказав таким образом, король потом передумает и захочет вернуть Ринну Венеш под свою власть. Ведь кровь в её жилах

чего-то стоит! Неважно, кто станет отцом её детей — она даст им кровь Венешей...

Решено — вон из Руата, и скорее! В Кандрию! Потом в Гринзаль! Она купит дом, объявит себя вдовой, изменит внешность. И пусть никто не заподозрит в ней дочь графа, не назовёт леди Ринной, не пригласит на королевский бал, не посадит на один стол с высшей знатью королевств — пока... Пусть! Может, спрятаться придётся только вначале, а потом всё наладится? Она придумает что-нибудь!

О, какие только мысли не приходили в голову! Некоторые были откровенным бредом. А потом она заснула и проспала, наверное, долго — во всяком случае, оказалось, что они уже приехали. Ринна выглянула — так и есть, весь цирковой обоз стоял на полянке у въезда в деревню, как раз возле трактира — во всяком случае, вывеска на воротах сообщала, что неказистое заведение, привлекающее тут путников, называется «Кошка с клубком».

Ринна неплохо знала своё графство, и про эту деревню знала тоже, но само место было для неё лишь чёрным кружком на кожаной карте в библиотеке Ленгара. Деревня называлась Балторал, что на древнем языке означало «Змеиное болото» — милое место, должно быть. И вот, оно сподобилось чести принимать сестру своего графа, растрёпанную и в помятом платье. И хорошо, что об этом никто не узнает.

— Ты Ринна? — к ней подошла девушка лет тринадцати на вид. — Рик сказал, что тебя надо разбудить. Он снял комнату в трактире.

Незнакомая девчонка-циркачка, невысокая и тоненькая, в простом зелёном платье. Обратилась просто по имени — это... не так и страшно, она ведь не собирается каждому объяснять, кто она такая.

— Хорошо, спасибо, — она выбралась из кибитки, улыбнулась, пригладила волосы, — а где Рик?

— Только что разговаривал с Кавертеном. И собирался купаться. Многие пошли купаться, вода здесь, в заводи, прогрелась за день. Может, ты тоже хочешь? — девушка, не стесняясь, рассматривала Ринну, той даже захотелось к зеркалу.

— Нет, купаться в заводи я не буду. А кто такой Кавертен?

— Наш хозяин! — заулыбалась девушка. — Мы называемся цирком Кавертена. Я танцовщица и акробатка, меня зовут Клея.

— Очень приятно, Клея. Проводишь меня в комнату?

Ей понравилась девочка. Интересно, взять её на время в горничные можно? Понятно, что она ничего не умеет, но трудно совсем без горничной.

Клея привела Ринну в комнату на втором этаже трактира, маленькую, с низким потолком, зато там была застеленная бельем кровать. Маленькое окно с дешёвыми мутными стеклами пропускало мало света, а ведь стоял ясный солнечный день!

— Ещё бы ехать и ехать, — заметила Ринна, выглянув в окно. — К ночи были бы в Раби.

— А зачем нам к ночи? — девочка хихикнула, — приедем в потёмках, и комнаты сняли на завтра. А тут можно и отдохнуть хорошо, и постирать, в городе за прачечную плати — это по-всякому дороже.

— Ну если так... — Ринна никогда в жизни не задумывалась о том, что в городе стирать дороже.

— У тебя ничего нет, чтобы переодеться. Ивар сказал, что ты выступала в замке. В этом платье? Ой. Нет, оно красивое, конечно. Если в порядок привести — будешь почти как леди. Матушка моя велела спросить, может, сорочка нужна на смену и простое платье? Она может дать. А потом сошьет, что надо.

— Это было бы отлично, — согласилась Ринна. — Твоя матушка портниха?

Ну разумеется. Платье от лучшего столичного портного, надетое утром, всего лишь «почти как у леди». Надо сказать, платье уже потеряло всякую свежесть и измялось, и вообще, было в этом трактире вопиюще неуместным.

— Теперь она помогает и шьёт, — закивала Клея, — была акробаткой, потом разбилась, покалечилась. На круге мы с братом работаем.

Ринна даже растерялась от того, как просто и обыденно девочка говорила о таких вещах.

— А колдуны-лекари не могли помочь? — спросила она.

— Немного помогли. Но они ведь дорого просят — это раз, циркачей колдовство плохо берёт — это два.

— И тебе не страшно быть акробаткой? Это ведь опасно. Заработать можно и по-другому, и даже больше. Ты никогда не хотела пойти в услужение? В какой-нибудь замок?

— Ой, нет, ни за что, — помотала головой Клея, — я точно не сумею. Да и разве это жизнь? А акробаткой быть не страшно, я уже привыкла, и работаю давно. Пламя сохранит, не упаду. А ты певица или музыкантша? Я слышала, в замках такие есть...

— Лей, тебя Мара зовёт, беги! — в дверях стоял Ивар.

Ну конечно, они зашли в комнату, оставив дверь распахнутой. И не упрекнёшь нахала, что не постучал.

— Эсс Ивар? — она холодно взглянула на него.

— Миледи, — он с насмешливой улыбкой наклонил голову. — Брат просил присматривать, чтобы у вас всё было в порядке. Всё в порядке?

— Абсолютно, — заверила она.

Нет белья на смену, нет хотя бы расчёски, но что всё в порядке — это безусловно.

— Вам нагреют воду для ванны. Позже.

— Прекрасная новость. Передайте Рику, что я очень благодарна.

— Сами благодарите, ваш ведь муж, — фыркнул парень, — и вот ещё что. Служить циркачи могут, прислуживать — нет. Это я про Лей, вы ведь поняли?

— Да что вы вмешиваетесь не в свои дела? — опять рассердилась Ринна.

Этот циркач сегодня испытывал её терпение.

— Я лишь предупредил. Циркачек в любовницы лорды берут, это есть, а вот в горничные или кухарки — никогда. Да, и женятся на них ещё иногда, бывает, — он смотрел на Ринну и беспечно улыбался.

— Что-то не верится, — отрезала она.

— Почему это? — он простодушно похлопал глазами, — и лорды на циркачках женятся, и леди за циркачей выходят, вот мы только сегодня сами видели.

— Оставьте меня уже в покое? — в сердцах бросила она.

— Как скажете, — Ивара не следовало просить дважды, он быстро поклонился и исчез.

О горничной она решила сначала поговорить с Риком, после.

Скоро Клея принесла сверток с одеждой и — какая умница! — гребень и кусок мыла, и даже помогла Ринне переодеться, причём проделала это очень ловко.

— Ой, как тебе идет! — восхитилась она, — Рик обрадуется! Этот цвет красивый, красный!

— Да, вполне, — разглядывая себя в темном пятнистом зеркале, Ринна пришла к выводу, что выглядит неплохо. — Спасибо, Клея. И матушке передай мою благодарность.

Она не носила до сих пор этот цвет — как можно девушке надеть красный! Красный, но более яркий — цвет платья новобрачной, лишь после подвенечного наряда надевают красный! Но циркачи, видно, не слишком смотрели на условности. И вот так просто закрутить на затылке едва расчёсанные волосы — тоже моветон. Это временно. Только длинная сорочка и платье, никаких нижних юбок — ужасно, но многие циркачки так и были одеты, она успела разглядеть. Подол широкий и длинный, чтобы не наступить на него, пришлось выше подобрать юбку и ту же затянуть пояс.

— Ну вот и хорошо, а я — купаться! — сообщила девочка, — скоро закончатся тёплые деньки! Может, пойдёшь?.. Там ведь где-то Рик. Мой Корвин обожает ходить со мной купаться!

— Нет, не хочу, — отказалась она.

А это юное создание, оказывается, уже играло с кем-то в любовь. Или уже не просто играло? Это же циркачи.

— Он хотя бы не лорд? — пошутила Ринна.

— Кто, Корвин?! — поразились девочка. — Он фехтовальщик, как Рик!

Не следовало идти к реке, а одной и вовсе. Хотя, если послушать по всему королевству, как злословят про леди Ринну Венеш — она и капризная, и глупая, и вовсе сумасшедшая! Осталось это заслужить, право слово. И не хотелось сидеть в душном трактире.

Ринна захватила с собой простыню, чтобы вытираться. Она миновала место у реки, откуда доносились голоса и плеск воды — не стала приближаться, чтобы не попасть никому на глаза. Шла довольно долго, пока не отыскала отличное место. Река там делала поворот, густой кустарник закрывал подход к реке, от случайных глаз он тоже неплохо скроет. Было пусто. Вот и хорошо. Она искупается в сорочке, потом придется раздобыть у матери Клеи ещё одну.

Это было приключением — никогда ещё леди Ринна не была у реки одна. Она ещё раз огляделась, зашла за стену из кустарника и начала снимать платье, но успела лишь расстегнуть его и спустить с плеч, когда услышала со стороны реки всплеск. На берег из воды выбрался человек.

Рик. Да-да, он самый, её муж. Голый. Она зажмурилась. Вот за что ей ещё и это?!

Он легко миновал сваленные у воды камни, стволы деревьев — и ни разу не споткнулся, не пошатнулся даже, ступал легко и пружинисто. Как большой и ловкий зверь. Вся его фигура, движения показались ей такими красивыми, что сердце ёкнуло. Она, хозяйка дикой кошки, признавала только такую красоту, непринуждённую и ловкую, и дикую в своей естественности. Ну да, ведь уже замечала, что он красив, этот Рик Кан. Не выразительной, броской красотой, как его брат, но так даже лучше.

А она замечала?..

Как бы сбежать? И ещё это яркое платье, так некстати. Она присела, поднимая брошенную на траву простыню. Он тоже нагнулся, взял что-то и обернул вокруг бёдер, и повернулся, посмотрел прямо в её сторону. Заметил, конечно. И шагнул к ней, отгибая ветки.

Да что такое?! Приличный человек отвернулся бы и дал ей уйти, чтобы потом ни вздохом, ни взглядом не напомнить о неловком происшествии. Смешно! Разве циркачи умеют себя вести?..

— Что это вы здесь делаете? — он был всего лишь удивлён. — Искали меня? — она дар речи потеряла от такого предположения, а может, и не только от него.

Рик не вытерся, на его коже, слегка тронутый загаром, блестели капли воды. И он весь был сплетён из тугих, крепких, как веревки, мышц. Ну конечно, эти циркачи такое выделяют во время представлений, что просто обязаны отличаться от прочих людей!

— Я не искала. Я не нарочно. Прошу прощения, — сказала она.

— А жену я всегда рад видеть. Тем более такую растрёпанную, — он протянул руку и коснулся непослушного завитка возле её виска. — Купайтесь, вода отличная. Я присмотрю, никто не подойдет.

Она часто задышала, лихорадочно пытаясь подобрать слова, которые доходчиво объяснили бы этому...

Он оскорбительно себя ведёт!

— Я тоже отвернусь, конечно, не переживайте, — понятно добавил он.

С этим мужчиной сегодня они венчались, поклялись в верности, их благословило Пламя. Они оба не были искренними в Храме, но Пламя благословило!

— Я не буду купаться, эсс... Рик, — сказала она, отступая. — Я лучше вернусь.

— Ринна, постойте, — окликнул он. — Подождите меня, я провожу до деревни. Не нужно ходить одной.

— Вы в качестве сопровождения — плохая защита для репутации, — сказала она, опять невольно скользнув по нему взглядом.

Он засмеялся:

— О да, про репутацию вы вовремя вспомнили.

Ей хотелось на него смотреть, это было наваждение. Порыв ветра со стороны реки, легкий, как дыхание, бросил в лицо запахи воды и тины, зелени и каких-то цветов... и его запах, тонкий и тёплый, с еле заметными мускусными нотами... ей он нравился, хотелось ещё, хотелось вдохнуть глубже...

Его глаза вдруг оказались рядом, близко, бездонно-чёрные, его ноздри затрепетали, а ей захотелось подойти и прижаться к нему лицом, почувствовать щекой короткие курчавые волосы у него на груди. Он понимал её. И был на всё согласен. Один шаг, и...

Безумие. У него ведь не чёрные глаза, а показались такими. У него глаза... да, верно, зелёные с коричневыми точками.

Не она, а он шагнул вперед, обнял её обеими руками, не прижимаясь, зато их щёки соприкоснулись, слегка потерлись, и это было так приятно, что пронзило её всю до самых пяток.

— Кошка, — сказал он хриплым шёпотом ей на ухо. — Я так и думал. Ты просто дикая кошка.

— Да вы с ума сошли, эсс! — она опомнилась, наваждение рассеялось.

Она сильно оттолкнула его. С таким же успехом можно было толкать дерево. Но он не спеша отстранился сам.

— Я Рик. Успокойтесь. Мы поговорим потом.

Холстина, которую незадолго до этого он обернул вокруг бёдер, в этот самый момент развязалась и свалилась вниз. Ринна вскрикнула и отшатнулась, он только криво улыбнулся и поднял потерю, вернул на место.

— Прошу прощения. Идите, я сейчас оденусь и пойду следом.

Она почти сбежала, продираясь через кустарник и поцарапав руки.

Он назвал её дикой кошкой. Почему? Что он имел в виду?

Вокруг таверны теперь сновало втрое больше народу, чем час назад.

— Тут ведь праздник! — сообщила Клея, — будут музыка и танцы. Граф прислал овец и бочку вина, чтобы пили и ели за здоровье его наследника!

— Да, как я могла забыть, — вздохнула Ринна.

Второй день торжеств в честь племянника. Странная блажь — устраивать шум на всё графство. Отец так не делал. То есть в честь рождения наследника — это само собой, даже не обсуждается, и положенный салют, и праздник, но трехлетие и прочие возрасты у них отмечались только дома, без размаха, застолье для узкого круга и довольно скромные подарки — и всё. Когда-то, на её семилетие, отец принёс Мику... Не нынешнюю, а другую, первую ее рысь. Рысёнка. Сам он таем не был, дар Ринна получила от матери, а любой дар надо приручать. Поэтому появилась Мика, а с ней и наставница Исминельда. К тому времени мамы уже два года как не было на свете.

Внизу, прямо под окнами, накрывали длинные столы. Значит, тут и съедят тех самых присланных баранов и выпьют то самое вино! Ещё и цирк приехал. Им придётся ночевать посреди деревенской гулянки! Немыслимо...

Ринна выглянула в коридор, окликнула проходящую служанку — та даже не оглянулась. Тогда она дошла до конца коридора, оказавшись прямо над обеденным залом. Внизу женщина за стойкой протирала чашки — хозяйка?

— Эсса? Мне нужна горничная! Поторопитесь, пожалуйста!

— Обождите, милочка! — бросила та нехотя, — мы тут с ног сбиваемся!

Леди Ринна Венеш теперь стала «милочкой», и слуги не бежали к ней со всех ног по первому зову. Вот бы назваться...

Она вернулась в комнату, присела к зеркалу и занялась причёской, только закончила приводить себя в порядок, как в дверь постучали. Служанка?

Это был Рик. И он тоже приоделся, в коричневый камзол из шёлка с серебристыми пуговицами. Отнюдь не по последней моде, но Ринне понравилось уже то, что он оделся достаточно прилично.

— Здешнюю прислугу надо разогнать всю, непонятно, как хозяин позволяет такое отношение, — пожаловалась она Рик, — я не могу дожидаться горничной. И вообще, мне нельзя без горничной! Надо нанять кого-нибудь. Потом выставите счёт, я оплачу, и за прислугу, и за остальное! Мы, Венеш, платим по счетам!

— Я знаю, что платить надо деньгами, а не обещаниями, — с легкой иронией заметил Рик. — Граф, конечно, может сначала обещать, а потом платить, ему не откажут. А вот к циркачам другое отношение. К тому же известно, что в слугах циркачи не нуждаются и деньгами не сорят. Да, дорогая жена?

Ринна дернула плечом и собралась возразить, но он продолжал:

— Желаете всем тут объявить, что их почтила присутствием сестра владельца? Да, тогда забегают. Только я бы не стал так делать.

— Вы считаете, мне надо бояться? И кого же?!

Рик пожал плечами:

— Хотя вы и ушли в чём были, кто-то да решит, что у вас что-то осталось, так? Теперь, когда не стало защиты Венешей, почему бы не попробовать вас ошипать? Осторожность не помешает.

Ринна промолчала. Такая очевидная вещь до сих пор не приходила ей в голову.

— Будьте добры, не дразните гусей, — попросил Рик. — Постарайтесь. Я не стану нанимать служанок. Откуда у циркача деньги на прислугу? Да и как это будет выглядеть в цирке?

Это было резонно, но Ринне не нравилось. Особенно намёки на опасность.

— Мы договорились, — подвёл итог Рик, — пойдёмте ужинать.

— Почему я не могу попросить еду в комнату?

— Не надо прятаться. Я сказал, что вы артистка из столицы, и мы женаты, — он улыбнулся. — Кстати, предупредил, чтобы нас не поздравляли. Сможете представить, что мы давно супруги и уже надоели друг другу?

— Хорошо, — она холодно кивнула. — Только я не стану задерживаться за столом.

— Конечно. И вас не съедят вместо жаркого, — взяв её за руку, он невзначай погладил её ладонь большим пальцем. — Давайте поиграем немного?

Рик Кан был только циркач, но он всякий раз оказывался на шаг впереди леди Ринны Венеш, и говорил, что ей следует делать. Она терялась. Это её задевало.

На столе всего было вдоволь — пирогов и блинов, жареного с пряностями и тушёного мяса, блюд из овощей, которыми одарила в этом году урожайная осень, рассыпчатой каши. Не было тех изысков, что подавались на стол в Ленгаре, и, конечно, не было чопорности, царившей за тем столом. Вот интересно, а что происходит сейчас за тем столом?..

Циркачи и жители деревни сидели вперемешку, ели, пили вино из разномастных высоких стаканов. Ринна тоже отпила вина, оно оказалось не слишком вкусным — далеко не лучшее вино Клайк выкатил из своих погребов для жителей графства. Но, кажется, все были довольны.

— Вот, любовь моя, — Рик, сидящий рядом, подвинул ей стакан с водой, — и попробуй перепёлку, они чудо, — он подцепил ножом жареную птичку и положил перед Ринной на листе хрена.

Да-да, никаких фарфоровых тарелок, глиняных тоже, вместо них были листья хрена и капусты, а кашу черпали из общей посуды. Перепёлка оказалась очень вкусной, хотя Ринна, как ни старалась, не могла различить вкуса знакомых специй, а это у неё получалось всегда.

— Очень вкусно, мой дорогой, — сказала она, подыгрывая Рик, — надо вызвать повара и поблагодарить за отличные блюда.

— Вызывать не надо, — Рик рассмеялся. — Если хочешь, завтра утром зайди в кухню и поблагодари кухарку. И оставь ей пару монет, я потом дам.

Ринна вспыхнула, опустила взгляд. Конечно, здешний этикет отличается от того, что принят в высоком обществе, не надо об этом забывать.

— А вы, что же, при королевском дворе пели? — с интересом спросила соседка по столу, толкнув Ринну локтем.

— Нет, я играла на лютне, — нашлась она, отодвигаясь.

По крайней мере, она умела играть на лютне довольно сносно. А для Фарута она бы сыграла, дай ей волю — два дня лечил бы уши!

Говорят, ни у короля Фарута, ни у королевы Савадины нет музыкального слуха, они плохие ценители. Хотя этого не скажешь про управляющего придворным оркестром.

— Подожди меня, — Рик, похлопав её по руке, вылез из-за стола и ушёл в трактир.

— Ах, пожалуйста, не задерживайся, — сказала она ему вслед.

Вот так, на людях, подыгрывать ему казалось даже забавно. Вернулся он скоро, протянул ей стакан.

— Попробуй, жёнушка, тебе должно понравиться.

Это был горячий напиток, благоухающий травами, ягодами и мёдом, и ещё там было вино, но его Ринна даже не сразу различила.

— Здесь кое-что от моей знакомой травницы, — пояснил Рик. — Готовил тоже я. Вкусно?

— О да, — признала она — кажется, я ещё не знаю всех твоих талантов, муженёк.

— Ещё успеешь изучить их, — и бровью не повёл циркач. — Видишь, даже из такой дряни можно сделать что-то сносное.

Она медленно допила напиток. Музыканты уже играли — на дудках и домрах разного размера, не королевский оркестр, но тоже ничего.

— Потанцуем? — Рик предложил ей руку. — Ну, смелее. Никто не увидит и не осудит. Все лорды далеко.

— Но я не знаю этот танец...

Да, она собиралась быстро поесть и уйти из-за стола. Но теперь хотелось танцевать.

— Тебе понравится, — шепнул Рик ей на ухо.

Видимо, это вино было виновато, но даже ненастоящая радость вдруг показалась такой желанной.

Они с Риком вышли в круг. Простой танец, только успевай кружиться и перебирать ногами, Рик подхватывал её, кружил и подбрасывал, и они были лишь одной парой из многих. Голоса и смех, мерцающий цвет факелов, кто-то порывался петь — всем было весело, и даже, странное дело, захотелось, чтобы праздник не заканчивался...

Глава 3. Пестрая дорога

Что это за комната и как позвать горничную?!

Ринна протирала глаза и в недоумении оглядывалась. Это — сон? Не её постельное бельё, не её кровать, не её комната. И мужчина рядом откуда взялся?..

Ринна рывком села в постели и ущипнула себя за руку. Всё так и было: на краю кровати лежал мужчина, спиной к ней, и спал. И она его узнала даже со спины — это был Рик Кан, конечно. Её так называемый муж. Она потерла ладонями лицо, окончательно просыпаясь, вспомнила вчерашний день и ужаснулась. Она вышла замуж, но ведь не по-настоящему же! С чего циркач решил, что может завалиться спать с ней рядом?!

А сама она была только в сорочке и укрыта одеялом, и одеяло это укрывало её одну — Рик спал отдельно от неё и от одеяла, и он был одет. И всё равно — на одной кровати! Это было... возмутительно. И волнительно вместе с тем. И... о Пламя Милосердное!

Это она вчера забыла о приличиях, вот что.

— Рик? Просыпайтесь! — она безжалостно потрясла его за плечо, не забывая кутаться в одеяло.

Он проснулся сразу. Помотал головой, моргая.

— Что такое?! Что-то случилось? — и тоже сел, огляделся.

— Как вы смели делить со мной кровать?!

— А... Тихо, не шумите, — Рик укоризненно улыбнулся. — Я не притронулся к вам. Я ведь обещал.

Ну конечно. Вчера на празднике они изображали пару любящих супругов. Но не до такой же степени, чтобы спать вместе!

— Вы не понимаете очевидного?! Моя постель — только моя! — вскипела она.

— Вы опять про репутацию? — он хмыкнул.

— Нет, про вашу деликатность! И прекратите надо мной смеяться.

— Простите. Я обещал, — повторил Рик уже без улыбки, — вы в безопасности. Но спать на голом полу без одеял я не обещал. Это жёстко и холодно. Вчера тут суета была и пьянка, слуг не дозовёшься, а моя повозка... её заняли без спросу, в общем.

Она онемела от изумления. Слуг не дозовёшься! Кто-то занял его повозку! Была пьянка! Вот так оправдание. Куда она попала?!

— Зато кому-то повезло больше, чем мне этой ночью, — сообщил он, прищурившись, — в моей повозке...

Ринна отвернулась, кусая губы. Они, кажется, заигрались.

— Для всех мы женаты, — напомнил Рик. — Примите это, и станет проще. И это никак не повлияет на действительность нашего брака, если я не трону вас. Всё решится потом, а сейчас мы женаты.

Нет, такого она не хотела и не собиралась. Подпускать чужого мужчину к себе так близко — в спальню, в постель? Нет, это слишком.

Он вдруг подался ближе, взял её за плечи и тихо сказал:

— Все хорошо, кошка. Успокойся, и ты сама почувствуешь...

— Что почувствую?.. — она дёрнулась, сильнее отстраняясь. — Пожалуйста, уйдите.

Им так легко было вчера — быть вместе, танцевать, шутить, они неплохо изображали пару. А ещё она некстати вспомнила его запах, смешанный с запахом реки, его легкие упругие движения тренированного зверя — там, где впору было переломать ноги, и капли воды на чуть смуглой коже...

— Чем ты вчера напоил меня?

— Да просто чай из трав с каплей вина. Вино было мерзким, а с медом и травами неплохо пошло. Знаешь, я так хочу тебя поцеловать, — вдруг сказал он отчего-то хрипло. — Ты ведь тоже хочешь, кошка? Хотя бы из любопытства? — и его шершавая от утренней щетины щека коснулась её щеки, потерлась, как погладила.

Да, он так уже делал. Это приятно, хотя... всё равно нельзя.

Она оттолкнула его, если бы сопротивлялся — царапнула бы ногтями этого нахала.

— Ты не выполняешь наш договор!

— Не злись, — он погладил её пальцем по щеке, быстро встал и ушёл. Ринна долго сидела, обхватив руками колени, и смотрела куда-то в угол, снова заснуть не стоило и пытаться. На самом деле ей захотелось его поцелуя. Из любопытства, конечно. И ещё она разглядела, отчего у него медовый взгляд. Среди тёмных ресниц у него попадались светлые, рыжие. Как необычно.

Ах да, кошкой её до сих пор тоже никто не называл. И он как-то умудрялся произносить это так, что звучало необидно и даже приятно. Хотя не было ничего хорошего в таком прозвище. Для девушки из рода Венешей — определённо ничего.

В дверь поскреблись, и заглянула служанка.

— Не спите, эсса? Эсс сказал, что вам нездоровится, велел позаботиться. Так чего желаете? Завтракать? Чай подам, булочек, масло, кашу только что сварили. Как вы себя чувствуете?

— Неплохо, — вздохнула Ринна, — только чай, я не голодна. Ещё принеси мне умыться.

— Конечно! — охотно согласилась девушка. — И чай принесу, и хоть одну булочку, и джем малиновый! А вчера вы так весело отплясывали, эсса, так веселились! Вы такие красивые с мужем, счастливые, вам только завидовать.

Ага, счастливые... завидовать... Ринна в замешательстве посмотрела на служанку, стараясь понять, есть ли в её словах издевка. Но девушка казалась искренней, и чем-то напоминала Этель, её Этель, болтушку, которая за словом в карман не лезла. Для служанки это недостаток, служанке следует быть расторопной, молчаливой и говорить, когда этого хочет леди. Но Ринне разговорчивость Этель не мешала — главное, что с обязанностями та справлялась. И вот ещё одна простодушная девочка, которая понятия не имеет о том, какой должна быть служанка для леди.

— Я не помню, как вчера попала в постель. Не расскажешь?

— Это пожалуйста! — обрадовалась девушка, — вы, видно, очень устали вчера. Когда стали мыться, уснули в ванне. Вас эсс на руках сюда отнёс.

Вот же ужас. В первый же день — такое...

— Что, и одевал он? — спросила она севшим голосом.

— Нет, вам помогала я. Он только отнёс, а потом ушёл, когда вернулся — я и не видела. Так я пойду за водой, эсса.

Она убежала, а Ринна поторопилась одеться — такую простую одежду нетрудно было надеть без горничной.

Служанка притащила таз с водой, пахнувший травами зубной порошок и полотенце.

— Какая вы красивая, эсса, — щебетала она, пока Ринна умывалась. — И вам так повезло с эссом Риком! Ах, если бы мне за такого замуж! Только не за циркача. В цирк уходить страшно. На одном месте спокойнее жить, проще! А вы смелая, эсса. Любите, наверное, сильно?

— Он тебя не учил, что мне говорить? — заподозрила коварство Ринна.

— Нет, что вы, что вы, мы с ним и не говорили вовсе, — смутилась девушка. — Только вам всё равно будут завидовать. Он добрый, щедрый...

— А откуда знаете?

— Он уже у нас останавливался. И месяц назад ехали в Асвард с эссом Иваром. И год назад они жили тут, и к ним приезжали две красивые леди! В карете.

— Что?... — Ринна даже выронила мыло от неожиданности.

— Ой! — девушка испуганно зажала рот курой. — Простите, эсса, простите, простите, пожалуйста! Не говорите эссу Риксу, что я вам сказала, очень прошу! Не скажете?

— Не скажу, — пообещала она, но настроение отчего-то испортилось.

Циркачек, как говорят, лорды охотно берут в любовницы. А леди, значит...

Ну и ладно. Ей-то что? Им осталось провести вместе несколько дней.

Чай с душистыми травами девушка принесла, и обещанные булочки, но Ринна выпила только чай и вышла во двор. Там, за тем же столом, уже завтракали. Невысокий круглолицый эсс средних лет, она видела его вчера, помахал ей рукой, крикнул:

— А Рик ушел к реке!

Рик нашёлся неподалёку, на маленькой полянке среди кустарника, и он играл с рысью, с рыже-пятнистой кошкой, которая резвилась, как домашний котёнок. Рик держал в руках длинную палку, дразнил рысь, она прыгала, стараясь схватить конец палки, иногда ей удавалось. И Ринна поняла, что это её Мика, только когда подошла, а ведь обычно свою кошку она узнавала издали, она её слышала. Теперь зверя от неё закрывал... другой тай?

Другой тай отобрал рысь! Мика пришла сюда, к ней, это было чудо. Но она сейчас была с Риком. Однако — здесь, и жива, и Ринна искренне обрадовалась, хоть и невольно обиделась на Рика. Наставница учила, что это нехорошо — подчинять зверя, привязанного к другому тая, а Рик сейчас делал именно это.

— Мика! — закричала Ринна.

И рысь услышала, бросилась к ней со всех лап, прыгнула, толкнув в грудь, так что Ринна каким-то чудом удержалась на ногах — Мика была крупная кошечка.

«Осторожно! Успокойся! Я тут! Ты моя! Сядь!»

Рысь заурчала и села. Теперь между ними получилась связь, то есть всё было в порядке. Ринна обняла рысь и расплакалась.

Рик подошёл. Ринна больше не ощущала с Микой другого тая, но то, что он там был только что, её злило.

— Ты тай! — прекратив тискать Мику, обвиняюще сказала она, и встала, посмотрела ему в глаза. Она не хотела обвинять. Он ведь помог, она сама попросила. Но это всё равно злило.

— Да! — тот усмехнулся. — А как, ты думала, мы вытащим рысь из зверинца? Нас было четверо, два тая. На десяток стражи и шесть собак.

— Ты не сказал мне.

— А должен был? Спросила бы, если было интересно.

— Почему ты спрятал от меня рысь? И как? Привёз в повозке?

— Что? — вот теперь он, кажется, удивился. — Ты не понимаешь? Я не вез её в повозке. Я её направил, она пошла. Получилось. Ты что, не умеешь так?

Она отрицательно качнула головой.

— Ты не должна смешивать свои чувства с чувствами зверя, — он продолжал пристально смотреть на неё. — Вы должны быть отдельно. А ты смешиваешь, причём привыкла и не замечаешь. Видела, как рысь к тебе бросилась? Это была твоя радость, а не её.

— Ты-то откуда знаешь? — в ней опять волной накатило раздражение.

В некоторые вещи, которые её касались, никто и никогда не вмешивался. А теперь этот якобы муж вторгается, куда не звали, причём так, словно имеет право.

— Я ведь слушал её, — пояснил Рик, отвел взгляд и отступил, — тихо, кошка.

И тут же взглянул на неё по-другому, мягко, ласково, и ей захотелось вздохнуть и улыбнуться.

«Пожалуйста. Успокойся. Я люблю тебя»

Она это не услышала, а ощутила и могла бы повторить — кому? И это были очень приятные несколько мгновений, а потом она опомнилась и испугалась.

Это говорилось рыси — та заурчала и потёрлась о его ногу, словно и правда была домашней кошкой. Но Ринна не должна была это ощущать. Или... что это только что было?

— Что ты делаешь? Как?

— Ничего, — он отвернулся. — Ты не должна открываться и слишком смешиваться со зверем. Твоя

наставница зря получала жалованье.

— Тебя это не касается, — Ринна постаралась вложить в эти слова побольше льда.

— Мы ещё поговорим об этом.

— Я леди Ринна Венеш, — напомнила она зачем-то.

— Я помню, — он взял её за руку, вроде спокойно, не стискивал, но вырваться не получилось.

И волна спокойствия и ласки опять захлестнула, заполнила. Опять влияние Рика, и это было приятно, но неправильно! Она ведь не рысь!

— С рысью что делать будем? Может, просто отпустишь её? — спросил Рик.

— Что? — поразилась Ринна.

— Она выживет. У неё будет своя, счастливая рысья жизнь, — пояснил он. — Тебе лучше побыть без неё.

— Она слишком ручная. И не много ли ВЫ на себя берёте, Рик Кан — давать мне такие советы? — она выделила обращение. — Пусть Мика едет в повозке. Если нужно доплатить, то я готова.

— Ах, расточительная жёнушка, — хмыкнул её несносный муж. — Ладно, пусть. Сможете вести рысь по лесу? Не на верёвке, я имею в виду.

— Конечно, — кивнула она.

— Хорошо, буду присматривать, — не поверил он. — Только тогда не вздумайте царапаться. И так хочется хоть один поцелуй. Авансом в счет платы?

Ну что за человек, потешается он над ней, что ли? Уже мог бы понять, что она ни за что не станет с ним целоваться.

— Я заплачу серебром, — нелюбезно сказала она. — вы меня, наверное, путаете с теми леди, которым можно платить поцелуями?

Рик на это лишь удивлённо приподнял бровь.

— Серебром так серебром.

Он хотел ещё что-то сказать, протянул руку... и мимо их лиц с противным свистом пронеслось что-то, Ринна отпрянула.

Неподалёку из дерева торчал арбалетный болт.

— Так... Тихо! — сквозь зубы бросил Рик, и шагнул, оттесняя девушку за спину, — замри, кошка.

Он прислушался, потом пронзительно свистнул, одновременно Мика издала протяжный мям и метнулась в чащу. Ринна только ахнула. Её рысь снова послушалась чужого тая. Тот, у кого арбалет, наверняка вооружён и чем-то ещё! Что сделает рысь против ножа? И Ринна сцепила зубы, поймав себя на желании тоже броситься за Микой.

Не добегая вон до тех деревьев, замереть. Подкрадываться. Почувствовать того, кто прячется. Он один... Скорчился между корней дерева, его не видно. Он надеется переждать опасность, но рысь его чувствует. И уже видит...

Мимо кто-то бежал, топая и треща ветками. Рик не уходил, продолжая заслонять её от чего-то, он был напряжен, весь обратился в слух. Ринна моргнула и перевела дух, пропали чрезмерные звуки и запахи — она перестала быть рысью. И ей стало страшно. Ей всегда становилось страшно не тогда, когда следовало бояться, а чуть погодя, когда бояться было уже нечего...

— Всё, — Рик взял её за руку. — Пойдёмте, посмотрим.

Стрелка уже вытащили из убежища, разоружили и связали, и он сидел, прислонившись к дереву, озирался по сторонам и выглядел жалко — совсем молодой парень.

— Знаете его? — спросил у неё Рик.

Ринна покачала головой — нет, она впервые видела этого человека.

— Ну и ладно, — кивнул Рик, — это не от короля и не от графа, у тех бы нашёлся кто получше. Этот и стрелять толком не умеет.

Парень быстро взглянул на Рика и отполз немного в сторону.

— Тебе чего надо-то было? — спросил Рик у пленника, тот смотрел в сторону и отвечать не стал.

— Мы его расспросим, — негромко сказал мужчина позади Рика, — он нанятый.

— Расспрашивайте, — согласился Рик, — а мы с женой не станем задерживаться, — и взглядом попросил её не возражать.

Рысь неторопливо побежала рядом с Риком, почти касаясь боком его ноги.

— Его сдадут страже? — Ринне всё ещё было не по себе.

Вид арбалетного болта, недавно пролетевший мимо головы, любого лишил бы душевного равновесия.

— Мы решим, — сказал Рик. — Не переживайте, — он не выпускал её руку, и это было неожиданно приятно, и даже не хотелось сердиться на него из-за Мики. — Неприятности в цирке встречаются. Может, я побил кого-то в Асварде, меня решили наказать. У меня было несколько боёв.

— Вы так спокойны!

— А чего попусту прыгать? Всё уже случилось.

— В цирке есть своя охрана, да? — запоздало удивилась она.

— А как же. Кавертен у нас не бедный человек. А люди такие люди, бывают и с дурью в голове. Но если догадаетесь о чем-то... может, я чего не знаю? Рассказать не хотите? — он пытливо взглянул.

— Нет-нет, — Ринна покачала головой. — Ничего такого. Всё было как обычно, пока не... — она отвернулась и сморгнула слёзы.

Да, всё было в порядке, пока её внезапно не выгнали из дома.

— Хорошо, — Рик легонько сжал её руку, желая подбодрить.

И она впервые подумала, что остаться с ним было бы можно, если бы...

Нет-нет, нельзя остаться. С какой стати? И Рик ведь не скрывает, что всего лишь желает заработать, и свои услуги ценит дорого. Просто слишком давно никто вот так не держал её за руку! Некстати она растаяла.

Неважно. Она уже решила: просить помощи у тёти, добираться в Гринзаль, там можно будет взять деньги в банке. Гринзаль — независимое герцогство, тамошним банкирам нет дела до глупых решений руатского короля. Там она будет сама себе хозяйка! Остаться с Риком невозможно. Пока он вроде бы желает лишь целоваться с ней. Позабавиться. Она — Венеш. Венеша не могут быть шутами.

Отъезд задерживался, хотя циркачи уже собрались, запрягли лошадей, уложили в повозки вещи — это было слишком привычной для них работой и делалось быстро. Все были бодры, никто не мучился головной болью после вчерашней пирушки. Рик ушёл куда-то, несколько раз попросив Ринну ждать его в трактире — мог бы и не повторять, её больше не тянуло на приключения. Ещё он отцепил от своего браслета маленький серебряный шарик-подвеску и пристегнул ей на брачный браслет. Этот шарик был ни к чему на серебряной вязи браслета, но Рика, похоже, не волновал внешний вид.

— Это амулет, — пояснил он. — Для безопасности. Потом подберём другой.

— Не нужно, что здесь может случиться? — пробовала она отказаться, — и потом, как же вы?

— Со мной всё будет в порядке, — отмахнулся он.

Сам Рик носил этот шарик на кожаном браслете, на который ещё была надета серебряная пряжка — Ринна сначала решила, что это гильдейский знак, все мастеровые не самого низкого пошиба были членами ремесленных гильдий и носили подобные знаки. Скорее всего, так и было, ведь взрослый сын хозяина цирка должен быть членом своей гильдии.

Циркачи уже и не смотрели на Ринну, теперь куда больше внимания привлекала рысь, которая улеглась было под колёсами повозки. Неожиданное осложнение: рысь была спокойна, она привыкла и к людям, и лошадям, а вот лошади нервничали, до тех пор, пока не подошёл невысокий

круглолицый парень и не пошептал им что-то. Ринна его помнила среди тех, с кем они уезжали из Ленгара после венчания. Тоже тай, конечно — Рик говорил, что таев было двое.

Ринне он кивнул:

— Всё в порядке, м-м... эсса? Удержите зверя?

Но глаза отводил и явно смущался.

— Всё в порядке, — заверила она.

— Ну зовите, если что. Понадобится клетка — скажите, найдём.

Похоже, он тоже был невысокого мнения о Ринне как о тае. И напрасно.

Вчерашняя знакомица Клея не смущалась, просто подошла поболтать.

— Ай, как Кавертен недоволен, — сообщила она, — не любит, когда его планам мешают. Но куда денешься, придется задержаться. Ты не очень испугалась?

К простецкому обращению Клеи Ринна уже привыкла. Да и Рик абсолютно прав был в том, что не надо ей привлекать внимание.

— Не испугалась, не успела. А что, часто такое бывает?

— Чтобы какой-нибудь безголовый ни с того ни с сего из арбалета стрелял? Да с чего бы такое было часто? — мотнула головой циркачка, — чаще драки бывают, которые разбирать приходится. Воруя — но не мы, а у нас. Нас чаще огульно обвиняют. Ну и другое. Мало ли. Вот в начале лета, веришь ли, один барон много нам крови попортил. Из-за меня. Хотел забрать и ничего слушать не хотел. Кавертен даже жаловался графу. И время потеряли, и заработок.

— То есть как это — забрать и слушать не хотел? — удивилась Ринна. — Какое же он имел право?

— Право? Да никакого, — по-взрослому усмехнулась девочка. — А что, все всегда по праву поступают? У сильных и богатых и прав больше. Спасибо хозяину, что не отступился.

Ринна только покачала головой. Ей было дико такое слышать.

— Многие бы отдали, и цену повыше назвали, чтобы выгоду не упускать, — добавила Клея. — Да только я не хочу так.

— А часто бывают такие... предложения? Для циркачек?

— Бывают, — дернула плечом Клея. — Иной богатеи к соседке и не помыслит с кошельком подойти, а к циркачке, думает — можно. Нет, если полюбовно, то оно и неплохо может быть...

— Потому, значит, и подходят, что позволяете, — не удержалась Ринна. — Говоришь ведь, что если полюбовно, то неплохо. А должно быть так, чтобы недостойное всегда было недостойным.

— Да, наверное, — не стала спорить девочка, — только это трудно. И можно остаться ни с чем. Циркачи сегодня тут, завтра там, оттого некоторым кажется, что с ними по-всякому можно! Как ветер в поле, а кто станет стесняться ветра?

— Хороший человек станет, плохой — нет. Хороший чтит заповеди Чистого Пламени, даже когда он один в поле...

— Ну да, — легко согласилась девочка. — Только отчего-то даже хорошие не прочь побыть плохими, если за это к стенке не припрут. Вот как ты считаешь, почему сестра ленгарского графа всё замуж не выходит?

— Что? Н-не знаю, — от неожиданности вопроса ответ запутался у Ринны на языке. — А при чём здесь это, вообще?

— Ты видела её близко? Я только издалека. Она точно красивая?

— Не знаю, — пожала плечами Ринна. — Это важно?

— Думаю, не слишком красивая, если снять с неё шёлковые наряды, — уверенно заявила Клея. — Может, без золота и не нужна никому? Нет, я не то говорю. Может её полюбовно никто не хочет? А она не хочет за золото.

— Вот умница! — раздражённо усмехнулась Ринна, — и как догадалась?

И зачем всем этим людям лезть, куда не просят? И в парадных покоях замков, и даже здесь, в цирке. Рассуждать, осуждать, объяснять, всё понимая лишь с высоты своего разума. И если дамам из окружения Бьюлы или придворным её величества королевы Савадины действительно нечем заняться, то что за дело до неё маленькой циркачке, которой всё понять ещё сложнее?

— Это матушка моя так говорит! — Клея засмеялась. — Ладно, я пойду, матушка ждёт, — и она убежала.

Из кухни потянуло подгоревшим хлебом — и вкусно, и горько, и ещё это запах досады из-за испорченной выпечки. Хотя, когда хлебная корка просто излишне подрумянивалась, Ринне это нравилось. И да, ведь надо ещё поблагодарить кухарку...

Она обошла дом, отыскала заднюю дверь в кухню, заглянула. Чумахая девчонка в огромном, не по росту, фартуке чистила у входа овощи. И запах горелого явственно говорил о том, что медлить не следует, но девочку, похоже, это не волновало. Позволить хлебу сгореть в печи истинная руатская леди просто не смогла бы — особенно если она на немалую долю воспитана Ноной.

— У тебя горит хлеб! — сообщила она девочке, — вынимай скорее!

Та только хлопала глазами и выглядела дурочкой.

Ринна сама бросилась к печи, открыла заслонку. Это была простая деревянная печь, не такая, как в кухне Ленгарского замка, и хлеб тут пекли без противней, просто на поду печи, подстилая под буханки капустные листья. Лопата нашлась тут же, у печки. Скоро шесть круглых буханок лежали столе, и можно было оценить, что урон не так и велик, с двух срезать пережжённую корку — и ничего. И тут как раз в кухню с причитаниями вбежала полная пожилая женщина в коричневом вдовьем платье, она тащила запечатанную кадучку. Шмякнула её на лавку и всплеснула руками.

— Ой, просила же этих бестолковых! Вот спасибо, дорогуша, помогай вам Пресветлое Пламя!

— И вам, — отозвалась Ринна. — Позвольте? — она взяла крайнюю буханку, с удовольствием понюхала.

Нона звала её Ласточкой. Нона была молочной сестрой мамы, с ней и приехала в Ленгар. Отношения с мамой у неё были самые тёплые — не на людях, а между собой. Нона могла бы и более высокое место занять в Ленгаре, по сути любое, но она была потомственной пекаркой и другого места не искала, кроме как на кухне. Зато положение у неё было особое, на которое никто не покушался, и отказа не было ни в чём, и главный повар, большой любитель покричать, с Ноной единственной говорил тихо и уважительно. И молодая леди была для неё Ласточкой.

— Чудный запах, — сказала Ринна, — что добавляете в тесто?

— Толчёный пажитник, — сразу ответила кухарка и улыбнулась, — и вкусно, и силу мужскую, говорят, добавляет. Да я много чего кладу, только понемногу. И мяту лесную, и чеснок, — она взяла большой нож и одним движением разрешила одну из буханок на две части. — Видишь, тёмное в мякоти — пажитник.

— Сюда ещё черного перца можно чуть-чуть?

— В хлеб? Можно, отчего же нет. Но дорого, покупать надо. Перец только в пряники... — кухарка хлопала ладонью по принесённой кадучке, — вот, привезли мёд, сегодня и замесим. К Новогодью напечём. К празднику много снеди надо, сама знаешь, поди.

— Да, — только кивнула Ринна и улыбнулась.

Суета у печки и пряный, густой запах хлебного мякиша не давали помнить о плохом.

— Я пришла сказать, что перепелки вчера были невероятные, — вспомнила она. — Чем приправляли, не скажете?

— Понравилось? — кухарка просияла. — Сама приправку делаю, ничего иноземного. Могу и подарить. Её же в лепешки кладу, и мяса не надо, — она достала с полки берестяной коробок, отсыпала из него приправы в кусок полотна и завязала, — вот, возьми. А хочешь сейчас лепёшек замесить, в дорогу? Вы, вижу, задержались. Хлеба вчерашнего ваш хозяин взял, правда, да лишним не будет!

— Только я сама, хорошо? — обрадовалась Ринна. — Мой муж потом заплатит.

— Ладно тебе, за горсть муки с нас не спросят, а постояльцев можно и уважить! И приправки моей подсыпь! — и перед Ринной тут же выложили муку, яйца, миску с зернистым сыром и всё прочее нужное, и ещё вручили чистый холщовый фартук.

Ну просто неожиданный подарок — Ринне как никогда захотелось помять в руках податливое тесто.

— Вижу, что дело наше понимаешь, а руки у тебя маленькие, белые, черной работы не знают, — заметила кухарка чуть погодя. — В богатом доме росла, да? Как же попала в цирк?

— Так уж вышло, — Ринна сдула со щеки непослушную прядь, избегая смотреть на добрую женщину.

— Понятно, — закивала кухарка, — любовь она такая. Так пусть она тебе на счастье будет, на долгую жизнь! Вот, я топлёного маслица достала! Говорю же, язык отъеешь!

К тому времени, когда её нашёл Рик, на столе возвышалась гора румяных лепешек, они с кухаркой выпили по чашке крепкого чая с молоком и мёдом — надо же отведать, какой мёд купили на пряники, и у Ринны голова шла кругом от рецептов приправ, на которые не требовались дорогие иноземные специи.

— Ты чего это? — удивлённо спросил Рик. — Мимо кухни пройти не можешь?

— Ловка ваша жена стряпать, эсс. Повезло вам, — строго сказала кухарка. — Такое сокровище беречь надо, раз уж перепало!

— Ещё бы. Я на кухне в неё и влюбился, — и бровью не повел Рик. — Спасибо, тётушка Уна.

Повариха завернула им всё лепёшки.

— Вот и угости людей, — решил Рик, — познакомишься со всеми, робеть перестанешь.

Наверное, в этом был резон. Как дочь графа, она не раз выходила к народу — с отцом, на площади, одаривала деньгами или угощением на праздниках, принимала подарки от гильдий. Так что она быстро и весело раздала угощение собравшимся у трактира циркачам, и не цирковые детишки подбегали — ну так что же, им тоже досталось. Женщины ещё приготовили чай из сухих яблок — в котле, ради этого разожгли костёр между фургонов. Этот чай, густой и сладкий, пах вчерашним вином, но — самую малость. Ринна получила большую чашку.

— Ты умница, — похвалил Рик, — так и продолжай.

Себе он придержал большую лепешку и принялся жевать её, когда цирк выехал на дорогу.

— Глядя на вас, не скажешь, что вчера была пирушка, — заметила она.

— Не маемся похмелем? — Рик засмеялся. — Циркачи допьяна не пьют. Прихлебнуть можно, и только. А то из гильдии запросто вылетишь, если нарвёшься, конечно.

— Да? Как странно, — она удивилась, — не слышала о таких правилах в гильдиях.

— Не странно. Ты же видела, какие мы делаем трюки? — хмыкнул Рик. — Нет, всякое бывает, конечно. Есть и пропойцы, которых никогда не выгонят. Но только не у Кавертена.

Ринна порадовалась, что вожжи теперь взял Рик, а Ивар даже не подходил близко. Рик сам позвал её сесть рядом. Рысь устроилась в углу повозки, возле сундука, и, зажмурившись, дремала. Лошади бежали не спеша, их не понукали и за поводья не дёргали, как будто животные и сами давно знали, что им делать. Повозки длинным обозом растянулись на дороге.

— От чего защищает амулет? — спросила Ринна, — вдруг кто-то опять выстрелит в вас? — она, спохватившись, опять перешла на церемонное «вы».

— От этого и защищает, — ответил Рик. — Выстрелят — промахнутся.

— И так каждый раз?

— Нет, не каждый, — он глянул исподлобья. — Вы ничего не знаете о действии защитных амулетов? Разве ваш отец их не имел? И никогда вам ничего такого не объяснял?

Сам он про свои амулеты рассказывать не стал — она это отметила.

— У отца было кольцо, — сказала она, — иногда он надевал его мне. Да, меня не учили таким вещам, потому что женщины находятся под защитой мужчин. Мы носим амулеты из храма, а не колдовские вещи, — она показала на тонкий серебряный браслет с узором из языков пламени, который теперь удачно дополнял брачный.

Дар тая — не колдовской дар. Но не многие это понимают, таев всегда было мало. В Руате, кажется, благодушной относятся к колдовскому дару, чем в остальных королевствах — но не в настолько благородных семействах. Родилась колдуньей — теряешь имя и надежду выйти замуж за равного, отправляешься учиться в колдовскую гильдию. Поэтому все таи носят храмовый браслет как свидетельство того, что не являются колдунами. Исминельда, наставница, тоже носила.

Ринна искоса взглянула на руки Рика — ну да, конечно, у него не было такого браслета.

— Вам надевали охранный амулет? А когда это было? — заинтересовался Рик.

— Давно, и даже не в Руате. Отец брал меня с собой, когда ездил по Побережью.

При жизни отца они много путешествовали, есть что вспомнить. С его смертью всё интересное закончилось.

Рик понятливо кивнул:

— Правильно. В дороге бывает всякое.

— Это знак вашей гильдии? — она показала на пряжку на кожаном браслете.

— Конечно.

— У Ивара такого нет.

— Наблюдательная моя, — Рик улыбнулся, — Ивар не вступал в Цирковую гильдию.

И на её вопросительный взгляд пояснил:

— Он не всегда циркач. Он тут так, подзаработать, ненадолго, Кавертен позволил, — и блеснул белозубой улыбкой.

— Что?! — удивилась Ринна. — А кто же он?

— Наследник лорда. Был женат, у него сын подрастает. Он мастер фехтования. Посвятить немного времени путешествиям и заработку — так ли плохо для благородного наследника? — он забавлялся её недоверием.

— Вы шутите, — поняла она и рассмеялась. — Никакой дворянин не стал бы ездить с цирком, тем более выступать. Он должен служить королю. И разве в цирке можно заработать?

— Можно, — подтвердил Рик, — особенно хорошему фехтовальщику. Когда дерёшься на пари, за каждый бой получаешь неплохо.

— На мечях? Но у простолюдинов нет права меча! — продолжала она недоумевать.

— Бывает, что и на палках. Но знаете, после недавней войны даже простолюдины мечами владеют, хотя не носят их, конечно. Но в цирке можно. Мечи у нас небоевые, тупые. Вот что, дорогая, не говорите никому то, что я сказал про Ивара, хорошо? — она заговорщицки подмигнула ей. — И ему тоже не говорите. Он рассердится.

— Не скажу, конечно, — пообещала она.

Правильно он беспокоится, у этого Ивара такой нрав, что дразнить его она бы не рискнула. Она сказала:

— Рик, я хочу попросить. Не шутите больше про любовь. Не люблю такие шутки. Я имею в виду — как тогда, с кухаркой.

— Хорошо, дорогая жена. Простите. Больше никаких шуток, — тут же пообещал Рик.

Она повернулась к нему, взглянула — почудилось в его голосе что-то такое, беспокойное. Но нет, он просто смотрел перед собой.

На этот раз они молчали долго, Рик достал откуда-то несколько разноцветных шариков и принялся затейливо подбрасывать их все сразу, то одной рукой, то другой. А Ринна, бездумно глядя на проплывавшие мимо то луга, то чахлые перелески, могла подумать. Кое-что вспомнить.

Дикая кошка. Нет, Дикая Кошечка. Прозвище девушки из веселого дома. Как тогда сердился отец!

— О, мой дорогой! Я не оправдываю Клайка. Но ты ведь понимаешь, — Исминельда не говорила, а мурлыкала, утешающе и нежно. — Он взрослый. Он скоро женится и решил, что ему нужен опыт. Это не преступление.

Исминельда всегда умела успокоить отца.

— Вот узнаю, кто подбил его на эту глупость! — бушевал граф Ленгар, не желая успокаиваться.

— Безусловно, глупость, но многие молодые люди его возраста... Разве нет?..

— Пусть хотя бы выяснят, здорова ли эта Драная Кошка! Пламя, мне даже неловко поручать такое секретарю!

— Дикая Кошечка! — Исминельда рассмеялась тихим, грудным смехом. — Я навела справки. Из новеньких, красивая, свежая. Пока общается только с Клайком.

— О Пламя! Ты навела справки?! Даже не приближайся к этой помойке!

— Ну что ты, дорогой? Будь я графиней Ленгар, и то это было бы уместно, раз дело касается сына. Ты как маленький, право...

— Что ты такое говоришь?!

Отец рычал, Исминельда мурлыкала. Ринна не стала слушать дальше, убежала. Она долго потом не могла избавиться от чувства гадливости, не разговаривала с Клайком. Это что-то такое, житейское — следовало из слов наставницы. Но как она могла, она ведь тоже тай?..

— Почему вы называли меня дикой кошкой? — спросила она Рика.

— А что вам непонятно? — он перестал играть шариками.

— Просто скажите.

Он подумал немного, поглядывая на неё, кивнул.

— Кажется, что вы некоторым вещам учились у своей кошки, в то время как должны были — у матери, у тётушек, у наставниц, у старших сестёр. Рядом с вами не было близких. Оттого и некоторые... странности, — он слегка запнулся. — Это стало частью вашей натуры. Вы можете подчиниться зверю, как и он вам. Или другому таю. Никогда не замечали?

Ну нет. Она понимала желания Мики, но не подчинялась. Иногда соглашалась, иногда баловала кошку. Но не подчинялась. До сих пор — никогда. Как может зверь подчинить тая?! Да, она слышит, как Рик влияет на зверя. Но ей — поддаваться влиянию? Рик неправ.

— Нет, — она отрицательно качнула головой. — Это невозможно, что за глупости?

— Я не умею учить. Тем более женщин, — сказал он. — Потом я найду вам наставницу.

— Когда это? — удивилась она, — мы скоро расстанемся. Но я поняла. Благодарю. Я продолжу обучение.

Она заметила краем глаза, как он сжал кулаки, стискивая вожжи.

— Вы так уверены, что справитесь?

— Я теперь со всем намерена справляться, эсс. У меня нет другого выхода.

Он повернул голову, посмотрел ей в лицо.

— А это неправда. У вас есть я. Поверьте, я найду, кто мог бы хорошо обучить вас и исправить ошибки той... гм...

— Не смейте, вы её не знаете! — возмутилась Ринна.

Она хорошо относилась к Исменельде и плакала, когда та уезжала из Ленгара. Исминельда девять лет была её наставницей, старшей подругой, никогда — суровой гувернанткой, напротив, от гувернантки и учительницы всегда можно было спастись с Исминельдой. А то, что её любил отец — её кто угодно полюбил бы.

— Простите, — спохватился Рик, — конечно, я её не знаю и не имею права судить. Но это дела не меняет. Она давно покинула вас?

— Да, вскоре после смерти отца. Мне было шестнадцать.

— Ей следовало оставаться с вами до замужества и некоторое время после. Так принято. Ведь у вас в семье больше нет таев, да? Кто мог бы помочь?

— Только я, — согласилась Ринна.

— А ваш двоюродный дядюшка герцог Караяш?

— Что? — она удивилась, — вы знаете?.. Последние лет двадцать герцог Караяш в ссоре с моим отцом.

— Племянник герцога лорд Савари. Леди Гвенна Кори. И наверняка кто-то ещё.

— Поразительная осведомленность.

— Таи знают друг о друге. Интересуются, — пояснил он, пожав плечами. — Вы просто жили взаперти. Я могу назвать навскидку ещё десяток имен, но они вам ничего не скажут. И ещё королева Кандина. Ваша двоюродная прабабка, хотя в степени родства могу и ошибаться, извините.

— Кандрийская королева-мать, — вздохнула Ринна. — Я даже знакома с ней. Но я тогда была ещё маленькая.

— О, вот даже как, — он улыбнулся, — говорят, она вздорная старушенция!

— Что? — вот теперь Ринна откровенно возмутилась, — да что вы себе позволяете? Во-первых, её никто не считает вздорной! Во-вторых, как вы смеете говорить такое о королеве?!

— Да что вы говорите?! — его это развеселило. — Только я позволяю себе лишнее? Не знаю, как в Руате, а в Кандрии я нашёл бы вам сочинение о том, как некая капризная принцесса отшивала женихов. Почти в любой книжной лавке. Их было двадцать четыре, и о каждом она наговорила такого, что обхохочешься.

До Ринны не сразу дошёл смысл услышанного.

— Наговорила?.. Двадцать четыре? А почему не тридцать шесть?!

— Я тоже не понимаю, почему, — согласился Рик, — была бы толще книжица, интересней. Сочинители ведь тоже за денежку стараются. Могли бы и на сорок восемь замахнуться, лентия.

За их спинами проснулась и сначала протяжно мяукнула, а потом грозно зарычала рысь.

— Тихо, — Рик сразу посерьезнел, глянул на побледневшую от гнева Ринну.

Он достал из кармана мелкую серебряную монетку и вложил ей в ладонь.

— Вот и учитесь отгораживаться от зверя. Представляйте серебряную сеть между вами, и помните, что вы слышите друг друга, но каждый — отдельно, сам по себе. Это ведь. простое упражнение. Что, никто не замечал, что рысь воет, когда вы сердитесь?

— Я поняла, — она сжала в кулаке монетку.

Общение тая со зверем — на языке чувств, эмоций, а формулы подчинения, которые при этом твердит тай — это способ передавать чувства, они больше для самого тая, чем для зверя. Обычному таю легко быть отдельно от зверя, но Ринна Венеш не обычный тай, она может больше. Рiku не понять.

— Все будет хорошо, — он взглянул ей в глаза, — только оставьте глупую мысль о вашей тётушке и её монастыре. Они ничего не смыслят. А я могу помочь.

— О нет, тогда у меня серебра не хватит, чтобы с вами расплатиться, — пошутила она, хотя кто знает, сколько там было шуток.

— Об этом не беспокойтесь, договоримся, — Рик улыбнулся, и от его короткого, опять такого янтарного взгляда ей стало жарко. — А жаль, моя леди. Будь у нас с вами по хвосту и по четыре лапы, как проще всё было бы.

— Что?! — она засмеялась.

Он пояснил:

— Кошки не делят друг друга на циркачей и графов. Дочери графов обычно хорошо дрессированы, в отличие от кошек, и делают что требуется, — он поймал Ринну за руку и, предупреждая её возражения, продолжал, — знаете, в обучение тая входят азы дрессировки. Вас этому учили? Без влияния, просто дрессировка, как это делают люди без дара. Это добавляет понимания. Учили?

— Нет, — Ринна покачала головой.

— Тогда послушайте. Кошки независимы и дрессировке поддаются плохо. Но их можно принуждать. Запереть в клетку. Не кормить. Иногда используют боль. Любой хороший дрессировщик победит дикую кошку. И ей будет очень плохо, но только сначала. Потом привыкнет и станет слушаться. С любым зверем так, с каким-то проще, с каким-то труднее.

— Наверное. Как это ни грустно, — согласилась Ринна и отодвинулась от Рика. — Я поняла. Но я была избавлена от голодовки в клетке, если желаете использовать такие сравнения. Волей моего отца. Он дал мне право выбирать. Ради мамы, наверное. Она его попросила.

Да, именно так считала Нона. Рик усмехнулся чуть заметно.

— А знаете, чего я на самом деле хочу? Вас, Ринна. Недавно, на постоялом дворе, мне очень хотелось подхватить вас на руки, взбежать по лестнице и пинком открыть дверь в нашу комнату, бросить вас на кровать и... Продолжать?

— Нет, даже не вздумайте! — она кусала губы. — Вы с ума сошли?

— Полагаете, мне помешали бы? Даже если бы вы громко звали на помощь? Нет, уверяю. Мы молодожёны, мне здесь доверяют. Милые всерьёз не бранятся. Все желали бы мне удачи.

— Я никогда не спустила бы вам это...

— Я знаю, кошка. Поэтому так не сделаю. В то же время некоторые женщины любят, когда их заставляют, за них решают, даже насилие они легко прощают, вы слышали об этом?

— Это неправда. Это чушь!

— И есть немало мужчин, которые уверены, что таковы все женщины, а кошек они пинают сапогами.

— Зачем вы пугаете меня? — вскинулась Ринна и выдернула свою руку, теперь он позволил это.

— Пугаю? Просто объясняю, как обстоят дела, — он говорил спокойно, но взгляд его горел, и это пугало. — Оглянитесь, вы больше не в замке Ленгар. Нам не надо пока расставаться, это разумно. Со мной вам нечего бояться, я не сделаю ничего против вашей воли. Но дайте нам хотя бы немного времени.

Она постаралась сесть прямее.

— Чего вы хотите от меня, Рик Кан?

— Я хочу, чтобы вы передумали и захотели стать моей на самом деле. Я клялся вам у алтаря вовсе не в шутку, Ринна. Итак?..

Вот это признание! Он ждал ответа. Она побледнела и кусала губы.

— И это всё потому, что вы... как вы там сказали? — она посмотрела ему в глаза. — Потому что хотите меня?.. Хотите открыть дверь сапогом, и?..

Пламя Всезнающее. Юные незамужние леди не должны обсуждать такие вещи, тем более с мужчинами.

— Не только поэтому. Вы тай, и мне очень подходите, — пояснил Рик. — У нас рождается по одному таю на поколение, хотелось бы больше. К тому же...

— Достаточно, — попросила она.

— Да, вы правы. Этого достаточно. Сохранить в семье дар и даже приумножить — уже причина.

— Вы меня обманули. Мы договаривались совсем о другом.

— У вас был выбор? — он усмехнулся. — И потом, я не обманывал и сейчас не обманываю. Решение за вами. Я лишь надеюсь, что вы передумаете, это моё право — надеяться.

— Эсс Кан, мое отношение к вам и ко всему прочему не изменилось, — тихо сказала она. — Благодарю, что объяснили некоторые вещи, и предупредили... кое о чём. Я не буду менять планы.

— Хорошо, — он кивнул. — Я лишь прошу немного времени, хотя имею право его требовать. Не эти жалкие несколько дней, вы понимаете? Больше ничего.

Она неопределённо пожала плечами. Пожалуй, это можно было принять и за согласие.

— А про то, что влюбился на кухне — я не шутил, если это вам интересно, — добавил он.

Больше они не говорили до самого Раби. Скоро Рика позвал хозяин цирка, и он прямо на ходу прыгнул с повозки, а на его место так же ловко забралась Клея. Впереди был только городок Раби, проехать его — и Ленгарское графство останется позади.

Всё останется позади.

Глава 4. По камешкам...

Итак, Рик обманул. Согласился на все условия, не собираясь их выполнять. С самого начала строил свои планы. При венчании, получается, принёс настоящую клятву, зато ей — солгал.

Чувствовать себя обманутой — отвратительно. Циркач вздумал решать за неё! Она ему подходит, потому что тай! У них по одному таю на поколение, хочется больше! Это у знати женятся по строгому расчёту, учитывают знатность и семейные интересы. И — циркачи туда же?..

Вообще, Ринна понятия не имела, зачем женщине её положения быть таем. Понятно, что этот дар полезен на охоте или на войне. Или чтобы служить лесником, егерем. Кстати, отец с презрением относился к охотникам, которые пользовались помощью таев. Это смешно, это бесчестно — вот что он говорил. Дар тая был для Ринны Венеш лишь игрушкой, и он не повышал её ценность как невесты — наоборот. Ни одно знатное семейство не желало заполучить дар! А ну как дети одарённой родятся ещё и колдунами, а это уже проблема! Хотя и считается, что тайский дар не сопряжён с колдовским, зачем рисковать! Дар не помешал тому, что Ринне семь раз... или восемь?.. делали предложение, но всякий раз её особенность обходили деликатным молчанием. И вот, пожалуйста — на ней пожелали жениться, потому что она тай!

Рик Кан имеет права, как законный муж. Глупая леди Ринна вообразила, что ловушка — это то, что подстроил король, и, может быть, брат. Что, лишив прав, ей навяжут любую свою волю. А она, как юркая рыбка, выскользнула — с помощью вовремя подвернувшегося Рика Кана — ах, какая молодец! Получается, угодила прямо в сачок. Ещё и разум начала терять, постепенно сдаваясь на его милость — то таяла от янтарного взгляда, то восхищалась ловкостью, то захотела отведать поцелуев, из любопытства, конечно! Но она — Венеш, не такая дурочка, как другие, что готовы упасть к ногам этого блудливого кота! К которому какие-то леди приезжают в карете.

«Будь у нас с вами по хвосту и по четыре лапы...» О да, тогда конечно!

— Это полотно как раз на сорочки, — Мара тронула её за руку, — нравится?

— Подойдёт, — согласилась Ринна.

Она выбрала бы тонкий батист, но такого не было в этой лавке.

Едва цирк приехал в городок Раби, как мужчины-циркачи начали ставить шатёр рядом с площадью, а большая часть женщин разбрелась по рынку. Рик сразу вручил ей увесистый кошелек.

— Купите всё на первое время. И тёплый плащ хорошо бы, скоро похолодает, — он взял её за руку, и тут же отпустил.

Его рука была очень тёплой, даже горячей.

«Будь у нас с вами по хвосту и по четыре лапы...»

Рик и ещё несколько мужчин-циркачей тоже отправились с ними на рынок. Кривобокая, согнутая Мара, мать Клеи, хромала и шла медленно, опираясь одной рукой на клюку, другой — на руку одного из мужчин. Ринна сразу почувствовала жалость к этой женщине, и в то же время — расположение. Циркачка казалась спокойной и уверенной, несмотря на увечье, говорила негромко, но как-то так, что её слышали. И взгляд у неё был умный и острый.

— А как тебе эта шерсть на платье? — Мара показала на штуку ткани. — Рик одобрит. Тонкая, шелковистая, и носиться будет долго.

Ткань была простая, гладкая, глубокого синего цвета, Ринне понравилась. Насчет долго носиться — она не видела ещё своих сношенных платьев, задолго до этого её одежда переходила в собственность горничных. Стоимость этой ткани, конечно, пустяк для Ринны Венеш, но не для экономных циркачей. Не стоило вводить Рика в ненужные расходы.

— Нет, эту я не хочу. Мне нужны две сорочки и простое платье. Тот зелёный сатин?..

Ей только и надо было, что в приличном виде явиться в обитель. В красном нежелательно. А там тётя ссудит деньгами, и можно будет приобрести скромный, но соответствующий положению гардероб на первое время.

— Сойдёт для служанки, — усмехнулась Мара, и, тяжело опершись на стол, потянулась и погладила сатин. — Хотя и неплохой. Не жёсткий.

Приказчик посматривал косо и не спеша складывал синюю шерсть, которую поторопился услужливо развернуть.

— Позовём Рика, спросим? — не унималась Мара, желающая принарядить Ринну, но та решительно отказалась.

Не хватало ещё, чтобы циркач решал, нужно ли ей платье. Он не зашёл с ними в лавку, и правильно. Дал понять, что это не его дело.

— Я куплю готовое платье, Мара.

— Это у нас есть, — сообщил приказчик, — желаете? — и, не дожидаясь ответа, громко постучал ножницами по столу.

Выбежавшей из боковой двери девушке он показал на Ринну.

— Эсса платье желает...

— Ну взгляни, — вздохнула Мара и повернулась к другой циркачке, которая тараторила что-то про полосатый холст.

Девушка увлекла Ринну за загородку, и принесла и бросила на лавку ворох платьев.

— Выбирайте, эсса...

Платья были простые, из дешёвой ткани, такие, что легко подгонялись по фигуре шнуровкой. Как сказала Мара — сойдёт для служанки. Ринна примерила несколько и выбрала то, что казалось чуть лучше прочих — цена была смешной.

— Вот что, милая, мне надо уйти. Поможешь? — она высыпала в ладонь приказчицы несколько лишних монеток. — И где тут почта?

— Хорошо, эсса, — девушка кивнула, опасливо огляделась, и, схватив Ринну за руку, отвела её через коридор к заднему выходу. — Вот, идите прямо и прямо, не сворачивайте и мимо не пройдёте.

Почтовая контора и должна быть недалеко, где-нибудь на углу площади — в Ленгаре они всегда поблизости от тракта и рынка. И последнее время, если верить секретарю Клайка, почта в Руате стала работать лучше, ей даже можно доверять.

Ещё вчера Ринне Венеш и в голову не пришло бы тайком разыскивать почтовую контору, чтобы отправить письмо.

«Решение за вами. Я лишь надеюсь, что вы передумаете...»

Приземистое здание почты нашлось быстро. Ринна положила на стойку монетку и попросила бумагу и чернила. О Пламя, бумага была серая, в чернильнице плавала муха, а перо удалось заточить со второй попытки. Ринна постаралась отрешиться от этих досадных мелочей. А что подумает тётя Астерия, получив от неё письмо на такой бумаге... тоже мелочь, в конце концов.

«Здравствуйте, дорогая тётя, да осенит Вас Ясное Пламя. Любящая Вас племянница Ринна Венеш как никогда нуждается в помощи и поддержке. При этом я искренне надеюсь не слишком Вас затруднить. Я сейчас в Раби, а через несколько дней прибуду в обитель...»

Тётя Астерия её понимала и поддерживала. И настаивала, чтобы Ринна даже не помышляла о смиренной монашеской жизни — к этому надо иметь призвание. Нет, замужество, только замужество! Это долг женщины.

Всё так, но со свершившимся замужеством тётушка её не поздравит. Она непременно поможет с деньгами и разводом.

Перо дрогнуло, и на лист легла жирная клякса. Ужасно, но переписывать некогда. Ринна добавила извинение и попросила сургуч.

Вот если бы Рик совсем ей не нравился! А руки у него были холодные и потные, как лягушки. Но у него тёплые и сухие руки, твердые от мозолей — от мозолей, которые оставляет рукоять меча, такие же есть у Клайка... только меньше. И так приятно было держать его за руку!

Это письмо следовало написать! Чтобы не было пути в сторону, не было искушения действительно остаться с Риком ещё ненадолго. Согласиться с его правом что-то требовать. Казалось, что если начать уступать в мелочах, то каждая очередная уступка будет даваться проще и легче, и...

Так нельзя.

Она вышла из прохладного, сырого здания почты на солнце. Следовало перейти дорогу и вернуться на торг. Конечно, её уже хватились.

По пути она остановилась у палатки с пряностями. Специи пахли одуряюще — как им и следовало. Дорогой, иноземный товар. Она оглядела выставленные на обозрение мешочки — ну да, есть всё, только выбирай. Взять корицы? И немного мускатного ореха? Хотя бы чтобы заправить кашу.

— Чего желает эсса? — торговец придирчиво ощупал её взглядом.

— Попробовать корицу.

Торговец зачерпнул мерочкой-напёрстком немного коричневого порошка и протянул Ринне. Она понюхала, высыпала на ладонь и лизнула.

Запах корицы — запах счастья, уюта и спокойствия, когда всё хорошо и о тревогах можно забыть. А любовь, должно быть, пахнет корицей с мёдом и имбирём. И ещё корицей с имбирем и мёдом пахло от рабочего стола Ноны...

Ей нравится Рик. Ещё немного, и она совсем примет эту простую истину. С самого начала она даже злилась на него не по-настоящему, когда он зачем-то торговался с ней за золотые! И будь он благородного происхождения, чтобы брак с ним не унижал дочь Венешей...

— Вам не по душе корица, эсса? Вы, наверное, не смыслите в настоящих специях!

— Смыслю достаточно, — она вернула мерку, — правда, не разобрала, что это за смесь.

— Да что вы, эсса?! — глаза торговца заметались.

Кто-то мелкий и шустрый выскочил из толпы, с размаху врезался в Ринну, чуть не сбив с ног, пробормотав извинения и бросился бы прочь, если бы чья-то рука не схватила его — и под ноги Ринне упал её кошелек.

Рик. Каким-то чудом оказался рядом.

— Проваливай, — бросил он воришке, нагнулся и поднял кошелек, но Ринне отдавать не стал. — Ты так беспечна, жёнушка, — от его голоса повеяло не мёдом с имбирём, а жгучим перцем с... да, пожалуй, что и с мёдом, с тёмным горьковатым мёдом. — купила всё, что хотела?

— Я хочу пять палочек корицы и пять целых мускатных орехов, — она взглянула в глаза Рика, и там тоже был жгучий перец. — И целый имбирный корень, вот этот, — она показала, — и ещё три мерки немолотого черного перца.

— Я вижу тут и молотые специи. Зачем тебе утруждаться, любовь моя? — заметил Рик, никак не показав недовольства.

— Ах, дорогой, так надёжнее! — она сладко улыбнулась.

Как ни странно, цену торговец не заломил, даже назвал чуть ниже, чем она ожидала. Рик спрятал свёрток в свой поясной карман. И ничего больше не сказал, когда они отошли. Совсем ничего. И за руку брать не стал, но пошёл на полшага следом, и Ринна ясно чувствовала, что больше ей не ускользнуть.

— Ты его напугала, — чуть позже сказала Мара. — Кого-то из вас хотели убить сегодня. Говорят, что его. А вдруг из-за тебя? — она вздохнула и махнула рукой. — Приходи ко мне. Поговорим.

— Я приду, — согласилась Ринна. — Моя рысь нам не помешает?

Мара смотрела так, словно одна понимала нечто важное.

— Об рыси не беспокойся. Приходи. Я буду ждать в шатре.

Шатер казался полностью готовым, издали — ярким и праздничным, вблизи было видно, что полотнища порядком потёрты и даже залатаны. Внутри ещё что-то развешивали, натягивали, крепили и настилали. Рик устроился на низком табурете у входа и копался в сломанном музыкальном ящике, в том самом, с которым он вошёл в ворота Ленгара в день их венчания. Рядом на земле, на холстине он разложил инструменты — какие-то щипчики, пластинки, молоточки.

— Мара там, — он показал внутрь шатра и бросил на Ринну подозрительный взгляд. — Дорогая, обойдёмся без сюрпризов нынче вечером? Там выход, конечно, есть. Но сбегать не надо.

— И в мыслях нет, дорогой, — она прошла внутрь.

Добрая треть шатра была скрыта за пестрыми занавесями. Мика замерла на секунду, и тут же уверенно двинулась туда, за занавеси.

Там было много маленьких тёмных каморок. Рысь шла, уверенно ныряя между полотнами, и вдруг остановилась и недовольно взвыла. С пола поднялся пёс, огромный, кудлатый, и утробно зарычал. Ринна слегка растерялась — у неё плохо получалось ладить с собаками. Уйти? Ну нет. Она попробовала дотянуться до собаки.

«Успокойся. Ты мой. Я твоя...»

Пёс продолжал рычать, а Мика — подвывать, и тут Ринна то ли услышала, то ли ощутила короткое, похожее на хлопок в ладоши:

«Прекратить!»

Пёс умолк, рысь виновато мявкнула и поскребла перед собой лапами, и самой Ринне захотелось поклониться придворным поклоном и извиниться. Всё понятно — вмешался тай, а она снова его слышала. И это не Рик. Или Рик?..

Из-за занавеси показалась Мара. Она опиралась на клюку, явно устала, под её глазами лежали густые тени — а может, это вечернее солнце уже ленилось светить. Да, именно солнце — кусок стены здесь был отстёгнут и скатан, и получилось большое окно прямо в сторону заката.

— Ничего лучшего нет, увы мне, миледи, — Мара показала на табурет.

— Я сейчас не леди, — возразила Ринна. — Мы с Риком договорились. Я называла вас просто по имени, это ничего?

— Мы всё тут так называемся. Но я решила, что надо спросить. Нехорошо, если это задевает.

— Не задевает. Это игра, мы договорились о правилах, — пошутила Ринна, садясь и расправляя платье.

— Игра, — старая циркачка улыбнулась. — Играйте, что ж. Жизнь — это игра, но не всегда можно перебросить кости.

— Конечно, — охотно согласилась Ринна, — я помню.

— Больше никто не знает, кто ты, только мальчики, забравшие тебя из Ленгара, один из них мой сын. Это он уговаривал собак в зверинце. И ещё я и Кавертен.

— Твой сын тай. Ты тоже тай, да?

— Услышала меня? — циркачка кивнула. — Я тай. Но не для работы. Пользуюсь даром, когда мне нужно. Живу с ним, и сыну, видишь, передала.

Недавно она занималась кройкой — на козлах лежала доска с обрезками ткани. На низкой скамейке стоял закопчённый медный чайник. Мара налила в чашки крепкий чай, пахнувший яблоками.

— Угощайся, девочка. В это время дня приятно выпить горячего.

— Это Рик попросил меня вразумить? — догадалась Ринна.

— Нет-нет, — усмехнулась циркачка, — не Рик. Ради него я не стала бы стараться. Но он хороший мальчик, конечно.

— Думаю, да, — Ринна рассмеялась. — Его, наверное, все тётушки считают хорошим мальчиком.

— А, так тебе нравятся плохие? — Мара явно потешалась над Ринной, но обидно не было.

— Если он противен тебе, не давай надежды, — сказала Мара. — Хвост коту надо рубить быстро. Это лучше, чем тянуть, пока сам оторвётся.

От такого сравнения Ринну передёрнуло, а Мика коротко взвыла.

— Да, так и есть, — понимающе кивнула Мара, её глаза смеялись. — Он понял верно, ты слишком связана с рысью, не отгораживаешься.

— Ты это специально?..

— Конечно. Вот, возьми, — как Рик днём, она протянула Ринне монетку, которую достала из коробочки с нитками. — Зажми в кулаке. Серебро помогает. Представляй сеть между вами. Учись отгораживаться, защищайся. Ты должна быть женщиной, а не кошкой. Тебе совсем не нравится

Рик?

— У нас не настоящий брак. Пойми, я просто пользуюсь его помощью. И он оценил её в немалую сумму, кстати.

— Но это не так, — Мара быстро усмехнулась, — у меня кривая спина, но не слепые глаза. Я вижу, как вы иногда смотрите друг на друга, то он на тебя, то ты на него. Уверена, вам двоим лишь требуется немного времени. Вы должны познакомиться.

— Нет, Мара, — покачала Ринна головой, — я уйду, если будешь уговаривать.

— Вот же глупая девочка. Кого обманываешь? Чтобы влюбиться, не нужно ни причин, ни времени. Это чтобы разочароваться и разлюбить, нужны причины и время. Если влюблена и не разочаруешься, потом долго будет болеть душа.

Ринна не нашлась, что возразить.

— Но не это важно сейчас, — продолжала циркачка. — Видишь ли, то, что с тобой случилось, не так уж удивительно для девочек с даром. Они часто бывают непослушными. Так что не только ты испытала такое. Хороший наставник не допустил бы. Твой Рик, он в целом понял верно, но не всё, он ведь мужчина.

— О чем ты говоришь? — осторожно уточнила Ринна.

— Ну вот смотри, — Мара ласково погладила её по руке, — ты родилась знатной леди, ты дочь графа. Ты хорошо знаешь, как следует поступать. Но разве послушание семье, верность семье — не то, без чего не бывает леди? А ты множество раз отказывалась от браков, нужных семье и твоему королю. Конечно, тебя считают сумасшедшей. Разве не странно, что ты вдруг отчего-то забываешь о долге? Ведь на самом деле твои женихи были не так и плохи?

— Так и есть, — согласилась Ринна. — Но к чему ты клонишь? Скажи прямо. Не тани... кота за хвост, — добавила она, прислушавшись к себе, и покосилась на Мику.

Рысь встрепенулась и оскалилась, но голоса не подала.

— Ты не можешь быть с тем, кто не тронул твою душу. Причина не важна. Ты не леди, когда выбираешь мужчину. Тебе нужно присмотреться и приняться. А те мужчины — им не повезло, вот и всё. Твоя мать была с даром, да?..

Ринна неловко улыбнулась.

— Ты была совсем юной, когда однажды в конце зимы решила выяснить, почему у тебя забирают кошку? Только не говори, что её не забирали.

— Забирали, — согласилась она. — Точнее, Исминельда не подпускала её ко мне. Мы не держали рысь в клетке. Она уходила в парк, когда хотела.

— Даже так? И приносила котят?

— Конечно. В начале лета. У неё было логово в парке недалеко от замка. Но ты права, когда я всё поняла... тогда, зимой...

— Да-да. Брачные игры у рысей в конце зимы. Эту сторону любви тебе показала твоя рысь. Ты, любопытная юная леди, оказалась там, куда не звали. Что сказать, любой тай, близкий со зверем, когда-нибудь да присутствует при этом действе. Для взрослого не страшно. А ты была слишком юной и слишком хорошо слышишь зверя. Чем это обернулось — вот, сама видишь.

Ринна покачала головой:

— Нет...

— Да, — сказала Мара. — Я же не говорю, что ты взяла у рыси всё. Это невозможно, ты не рысь. Но тот урок от рыси тебя запутал. Ты отвергаешь принуждение и должна выбирать, как это делает рысь. Но это невозможно для леди. Ты ведь понимаешь? Подумай. Просто я уже знавала таких девочек. Не знаю, почему это именно так действует!

— Нет, — сказала Ринна. — Рыси не так уж разборчивы, и вовсе не верные возлюбленные...

— Ага, значит, ты пошла дальше и стала разбираться в деталях, любопытная.

— Да, и что же? — Ринна вспыхнула, — мне хотелось понять, что происходит.

— Да ничего страшного, — Мара внимательно смотрела на неё. — У зверей всё естественно, им нечего стыдиться. Плохо лишь то, что ты была такой юной, случилось запечатление, и ты теперь от него зависишь. Потому детей и защищают от таких вещей. Природная суть всех живых тварей одна и та же. Ты поняла и сделала выводы, чего ждать от мужчины, которому тебя отдадут в жёны. Не знаю, что творилось в твоей душе и твоей голове. Но ты не можешь быть леди, когда дело касается мужчины, и ты не можешь быть рысью, потому что ты леди. Оставалось ещё принуждение, но тут тебя пожалели.

Ринна медленно допила остывший чай, опасаясь поднять взгляд на старую циркачку.

Её бы не жалели, просто отец приказал. А его попросила мама. Мама? Зачем попросила? Уже не спросишь. Три года назад брат захотел, чтобы неразумную сестру проверили на предмет порчи или даже проклятья. Ни порчи, ни проклятья не нашли, уверившись в том, что нет оправданий избалованной негодяйке. А теперь вот, король решил так... И что будет?..

— Ты разберёшься, — сказала Мара. — И всё наладится. Ещё чаю? — она опять наполнила её чашку. — Тебя выпустили из клетки, кошечка. И это правильно. Помири свою кошку со своей леди. Я имею в виду части твоей души. Возьми от них обеих то, что сама захочешь. И пройди обучение.

— Я поняла. Научиться закрываться. Научусь. Я слышу влияние тая, как кошка... но я не теряю контроль!

Не то чтобы Ринна сразу приняла всё, что услышала от Мары — это было бы слишком. Хотя и правильное в этом тоже было, что признавать не хотелось. И ведь до сих пор она была так в себе уверена!

— Не только в этом дело, — качнула головой циркачка, — на рысь можно влиять, если понимать её рысиную натуру. И даже не нужно быть таем.

— Посадить в клетку и морить голодом? Да, Рик говорил.

— Зачем так грубо? — улыбнулась Мара. — А ещё дикая рысь уделяет любви несколько дней в году, остальное время она ни с кем не делит логово. Ей необходимо место, где только она хозяйка, и за него она будет драться. Её земля, её дом. Ей не нужен муж, отец её детей и хозяин её дома и её земли. А тебе — нужен?

— Надо подумать, — Ринна улыбнулась, — от этого будет зависеть, рысь я или не рысь? — захотелось свести всё к шутке.

— Да, подумай, — согласилась Мара серьезно, — мне тоже любопытно, хоть и не моё это дело. Но ты боишься мужчины, которого хочешь, потому что как леди считаешь его недостойным? Или как рысь боишься заполучить хозяина? Или не желаешь спешить? Что разумно, конечно. Можно? — сказала она уже другим голосом и хлопнула по колену, и Мика вскочила и подошла, потерлась мордой об её ногу.

Пальцы циркачки ласково погладили её, потрепали, прошлись по загривку, нащупали тонкий кожаный ошейник и бусину амулета.

— Это то, что я думаю? У этой девочки не было ни любви, ни котят? Злая хозяйка, — она засмеялась.

— Она не обижается, — сказала Ринна и мысленно подозвала рысь, та тут же послушалась. — Я позволяю ей уходить и охотиться. Она довольна жизнью. Спасибо тебе, Мара.

— Да не за что. Обращайся. Завтра мы начинаем представления. Присоединишься? — циркачка посмотрела лукаво. — В маске, никто не узнает. Это весело.

— Вряд ли рискну. Но спасибо за предложение.

Это было бы очень забавно — Ринна Венеш выступает в цирке!

— Я раскроила тебе рубашку. Тут иголка и нитки, — Мара сунула ей в руки сверток.

Рик ждал на том же месте, только теперь он коротал время, играя с цветными шариками.

— Я снял комнату, — сообщил он. — Пойдёмте, провожу. Да, кстати, вот, сделал от нечего делать, — он достал как будто из рукава и протянул ей согнутую из тонкой железной полоски формочку-туфельку для теста. — Мне понравились ваши пряники в виде башмаков.

Несколько движений пальцев — и шарики один за другим исчезли неизвестно куда.

— Мило! Вы ещё и фокусник? — она, не отрываясь, смотрела на его крупные руки с длинными

пальцами, на закатанные рукава рубашки — шарикам некуда было деться.

— Я фехтовальщик, — сказал Рик. — Мы тут на все руки от скуки, вы не знали?

— Понятно. Спасибо, — она полюбовалась формочкой, — тех самых пряников не обещаю, но чем-то попроще, надеюсь, успею вас угостить.

— Буду ждать, — буркнул он.

Вечером Ринна допоздна шила, сидя возле лампы. В приоткрытое окно доносились голоса, и голос Рика она тоже слышала. И почти хотела, чтобы он пришёл, неважно зачем. И утреннее происшествие опять вспомнилось так ярко — кого-то из них могли убить! За что, зачем? Промажнулись потому, что на Рике был защитный амулет? И... он сегодня говорил ей о любви. Это было приятно!

«Я на кухне в неё влюбился...»

Шутливая отговорка, потрепать языком.

«Чего я на самом деле хочу? Вас, Ринна... подхватить на руки, взбежать по лестнице и пинком открыть дверь в нашу комнату...»

И тут же:

«Вы тай, и мне очень подходите. У нас рождается по одному таю на поколение, хотелось бы больше...»

«А про то, что влюбился на кухне — я не шутил...»

Он сразу откровенно перемешал в одной миске любовь, расчёт и мужские желания, которые, как Ринна понимала — вовсе не любовь. Так рысь ищет себе пару в лесу, потому что настало время и бурлит кровь. Но она не рысь, нет!

Рик так не зашёл.

Мика свернулась на одеяле в углу. В Ленгаре она ушла бы на ночь в парк, но здесь кругом был город, и отпускать её Ринна не рискнула. Кровать была кошмарно скрипучей, бельё — штопаным, и никаких горничных. Зато дверь запиралась изнутри, и окно тоже, пусть из него и отчаянно сквозило.

Ещё несколько дней, леди Ринна. А потом?..

Рысь прыгнула и пошла на мягких лапах по плотному весеннему насту. Веселье. Ликование. Прыжок. И она замурчала, принюхиваясь. Она звала. И её ждали...

Нет, не рысь. Леди Ринна. Если отец узнает, что она одна уехала в лес, то запретит конюхам седлать ей лошадь. Но Мика неподалёку, они только что слышали друг друга.

Ринна слезла с лошади. Она не будет углубляться в лес, конечно же не будет. И она тай, чего ей бояться в лесу!

Она свернула с тропинки, ноги проваливались в снегу. Лес, лес, лес. Вдруг рядом мяукнула рысь...

Ринна проснулась. Это во сне она шла по лесу. Это было... давно. Это было... нить воспоминаний потянулась, сматываясь в мягкий, рыхлый клубок.

Она шла и слушала, слушала лес внутренним слухом. Слухом тая. Мика где-то здесь.

Позвала мысленно. Это трудно — звать мысленно, если зверь не рядом, не перед глазами, если он не видит тебя. Но у Ринны почти всегда получается. У неё такой дар!

— Ты будешь сильнее меня, — не раз говорила Исменельда. — Ты и сейчас сильнее. Что дано с кровью, то и умеешь. Главное — управлять даром, для леди большего не требуется.

Как-то быстро все решили, что юной леди не надо достигать высот в таком деле. Она и сама так считала.

— Это дар для твоих детей, — поясняла наставница. — Кто-то из них получит его с твоей кровью. А ты будешь присматривать за обучением, так что должна разбираться в основах. Уверяю, многим дар очень даже нужен!

А тогда она шла по лесу и искала свою рысь. Ей было очень, прямо до зуда любопытно узнать, что, собственно, происходит...

Опять прыжок. Урчание, мяуканье. Мика!

Ринна зовёт, и рысь слышит, но ей не до хозяйки. Она сопротивляется влиянию. Она снова рычит, но теперь недовольно, и Ринна понимает, что недовольство зверя адресовано ей. Но так ведь нельзя! Позволять зверю проявлять недовольство — нельзя! Нельзя спускать ни единого раза! Это закрепится, понравится — чего доброго. Надо утвердить свою власть, успокоить — это непреложно, как первые буквы алфавита.

«Мика, я здесь. Я с тобой. Ты со мной. Ты моя, я твоя!» — обычная, сотни раз затверженная формула подчинения.

Мика сдалась. Да, «ты моя, я твоя». Потом, конечно, стало понятно, что рысь просто не стала тратить силы на сопротивление, ей было не до глупенькой хозяйки.

Слияние. Слишком легко, скорее — случайно. Появилось ощущение лап, хвоста, сильных, прыгучих мышц под лохматой шкурой, нахлынули запахи и звуки, и ясное ощущение чьих-то зубов на своем загривке, и удовольствие и ярость одновременно, желание наподдать лапой. Но нет, Мику не обижали, она, как ни странно, была довольна. Несколько быстрых движений, два тела как одно — и Мику отпустили. Она протяжно мяукнула, потянулась, баюкая удовольствие, которое плеснулось в ней, от заливки до кончика лап и хвоста.

Ринна стояла, прижавшись лбом к жёсткой коре дерева и дрожала, несмотря на то, что ей стало жарко. Она всё ещё была с рысью, была как никогда близко, поэтому тоже видела, как вокруг теперь расхаживает, размахивая хвостом, крупный котяра-рысь, пятнистый и яркий. Вот он сунулся к Мике и получил лапой, и кошка рыкнула. И при этом она не злилась, ничуть — она желала отдохнуть и это была всего лишь просьба подождать.

Просветление наступило, и Ринна, подхватив юбку и почти не разбирая дороги, кинулась к оставленной лошади, по пути провалилась в сугроб и зачерпнула сапожком снега. Лошадь ждала на том же месте — какая умница.

Она всё поняла, конечно. Когда успокоилась и задышала ровно. Как было не понять? Они знали, что через два месяца Мика принесёт котят. Детей, как говорят, дарит Светлое Пламя — как тут было сообразить, каким образом Пламя наделяет детишек кровью их отца? Вот, теперь вопросов не было. Потому что в то, что у людей всё совсем иначе, отчего-то не верилось.

Волнение прошло, но воспоминание о звуках и запахах зимнего леса, об отчего-то таком пряном запахе хвои, об испытанном рысьями острым удовольствии будоражило разум долго, и пронзительный мускусный запах, который облаком окутывал Мику и её кота, как наяву продолжал щекотать ноздри.

Разумеется, она никому ничего не сказала. Яркость впечатления угасла, и Ринна вдобавок ко всему попыталась по ощущениям воспроизвести картинку — как это все происходило? Любознательность и фантазия — воистину проклятье, лучше бы она этого не делала. Получилось ужасно — смешно и стыдно. О Пламя Справедливое, неужели ты заставляешь и людей, после того как их обвенчают в Храме, проделывать что-то подобное?!

Время шло, и, казалось, она всё забыла. Осталось лишь сухое знание — что это бывает, и это всеобщий секрет. Заговор взрослых, чтобы раньше времени не пугать детей отвратительным знанием. А то, что это доставляет удовольствие — так любое помрачение рассудка, должно быть, приятно! Да-да, леди Ринна была категорична в рассуждениях. И все равно, на следующий год, когда ей снова сказали, что пришло время рыси погулять по лесу и её не следует тревожить, она отыскала Мику.

На этот раз она была осторожна, отрезала от себя ощущения. Мика, должно быть, чувствовала хозяйку, но против такого легкого присутствия не возражала. Ринна наблюдала. С Микой был уже другой кот, и ещё один бродил неподалёку, но его прогнали. А пятнистая пара была чрезвычайно довольна друг другом и проделала всё целых четыре раза. Мика всякий раз после сближения прогоняла ухажёра и не позволяла приблизиться, пока отдыхала и чутко дремала, сколько хотела, а кот волновался, недовольно фыркал, но держал дистанцию, потом Мика урчаньем подавала знак, и всё повторялось...

Они были равны и свободны, эти лесные коты. И никаких тебе «леди должна подчиняться супругу и выполнить свой долг». И вот ещё: «Первейшая обязанность каждой леди — дать наследников своему супругу, быть послушной, добродетельной, желания супруга должны стать её желаниями».

Одна из гувернанток, эсса Мирана, преподавательница этикета, рукоделия и изящной словесности, читала Ринне такие назидания с удручающей регулярностью. Раньше их можно было пропускать

мимо ушей, но с некоторых пор стало тошнить. Только и оставалось, что укрыться под крылышком Исминеельды или Ноны, против них любые жалобы воспитательниц были бесполезны, отец просто не слушал.

Скоро в Лингар явился первый возможный жених для дочери графа, он был среди тех, кто сопровождал леди Бьюлу и её матушку. Первое появление в Ленгаре будущей графини, приглашение погостить и знакомство, ещё даже не помолвка. К тому жениху отец отнёсся благосклонно, явно не прочь был заполучить в родственники — сын графа, племянник герцога, получит титул, с гарантированной придворной должностью. Да, вдовец, лет тридцати — слишком взрослый для девочки, которой всего тринадцать! Ей он показался старым, почти как отец. И смотрел гость на неё ровно с такой же теплотой, как и на свою породистую лошадь.

Отец мягко намекнул. Потом эсса Мирана намекнула более конкретно и потащила Ринну в Храм возносить хвалу Пламени за его милости. Такой подходящий жених — о чём ещё желать? А Ринне, которая вначале отнеслась к этому лорду спокойно, теперь он казался мерзким — отвратительней просто не бывает. Его запах. При первом знакомстве Ринна его не ощутила, но потом...

С ней случилась истерика. Воспитательницы были в шоке, семья неприятно удивлена, от гостей скрыли. А ведь никаких решений ещё не было принято!

Ринну привёл в чувство лекарь, потом ей долго читала проповедь эсса Мирана — про обязанности леди, про милость Пламени и про чёрную неблагодарность, недостойную графской дочери. Ринна могла только молча плакать, слушая эту невыносимую чушь — надоело, а деться некуда! За этим их застала Исминеельда. Наставница рассвирепела и вытолкала добродетельную эссу вон. Ринне она налила воды и увела гулять в парк, и там, слово за слово, выпытала всё.

Выслушав, Исминеельда молчала довольно долго. Размышляя, покусывала сорванную с кустарника веточку. Потом сказала:

— Девочка моя. Не каждый запрет — чья-то прихоть. Иногда это необходимость.

— Мне жаль, поверь. Но ведь и так все всё знают?

— Именно, дорогая. Желание любить и размножаться для животных на первом месте — когда наступает пора. Они такими созданы, это непреложный закон. Когда это происходит, Мика сильнее тебя. Ты сильная, это так, но ты ещё маленькая. Лишь очень опытный, умелый тай может мешать зверю во время брачных игр, да и мало кто станет это делать. Зачем?

— И что теперь?..

— Зато ты, кажется, ещё лучше стала сливаться со зверем. Это редкость.

— Я постараюсь разучиться. И всё же — что теперь?

— Да ничего. Ты уже взрослая, несколько лет — и выйдешь замуж. Ты просто немножко рано узнала этот закон жизни — откуда у рыси берутся котята, а у леди — обожаемые наследники её супруга. Не ты одна. Но лучше бы тебе сначала занять свою пару. То есть выйти замуж, я хочу сказать. Тогда бы чувства рыси тебя не волновали.

— Исминеельда. Мике было так хорошо! Она всегда так?.. То есть, звери? А люди?

Наставница засмеялась и обняла её.

— Да, дорогая. Удовольствие — это награда Создателя за попытку завести потомство. Оно полагается всем — животным, птицам. Иначе мы жили бы в пустыне! Ты только представь себе мышей или лис, которые делают это из чувства долга, как некоторые леди... — она прикусила губу и снова засмеялась, — нет-нет, я немного не то сказала. У людей с этим тоже всё в порядке, поверь мне.

— И тебе не кажется, что это смешно? И стыдно? То, как это делается?

— Да, котёнок. Поэтому сначала надо немного сойти с ума. Это ещё называют любовью. И вот тогда это бывает и не смешно, и не стыдно.

— Исминеельда, ты пошутила сейчас?

— Да, дорогая, — наставница, смеясь, обняла её, — всё будет прекрасно, только подожди. Я знаю, что твоя матушка подарила тебе право выбирать, так что ничего не бойся. А я буду с тобой, пока ты не выйдешь замуж, потом меня прогонишь!

— Никогда, Исминеельда! — Ринна повисла у неё на шее.

Отец ничего этого так и не узнал. Он не тай и поймёт неправильно всё, что можно понять неправильно — объяснила наставница. Она сама как-то расстаралась добыть ошейник с амулетом, и рыси леди Ринны больше не покидали её в начале весны, и не приносили котят. А когда отец умер, брат сразу удалил Исминельду из Ленгара. Она была любовницей отца, и этого новый граф Ленгар ей не простил. Она тоже умерла где-то в Кандрии через несколько лет. А Ринна... иногда она убегала гулять в парк в теле Мики, а сама при этом оставалась на балконе, дремала или читала, не понимая ни слова. Это было весело. И никто даже не догадывался. Это такой пустяк! Она тай, а другого тая, с кем можно было поделиться таким секретом, в Ленгаре не было.

Клубок воспоминаний был готов, Ринна бросила его прочь и вытянулась на постели. В её новом сне рысь снова шла мягкой поступью, прислушивалась и ловила носом лесной ветер. Только шла она не за любовью. Ей требовались собственные угодья, чтобы охотиться, и новое безопасное логово.

Глава 5. Сладости с перцем и без

Цирковые повозки и палатки стояли кругом на лужайке у трактира, пахло дымом, и, несмотря на ранний час, уже было оживлённо. Огромный циркач, что подмигивал Ринне в их первую встречу, теперь колот дрова, и топор в его большой руке казался игрушечным. Он помахал и улыбнулся, она тоже махнула рукой. Интересно, узнал он в ней девушку, которую видел на кухне Ленгара?

У колодца толкались, плескались, один их парней в шутку окатил другого из ведра и тут же получил подножку, упал на траву. К колодцу подошла служанка, и тот, что стоял на ногах, помог ей набрать воды в ведро. Заметив Ринну, он картинно ей поклонился и показал на колодец, давая понять, что место свободно. Она не подошла — умыться у колодца было неловко. Сегодня ей пришлось обойтись без умывания, потому что служанка не явилась, а самой искать кого-то для утренних услуг было явно бесполезно. Кажется, придётся разжиться где-то ведром, тазом для умывания и с вечера принести воды. Никогда в жизни ещё Ринна Венеш не заботилась о том, где взять таз для умывания — он всегда был на своём месте. А для чего ещё существуют служанки?

Ринна прошла за повозки, рассчитывая встретить там Рика или Мару, рысь, мягко ступая, шла рядом. И она — Ринна чувствовала — была голодна. Следовало раздобыть мяса или отпустить зверя охотиться, то есть вывести из города. А когда-то требовалось лишь приказать...

Мара и Клея занимались готовкой возле костра, разведенного между повозок. Девочка месила тесто и недовольно бурчала.

— Будут лепешки, — сказала Мара Ринне, — нам подарили мёд. Как тебе спалось?

— Хорошо спалось. Теперь бы поохотиться, — пошутила та, показав взглядом на рысь.

— Накормить? Я быстро. Тогда это тебе! — Клея сунула Ринне в руки доску с тестом и поманила за собой рысь.

«Иди. Слушайся», — разрешила Ринна, забирая доску.

— Вот нахалка девчонка, — засмеялась Мара. — Прости её.

— Да ничего. Есть мёд, говоришь? Дай попробовать? А перец есть?

Мёд к лепешкам — хорошо. Мёд с перцем будет ещё лучше.

— Там твои вчерашние покупки, — Мара показала на сундучок, стоящий у колеса повозки. — Перец будет не чересчур ли?

— Нет, поверь мне, — Ринна с опаской посмотрела на чугунную жаровню, пока ожидавшую на траве. — Если поможешь. Я не умею готовить на костре, — она подняла и повязала фартук, брошенный Клеей.

В сундучке нашлось немало полезного, в том числе мешочек с купленными вчера специями и тяжёленькая деревянная ступка. Ринна выбрала специи — перец, один мускатный орех и палочку корицы, немного кардамона нашлось у Мары, — всё высыпала в стопку и принялась толочь.

— Эй! Давай помогу, — рядом стоял парень, облитый водой у колодца. — Не даром, конечно. Доброго дня, тётушка! — бросил он Маре и, присев, крутнулся на пятке.

Мара ему добродушно кивнула. Ринна не помнила этого парня — чужак?

— Помоги, — согласилась она, — получишь лепешку с мёдом. Да, Мара?

— Поглядим, — согласился парень, широко улыбнувшись. — Я не всякое сладкое люблю.

Однако он ловко управлялся со ступкой, и Ринна занялась тестом. Клея замесила его просто, без сдобы, но с пряным медовым соусом такие лепёшки понравятся и королю. Впрочем, раньше, когда король Фарут гостил в Ленгаре у отца, он предпочитал простую еду, а изыски за столом едва пробовал. Говорили, что женитьба на красавице Савадине, кандрийской принцессе, сделала его более взыскательным. А Венеш потеряли королевское расположение, потому что вскоре Ринна отказалась выйти замуж за младшего принца из дома Крансартов. Потом отношения наладились, но Ринна бывала при дворе только на официальных приемах — на прочие балы и увеселения её не приглашали, только брата и Бьюлу. Королева Савадина оказалась злопамятной.

Раскатывать лепешки пришлось на смазанной маслом доске. Выпечкой занялась Мара. Ринна, оценив труд парня — получился мелкий порошок, что и требовалось, — отложила в котелок меда и добавила специй. Мед она грела медленно, чтобы дать ему пропитаться вкусом и запахом пряностей, гора лепешек между тем росла. А циркач, оставшись без дела, подобрал несколько

длинных щёпок и закрутил в пальцах, подбрасывая по очереди. Это было красиво, и Ринна ему улыбнулась.

— Как тебя зовут? — спохватилась она, — нас не представили.

Мара, переворачивая лепешку, весело фыркнула.

— Думал, не спросишь, — ухмыльнулся парень. — Ярвик. Жонглёр, фехтовальщик.

— Сколько же вас, фехтовальщиков, — вырвалось у неё.

Ей понравится Ярвик. Веселый, напоминал одного из младших кузенов.

— Таких, как я? Мало, — тут же последовал уверенный ответ. — Как же зовут тебя, красавица?

— Ринна Ве... Ринна. Старинное руатское имя, знаешь ли.

— Понятно. Ринна. Ты тай? То твоя была рыска? Всё равно не пойму, как же ты на круге работаешь с такими белыми ручками?

— Много будешь знать — состаришься быстро, — она принялась поливать лепешки медовым сиропом, черпая его деревянной ложкой.

— Да неужто? — сморщился он и спохватился, повернулся к Маре, — тётушка, я ведь шел сказать, Ярита передала — ты хотела знать про джубаранского колдуна? Это точно он. Так что пусть девчонка носа не высовывает.

— Ох. Так, значит? — Мара всплеснула руками, — и везёт же ей на напасти! Ну хорошо. Спасибо! — и охнув, принялась снимать последнюю, подгоревшую лепешку.

— Схожу к Кавертену, — заявила она, взяв свою клюку. — И Лей пришлю, пусть лепешки несёт на стол!

— А я плату хочу, — напомнил Ярвик, провожая Мару взглядом. — Где мое сладкое?

— Вот, держи, — Ринна свернула две верхних лепешки, бросила в отдельную миску. — Скажешь, как понравилось.

— Э, не-ет, — протянул он, выразительно поглядев на Ринну, — говорю же, я не всякую сладость люблю...

— Ничего другого мы не готовили, эсс Ярвик — отрезала она, и, собственно, это всё, что она успела.

Он очень быстро оказался рядом, а она — в тисках его крепких рук. Её губы прижались к её губам, так, словно желали выпить её до доньшка. Ошарашенная, она дёрнулась, стараясь вырваться, куснула его, и Ярвик отпустил, отстранился:

— Что? Вот кошка дикая!

И от того, что он тоже назвал её дикой кошкой, она опять онемела от изумления. Они что — сговорились? И тут как раз парень отлетел в сторону и покатился по траве. Рядом стоял взбешенный Рик. Ярвик резво вскочил и, что-то выкрикнув, бросился на Рика, чтобы тут же наткнуться на его кулак. Следующий удар схлопотал Рик.

— Нееет! Эссы! — опомнившись, завопила Ринна, на неё не обратили внимания.

— Эй, хватит, уймись, она же согласна! Она с нами уйдёт, я откупное заплачу! — проорал Ярвик. — Ах, какая у неё улыбка! Ты же согласна?! — обратился он к Ринне и еле увернулся от кулака Рика.

Рик что-то прорычал в ответ. Ещё пара тумачков — и Ярвик остался лежать на траве. И людей вокруг разом стало как-то слишком много — откуда-то выскочил Ивар, появились Кавертен и тяжеловес-дровосек — этот взял за плечо Рика и что-то говорил, наклоняясь к его уху. Ивар, присев, похлопал по щекам Ярвика и посмотрел на Ринну так, словно хотел убить её на месте. И тут примчалась молодая женщина, очень красивая, с криком кинулась к Ярвику, он со стоном сел, потирая челюсть и сверкая глазами на Рика.

— Хороши, — протянул Кавертен, — выйдете на круг с уже побитыми рожами, сразу сорвёте аплодисменты.

Ярвика увела разгневанная красавица — от её языка досталось и ему, и Рику, и Кавертену заодно. Остальные разошлись сами. Осталась Ринна — она прижималась спиной к столбику повозки, остался Рик.

— Так на что вы там... согласны? — глухо спросил он.

— Ни на что, — она помотала головой, — я не хотела, я... Он стал помогать нам с Марой, вот и все. Он какое-то известие ей принёс. Мы... ни о чём...

— Дорогая, — Рик выразительно посмотрел на неё, — будьте аккуратней с незнакомцами. Вы не в своей ленгарской гостинной.

— Но я... Он просто сошёл с ума, — вскинулась она, задетая несправедливостью.

— Да? И я его понимаю, — ответил Рик тихо, — и это мне вы ещё не улыбались. А жаль. Улыбнитесь мне?

— Эсс Рик, — вздохнула она. — Что за глупости?

Между тем он уже быстро и плавно переместился — точно как Ярвик! — и был рядом, и обнимал её. Погладил по щеке. Тот же тёплый его запах, от которого и в прошлый раз кружилась голова, и запах крови из поцарапанной скулы — захотелось лизнуть.

— Улыбнитесь мне?

И Ринна улыбнулась. Ей действительно вдруг стало смешно. Вот зачем он так делает?! Не следовало, конечно, но она улыбнулась. Ей было в его объятиях хорошо. Их губы и так были рядом, и очень просто они соединились, слились вместе, и... кровь отчего-то стала как игристое вино из подвала Ленгара — когда открывают бутылку.

Рик остановился сам, отстранился, быстро улыбнулся и ушёл, а Ринна ещё какое-то время стояла возле повозки, приходя в себя. Скоро приковыляла Мара и стала искать что-то в сундучке. Потом посмотрела на Ринну и хмыкнула.

— Что, ударило в голову? Вот так-то, девочка.

— А ты что, подглядывала? — не удивилась Ринна.

— Скажешь тоже! Заглянула и ушла, чтобы не мешать. Грешно мешать, такому-то! — она засмеялась. — Вот и опять видно, что кошка. Коты из-за тебя подрались — и тут же сладилось.

— Что-о? — поразились Ринна.

— Как влиять на кошку, используя её натуру? Вот так, например. Когда за кошку дерутся два кота, она достаётся победителю, — сказала Мара и, опираясь на свою клюку, поковыляла прочь.

Ринна проводила её взглядом. Возражать, спорить? Доказывать, что не кошка?..

Как раз Клея привела Мику. Она привязала ей на шею ленту и вела, как собачку на поводке. Сообщила радостно:

— Рысь совсем ручная! Мы поиграли немного, ты не заждалась?

— Ничуть. Это тебе надо прятаться от джубаранского колдуна? — вспомнила она сообщение Ярвика.

— От того джубаранца? — оживление мгновенно испарилось с лица девочки, у неё даже губы побелели, — он в Раби?

— Маре передали, — Ринна пожала плечами, уже сожалея, что так небрежно спросила, — что ему нужно от тебя?

— Что нужно? Да что им всем нужно, проклятым?! — глаза Клеи налились слезами. — Забрать меня. Джубаранец! Лучше уж лорд!

— Ты серьезно? Да что такое?! — рассердилась Ринна. — По закону ни у кого нет права тебя забирать! Здесь Ленгарское графство, здесь соблюдают законы!

— Он же колдун, — шмыгнула носом девочка, — говорят, сильный. Никто ему не помешает, тем более твой граф. Да какое графу до меня дело? Меня просто спрячут, работать не дадут. Тоже плохо.

— Не бойся ничего, — Ринна обняла её. — Отведай-ка лепёшку. Или нет, отнесём их на стол. Кстати, кто такой Ярвик? Я его не видела раньше, откуда он взялся?

— Ярвик? Он тут? — радостно встрепенулась Клея, — это брат Яриты. Они из цирка Фано. Не знаю,

откуда он взялся, но повидаться хочу! — и страшный джубаранский колдун перестал быть для неё главной новостью.

Так, а Ярита, значит, та красотка, которая недавно тут ругалась. Нет, не хотелось Ринне снова встречаться ни с ней, ни с этим Ярвиком, но — бояться, прятаться? Не дождутся.

— Пойдём, — сказала она.

Все были там, за столом. Ярвик устроился на дальнем краю, рядом с тяжеловесом, а Ярита, сверкая синевой глаз и жемчужной заколкой в смоляных волосах, сидела рядом с Риком и что-то рассказывала, жестикулируя, а он улыбался. Недавняя драка была прощена и забыта. Какие же они беззлобные, эти циркачи, ну прямо как дети! Или?..

«На рысь можно влиять, если понимать её рысиную натуру. И даже не нужно быть таем», — говорила Мара. И этот намек про драку котов! Про рысиную натуру — конечно, чушь, но неужели Рик с Ярвиком могли нарочно устроить драку? И Ярвик... всё делал тоже нарочно?..

Но это... Что ж, если так, они славно посмеялись.

Ринна поставила на стол злосчастные лепешки.

— Надеюсь, вам понравится. Мы с Марой старались.

— Если с Марой — значит, пальчики оближешь, — тут же весело заявила Ярита, даже не взглянув на Ринну, и продолжала что-то объяснять Рику, который тоже Ринну словно не заметил.

— О, как же вкусно! — воскликнул кто-то.

Лепешки исчезали с блюда. Сладкое любят почти все, а если сладость правильно приправить — равнодушных не будет вовсе. Людей собралось много, сидели теснее, чем, вообще говоря, позволяли приличия. И рука Яриты непринуждённо легла на грудь Рика.

Так, значит. Про драку двух котов всё понятно, а как насчёт двух кошек? Это и подавно весело.

Да, весело. И пришёл азарт — это как играть в кости в маленькой гостиной Бьюлы, когда каждая дама ставила золотые.

Ринна Венеш действительно могла случайно слиться с рысью, то есть упускала сам момент связи, ненадолго забывалась. При этом могла говорить, что-то делать — и бежать по лесу или забираться на дерево, и спохватывалась не сразу. На этом и «поймал» её Рик, заметил странное. Но куда чаще она отлично это контролировала. Вот как сейчас, например.

Рысь припала к земле и зашипела, а потом издала пронзительный мям и прыгнула на стол, опрокидывая чашки, замерла перед красоткой Яритой и зарычала. Та взвизгнула, вскакивая. Всех сидящих как отбросило от стола. Кто-то ругался, кто-то схватил палку, а Рик остался сидеть, только теперь он смотрел на Ринну.

Всё, не надо палок. Уже всё.

Она бросилась к столу, обняла присмирившую рысь.

— Простите. Это я виновата. Не могу сдерживаться, такая натура, рысиная. Прости, Ярита. Это я в бабушку, она была ревнивой! — но во взгляде, которым она одарила циркачку, сожаления точно не было.

Тот тай, сын Мары и, значит, брат Клеи, сидевший тут же, зажмурился и отвернулся — он сдерживал смех. Ивар тоже раскашлялся, подавившись яблочным чаем. Остальные по-прежнему мало что понимали, а Рик молчал.

— И что это значит? — растерянно спросила Ярита.

— Да просто не подходи близко к моему мужу, — ласково попросила Ринна. — Говорю же. А то поцарапаю и не замечу.

— Да, прости мою жену, Яра, — сказал Рик, — она и правда такая: ранит случайно, зато насмерть. Да, дорогая? — он глянул на Ринну.

— Преувеличиваешь, дорогой.

Мике надоело терпеть непонятное представление, и она снова зарычала и выпустила когти.

«Отойди. Я больше не буду», — Ринна погладила её по загривку.

— Так вы женаты, что ли? — воскликнула циркачка. — И почему не сказали?! — и она отступила от стола. — Ну, с меня хватит! Мы уходим. Ярвик!

— Я провожу, Яра, — Ивар встал, подавая ей руку.

Ярвик, догоняя этих двоих, прошёл близко от Ринны и, коснувшись её руки, быстро сказал:

— Извини, Рыска.

Это извинение мимоходом лучше прочего развеяло сомнения.

Почти сразу все разошлись, а Рик подошёл к ней.

— Должен ли я верить своему счастью, дорогая? Что-то боюсь так сразу верить.

— О чем вы, дорогой? — едко улыбнулась она.

— Так это была шутка? — в его взгляде опять были мёд с перцем.

Кстати, на блюде не осталось ни одной лепешки. Не переложила ли она перца?

— Вы разыграли ревность, чтобы посмеяться? — продолжал Рик. — Недавно ещё стеснялись пройтись со мной, а теперь травите рысью ни в чём не повинную девушку? Вы непоследовательны и жестоки.

— Я стеснялась? Была не права, простите за недомыслие, — сказала она. — Я растерялась от таких перемен. Но вы мне тогда всё объяснили. Для всех мы женаты. Начни я обниматься с каждым, и вы решите, что это урон вашей чести? А для меня — не то же самое?

— Мне даже нечего возразить, — кивнул Рик. — Хорошо, простите.

— И потом, это была тренировка, — продолжала Ринна с улыбкой. — Вы считаете, что я плохой тай, а тут такая возможность. Вы упражняетесь в дрессировке рыси, и я тоже, знаете ли...

— Ничего не понял, — удивился Рик, — какую рысь я дрессирую? О чём вы толкуете, вообще?

— О чём толкую? О том, как приручить рысь, зная её повадки. По правде говоря, сама я не додумалась бы!

— Так-так. А можно об этом подробнее? — он либо ловко притворялся, либо действительно не понимал.

— Ах, перестаньте, — усмехнулась она, — ваш друг Ярвик более правдив. Понятно, что вы нарочно затеяли драку.

— Я нарочно затеял драку?! Кто-то из нас сошёл с ума. Интересно, кто? — Рик поймал её за руку.

Разговору помешал Кавертен — появился рядом и окликнул Рика.

— Поговорим потом, — тот нехотя отпустил Ринну.

Ну конечно, потом они поговорят. А пока она поскучала немного и позвала Клею прогуляться по торгу — хоть вдвоём, хоть с кем. Не тут-то было! Стоило им сделать шаг в сторону, как дорогу преградил цирковой охранник — она уже знала, что несколько парней, которые временами вели себя как циркачи и даже помогали ставить шатёр, на самом деле охрана.

— Нельзя без Рика, — объяснил охранник, строго зыркнув на неё. — Он на этот счёт предупредил.

Она знала такую породу людей и почувствовала её в этом парне — солдат, пёс, выполняющий приказы. Странно было такого встретить здесь.

— А Кавертен? — уточнила она чисто из любознательности. — Если он отменит приказ Рика?

— Нет, эсса. Только Рик может разрешить, — повторил охранник.

— Но разве не Кавертен — хозяин? Рик здесь кто? — она просто захотела выяснить, что к чему.

Охранник немного смутился, открыл рот, чтобы ответить... и закрыл, не ответив.

— Рик запретил, — повторил он внушительно.

Оставалось скучать, и ещё шитьё.

— Забери Лей, сделай одолжение, — попросила Мара, — пусть сидит в трактире, пока джубаранцы не уедут из города.

— Может, я уже ему и не нужна? — с надеждой предположила девочка, — ну что во мне такого особого, скажи?

— Хорошо бы! Да им, джубаранцам, как втемяшится что в голову! — не согласилась мать, и вручила корзинку с шитьём, — посидишь взаперти, ничего с тобой не станет.

Ринна увела Клею к себе. Маленькая циркачка не любила шить, поэтому с несчастным видом бубнила жалобы:

— Я только пальцы исколю. У меня швы кривые получаются! Лучше бы я разминаться сейчас пошла! На круге бы отработала! Мне прошлый раз знаешь сколько денег накидали? Да я бы купила такую рубашку, и осталось бы! Зачем мне сидеть и пальцы колоть?

Оно и не стала «колоть пальцы», а принялась плести человечков из суровых ниток, найденных на дне материнской корзинки. Ринна тоже не слишком любила шитьё, но её воспитательницы были безжалостны, а каждая леди обязана уметь шить идеально. Вот она и стала шить, затейливой строчкой, скользящим швом — не придерёшься. А Лей пусть развлекается порчей ниток, какая разница.

— А Рик в Асвард ради тебя приехал? Чтобы жениться? — Клея наматывала на пальцы ярко-рыжую нить, распустив для этой цели льняной лоскут.

— Может быть. Я не знаю, — пожала плечами Ринна и проказливо улыбнулась. — Может быть, у него были и другие дела.

Ради неё, как же. Горничная в предыдущем трактире упоминала, что Рик и Ивар ехали в столицу не с цирком, а сами. Почему, интересно? Вот бы узнать.

— Ты ведь давно знакома с Риком? — уточнила она.

— Лет пять или шесть. Он вообще-то из другого цирка. Знаешь, он ведь обещал, что сразу уедет после Ленгара! А привёз тебя.

— Интересно, зачем ему чужие цирки, если у родителей есть свой. Ведь есть же?

— Так говорят, — кивнула Клея. — Но это часто бывает. Он же не один сын. Хозяева договорятся, да и мало ли что. А может, у его цирка квитки в другую сторону. А циркачу всегда с цирком лучше — и помогут, и защитят, если что.

— Что за квитки?..

— Не знаешь? — удивилась девочка, — нельзя выступать, где придётся, надо сначала квиток купить. Это разрешение работать в городе. А то на праздник в хороший город десять цирков съедутся, и куда им деваться?

— А где их покупают?

— В городских управах. В Гильдии ещё. Друг у друга хозяева перекупают. Хороший квиток на праздничные дни знаешь сколько стоит!

— Догадываюсь. Ой, что это? — Ринна разглядела, что накрутила из ниток Клея.

Тонкое туловище, четыре лапы, хвост, голова-клубочек, на ней — рыжие льняные лохмы.

— Это лев, — сказала Клея, — такой большой кот. Он живёт в пустыне, — она сжала в кулаке игрушку и тут же отбросила её от себя.

— Вот как. Ну да, немного похож, — признала Ринна. — Я видела его на гобелене. Он огромный и не такой худой, а так да, похож.

— Он мне снился, целую неделю, — сказала Клея. — После того, как тот колдун приходил. Полгода назад, в Сороте. Кавертен тогда сам водил меня в храм и купил браслеты, защитные, — она показала тонкие серебряные полоски с узором из языков пламени на обеих руках. — После этого лев пришёл и сказал, что не боится браслетов, и что заберёт меня потом. И больше не приходил.

— Это же был сон, — вздохнула Ринна. — Разве можно верить каждому сну?

— Вот мне и священник так сказал. Только лев обещал, что придёт осенью, на праздник Маленького Господина. Я рассказала. Мы не поняли, что это за праздник такой. Кавертен тогда поменялся

квитками с другим цирком, сюда должен был идти цирк Баядира, а мы — по их пути, к Предгорьям. Кавертен сам не желает с колдуном связываться. Вроде бы столица — хорошо, да? Но мы сразу получили приглашение в Ленгар, на день рождения графского сына! Вот тебе и праздник! — Клея всхлипнула.

— А при чём здесь Ярвик и Ярита?

— Ярита знает колдуна. Она... танцевала для него. Наложницей не была, нет. Она... слишком взрослая для этого. А тут они проездом, мама сказала.

Всё было запутано, но всё же стало чуть понятней.

— А Рик?..

— Что Рик? Его с нами и не было тогда. Мне мой Корвин предлагал просто пойти в Храм и пожениться, но мама пока не позволяет, — и она заплакала.

Ринна утешала девочку и думала, как же проще всё было для неё: она просто отказывалась от нежеланных предложений, а недовольство родственников — такая, в сущности, мелочь.

Вечером, перед представлением, Рик зашёл за Ринной и вручил ей бархатную полумаску.

— Вы точно не отдадите меня? — заволновалась Клея.

— Не говори глупостей, — он легонько щёлкнул девочку по носу.

— Что мне там делать? — не поняла Ринна.

— Да просто посмотрите. Может, я хочу вам понравиться, наконец, — пошутил он.

Глупая шутка — он имел шансы понравиться ей где угодно, но не на цирковом круге. Лишь там нельзя было забыть о том, что он циркач! Но действительно, не сидеть же в душном трактире дни напролет!

Она взяла маску и оглянулась на Клею, ободряюще ей улыбнулась.

— Я скоро вернусь. Заодно посмотрим, явится ли в цирк твой колдун.

Рик тоже сразу надел маску, узкую, из чёрного бархата, она была потёртой и застёгивалась на замочек сбоку. И Ивар, ожидавший их у входа, щеголял в такой же маске, он толковал о чём-то с охранниками. Был ещё один парень, Ринна его видела среди циркачей — он один волновался больше всех, желваки так и ходили на привлекательном скуластом лице.

— Иди наверх, Корвин, сыграй в кости со своей красавицей, — посоветовал Рик. — Обойдёмся без тебя.

Парень кивнул и рванул наверх.

— В Кандрии за принуждение циркачек — тюрьма и кандалы, — негромко заметил Ивар, глядя куда-то поверх крыш. — Почему-то кандалы не нравятся даже колдунам. А колдуны из Джубарана что, особенные?

— Есть и особенные, — сказал Рик. — Поглядим на этого, — и взял Ринну за руку, переплёл пальцы, осторожно погладил... она покачала головой и отобрала руку.

— Простите. Я отчего-то волнуюсь. Кажется, Клея не зря боится того колдуна.

Ей нравилось держать Рика за руку, как и нравилось любое его прикосновение. Но ведь это очень плохо, что ей нравилось! Ещё бы помнить об этом утром и не смешить народ, изображая ревность! Только Рик знает, что это была скорее её месть. Но — да, теперь было немного стыдно.

Ивар обернулся, посмотрел холодно.

— Лей? Побоится и перестанет. А вы не волнуйтесь, джубаранцы девиц старше двадцати в упор не видят. А уж замужних...

Говорил он спокойно, даже учтиво, но Ринна отчего-то вздрогнула, как от пощёчины. Рик заметил, бросил на брата недовольный взгляд, но этим ограничился. Зато снова взял её за руку.

— Мы притворяемся молодожёнами, у которых всё хорошо.

Возле шатра били в барабан и играли на дудках, зазывала громко вопил — Ринна даже не сразу разобрала, что это он так приглашал на представление. У входа кружились две танцовщицы,

подбрасывая цветные шарики, радостно улыбались прохожим, всем своим видом обещая, что внутри шатра их ждёт нечто интересное.

Всё хорошо? Почему бы и нет.

— А вы зачем прячете лица? — тихонько спросила она у Рика.

— Так загадочней, — пояснил тот с улыбкой, — и так мы больше нравимся купчихам, которые занимают первые ряды, — и улыбнулся шире в ответ на косой взгляд Ринны.

— Как я сама не догадалась!

— Жена не любит, но ревнует. Хоть что-то.

— Я не жена вам...

Ринну посадили на скамью за кругом, возле занавесей — рядом с Марой. Мика свернулась у неё в ногах. Смотреть цирковое представление отсюда будет непривычно, лучшие места для зрителей — ровно напротив. А она будет видеть спины артистов, зато зрителей — очень хорошо. И никаких джубаранцев, которые очень отличались внешностью и одеждой, в шатре пока не было.

— В трактире осталась охрана, и у них защитные амулеты, — тихо сказал Ивар Маре.

— Если он придёт, то будет говорить со мной, — твердо ответила та. — Меня он не заставит дать согласие.

— Так ему все-таки нужно согласие? — удивилась Ринна.

— Да, но он добивается его обманом! — Мара гневно сжала губы.

— Надо было просто позвать стражу! — бросила Ринна с досадой.

Этот метод борьбы с колдунами-обманщиками казался самым очевидным для сестры графа. Амулеты для стражи вовремя обновлялись, в Ленгаре на этом не экономили, хотя преступления с применением колдовства были здесь редки, да и те не шли дальше мошенничества. Вот именно, с обращения в стражу и следовало начать!

— Стража не любит вмешиваться в наши дела, — объяснила Мара, — и городские власти не любят, и сам граф тоже.

— Вы заплатили за работу в городе, значит, имеете право просить защиту у властей.

Мара только слабо усмехнулась.

Музыка снаружи стала стихать, люди, что ещё толпились там, теперь заходили внутрь и рассаживались. На передних местах действительно оказалось немало дородных женщин, одетых с претензией на богатство — купчих и богатых селянок, но и мужчин там тоже было немало. Все скамьи заняли, многие зрители стояли. Заиграла пронзительная мелодия, замершая вдруг на высокой ноте, и на круг вышел Кавертен в серебристом парчовом плаще, он низко поклонился, взмахнул странным клетчатым флагом и поприветствовал публику. Представление началось.

Кое-что Ринна уже видела в Ленгаре — там выступления были частью увеселений в парке. Она помнила, как танцевали девушки в алых и зеленых платьях, босые и с огромными шелковыми платками, они ими размахивали, чертили в воздухе причудливые узоры, платки в умелых руках словно жили своей, отдельной жизнью. А юные леди начали шептаться о том, как можно было выступать в красных платьях!

— Ах, это же цирк, — пояснила чья-то престарелая тётушка. — Это не обычные люди, кто же с них спросит! Это не пример для подражания.

Отчего-то эта презрительная фраза теперь вспомнилась так отчётливо. Не обычные люди, не такие, как должно! Необычные.

Акробаты под самым куполом проделывали трюки, упражнения гимнастов заставляли усомниться, все ли кости у них на месте, жонглёры... ох, чем они только не жонглировали. На круге танцевали не только на ногах, но и на руках, ходили колесом, кувыркались. Все это умело разбавлял собой Кавертен: он появлялся с флагом, объявлял номера, шутил с публикой, смешил и получал свою долю аплодисментов. Это был хороший цирк, который показывал немало удивительного. Зрители одобрительно кричали, топали, подбадривали, подначивали, иногда тревожно умолкали — когда происходило что-то совсем уж головокружительное.

Странное дело, теперь, когда Ринна смотрела не с того места, что обычно, она не могла забыть, как

сидела с этими людьми за столом, переговаривалась, угощала и принимала их помощь. Это просто люди. Гимнастка на длинной лесенке могла оступиться, вон тот парень, который ходил с ними по торгу в первый день — поскользнуться и сорваться с каната, пара акробатов, что кружилась под куполом — ошибиться, не выдержать, упасть. Вспомнилось, что циркачам запрещено пользоваться колдовством, но только теперь она осознала это. А раньше, когда смотрела цирковые представления, циркачи просто казались ей удивительными заводными куклами, с которыми ничего не может случиться — это же цирк, а они — необычные. Как же многое может измениться просто оттого, что начинаешь наблюдать с другой стороны...

Рик. В черном костюме, в чёрной полумаске он встал у деревянного щита, а Ивар с другого края круга стал бросать ножи: первый нож, второй... десятый, все вонзались в паре дюймов от его головы и плеч. Ринна перестала дышать, и только когда ножи закончились, вспомнила про амулет: в Рика нельзя попасть, он защищён. И она испытала облегчение, радость. Все равно, Ивар поразительно владел искусством метать ножи. Потом они поменялись местами, и Рик повторил трюк.

Когда номер был окончен, а на круг в очередной раз выступил Кавертен, Мара больно вцепилась Ринне в колено:

— Он тут. Джубаранец. Вон... видишь?

Тот мужчина отличался и внешностью, и одеждой. Она отчего-то ожидала увидеть седого старика — нет, это был не старик, а мужчина лет около сорока. Он сидел на месте, которое недавно занимала какая-то толстуха, и невозмутимо взирал на представление.

— Вижу, Мара, — она пожала руку циркачке.

Чужестранец выглядел ярче всех в цирке, не считая циркачей: в широкой тунике до колен, на которую был надет жилет, на шее — пестрый платок, а поверх всего — лёгкий плащ, штаны были тоже широкие, стянутые бантами на щиколотках, остроносые кожаные туфли украшала золотая вышивка. Голова его была непокрыта, чёрные волосы коротко подстрижены, над завитой бородкой потрудился цирюльник. Ринна уже видела джубаранцев — как-то раз отец принимал в Ленгаре важных особ из этой далёкой страны. И это был единственный раз, когда он не представил гостям дочь. Сына, лорда Клайка, своего наследника — представил. А может, наоборот — их ему, Ринна не очень поняла, какое положение занимали эти гости.

— В Джубаране другие обычаи, — объяснил он потом. — Там до сих пор покупают и продают рабов. И имеют по несколько жён. И вообще... возможно, потом я расскажу больше.

— Это ведь правда, что они имеют по многу жён, а ещё наложниц, и можно жениться на рабыне, которая куплена на рынке? — вмешался Клайк.

— Не все, и необязательно, но... да, — отец поморщился, — в этой стране такое возможно.

— Какая дикость! — воскликнула тогда Ринна.

— Другие обычаи, — мягко возразил отец. — В основном джубаранцы добрые и разумные люди, которые привыкли жить иначе, нежели мы.

Это было так давно. И вот — джубаранец. Добрый и разумный, просто другой? Судя по тому, что они о нём уже знают — вряд ли. Да и вообще обычай открыто иметь кучу жён и наложниц — как это можно?!

Но он не страшный, нет. Даже красивый, пожалуй — красивый непривычной, немного дикой красотой. А кто вон там, у входа? Там тоже вытянулись двое рослых джубаранцев, только проще одетых.

Она разглядывала колдуна, сначала робко и осторожно, потом осмелела и стала смотреть, не таясь — джубаранец не сводил глаз с артистов на круге. И вдруг... Ринну как иглой прошило чужим взглядом: страшный человек взглянул на неё, и на несколько долгих мгновений этот взгляд соединил их, связал намертво. Ринна перевела дух, когда колдун снова стал смотреть на артистов. Он сидел на скамье прямо, не шевелясь, и смотрел.

Кавертен выходил несколько раз, и несколько раз менялись номера на круге, Мара волновалась, а Ринна пришла в себя и готова была рассмеяться над своим страхом — подумаешь, чужестранец на неё посмотрел! Но вот очередной номер закончился, и он, чужестранец, встал, переступил низкий барьер и прямо через круг, обойдя выскочившего Кавертена, двинулся к ним — к Маре и Ринне.

Он остановился в паре шагов. На Кавертена, который пытался помешать, не обращал внимания. Ринна ожидала, что он заговорит с Марой, и та ему ответит, достойно, как и собиралась — твердо откажет, и всё на этом! У джубаранца нет права требовать. Какими бы ни были циркачи «другими», они — подданные одного из королевств. Даже будь это не так — на земле Руата живут по законам

Руата!

Зрители сдержанно шумели, не понимая пока, что происходит, а те, кто сидел рядом, смотрели во все глаза, может быть, считая происходящее частью представления, кто-то позади совсем уж некстати засмеялся и заулюлюкал.

Мара встала, тяжело опираясь на свою клюку, но колдун лишь мельком взглянул на неё. Вот на Ринну он смотрел иначе. Вынул из-за пояса кошель, развязал, вытряхнул — посыпалось золото, много. Ринна замерла от изумления, глядя на падающие под ноги золотые кругляши — монеты звенели, подпрыгивали, раскатывались.

— Что вы делаете, эсс?! — воскликнула она.

Джубаранец протянул ей руку:

— Пойдём со мной, принцесса. Здесь тебе делать нечего.

Мара ахнула, прижав ладонь к губам.

— Я не принцесса! И не циркачка. Вы не можете ничего такого мне предлагать! — запротестовала Ринна, тоже вскочив. — И я замужем! Пожалуйста, эсс, заберите ваши монеты!

— Ты не пожалеешь.

— Нет! Я не согласна. У меня есть муж! — она оглядывалась, мечтая, чтобы муж появился прямо сейчас, но он, как назло, не спешил.

Кавертен попытался вмешаться, горячо подтвердил, что муж есть, даже схватил джубаранца за локоть — тот без усилий его стряхнул и приблизился, небрежно наступив на золото, взял Ринну за руку, продолжая смотреть ей в глаза.

— Это ложь. Ты ещё не была женой ни одному мужчине. Ты девственна, принцесса, — он сказал это абсолютно спокойно и достаточно громко.

— Я не принцесса!

Преодолевая какое-то внутреннее сопротивление, Ринна всё же выдернула руку и отступила. Быстрые шаги, возгласы Кавертена, недовольные крики из противоположной части шатра... Рик, наконец-то. Рик оттеснил Ринну, собой заслонив её от колдуна.

— Эта женщина моя жена, — раздельно, четко сказал он. — Вы пришли сюда смотреть представление, уважаемый эсс. Так смотрите, и не нарушайте обычаев этого места.

Тем временем Ивар крепко взял Ринну за локоть и отвёл в сторону. Другие мужчины-циркачи тоже появились на круге, но не приближались, стояли кто ближе, кто дальше. Джубаранца это не смущало, и его охрана у входа шатёр тоже не беспокоилась.

— Я не нарушаю обычаев, — ответил колдун. — Это цирк. Я могу взять отсюда девушку, если достойно заплачу. Я даже спрашиваю её согласия. Тебе следует изучить древние законы этой земли, мальчик, — если он хотел обидеть Рика, то своего добился, тот побледнел, сжал зубы.

— На этой земле теперь всё иначе, а от древних законов ничего не осталось, как не осталось и костей тех, кто по ним жил, — сказал Рика жёстко.

— Ты уверен? Без древних законов нет цирка, — усмехнулся джубаранец и добавил несколько слов на чужом языке, гортанном и непонятном.

И Рик вдруг ему ответил, на том же непонятном языке. Вот теперь колдун посмотрел на него иначе, с недоумением и уже с другим вниманием. Они обменялись довольно длинными фразами, и Рик вытянул из-за ворота шёлковый шнурок — на шнурке висело кольцо. Опять непонятные речи, и колдун — о, Пламя! — поклонился Рiku, не почтительно, а скорее формально, обозначив этим некое признание. И Рик тоже поклонился, ровно так же, как и джубаранец.

— До свидания, принцесса? — джубаранец нашёл взглядом Ринну, и в его голосе ясно слышался вопрос.

— Прощайте, эсс, — твердо сказала она.

Короткая улыбка — и чужак направился к выходу, он выглядел невозмутимым, как будто ровным счётом ничего не произошло.

Рик, не обращая больше внимания ни на кого, обнял Ринну и увёл её за занавесь. Там, развернув к

себе, обнял крепче, прямо-таки стиснул в объятиях, так и стоял, покачиваясь, и не собирался её отпускать, и она не возражала.

— Испугалась? — шепнул он, — уже всё хорошо.

Рядом, на круге, уже продолжалось представление, Кавертен что-то выкрикивал, кто-то визжал и смеялся. А она удобно пристроила голову ему на грудь, и да, было хорошо, но...

— Что это было?! — спросила она тоже шёпотом.

— Ну как что? Ты ему понравилась. Ты ведь красавица. Ты чудесная.

— Рик! Ты говорил на его языке?

— И что? Его язык — не секрет, можно выучить.

— Но откуда ты его знаешь?!

— У меня был учитель из этой страны. Он умел глотать длинные железные спицы и изрыгал огонь. Пользовался успехом у публики.

— Ты это серьезно, Рик?

— Клянусь, дорогая.

— А кольцо? Что это за кольцо? — она хлопнула его по груди, убедившись, что перстень там, висит на шнурке.

— О, его мне подарил один очень знатный джубаранский вельможа.

— Он тоже изрыгал огонь?..

— Ну что ты! — Рик с удовольствием запустил пальцы в волосы на её затылке. — Он такой важный, что изрыгнуть огонь не сумел бы.

— Рик, ты смеёшься надо мной?

— Что ты, дорогая. Это всё правда, клянусь честью.

— Где ты встречал этого вельможу?

— Он был послом в Кандрии. Ему так понравился цирк, что он посещал каждый новый, что приезжал в столицу.

— А что он тебе сказал... этот, колдун? О чем вы говорили?

— Ну... под конец он отечески объяснил мне, что если юную деву невинность украшает, то для супруги она малость неуместна. И он прав, конечно.

— Рик!

— Извини. Но я ведь считаю, что мы женаты.

— А я считаю, что нет. Мы лишь делаем вид. Притворяемся. Довольно смеяться, Рик, — она со вздохом вывернулась из его рук, он с неохотой, но отпустил.

Ей очень хотелось бы знать — как джубаранец понял, что она невинна? Ну как?!

— Как там с Клеей? Он отказался от неё?

— Я и не думал смеяться. Но тебе ведь нравится притворяться моей женой, да?

— Эсс Рик, я прошу...

— А про Лей мы не говорили. Думаю, он больше не станет докучать.

Она кивнула, но это была скорее надежда, чем согласие. Клее, например, ещё снился лев. И он что-то ей обещал...

Глава 6. Прогулка

Золотисто-ржавая луна плыла по небу, путаясь в рваных облаках. Время, когда кошки не спят! И рыси, конечно, тоже.

Рысь и не спала. Она принялась, потянулась, выпустив когти и распушив шерсть, и выскользнула в приоткрытую дверь. В пустом дворе заурчала, постояла, опять принявшись и прислушиваясь, и со всех лап припустила по лужайке за ворота, потом — по тёмным улочкам. Лес, оказывается, был так близко! Оказавшись под его сенью, рысь первым делом забралась на дерево, прикорнула у ствола, слушая уже не мир вокруг, а себя. Настало время охоты, но рысь не была голодна. Внизу, у корней, шуршали прошлогодними листьями мыши, на соседнем дереве в дупле притаилась белка. Но — нет, рысь хотела другого. Её влекло... куда-то. Её звали, и нельзя было не откликнуться. Куда-то далеко, прочь из этого леса, из её леса! Нет, не опасность. Ну что ж, значит, она пойдёт.

Рысь перепрыгнула на ветку соседнего дерева, мякнула, вдохнув близкий запах белки, перебралась на следующую ветку — лес был густой, деревья стояли, сплетаясь кронами, можно было идти по ним, как по мосту, не касаясь земли. Недалеко прошмыгнула куница — она охотилась. Где-то ухал филин. А рысь передвигалась дальше, короткими, уверенными прыжками — шла на зов.

Собственно, это была не рысь.

Деревья внезапно закончились, Ринна спрыгнула на землю, на сухую траву, и пошла, удивляясь — куда она попала? Это был уже не её лес. Трава, камни, какие-то незнакомые цветы пахли сильно и сладко — что это за место?..

Громкое рычание впереди заставило остановиться, приникнуть к земле. Но она не удивилась, она этого ожидала. Это лев, тот самый... лев. Вышел из-за низкого кустарника.

— Приветствую тебя, принцесса.

Он был ржаво-желтый, как та луна в небе, с пышной гривой медного цвета и жёлто-зелёными глазами.

— Приветствую тебя, колдун, — сказала Ринна, поднявшись на лапы и стараясь стоять твердо и смотреть с достоинством, — зачем ты заставил меня прийти? И где мы?

— Я тебя не заставлял, — с усмешкой ответил лев. — Я попросил. Спасибо, что пришла, принцесса.

— Не зови меня принцессой. Я не королевская дочь, и это не мой титул.

— Ты не дочь нынешним королям, но в тебе кровь древних королей, об этом говорит твой дар. Как и у твоего господина, который тебе не муж. Но в тебе больше золотой крови. Ты можешь менять облик. Он — нет. Мало кто может.

— Почему?..

— Кровь королей рассыпалась каплями по разным землям, но имеющим дар досталось по одной капле. Тебе — больше.

— И тебе? — догадалась Ринна.

— И мне, — важно кивнул лев. — У нас это тоже редкость. Останешься со мной? Обещаю, что не пожалеешь.

Лев был красивым, сильным и могущественным зверем, от него так и веяло этой силой, спокойствием и, пожалуй, доброжелательностью. Настоящей или обманчивой? Ринна ощутила нешуточное желание подойти и потереться о его тёплый золотистый бок. Но... нет. Она не этого на самом деле хотела.

— Прости, я не могу. Пожалуйста,пусти меня.

— Отпустить? — огорчённо уточнил лев, — что ж, тогда убегай. Я дам тебе немного форы, а потом буду догонять. Ты сумеешь уйти, если захочешь.

— Это нечестно, ты сильнее! — возмутилась она.

— Это только так кажется. Ну же, принцесса, не теряй времени! — и он угрожающе зарычал, а Ринна отпрянула, потрясённая такой переменной, и бросилась прочь.

Она бежала туда, откуда пришла, но в той стороне уже не было её леса — он непонятным образом исчез. Была пустыня — сухая земля с пожухлой травой, камни, всё больше камней, целый лабиринт

из камней, тупики и расщелины. Ринна неслась со всех лап, обходила, перепрыгивала, и всё время слышала за спиной льва — его дыхание, рычание, его прыжки, и это длилось и длилось, безобразно долго...

Всё! Каменный коридор, а впереди был обрыв, теперь следовало стать птицей, но этого Ринна Венеш точно не могла! Она повернулась на шатающихся лапах. Лев стоял, помахивая хвостом, как будто не устал. Вот он напряжился, изготавившись к прыжку, и Ринна зарычала и тоже прыгнула, выпустив когти. На него. И отчего-то ей удалось даже сбить его с ног — ей, такой маленькой! Они упали и покатались по земле. Наконец лев оттолкнул её и встал, отряхиваясь. Она опять приготовилась прыгнуть!

А лев засмеялся.

— Довольно, принцесса. Закончим. Прости, если огорчил. Ты понимаешь, что это сон, просто наш с тобой сон?

— У нас не может быть общих снов, колдун! — рыкнула Ринна.

— Почему не может? И не такое случается. Я решил поиграть с тобой, чтобы послушать и понять. Хотел, чтобы ты раскрылась. Так и вышло. Ты изменилась, разве не чувствуешь?

Что она чувствует? Усталость быстро прошла. У неё мощные лапы, пружинистое тело... острые когти гораздо длиннее прежних! Цвет шерсти темнел на глазах. Сон? Кажется, это действительно так!

— Каким зверем ты себя ощущаешь? — продолжал несносный лев.

Ну и вопрос! Она ощущала лишь уверенность, что без сомнений вцепится в эту надменную львиную морду! Но ответила спокойно — а что вы хотите, воспитанные леди не теряются от неуместных вопросов!

— Кем ты меня видишь, колдун?

— Большой изумрудной пантерой, но с дымно-синими глазами. Они часто встречаются на моей родине. Они крупнее обычных, черны, как ночь, а глаза у них зелёные. Изумрудные. Я хотел бы увидеть тебя золотой львицей. Так было бы, если бы в душе ты решила стать моей женщиной. Это сон, помнишь? Наш сон.

— Думаю, нам уже пора проснуться! — заявила Ринна.

Чёрная пантера, надо же! Как она могла ею стать? Хотя, да, во сне может случиться всё.

— Я попросил прощения и всё объяснил, — напомнил лев. — А теперь приглашаю тебя прогуляться. Давай поговорим. Ты увидишь много интересного. Мой дворец, мои сокровища. Не бойся, — он опустил голову и разглядывал её исподлобья, и в такой позе не казался опасным. — Ты убедилась, что можешь защищаться. Это и твой сон, как решишь, так и будет. Чувствуешь, что мы не можем лгать друг другу? Будем говорить лишь правду. Не обязательно всю, разумеется, — лев улыбнулся, и странно было видеть такую откровенную улыбку на его звериной морде.

Всё было так, она могла защищаться и даже изменилась. Она это чувствовала. Это был сон! Вот только сможет ли она проснуться, когда пожелает? Всё равно, проснуться придётся. И ещё — она вдруг действительно поняла, что лгать в этом сне не получается. Можно говорить правду или не говорить ничего. Надо же, какая удача, жаль было её упускать! Кажется, колдун скажет немало интересного.

— Я согласна, колдун. Покажи свой дворец. И скажи, я нужна тебе только из-за дара? Мне уже даже не восемнадцать... — она вспомнила брошенную Иваром реплику.

— Мне тоже не восемнадцать, — лев фыркнул. — Ты мне нравишься, и ты прекрасна. Хотя, если бы не дар, я бы не настаивал. Мне известен твой возраст, принцесса, я даже знаю, кто ты. Догадаться просто, дочь владетелей Ленгара. Ты не только правнучка древних королей, ты в родстве с нынешними. Я не столь знатен, однако, надеюсь, мое положение при моем владыке, да продлятся его дни, это компенсировало бы. Итак, мы идём?..

Он подождал, пока Ринна приблизится, и они плечом к плечу пошли к выходу из каменного лабиринта.

— Ты занимаешь высокое положение? Тогда что ты делаешь здесь, в Руате? — спросила Ринна.

— Путешествую. Попутно занимаюсь делами, когда — нужными, когда — просто приятными.

— Пугать девочек из цирка, делать их наложницами — это скорее приятное дело, чем нужное? —

связвила она.

Леди бы такого себе не позволила, но она тут, знаете ли, пантера. С дымно-синими глазами.

Лев снова фыркнул и посмотрел на Ринну весело.

— Фу, что за предположения. Ты ошибаешься, принцесса. Я не принуждаю женщин. И не покупаю их. Я их искушаю, соблазняю, морочу им головы. Я и тебя сейчас собираюсь искушать и соблазнять. Вдруг не устоишь? Кстати, ответь, в твоём роду многие умели превращаться в зверей?

— Я не умею превращаться! Наяву — не умею.

— Тогда тебя здесь не было бы. Просто ты кое-чего не знаешь. Изменять тело колдовскими методами можно, но это трудно и бывает опасно. Меняющие облик, как мы с тобой, просто держат под рукой зверя, в которого могут войти частью сознания. Это быстро, просто и безвредно. Короли таким образом могли принять облик любого зверя.

— Ты возишь с собой льва? — Ринна поёжилась, отчего-то ей не понравилось услышанное.

— Разумеется нет. Мой лев остался дома. Ты опять забыла, что всё тут — лишь сон?

— Что это за древние короли?..

— Они правили много тысяч лет назад, до прихода Священного Пламени, которое теперь горит на ваших алтарях. Откуда явились — кто знает. Это место далеко, и неизвестно, под нашим ли небом. Можешь считать это старыми сказками, принцесса. Вот, смотри, — он показал движением головы, — сейчас увидишь мой дворец.

Они обошли большой камень, и Ринна увидела. Дворец был не слишком велик и не похож ни на их Ленгар, ни на королевский замок в Асварде, ни на любой другой известный ей замок на Побережье. Не было крепостных стен и башен, воздушные строения в несколько этажей соединялись переходами, а вокруг дворца, как его чудесная оправа — сад с ручьями и фонтанами. Прилетевший с той стороны ветер принёс прохладу и тонкий запах цветов и фруктов.

— Тебе нравится? Будешь здесь хозяйкой?

— Мне нравится, — честно призналась Ринна. — Сколько хозяек у твоего замка уже есть?

— А, вот ты о чём, — рокот в груди льва определённо был смехом. — Сейчас у меня нет женщин. Да, многие содержат гаремы, но это не обязательно. Вообще, ты неверно понимаешь. Гарем — это не один большой курятник на всех. Подойдём ближе.

Дорожки, выложенные плоскими белыми булыжниками, так и стелились под ноги. Лианы с крупными листьями и аппетитными на вид жёлтыми плодами свешивались над дорожками. Вода в фонтанах казалась хрустальной, а узор из мелких сияющих плиток, устилающих чаши, хотелось долго рассматривать. Внутри дворца пол был из белого и серого камня. Резная мебель из светлого и темного дерева, украшенная камнями и костью. Посуда из меди и серебра, вся в чеканных узорах. Ковры, узоры на которых повторяли узоры на чеканке. Занавеси из шёлка. Всё цветное, яркое — много цветов, много больше, чем в убранстве домов на Побережье.

— Слишком много излишней роскоши, — невзначай заметила Ринна.

На самом деле эта роскошь не была безвкусицей и ей понравилась, но она не собиралась сдаваться.

— Посмотри ещё, — лев показал на стол, — открывай шкатулку.

Лев?! Это был уже не лев, а мужчина, джубаранец, которого она видела в цирке. И она... Она была в том же простом платье из коричневого льна, купленном на торгу, с собранными в простой узел волосами, и выглядела, мягко говоря, невзрачно. От этого захотелось выпрямиться и поднять подбородок выше.

— Открывай шкатулку, принцесса, — с улыбкой повторил джубаранец.

Она открыла. Этой шкатулке место было в королевской сокровищнице. Блеск золота и камней ослеплял. Предположить, что все джубаранские колдуны столь богаты? Нет, это ведь сон, наведённый морок, нет на самом деле никаких таких сокровищ!

— Нравится?

— Нравится, — согласилась она, — кое-что. Я больше люблю, когда украшения маленькие, изящные. Ты скажешь сейчас, что готов подарить всё это мне?

— Не совсем так. Но на главные праздники года ты будешь сама выбирать себе подарок.

— Так даже интересней, — признала Ринна, — Вся эта куча лишь пугает, не кажется настоящей. А вот понемногу, да ещё если выбрать — прекрасно придумано, колдун.

— Мужчины тебе тоже нравятся маленькие и... невзрачные?

Она удивлённо посмотрела на него. Ах, так это он решил привлечь внимание к своей особе! Ну конечно, он хорош, этот колдун. Высокий, широкоплечий и нарочно в безрукавке, чтобы она оценила, как бугрятся мышцы на его руках, перехваченных выше локтя тонкими браслетами. У него правильные черты, а глаза... Да он красив! Хитрец. Это опять морок?..

— Останешься со мной? — спросил он серьезно.

— Нет, — без колебаний ответила она. — Прости. Мне не нужен твой замок и твои драгоценности. У меня уже были... чужие. Я хочу своё.

У неё были замок и земли, оставленные мамой. Было назначенное отцом приданое. Король решил, и... всё. Но как можно обезопасить себя от такого? У королей есть права. Только у них — есть!

— Это неправильно, — удивлённо заметил колдун. — Дворцы женщины получают от мужчин. Они сами могут разве что вышить его на шёлке или нарисовать на песке. Только мужчина построит тебе дворец. Ты считаешь, что твой господин — построит?

— Он не господин мне. И я не жду от него дворцов. И от тебя тоже. Я должна ответить, колдун? Вот, я ответила: нет. Но спасибо, что показал столько любопытного.

— Хорошо, — он наклонил голову. — Но мне жаль. Насчёт него... не жди понимания. Твои умения ему недоступны. Его дар слаб, хотя выучка — блестящая. Я, например, слышу, что ты не защищена. Дар открывался произвольно, тогда и надо было учиться защите. Теперь — трудно. Но со мной тебе бояться нечего.

— Я научусь, — заверила Ринна. — Он тоже говорил об этом.

— Надеюсь, — кивнул колдун. — В сущности, тебе может угрожать только человек с сильным даром, который поймёт, что ты уязвима. Можно никогда такого не встретить, или встретить, но он не поймёт или не воспользуется. Но в твоей жизни случились перемены, а они имеют причину.

— Причину? — она тряхнула головой, — конечно. Так решил король Фарут.

— Когда с горы несётся лавина, причина бывает в том, что кто-то толкнул один камешек. Для чего?

— Что ты хочешь сказать?

— Просто размышляю, — он невозмутимо посмотрел за окно, там по ветке скакала маленькая птичка. — Вот что, скажи мне, принцесса, чего ты сильно желала, когда была маленькой? Какую-нибудь красивую вещь? Найди здесь похожее и возьми на память, — она кивком показал на свою шкатулку. — Выбери, что понравится.

Станный он, как будто среди драгоценностей можно найти любое желание!

— Совсем маленькой я играла драгоценностями мамы. Она позволяла брать что хочу и носить хоть целый день. Нет, я не мечтала о драгоценностях. Мне хотелось открыть кондитерскую лавку, — сказала она. — Готовить и продавать сладости, — это было откровенное признание, совершенно нелепое для дочери Венешей.

Но ведь это сон, а во сне всё бывает и перемешивается самым невероятным образом.

Давнее-давнее детство. Приезжает тётя, леди Эйра, с дочерью, Ринна посвящает кузину в свою игру в куклы, потом тётя рассказывает отцу и тот мягко пеняет маме. Та пожимает плечами — это лишь забава для ребёнка!

Ну конечно, одно дело, как истинной леди из Ленгара, взвешивать специи для пряников, сверяясь со старой пожелтевшей прописью, или пару раз в год делать вид, что отмеряешь муку для праздничного хлеба, но совсем другое — продавать черни сладкие булочки в лавке. Ринна и тогда понимала, что дальше игры не пойдёт, даром что была маленькая.

— Я играла с куклами в кондитерскую лавку. Когда была совсем малышкой, конечно. Но я уже поняла, что на это невозможно. Хотя и забавно, я бы попробовала.

— Кондитерскую лавку. Неожиданно.

— Мне можно, я сумасшедшая — спроси у кого угодно.

Колдун негромко рассмеялся.

— Значит, ты можешь не только вышивать или рисовать дворцы?

— Именно. Я могу печь их из медового теста. И не только. Леди из Ленгара могут испечь что угодно.

— Я не подарю тебе кондитерскую лавку, — он усмехнулся. — Пойдём, принцесса.

Они молча шли по белым дорожкам. Колдун был сосредоточен и смотрел перед собой. Сад почти закончился, остались только низкие кусты, а дальше — пустыня. Сухая трава и камни.

— Это тебе. Вот, смотри, — он взмахнул рукой, и на его ладонь откуда ни возьмись стало наматываться тяжёлое кружево цвета топлёных сливок. Он расправил, встряхнул — это оказалась большая шаль.

— Завернись, и будешь защищена. Без обучения, раз — и готово. Никто на тебя не повлияет.

Она нерешительно взяла в руки кружевное полотно.

— А чего ещё не случится... никогда? Какой подвох, колдун?

— Подвох? Молодец, осторожная девочка. Ты почувствуешь, что часть дара ушла, исчезла. Не сможешь превращаться в зверя. Немного останется, скорее то, что есть у любого тая. Но ведь дар тебе не особо и нужен. Так что?..

— Благодарю, но нет. Я обойдусь без такого подарка, — она поспешила вернуть шаль.

— Не доверяешь, — он грустно улыбнулся, — хорошо. Я оставлю это здесь, видишь? — он бросил шаль на камень. — Захочешь — придёшь и возьмёшь.

— Ты хочешь сказать, что она будет...

— Да, её не унесёт ветром и не испортит дождём и солнцем. Это ведь твой сон. Теперь лишь твой, нам пора прощаться.

— Последний вопрос, колдун! — встрепенулась Ринна. — Скажи, ты больше не станешь преследовать Лей... Клею, ту девушку?

— Нет.

— Скажи, ей ты тоже показывал дворец и всё в нём? Она... на что-то согласилась?

— Да. Но мне она больше не нужна, я передумал. Прощай, принцесса.

— Прощай, колдун! — она помахала рукой, глядя, как медленно растворялась, сливалась с прозрачно-голубым небом высокая мужская фигура.

А вокруг — жара, сушь, камни, вот пробежала маленькая серая ящерка с оранжевой спинкой и юркнула под камень. Превращаться в рысь — и куда бежать, в какую хотя бы сторону? Только пустыня куда ни глянь, где лес?!

Стало так одиноко и страшно. Это сон — как же проснуться?!

— Рик Кан! — позвала она, сначала тихо, — Рик! Забери меня отсюда! Помоги, Рик!

Тут ведь пустыня. Никто не услышит, так смысл кричать? И это сон, сон, сон!! Но она тут же почувствовала, как её подняли, стиснули, прижали, затормошили, и услышала:

— Ну наконец-то! Просыпайся же! Просыпайся, дорогая! Ну же, открой глазки!

По щеке провели жесткой щеткой — больно! Кто-то поцеловал её в сомкнутые веки, потом в губы, и она даже ответила, и было так приятно...

Хотя, почему кто-то?! Она знала эти руки, этот еле слышный тёплый запах. И она распахнула глаза, сначала желая раствориться в его взгляде, и тут же — возмутиться, ударить, вцепиться когтями. Она была в руках у Рика, буквально на нём лежала, а он одетый сидел на её кровати, привалившись к высокому изголовью, и держал её, прижимал к себе.

— Что вы делаете?!

— Целую вас. Не знаете, что это лучший способ прервать колдовской сон? Я всего лишь бужу вас, любовь моя.

— Да-да. Спасибо. Но... вы не должны так делать!

Он не позволил ей вывернуться и отодвинуться, вместо этого ещё пожаловался:

— Демоны зеленые, я с вами скоро с ума сойду. Всего несколько дней прошло, а уже мог бы!

— Вы давно здесь? — она всё-таки вырвалась и теперь оглядывалась, пытаясь вспомнить начало этой ночи.

Рика тогда тут не было, конечно. Она оставила с собой Клею и долго её утешала. Потом девочка уснула под самой стенкой.

— Где Клея?

— Убежала от вас и позвала меня. Испугалась. Правильно сделала.

— Давно?

— Два часа, три... уже не знаю. Она будить побоялась, поняла, с кем вы там... прогуливаетесь. Я тоже боялся, колдовской сон опасно прерывать в неподходящем месте. Всё хорошо? — казалось, что он был чем-то страшно недоволен, но успешно это скрывал.

— Да, спасибо. Вы... — она смутилась, — Лея поняла, с кем я? И вы?.. Я что, разговаривала?

— Иногда, бессвязно, — он отвел взгляд, — я запомнил что-то про кондитерскую лавку.

— Колдун сказал, что отказывается от Лей. Ей нечего бояться.

— Хоть какая-то хорошая новость.

Он встал и поцеловал Ринне кончики пальцев.

— Поспите ещё, время есть. Не боитесь? — сказал Рик.

— Нет, я не боюсь.

К ней пришла спокойная уверенность, что тот сон закончен и больше не вернётся, как и колдун в любой ипостаси. Они всё решили.

— Вот и хорошо, — он задержал взгляд на её топазовой подвеске, — голубые топазы ведь считаются семейным камнем вашей матери?

— Да, это её, — она накрыла подвеску ладонью.

Мама никогда не носила эту вещь.

— Доброго вам остатка ночи, — пожелал Рик перед уходом.

Себя не предложил в качестве компании! Это обижало. Или как вернее — удивляло? Пусть бы предложил, а она бы возмущённо отказалась. Вот как это назвать?..

Она потерла лицо ладонями и вздохнула. Он боится сойти с ума? Да с ней это быстрее случится! Он, по крайней мере, уже решил, чего хочет!

Ей больше не спалось. И Мика беспокоилась и вертелась на одеяле, чувствуя настроение хозяйки.

— Ну хорошо, пойдём гулять, — решила Ринна.

Прогулка во сне разбудила желание повторить это наяву, конечно без львов, дворцов и прочих трудностей. Ринна нечасто это делала. Значит, очередной раз будет сегодня. Пришлось отпереть окно, чтобы рысь выбралась наружу. Сама Ринна вернулась в постель и улеглась, прикрыв глаза — со стороны казалось, что задремала.

Она бежала, перепрыгивая с крыши на крышу. Коты разбегались прочь, несколько раз поднимали лай цепные псы. Забавно было первый и единственный раз увидеть Раби, приграничный город Ленгаров, вот так, ночью, бегая по крышам. Редкая способность, оказывается. Она знала, что Исминельда так не может, насчёт Рика — не знала. Он свысока объяснял ей про промахи и плохое обучение, а получается — и он не может. Всего и толку от дара, что невинная забава, но ведь приятно! Она получила это от мамы, с кровью! И никто не отнимет.

Нагулявшись, она вернулась на постоянный двор, прошлась, так же перепрыгивая, по составленным в круг цирковым повозкам. Принюхивалась. Ну да, правильно, хотелось понять, где Рик! Где он спит? У него был беспокойный день и почти бессонная ночь. Ей хотелось всего лишь взглянуть на него. И теперь у Ринны-рыси было преимущество перед Ринной-девушкой — она могла найти его по запаху. И она быстро удостоверилась, что Рика и Ивара вообще нет в лагере. Значит, они сняли для себя комнату.

Небо уже по-рассветному посветлело, но люди ещё спали, и добротное двухэтажное здание трактира смотрело на пустой двор темными окнами. Одно окно на втором этаже было освещено, Ринна осторожно подобралась туда. Это было просто — нижний каменный этаж образовывал карниз шириной в локоть перед верхним, деревянным. Окно был приоткрыто, и сразу на рысь дохнуло запахом этих двоих, Рика и Ивара. И даже не подходя вплотную, она услышала их голоса.

— ...тут мне нечего сказать, сам решай, — продолжал о чём-то Ивар. — Зато точно знаю, что мне твоя матушка голову оторвёт.

— Не наговаривай на неё, — лениво отозвался Рик, — она добрейшая женщина.

— Только не тогда, когда просит за тобой присматривать, — язвительно пояснил Ивар. — Тоже, нашли воспитателя.

— Угу, кто ещё кого воспитывает, — поддержал Рик.

— Бабушку твою я тоже боюсь. Она только посмотрит — и мне хочется завилать хвостиком... хотелось бы, если бы он у меня был.

— Не огорчайся, бабушка на всех так влияет. Но ведь и она — добрейшая женщина.

— Твой отец нас тоже не похвалит.

— Ну что ты заладил, как колесо несмазанное? Бабушка, кстати, будет рада. Это она настаивала, чтобы моя жена была таем. Чтобы дар не ушёл из семьи. А отцу вообще всё равно. Я третий сын, никому не интересен.

— Ты дурак, если так думаешь.

— У Ринны сильный, необычный дар. Дурак я был бы, если бы не женился.

— А ты женился? Тогда почему со мной ночуешь, а не с ней? Лично я бы держался подальше от женщины, которая пытается торговаться даже со Светлым Пламенем.

— Вот и держись подальше, — посоветовал Рик, — и за языком следи.

— Ты хотел только взглянуть на неё, верно? Только взглянуть. Вот, как взглянул, и надо было мне по башке тебя треснуть, в тюк упаковать и увезти. И мы бы с тобой сейчас прекрасно проводили время. А потом матушка нашла бы тебе невесту, и всё радовались бы.

— Я тебя сам сейчас тресну. Надоел. И кстати, тогда ты огорчил бы бабушку. Никто не обрадует её сильнее Ринны, поверь мне.

Чувствовалось, что Ивар и Рик спорили привычно и совершенно беззлобно.

— Да я ручаюсь, что она мечтает от тебя избавиться. Сомневаешься? Наверняка графа предупредили, а он — её. Ну вспомни того типа, который чуть не оказался на твоём месте. Ладно, мы ему по ушам надавали и в сарае заперли. А он ведь золото сулил! Клялся, что леди Ринна его ждёт и слёзы по нему льет. Одет, как бродяга, а такой беленький и чистенький — ты сам заметил.

— Неудивительно. Кто-то не слишком знатный рассчитывал породниться с графом. Думаешь, все сразу поверили, что дочь Венеша вот так взяли и выбросили из Ленгара навсегда?

— Кто хотел убить тебя, братец? Уже забыл?

— Он уже перехотел.

— А вчера на весь город объявили, что она тебе не жена.

— На весь город?! — Рик ухмыльнулся. — Да в цирке чего не бывает.

— И это твоя леди ещё не знает, что ты и не помышляешь везти её в монастырь к тётушке. Попробуй, скажи ей.

— Придёт время — скажу...

Тут уже Ринна не удержалась — рысь зарычала, выпустив когти. В комнате скрипнула кровать, кто-то шагнул к окну. Рысь рыжей молнией прыгнула вниз и умчалась, а пёс, привязанный у кухни, залился лаем.

Потом рысь осторожно вернулась — уже сама по себе, — прошмыгнула в открытое окно и улеглась. Ринна сидела в смятении, обхватив колени руками. Вот, прогулялась! И как понять то, что они там наговорили? Бабушка-тай будет довольна — ах, какая радость!

Рик её обманывает. Во всем. И что это за бедолага, который чуть не опередил циркачей? Подозревать её в сговоре с кем-то — какая чушь! И это они вызволили Мику из клетки, дав Ринне возможность отказать престарелому герцогу Ольгеру!

Ну да, герцогу отказала, потому что якобы с кем-то сговорилась.

Чушь, ерунда. Скорее, действительно кто-то решил жениться в надежде на выгоду, или... может быть, кто-то в неё тайно влюблен? Или даже явно — она что, обращала на это внимание?

Нет, разумнее думать о худшем — решили воспользоваться. Хорошо, что не смогли. А ей надо понять, как теперь быть с Риком. Ему нужны дети от женщины с даром? Хочется бабушку порадовать? А ей, Ринне Венеш, можно пока морочить голову?

Ну уж нет. Но что делать?..

Циркачи с утра устроили разминку во дворе, прямо на траве. Кто-то кувыркался, некоторые жонглировали чем придётся. Рик фехтовал на палках с Корвином — Ринна уже знала, что это жених Клеи. И это был не бой, а что-то в роде танца, чтобы разогреть мышцы и покрасоваться перед зрителями, которые выглядывали из всех окон, а работники с кухни и вовсе побросали дела и стояли смотрели. Двое великолепно сложенных мужчин, раздетых до пояса! Волнующее, оказывается, зрелище, хоть и не сказать, чтобы приличное. Ринна прихватила из комнаты полотенце, спустилась в кухню, сама налила себе в стакан горячего молочника — ждать прислугу тут не имело смысла, — и, позвав рысь, вышла во двор.

Клея сидела на скамье у стены, не сводя глаз с фехтовальщиков, и искренне переживала, когда более умелый Рик принимался теснить Корвина. Ринна села рядом, спросила:

— Я тебя напугала ночью, да?

— С тобой все в порядке? — ответила Клея вопросом.

— Спасибо, что позвала Рика. Проснуться в его объятиях мне было приятно, — пошутила Ринна.

И ведь чистую правду сказала, между прочим.

— Так кто тебе мешает? — хихикнула Клея. — Он тебе всё-таки муж или не муж?

Конечно, ей рассказали, что вчера случилось в цирке.

— Вот, видишь? — Ринна показала брачный браслет на запястье. — Ты мне лучше ответь на один вопрос. И это будет только между нами, поняла? Но скажи правду.

Клея глянула с опаской и кивнула.

— В твоём сне был колдун в образе льва, да? Он показывал тебе разные диковинки, обещал подарить — да? Ты на что-то согласилась?

Клея нагнула голову, пряча лицо.

— Ты согласилась уйти к нему? — Ринна отвела падающие на щёки девочки пряди. — Да? А потом проснулась и передумала? И своим побоялась сказать? Между нами, Лей. Обещаю.

— Да! — вздохнула та. — Но ведь это было не настоящее! Он меня заколдовал. Это был колдовской сон! И он показывал такое, что невозможно было удержаться! У меня такого не было никогда-никогда, и не будет! Он колдовством меня заставил...

— Понятно, Лей, — остановила её Ринна. — Я хотела убедиться, был ли сон правдой. Ведь мне мог сниться и собственный кошмар, да? Похоже, колдун действительно говорил с нами.

— Ты — от всего отказалась?

— Да, — пожала плечами Ринна. — Не кори себя. У меня когда-то было много всего, мне было нетрудно.

— На тебе и теперь золото. Ты была богатой, да?

— Вот будешь выходить замуж за Корвина, напиши мне письмо, и я сделаю тебе драгоценный подарок. Потом расскажу, как мне написать.

— Но это просто, — улыбнулась Клея и вытерла мокрые глаза. — Для Рика Кавертен оставляет письма в гильдейских домах, и они доходят.

— Вот и хорошо. Кстати, лев сказал, что передумал, и ты ему больше не нужна.

— Да? Это правда?! — и Клея радостно повисла у неё на шее, они со смехом обнялись.

— Скоро ты собираешься замуж за своего Корвина? — спросила Ринна.

— Мне зимой исполнится пятнадцать, но матушка не позволяет! Говорит, надо окрепнуть. У меня сестра умерла от родов... потому что рано, говорили... — она отвернулась.

— Прости, — Ринна коснулась её руки. — Итак, с меня подарок к вашей свадьбе. Я не забуду.

Рик и Корвин, заинтригованные жаркой беседой девушек, бросили тренировку и подошли. Корвин тут же сгрёб в объятия Клею, а та спрятала покрасневшее лицо у него на груди. На виду у всех! Эта простота нравов Ринну смущала, но и чем-то нравилась. Рик притворно вздохнул и протянул жалобно:

— А с кем бы мне обняться?

Вот ведь шут! Точно ли он только фехтовальщик?

— Что за вопрос?! — возмутилась она, — Я недавно вам объясняла, чем чреваты такие мысли. Прекрасная Ярита поняла быстро, — она повесила полотенце Рiku на шею, потом обняла его и поцеловала в щёку.

Рик так удивился, что даже не догадался нагнуть голову — Ринне пришлось привстать на цыпочки.

— Вот это да. Не жалеете вы меня, леди, — усмехнулся он, забыв, видно, что все эти дни упорно отказывался так её называть.

— Что такое? — она потерлась лбом о его плечо, вспомнив заодно, что строгий королевский двор, а также двор её брата в Ленгаре далеко настолько... вот как будто до луны мелкими шажочками, и никто не упрекнёт её в том, что она целует законного мужа! А остальное никого не касается.

И это всё было, между прочим... весело. Он желает поиграть? Ну пусть попробует.

— Дорогой, нам надо поговорить, — сказала она, — у вас есть для меня немного времени?

Сколько угодно, дорогая, — он поднял с травы небрежно брошенную рубашку, нырнул в неё одним скользящим движением.

Ринна чувствовала кожей, как все женщины в этом дворе поедают Рика глазами. И её тоже — правда, уже по-другому. И почему он с первой встречи не показался ей красивым? Он тут лучше всех. Слишком броская внешность Ивара — скорее неприятна, как переслащённый молочник. А остальные циркачи... Нет, никто больше не мог бы ей понравиться. Но...

— У вас в цирке и не слышали о пристойном поведении? — заметила она недовольно.

— Скажите, дорогая, ваша настойчивая ревность означает что-то приятное для меня? — он подал ей руку, и теперь был серьезен, показная дурашливость пропала.

— Для всех мы молодожёны, у которых всё хорошо, — ввернула Ринна, — забыли?

— Ах, так это опять притворство? Но я не считаю, что, когда ревнуют — это хорошо.

— Значит... будь у нас всё на самом деле, вы бы не ревновали? — она улыбнулась.

— Я как раз не идеален. Так что ревновал бы, ещё как, даже не сомневайтесь.

Они медленно пошли по тихой пустой улочке, рука Ринны удобно устроилась на его локте — как будто он провожал её к парадному завтраку в Ленгаре.

— Хотите конную прогулку? — предложил он, — Здесь можно нанять неплохих лошадей.

— Хочу, но мне не в чем ездить верхом.

— Недорогой костюм можно купить и здесь. Или прокатиться в мужском седле. Вы умеете ездить в мужском?

— Конечно, это не проблема, — легко согласилась она.

Мужское седло ей даже больше нравилось, но оно требовало штанов, а это не всегда позволялось.

— Вы решили за мной поухаживать, я угадала? — она бросила ему лукавый взгляд.

— Только заметили? Так что же, у меня есть хоть какой-то шанс?

— Почему бы нет, — она пожала плечами.

— О, счастлив это слышать.

— Послушайте, Рик, по закону помолвка не может длиться меньше одного дня. А мы с вами...

— Это не закон, лишь обычай, — сразу возразил Рик. — Но да, я понял. У нас перед венчанием не было и получаса, мы не успели познакомиться, хотя бы освоиться с мыслью, что женимся. Да?

— Именно. Знаете, мне кажется, что, если бы раньше... и мы были равны, я бы согласилась на ваше предложение.

Что интересно, Ринна поначалу не собиралась говорить ничего подобного, получилось случайно. И, конечно, слово «если» безнадежно всё портило.

— Вы бы мне отказали, — любезно заметил Рик, — вы, я слышал, первым делом всем отказываете. Так что жениться на вас, как это сделал я — единственный реальный способ на вас жениться.

— Неправда! — возразила она с досадой и покраснела.

— И мы не были равны, так что я получил бы разбитое сердце, и только. Теперь — другое дело, да? Ринна, вы примете мое предложение руки и сердца? Будьте моей невестой, считайте, что у нас помолвка. Хорошо я придумал?

— Помолвка? — она рассмеялась и потрясла брачным браслетом.

— Не страшно, — он был серьёзен, — вы считаете, что мы вообще не женаты. Помолвка — это всё-таки чуть больше. Согласны?

— Хорошо, — она кивнула.

Это никак не меняло её планов.

— Отлично! — обрадовался Рик, — Значит, один день у нас помолвка, я всячески ухаживаю за вами, а потом...

— Один день? Нет, я не согласна, этого мало! — спохватилась она.

Этот хитрец заманивал её в ловушку!

— Вам мало? — огорчился он, — учитывая дни, которые уже прошли? А... три дня?

— Я хочу месяц, Рик. Это хороший срок, правда?

— Месяц?! Это ужасно долго, это просто жестоко, — грустно признал он, — но я согласен, это лучше вечности. Через месяц вы станете моей женой, а пока я ухаживаю за вами, доказываю любовь и преданность, стараюсь понравиться. Но для посторонних мы по-прежнему будем притворяться женатой парой, потому что иначе нас не поймут.

— Хорошо, — согласилась она, — но помолвка может быть расторгнута!

— Без повода? Невозможно, а повода не будет, — он поцеловал кончики её пальцев.

— Я не могу сообразить, через сколько дней окажусь у тёти, — она посмотрела на него нежно, — два дня выступлений, потом ещё один на сборы. А если мы поедem верхом, будем на месте вдвое быстрее. Пожалуйста, давайте поедem верхом!

У неё в душе тревожно грянули фонфары — началось главное испытание, которое она намерена была сегодня ему устроить. Что он ответит? Она солгала? Но ведь и он...

— Поговорим через три дня, — сказал Рик.

— Но мне очень нужно видеть тётю как можно скорее, — воскликнула она умоляюще. — Необходимо!

— Чтобы просить денег?..

— И это тоже. Рик, она последний близкий мне человек, теперь — самый близкий. И да, мне нужны деньги! Я вам обещала, наконец! — она хотела пошутить, но получилось сквозь слёзы.

— Вы смеетесь? — он вздохнул. — Забудьте о займах. Ни в одном банке, хоть даже в Гринзале, хоть у демона на макушке, вас и слушать не станут. После приказа короля вы потеряли права на любое имущество Венешей.

— Вы обещали отвезти меня к тёте.

— Это большой крюк. А нам лучше ехать с цирком. Кавертен не станет сворачивать ради нас.

А если бы свернул, и явись она с цирком — монахини были бы в шоке...

— Но я прошу вас, Рик! Не Кавертена — вас.

— Ринна, вы понимаете, что такое женский монастырь? — Рик взглянул на неё раздражённо. — Это омут, едва вы туда прыгнете, как окажетесь в полной власти вашей доброй тётушки. Мужчин туда и на порог не пускают. Как считаете, она благословит нас на долгую любовь?

— Вы просто не знаете мою тётю.

— Надеюсь, вы нас познакомите, — он взял её за руку и поцеловал ладонь, — в другой раз.

— Вы не держите обещаний, эс Рик Кан! — она вырвала руку и побежала обратно к таверне, оставив Рика посреди дороги.

На лестнице Ринна столкнулась с чьей-то горничной — девушка в голубом полотняном платье несла поднос и толкнула её боком, вынуждая посторониться. Ещё и воскликнула:

— Какая же вы неловкая!

В первый момент Ринна дар речи потеряла от изумления — чтобы горничные делали ей замечания?! Она оглянулась. Горничная была одета в красивое платье и белый фартук с кружевной каймой, носила шёлковые ленты в гладкой причёске, и взгляд у неё был уверенный и чуть высокомерный. Ринна в своем простом платье казалась рядом с ней полумойкой. Такой сорт людей, точнее, слуг, можно издали различить — они точно не служили в затрапезных трактирах, а были высшим сословием среди прислуги. Личные горничные и камердинеры важных особ. С кем она тут, при ком, точнее?!

В комнате Клея с Марой занимались шитьём. Клея нехотя тыкала иглой в развернутую на коленях ткань, мать что-то ей объясняла. Ринну она тут же цепко оглядела:

— Ты чего такая?..

Та молча рисела на край кровати рядом с Клеей — единственный в комнате табурет заняла Мара.

— Поссорились? С Риком? — циркачка довольно потёрла руки, — отлично!

И как её вообще понять?..

— Ну конечно! — пояснила Мара. — Чинно-благородно вы друг вокруг дружки ещё два года кружить будете, как рыбы замерзшие. А короткая ссора встряхивает чувства, подогревает. Глядишь, и быстрее договоритесь! Главное не перегнуть палку! — и она строго посмотрела сначала на Ринну, потом на дочь, а потом рассмеялась, — понятно, птёнки? Так что молодец, девочка. Ссорьтесь.

— И мне с Корвином можно так?.. — невинно помахала ресницами Клея.

— А что я непонятно сказала? — хмыкнула Мара.

Ринну это только рассмешило. Ссоры ради сближения, для разогрева чувств? Не надо ничего разогревать, в том-то и дело! Им с Риком обоим не составит труда вспыхнуть в любой момент. Ей впервые в жизни понравился мужчина, и он тоже... Она должна верить его словам про внезапную влюблённость? Или у мужчин всё иначе? Им нравятся все хоть немного привлекательные женщины

просто потому, что они — женщины? Вот это Ринне было непонятно. Рыси — понятно. Но, что бы там ни утверждала Мара, Ринна Венеш — не рысь. Не зверь.

Рик с самого начала знал, что делает. Ему нужна жена с даром, чтобы в семье дар преумножился.

Она взяла у Клеи шитьё, разгладила на коленях, спросила:

— А куда цирк поедет после Раби?

— Ещё два дня выступлений в Марче, есть квитки. Потом — в Одигле. Там тоже должны быть сборы, ярмарка ещё в разгаре. А дальше — через границу, в Кандрию. Несколько городов.

— И до Лира? — встрепелась Ринна.

В кандрийской столице тоже была контора того самого банка. Туда она и собиралась направиться после монастыря. Если переубедить Рика не удастся, и она приедет в Лир с цирком... что ж, хотя бы так! Надо было просить для верности два месяца «помолвки»!

— Нет, дорогуша, — покачала головой Мара. — В Кандрии после Фаленты мы разъедемся кто куда. Кавертен распускает цирк до Новогодья.

Фалента, Фалента... нет, Ринна не могла припомнить, что это за город.

— У вас и так бывает? — удивилась она.

Ей казалось, что циркачи кочуют в своих повозках весь год напролёт.

— Бывает, отчего же. Раньше, конечно, и не думали, чтобы сойти с Дороги хоть ненадолго. Теперь так делают. У кого-то есть дома, где живут жёны и дети. Не всё дети циркачей стали вступать в гильдию. Самые богатые цирки держат дворы, где можно жить. Зима — бедное время, основное мы зарабатываем летом и осенью, зимой и весной перебиваемся чем придётся. Но в этом году Кавертен ухватил самый лучший зимний квиток — в Лир, на Новогодье. В День Костров поставим шатёр у главного рынка! Шесть лет назад мы как раз выступали на Новогодье в Лире — потом до лета жили как герцоги! В Лире есть придворный цирк, называется Дом Чудес, вот они и ездят нечасто, и живут безбедно. Мы всегда ходим на их представления, они к нам... — она улыбнулась.

В Лир после Новогодья? Огромная благодарность. Но ей ведь нужно раньше!

— А куда вы денетесь, когда цирк разъедется? Куда-то с Кавертенем?.. — спросила она Мару.

— Можно бы, но у меня сын тай, и хороший, — горделиво заявила циркачка, — он находит работу в замках. И постоянную бы нашёл, но как нам жить на одном месте? Это тяжко. А с даром не пропадёшь, — она пристально посмотрела на Ринну, — и ты голодной не останешься, если припечёт. Хотя конечно, с таким мужем чего бояться?

— С каким?! — не удержалась Ринна.

— Да с таким вот! Не пропадёшь! Сама не чувствуешь, что ли? — рассмеялась Мара.

Вот так, одни намёки. Все его хвалят, словно её уговаривают. Все на его стороне. Что тут удивительного? Он тут свой, а она — чужая...

Она подошла к окну и, распахнув его сильнее, выглянула — видно было, что у дверей околачивается циркач-охранник. Ей опять не выйти отсюда. Разве что сбежать, ночью, из окна по простыне? А что, она смогла бы! Но — смысл? Куда идти ночью? Если бы ждала карета, или осёдланная лошадь, и сопровождение... О, Пламя. Если карета или лошадь как-то возможны — их можно нанять и за небольшую цену, были бы деньги, то слуги и сопровождение — удовольствие сейчас точно не для неё. Бежать от Рика? Одной, к тётке? Не верилось, что её не догонят, не найдут.

По двору торопились двое лакеев в одинаковых коричневых кафтанах, несли огромные нагруженные корзины. Ринна проводила их задумчивым взглядом — и кого сюда всё-таки принесло? Такая горничная, эти лакеи, чьи кафтаны были смутно знакомы. Нет, конечно, она не могла вспомнить, кто так одевал слуг. Мало кто запоминает такие вещи.

— Я встретила служанку на лестнице, — сказала она. — Тут остановилась знатная леди? Не знаете, кто?

— Да, я спросила, леди из Асварда, отъехала в поместье и ей стало дурно в дороге, — ответила Мара. — Ненадолго сняла комнату, отдохнуть. Та фифа в голубом как-то её называла, но я забыла.

Глава 7. Бегство

Очень хотелось провести несколько дней в Обители у тётки, поговорить с ней, помолчать, постоять у монастырского Пламени, услышать опять, как скрипят половицы в молельном зале! Всего лишь. Мара, например, хорошая, но с ней не получится быть откровенной. Мара всё же не поймёт так, как нужно. А тётка поможет, даст денег. Наверное, поспособствует и в других вещах. У Ринны появятся возможности, независимость. Это совсем не то, что она имеет сейчас.

«В твоей жизни случились перемены, а такие вещи всегда имеют причину». Казалось, той тишины и скрипа половиц не хватает, чтобы понять важное. Эту причину, может быть?

— О-хо-хо! — зарокотал в коридоре сочный смех Кавертена, точно так же он смеялся на представлении. — Ты обещал, я услышал. Зимой работаешь номер у меня на круге! Ты ведь не бросаешь слова на ветер, Кан?

Ответ она не разобрала, только то, что голос у Рика был весёлый. Он постучался и вошёл, с большим букетом ярких осенних цветов в руках.

— Дорогая?.. Не сердитесь, — попросил он, кладя букет ей на колени.

— Вы обещали выступить зимой в цирке Кавертена? На Новогодье, в Лире?

— Гм, да. Вам уже похвалились про квиток на Новогодье? И как, выступите со мной?

— Вы смеётесь?..

— Ничуть, — действительно, он был серьезен. — А выходите сегодня на круг? Будете подавать ножи. Махать зрителям.

Неужели он считает, что дочь графа Ленгара когда-нибудь сможет выступить в цирке?

— Я ни за что не выйду. Меня другое удивляет. Ваши обещания Кавертену тверды, а обещания мне ничего не стоят.

Он лишь взглянул на неё и ушёл. А эти цветы...

Красивые.

Она аккуратно положила их на кровать, скомкала своё шитье и швырнула его об стену. И тут же в дверь постучали — тихо, деликатно. Ринна отозвалась, и... та горничная в голубом тихо скользнула в комнату.

— Добрый день, леди Ринна...

Услышав обращение, Ринна замерла. Горничная поклонилась, изобразив на лице раскаяние, и с любопытством огляделась.

— Я должна извиниться, миледи. За неподобающее поведение, — она дождалась от Ринны кивка и продолжала, — леди Рауз просит её навестить. Ей пришлось остановиться здесь. Позвольте вас проводить?

Вот и ответ — здесь леди Рауз, бывшая графиня двора. Пожалуй, она всегда неплохо относилась к Ринне Венеш. Последние годы их объединяло то, что они обе не нравились молодой королеве Савадине. Хотя причина для каждой была своя. Освоившись в королевском замке, младшая дочь короля Герейна и королевы Астинны перетряхнула дамский двор и отправила некоторых заслуженных особ в почётную отставку — с подарками и пожизненной пенсией, но сам факт! Грандаму она заменила первой. Обиды, обмороки и слезы не помогли никому — король Фарут отнёсся к этому как-то так, что все быстро перестали обижаться или хотя бы это показывать. А Ринна Венеш — та отказалась выйти замуж за кандрийского принца. Ну и да, отказала она ему более обидно, чем остальным. Нечаянно.

— Так и есть! Леди Ринна! — старая графиня возлежала среди множества подушек. — Один из моих грумов узнал вас и доложил, умный мальчик. Как я рада! Идите сюда, моя дорогая! — и она с чувством пожала Ринне руку.

Надо сказать, что дряхлой старушкой леди Рауз не была — полностью седая, но моложавая и ещё красивая женщина, которая до сих пор прекрасно ездила верхом, Ринна этим летом видела её в Асварде на конной прогулке.

— Ох, вы осунулись! — она придиричиво оглядела Ринну, — вам, наверное, несладко приходится!

— Ничуть, — улыбнулась Ринна. — Вы заболели, леди Рауз?

— Отдохну, и всё пройдёт. Ах, дорогая, я понимаю! Потерять достойное общество, оказаться среди таких людей... Циркачи — это же дикари! Бандиты и воры! Если бы король знал... — она сделала знак, и горничная, о которой Ринна уже забыла, вышла и закрыла за собой дверь.

Хорошая прислуга умеет быть незаметной и при этом делает своё дело. Леди стремятся занять хорошую прислугу и спокойно перестают её замечать.

— Если бы король догадался, что вы попадёте к циркачам, дорогая моя леди Ринна, он не отдал бы вас. Ведь это уже немыслимо. Король считал, что тот... случайный... просто прохожий? Горожанин?

Это Ринну рассмешило. Показалось невероятно глупо и странно, особенно для бывшей грандамы.

— Циркачи неплохие люди, леди Рауз, — возразила она, — поверьте, это правда. Они не воры и не грабители. А король принял моего мужа за нищего бродягу-музыканта.

— Да что вы говорите?! — изумилась почтенная леди. — Пламя с вами, дорогая. И с королём. Хочу верить, что он был в своём уме. Но верно ли, что вы тут пленница? Вы под охраной?

— Гм... вы в чем-то правы...

— Вас принуждают помогать им в их тёмных делишках? Они же колдуны, хотя и лживо утверждают, что не знают с колдовством. Главное, скажите, дорогая, чем вам помочь?

— Благодарю, леди Рауз. Ко мне не плохо относятся, но от помощи не откажусь. Вы ведь едете из Асварда? Вы были при дворе?

Говорили, что мягко отосланную от двора бывшую грандаму королева так и не сумела отвадить окончательно — только не её, имеющую несомненные заслуги ещё перед королевской бабушкой. Поэтому леди Рауз часто посещала королевский замок.

— Да, я бывала при дворе... немного. В основном занималась платьями к зимним праздникам. Осенние балы я пропущу, зачем мне, они для дебютанток... Но что вы хотели?

— Я хочу понять, леди Рауз, — тихо сказала Ринна. — Что говорят в Асварде и при дворе? Что случилось, что подтолкнуло короля так поступить со мной?

— О-о, дорогая моя, — грандама задумалась. — Не знаю, что и сказать. Да, это всех так взволновало! Формальное объяснение — вы наказаны, потому что строптивы и дерзки, подаёте дурной пример другим юным леди. Теперь все поняли, как король может карать за своеволие. Вы идеально подошли для назидательного примера. Ещё говорят, что король ни в чём не перечит королеве, и, если она захотела избавиться от вас... о, королева злопамятна, увы. Так что лучше примите то, что случилось, и давайте подумаем, как вам помочь.

— Ну что ж, — вздохнула Ринна. — Я могу это понять... или, скорее, не могу, но что поделаешь.

— Меня привело сюда Пламя всезнающее, не иначе, — доверительно сказала леди Рауз. — Я как раз думала о вас. О том, как мы беспомощны перед капризами судьбы и их величеств. Плохо спала. И мне, видите ли, стало дурно, начиналась мигрень. Ах, вы молоды и не знаете, что это за напасть! Но если успеть принять лекарство и отлежаться в кровати, приступа удастся избежать, и поэтому я здесь, в этом мерзком месте для бедняков. И я встречаю тут вас! Так что же мне для вас сделать?

Казалось бы, недавно Ринна сомневалась, но теперь... можно ли упускать такую возможность! Это была её возможность. Другой может не быть.

— Леди Рауз, я очень хочу попасть в Обитель Белых Сестёр. Вы знаете, должно быть, что настоятельница там — кузина моей мамы.

— Пламя Великое! — всплеснула руками пожилая леди. — Но я туда и направляюсь. Хочу купить кое-что у монахинь, помолиться у Пламени. Конечно, я отвезу вас!

Это походило на чересчур большую удачу. Но...

— Миледи, вы верно заметили, что я пленница. Мне не позволят уехать. Если убегу — наверное, захотят догнать. Придется хитрить. Что вы об этом скажете?

Нет, она все-таки ещё немного верила, что с Риком удастся договориться.

— Убегать так убегать, — согласилась леди Рауз. — Ах, девочка, я столько всего уже видела в этой жизни. Подумаем. Кстати, вот... Я поначалу не хотела говорить. Этот человек всё-таки не нашего круга, но... тем более теперь... К тому же его склонностью можно воспользоваться.

— Склонностью? Миледи, о чём вы?

— Из Асварда меня сопровождал сын моего банкира, нам по пути. Он сейчас в Раби, мы ещё встретимся. И он сам заговорил о вас. Мне показалось, что он полон нежных чувств к вам, леди Ринна.

— Что? Не понимаю, о ком вы говорите.

— Об эссе Вернани Сейри, сыне Гашона Сейри, который управляет банкирским домом «Три изумруда».

— О, вот как, — Ринна даже растерялась от такой новости. — Удивительно. Да, мы были знакомы, но так давно не виделись. Какие нежные чувства, что вы...

Когда они с отцом бывали в Гринзале, юный Вернан играл роль её верного пажа, с одобрения их отцов, конечно. Заботился, оказывал услуги. И если кто-то шутил при этом о чувствах — всем было ясно, что это не всерьёз. Восемь лет назад? Семь? Да они не узнают друг друга.

— Да Пламя с ними, с его чувствами, — махнула рукой градама, — главное, что он тоже захочет помочь.

Букет Рика лежал, забытый, на кровати в комнате. И цветы не виноваты. Они и так уже пострадали ни за что — их сорвали. Пришлось идти на кухню и просить — о, не вазу, конечно, откуда? Кухарка выдала Ринне высокий молочный горшок, а за водой она сходила к колодцу. Зато когда опять зашёл Рик, он довольно улыбнулся, поглядев на букет.

Он снова принёс ей маску.

— Вам мало вчерашнего? — воскликнула она. — С меня хватит!

— Пожалуйста, — настаивал он, — а между представлениями погуляем по Раби. Я не хочу, чтобы вы скучали. Колдун больше не придёт.

— Вы уверены? — она усмехнулась.

— А что, вы назначили ему свидание? — невинно поинтересовался он.

— Вы с ума сошли, эсс Рик.

— Если откажетесь — поцелую, — пригрозил он. — Ну же, соглашайтесь. Или вот что, — он быстрым взглядом оценил её негодование, — я лучше сяду под окном и буду петь вам о любви. Музыкальный ящик я починил. На второй песне вы помчитесь в цирк, теряя туфли — у меня совсем нет голоса.

— Я не строгий ценитель, так что можно и попробовать. Но хорошо, убедили, — сдалась Ринна и улыбнулась. — Но прошу, пообещайте отвезти меня в монастырь. Вспомните, это было главным условием нашего венчания. И у нас появятся деньги, они пригодятся.

— Главным условием было то, что брак будет ненастоящим. Но Пламя не принимает ложные клятвы, а наша была принята. Странно, да? Выходит, мы оба не лгали.

— Я не клялась вам... — она вздохнула.

— О монастыре вы сказали уже после. И я действительно собирался отвезти вас туда. Но потом подумал и решил, что не стоит устраивать проблему там, где без этого можно обойтись. Не хочу рисковать, вот и всё.

— Вы дали мне слово.

— А вы мне, сегодня. Вы согласились быть моей невестой и позднее стать женой. Так что я собираюсь устранять все препятствия к этому.

— Как жаль, что ваше слово так мало стоит! — бросила она в сердцах.

— Дорогая. Я лучше буду беспокоиться о нас, чем о том, сколько стоит мое слово, — его взгляд на мгновение потемнел, но всё же Рик спокойно подал ей руку, а рысь сама прыгнула и с урчанием потёрлась об его колено.

Предательница.

Любой благородный человек был бы задет таким упреком. Но Рик... А она... Да между ними — пропасть!

Она опять заняла место рядом с Марой и просидела так всё представление. Циркачи старались, Кавертен был в ударе, на круг то и дело летели деньги, а колдун не появился. Потом они гуляли по городу с Риком и Иваром, с ними увязались две веселые девушки-танцовщицы. А когда началось следующее представление, то есть зрители разместились и вышел Кавертен со своим флагом, Мара стиснула её руку.

— Смотри, здесь стражники. Вон, видишь? Зачем?

— Ну и что? Они пришли посмотреть, — отмахнулась Ринна.

На задние места действительно уселись люди в одежде ленгарской стражи. Интересно, конечно, что их сюда привело, но почему бы и не представление?

— Э нет! — покачала головой Мара, — я давно различаю, кто пришёл смотреть, а кто нет. Может, жалоба была, что у нас кого-то обворовали? Только этого не хватало.

Ничего не происходило, пока на круг не вышли Рик с Иваром. Они оба некоторое время перебрасывались и жонглировали оголёнными ножами, иногда бросая их в деревянный щит, чтобы показать остроту, потом к щиту встал Рик, а Ивар метнул в него один нож, второй — оба, как и положено воткнулись в паре дюймов от головы «жертвы». Почти сразу человек, сидящий рядом со стражниками, вскочил, вскинув руку над головой.

— Мошенничество! — крикнул он. — Эти прохиндеи обманывают! У них колдовские амулеты!

Публика заволновалась, кто-то присоединился к обвинениям, кто-то возмутился, что мешают смотреть представление. Обвинитель, ненавязчиво подталкиваемый десятником стражи, вышел на круг, Кавертен тоже выбежал и заговорил с десятником. Обвинитель нашёл взглядом Ринну и теперь не сводил с неё глаз. Высокий, широкоплечий, здоровый. Его лицо определённо было знакомым. Вернан?! Тот, прежний её приятель был худее и ниже ростом. Когда-то.

Это был Вернан Сейри. Поняв, что она его узнала, он заулыбался, а Ивар толкнул Рика в бок, привлекая внимание.

— Циркачи, уличённые в применении колдовских амулетов на цирковом круге, подлежат заключению в тюрьму, чтобы предстать перед судом, согласно уложению о цирковом деле в Руате, — громко заявил десятник.

— В моем цирке не применяют амулеты, вы ничего не доказали, — горячился Кавертен.

— Я полагаю, что эта леди подтвердит мое обвинение, — Вернан выразительно посмотрел на Ринну. — Миледи?

— Эм... миледи? — повторил десятник с некоторой заминкой, поворачиваясь к ней, и, видимо, соображая, с какой стати он должен называть её так.

Она подошла, на ходу сдернув маску, а десятник заморгал, припоминая, где же он когда-то её встречал.

— Я... — она чуть не назвалась, но передумала, — я ничего не могу подтвердить. Думаю, что эсс Сейри ошибается.

Сбежать от Рика — это одно, отправить его в тюрьму — совсем другое. Она видела защитные амулеты на его браслете, когда они недавно гуляли по городу. Теперь он держал руку так, что браслета было не видно.

— А мы и не сомневались, что вы с этим птицем старые знакомые, — любезно сообщил ей Ивар.

— Так и есть, — согласилась она тем же тоном, — Но не делайте из этого выводы, эсс Ивар.

— Ну довольно, — сказал Рик, — вы должны уличить нас, эссы? Вы, конечно, захватили с собой амулеты для проверки. Уличайте, — по его знаку девушка-акробатка притащила маленький легкий столик, и они с Иваром принялись снимать и складывать на него все, что нашлось на руках, на шеях и на одежде. Набралась небольшая кучка.

— Пуговицы не забудьте! И завязки от штанов! — посоветовал кто-то из зрителей, вызвав смех пополам с руганью в зале, десятник тоже огрызнулся.

Он долго обследовал безделушки на столе, потом водил амулетами вокруг Рика и Ивара, зрители проявляли нетерпение.

— Амулетов нет! — объявил он наконец.

— Вы зря помешали представлению, зрители недовольны, — сказал Рик. — Теперь мы обратимся с жалобой. Мы хотим знать, какие у этого эсса были основания для клеветы.

Десятник смутился — Кавертен, конечно, приехав в город, не забыл заплатить начальнику стражи и отправить в караулку бочонок вина и жареный окорок, чисто из дружеского расположения к служилым людям. Кавертен, впрочем, замахал рукой, предлагая Рiku замолчать и закончить недоразумение на этом.

— Мы через суд потребуем возмещение с этого господина, — продолжал Рик, — но он может предоставить его сейчас, если не трус. Вы ведь не трус, эсс? Как я мог такое подумать.

— Рик, прошу вас! — воскликнула Ринна умоляюще, брат Клеи тем временем старался оттеснить её в сторону и уговаривал не вмешиваться. — Рик...

— Рискнете? — глаза Рика Кана хищно сузились, и Вернан Сейри раздувал ноздри, мужчины теперь смотрели лишь друг на друга, глаза в глаза. — Дело ваше. Но вы ведь не трус, а? Встаньте вон туда. Если я пролью хоть каплю вашей крови, стража меня арестует. Вы этого хотели?

— Вернан, не надо! — закричала Ринна.

— Всё будет хорошо, леди Ринна, — тихо сказал Вернан, медленно приблизился к деревянному щиту и прислонился к нему спиной.

— Давай я? — предложил Ивар.

Рик покачал головой и отошёл к противоположному краю круга, держа в руках связку ножей.

Взмах... нож пролетел над кругом и воткнулся возле виска Вернана. Второй бросок, третий... Ножи втыкались как положено — в паре дюймов от «жертвы». Рик казался сосредоточенным и спокойным, а Вернан вдруг заметно вздрогнул и закрыл глаза. И ничего удивительного, мало кто с непривычки не дрогнул бы, наблюдая, как в тебя летит острый нож!

— Не дёргайся, приятель, — посоветовал Рик, — А то слишком промахнусь. Глаза открой, так проще.

— Промахнись, я этого и добиваюсь! — заявил Вернан, стискивая зубы и выше поднимая подбородок.

Глаза он тоже открыл, с неохотой, и вообще демонстрировать презрение к ситуации у него не очень получалось. Он не дворянин, не циркач — он сын банкира, хотя оружием учился владеть, Ринна знала это точно. Но не с Риком ему было соревноваться в этих умениях, и ещё в выдержке. А зрителям нравилось! В шатре теперь стояла тишина, шум доносился только с улицы. Стражники тоже смотрели на действие с интересом.

Снова бросок, и ещё один... Рик теперь двигался гораздо медленней, словно испытывая соперника, а ножи стали втыкаться чуть дальше от тела молодого банкира — видно, её муж все-таки не хотел его ранить. Но втыкались с силой, глубоко — ранили бы, стоило всего лишь попасть.

Её муж. Она именно так подумала. И она была в негодовании! Зачем Рик устроил Вернану это испытание? Чтобы поглумиться?

Ещё один нож. Ещё один. Нарочито медленно.

— Эй, да убей его уже! — крикнул кто-то с задних рядов.

Видимо, это было последней каплей, потому что Вернан заметно дёрнулся, зашатался, и посланный Риком последний нож его задел. Ринна вскрикнула и подбежала к щиту.

— Вернан! Всё в порядке, Вернан?!

Нож лишь пришил рукав камзола к деревяшке. Ринна сама его выдернула, и первая смогла убедиться, что крови нет, не капли. Она перевела дух.

Сзади уже подошёл Рик, встал за её спиной, близко, одно короткое движение — и она могла бы к нему прислониться.

— Вы за кого из нас переживаете, дорогая? — спросил он.

Ринна лишь наградила его гневным взглядом.

— Эсс Сейри — мой старый друг, друг детства, — сказала она резко. — Конечно, я волновалась. Случилось недоразумение, и только. И вам не следовало... ссориться.

Наверное, её голос был излишне звонким и громким — леди так не должна разговаривать с супругом, тем более при посторонних. Публику в шатре вряд ли волновали правила поведения леди, но со стороны всё это, видно, казалось забавным — кое-где засмеялись, кто-то засвистел, со всех сторон полетели советы.

— Эй, циркач, так его, этого пентюха! — заорали с заднего ряда.

— Правильно, красotka, забирай обоих. Только в один плуг не впрягай! — Ринна попросту не поняла, что сей совет означал.

— Не я первый начал, — тихо сказал Рик, — а откуда он, кстати, узнал, что я пользуюсь амулетами, интересно?

Помешкав в ожидании ответа, он приобнял Ринну на талию и продолжал громко:

— Я пользуюсь амулетами, эсс э... Сейри. Только не на круге. Потому что нехорошо подводить нашего доброго хозяина, — после этих слов он опять понизил голос, — впрочем, вы в этом убедились. А теперь идите, и я рассчитываю больше с вами не встречаться.

Вернан не сводил глаз с рук Рика, бледнел и кусал губы.

— Рик, — Ринна попыталась повернуться к нему, — пожалуйста, позвольте нам поговорить. И не сердитесь. Поймите, мы действительно знакомы с детства. Все остальное — недоразумение.

На круг тем временем снова выскочил Кавертен с флагом и громко заговорил, отвлекая публику, а двое циркачей оттащили за занавеси щит, утыканный ножами. Стража тоже ретировалась куда-то к задним рядам — дела были улажены и следовало продолжать представление.

— Дорогая жена, — ладони Рика сильнее стиснули талию Ринны. — Ваш друг детства мог бы прийти к нам, поздороваться, мы бы поужинали. Вы поболтали бы, вспоминая детство. Я что, не понимаю, что такое друзья? Однако вашим друзьям не стоит так забываться.

— Рик... — всхлипнула она.

— Проваливай уже, — бросил Рик Вернану, и увёл Ринну за занавеси.

— Вы не должны были так поступать, — шипела она, сбрасывая его руки, — я имею право встречаться с кем хочу, говорить с кем хочу, никто в здравом уме такого не запрещает. Вы унизили его этим испытанием. Для вас это пустяк, для него — впервые, любому было бы трудно!

Она догадывалась, зачем Вернан выдвинул обвинение — наверняка леди Рауз посвятила его в её проблемы. Рик не задержался бы в тюрьме надолго — но у них, как наверняка решил Вернан, были бы развязаны руки, она легко сбежала бы.

— Так я ещё должен был о нём беспокоиться? — Рик рассмеялся, но не весело, скорее зло, — пусть сам думает, во что ввязывается.

Она тоже злилась и ничего не могла с этим поделать. Зачем, ну зачем Вернан Сейри сделал такую глупость? У неё был бы помощник, теперь его нет.

— Для всех мы женаты, а на роль мужа-идиота я не соглашался, — сказал Рик, — признайтесь, вы говорили ему про наши защитные амулеты?

— Что?! Я? Мы встретились на ваших глазах, впервые за много лет.

— Да неужели? Хорошо. Мне приятно это слышать. Однако... Повторите еще раз, что вы не встречались в Ленгаре? Это правда?

— Это правда, — вздохнула она, — вам нужна клятва на огне?

— Не нужна, — но смотрел он испытывающе, — вы... что-то чувствуете к нему? Скажем прямо: вы любите этого Сейри?

— Нет конечно, — она ответила изумлённым взглядом, — я же сказала, мы долго не виделись. Рик, вы собираетесь ревновать меня? — она припомнила их сегодняшний разговор.

— Пожалуйста, не вмешивайтесь в мужские игры. И вообще, у нас семейная ссора, а мы ещё и не женаты по-настоящему, — сказал Рик уже по-другому и попытался взять её за руку, она спрятала руки за спину.

— Ну конечно, я женщина. Существо глупое и вздорное, обязанное слушаться и рожать наследников, — она не могла успокоиться.

Говорилось одно, думалось другое. Бежать отсюда! Здесь ей приказывают. Она здесь пленница. Вот теперь всё окончательно стало ясно! Ах, если бы леди Рауз не торопилась, и Вернан не настроил против себя Рика!

— Я-то рад, что вы женщина, — заверил Рик, — и при чём тут глупость? Вы просто кое-в-чём не очень разбираетесь. Как если бы я начал поучать вас, как печь пряники. Кстати, мечтаю, чтобы вы их испекли, можно не тех мудрёных, а попроще. И желательно в виде башмаков, мне они понравились, — он ласково заглядывал ей в глаза и явно хотел помириться.

— Я испеку, — пообещала она и постаралась улыбнуться. — Я очень хочу к себе. Можно?

Ссориться им точно не стоило.

Рик проводил её в таверну и сразу ушёл, как только она сказала, что желает побыть в одиночестве. Внизу остался охранник — Ринна видела это в окно. И что теперь?..

Охрана, ни шагу в сторону. Хотелось чуда. Осторожно, боязливо хотелось — ведь случаются же с другими удивительные вещи, значит, ей тоже можно верить? До сих пор она не мечтала о чудесах, у неё и так было почти всё. Когда много имеешь, не проси большего, чтобы другим тоже досталось — так в её детстве повторяла Нона. Чего было желать дочери графа Ленгара?! Однако вот...

Чудо — это чтобы Рик на самом деле был с ней и хотел помочь. Чтобы он оказался человеком чести, выполняющим обещания. Чтобы всё, что она поняла о нём теперь, было ошибкой. Чтобы он на самом деле полюбил её, а не старался угодить родным. Чтобы он не был циркачом! И чтобы они... о, хватит! Добавьте сюда ещё звёзд с неба... насыпьте в мешочек и завяжите, пожалуйста!

Вечером к ней постучалась Клея, но Ринна не отозвалась, притворившись, что уже спит. А когда позднее в дверь снова поскреблись, и горничная леди Рауз попросила открыть — она открыла.

— Леди Рауз спрашивает, готовы ли вы уехать сегодня? — сходу спросила горничная.

— Сегодня? Но уже стемнело! — удивилась Ринна. — И потом — как?..

— Будет карета, подъедет к заднему выходу. Леди Рауз беспокоится, вас не смутит поездка без компаньонки?

— Конечно нет. Но... — тут смущало многое, но только не отсутствие компаньонки.

Например, если поехать в монастырь по тракту, циркачи догонят их в два счета — при желании, конечно. Но она не сомневалась, что желание такое у Рика будет.

— Леди Рауз даст слуг в сопровождение. Пожалуй, пока это единственная возможность, миледи. Что скажете?

— Вы одолжите мне платье и поможете сделать причёску? — она окинула девушку взглядом.

Как только появляются сообщники, любое дело становится в разы проще.

— Разумеется, миледи.

— А стопку белья, охалку одежды? — эта идея внезапно пришла в голову.

— Да, миледи, леди Рауз не ездит налегке.

— Тогда я согласна. Сейчас пойдём к леди Рауз.

— Возьмите сразу всё необходимое, миледи.

Она постояла немного у окна, слушая звуки снаружи, голоса. И пришла уверенность. Если Ринна Венеш на что-то решается — дорога стелется ей под ноги. Вот так-то, Рик Кан! Не нужно обманывать. Леди Ринна Венеш — не игрушка.

— Иди, Мика, — она погладила рысь и подтолкнула её к окну.

Разглядев рысь, горничная леди Рауз ахнула и отскочила в сторону.

— Не бойтесь, она ручная, — пояснила Ринна.

Перед уходом она свернула одеяло валиком и уложила его в постель, укрыв простыней. Если кто-нибудь заглянет — она спит. Выходя, она оглянулась. Это её комната, она здесь жила. Но взять отсюда нечего! Нет её вещей, нет денег, а то, шёлковое платье забрала Мара, чтобы зашить и привести в порядок. А, ну да, есть фигурка-туфелька, чтобы вырезать пряники и печенье! Она забрала фигурку. Пусть будет на память.

Леди Рауз была взволнована.

— Ах, леди Ринна, я рада, что могу помочь. Ради памяти ваших родителей! Я должна. С вами поступили невыносимо. Я думаю, король ещё опомнится и будет рад, что можно что-то поправить. Но если вы останетесь с этими жуткими людьми... Да, Винита?

— Да, миледи, — с готовностью согласилась горничная.

— Они неплохие люди, — всё-таки поправила Ринна, потому что слушать такое даже из вежливости не хотелось. — Но нам и правда пора расстаться.

— Вы просто добры, леди Ринна, — махнула рукой градама, — А ваш друг-банкир немного глуп, к сожалению. Зачем, скажите мне, зачем он самолично стал ссориться с циркачами? Может, идея была и не плоха, но ему следовало нанять кого-нибудь. — говорила она, пока Ринна переодевалась с помощью горничной.

Вообще, леди Рауз теперь говорила, не умолкая, поминутно обращаясь к горничной за подтверждением — видно, так проявлялось её волнение, а одной из обязанностей Виниты было поддерживать свою леди в разговорах с самой собой.

Девушка ловко причесала Ринну, приколола кружевную наколку.

— Снимите драгоценности, они приметные, — посоветовала она. — Я дам свои сережки. Вы же хотите стопкой белья закрыть лицо? Вот, а серьгу напоказставляйте, пусть будет видна.

Действительно, серьги с топазами были такие удобные и лёгкие, что Ринна не снимала их подолгу и часто о них забывала.

— Поедете в другую сторону, так что не волнуйтесь. Надо сделать крюк, чтобы ваш ужасный муж вас не догнал! — объясняла леди Рауз. — Встретимся на постоялом дворе! Оттуда поедем в имение моих друзей, это близко. А через день-другой — в монастырь. Задержимся немного, зато никакого риска! Да, Винита?

— Безусловно, миледи, — охотно согласилась девушка, весело переглянувшись с Ринной.

Скоро в дверь постучали, заглянул грум леди Рауз и доложил о карете, и Винита вручила Ринне высокую стопку простыней и какой-то сложенной одежды — можно было закрыться до макушки.

— Я буду молиться за вас, леди Ринна, — заявила леди Рауз и сунула ей вдобавок шёлковую дамскую сумку, — здесь запасное бельё и немного денег, я не представляю, как без этого выйти за порог, дорогая. Вдруг что-то понадобится срочно.

— О, леди Рауз, моя благодарность безмерна! — растрогалась Ринна, и слова её были чистой правдой, а не вежливым лепетом.

У неё не спросили, нужно ли что-то — и так понятно, что ничего нет!

— Удачи, миледи, — шепнула горничная.

Ринна вышла, закрываясь своей ношей, в сопровождении грума, который тоже тащил какую-то корзину. Спустилась по лестнице, почти задев подолом циркача-акробата — он посторонился, давая дорогу. Вышла через заднюю дверь и с помощью грума забралась в карету — он ловко заботился, чтобы куча вещей надёжно закрывала беглянку. Наконец захлопнулась дверка кареты, и кучер сразу подстегнул лошадей.

Ринна с облегчением бросила свою ношу на сиденье и удобно устроилась на подушках. Вот и всё. Жизнь повернула в привычное русло, цирковое безумие закончилось. Рик, её муж...

Она погладила пальцем брачный браслет и засмеялась, уронив голову. Безумие оно и есть безумие.

Ночь удачно выдалась лунной и звездной — в крошечной тьме ехать было бы трудно. Повезло, что удалось сбежать, повезло, что светила луна. Именно так: гладкая дорога стелилась под ноги — только к счастью ли? Она старалась не думать о Рике, о Маре, о Лей. Об остальных не думать было проще.

После полуночи они остановились на постоялом дворе. Всем занимались люди леди Рауз — и скоро у Ринны были хорошая комната и горячая еда, а служанки грели воду для мытья, и это несмотря на поздний час. Кровать оказалась большой и удобной, а белье тонко пахло лавандой. Но уснуть всё равно не получалось. Рысь пришла, скользнула в приоткрытое окно и сразу прыгнула на кровать, улеглась в ногах. И это было огромное искушение — не соединиться с ней, чтобы умчаться в лес, краем глаза взглянуть, что происходит в Раби. Её хватились?..

Нет, она не стала. Как говорила Мара — хвост надо рубить сразу, а не по частям. От этих мыслей опять заворочалась и недовольно заворчала Мика. Бедняга, ей досталась хозяйка-недоучка, не владеющая собой, не умеющая даже закрываться от зверя. И, что грустно — она могла до сих пор не догадываться бы об этом.

Кажется, Ринна поняла, к кому она обратится за помощью. Но сначала — добраться до Гринзала. Именно там живет искусный тай, к которому обращалась за советами Исминельда. Тогда они жили в Гринзале несколько месяцев — отец, они с Исминельдой и многочисленная свита, потому что отец вел какие-то официальные переговоры с гринзальским герцогом. Ринна с Исминельдой были как никогда предоставлены сами себе и отлично проводили время. Того тая по чьей-то рекомендации нашел отец, наставница с Ринной ездили к нему несколько раз. Ничего особенного: разговаривали, приманивали всякую живность, делали простые упражнения для контроля дара. Он сам легко понял, что Ринна умеет превращаться в рысь, и посоветовал не пользоваться этим без крайней необходимости. Иногда он подолгу беседовал с Исминельдой, а Ринна в это время читала в саду. Потом Исминельда объяснила:

— Это лучший тай в Гринзале. Мне нужны его советы, как тебя учить. Вот только я не лучшая и не слишком сильная, мне и понять его сложно, не то что учить тебя. Может, твой отец согласится нанять его для тебя?

Но графу Ленгару идея не понравилась, и вообще, вскоре они уехали. А теперь она опять наведет справки, и сама обратится к этому мастеру. Имя старика забылось, вот внешность — льдистые серые глаза, копну седых волос, прямой нос и тонкие, всегда сжатые губы — она помнила отлично, и дом, где он тогда жил, тоже...

А утром, спускаясь завтракать, она столкнулась в Вернаном Сейри.

— О, леди Ринна, как я рад, что жизнь опять свела нас! Вы разделите со мной завтрак? Прошу прощения за дерзость, конечно, но когда-то это было возможно!

— Что вы, Вернан, я буду очень рада! Поверьте, я так счастлива вас встретить!

Стол был накрыт, на нём стояли розы в низкой вазе.

— О, Ринна, — старый друг так и поедал её глазами. — Знали бы вы, как счастлив я!

Он кинулся отодвигать для неё стул.

Им подали к завтраку булочки. Они когда-то вместе ели такие же в гринзальской кондитерской на набережной. Там пахло морем, и можно было рассматривать корабли на рейде.

— Леди Ринна, я так часто вас вспоминал. Знаю, сколь самонадеянно мечтать, но, Ринна, дорогая... Леди Ринна, то есть... Простите меня.

Он не сводил с неё глаз, пока она пыталась есть кашу и булочки.

— Милый Вернан, попробуйте булочку с орехами, — она подлила ему молочника, — и нечего мне прощать. Я очень вам рада.

— О, леди Ринна... меня так радовало, что вы не желаете выходить замуж. Я понимаю, что не должен надеяться... Но разве я мог?

И тут она, кажется, поняла то, о чём могла бы сообразить и раньше — например, после недавних расспросов Рика.

— Вернан, скажите мне, это вы чуть не опередили Рика... моего мужа, тогда, в Ленгаре? Вы хотели жениться на мне?

— О... Вы знаете, да? — он покраснел, — вам рассказал этот... ваш муж.

— Нет, он не рассказывал. Я случайно подслушала. Но это так?

— Да, леди Ринна! Я был первым! Они... Их было много, я не смог. То есть, я хочу сказать... — он явно был не в своей тарелке.

— Ох, Вернан, — вздохнула она.

— Раньше я не смел и мечтать. Но теперь... Разве я не достойней циркача? Я многое могу вам предложить!

— Вернан. На самом деле я не вышла замуж. Рик лишь согласился помочь мне, за плату, — пока она ограничилась таким объяснением. — Вы бы пошли на это?

— На обманный брак? О, леди Ринна.... Как можно? Обвенчаться?.. — он смотрел недоверчиво. — Я ведь люблю вас, давно и преданно... Так вы не жена этому прохиндею?! О, я рад! Я счастлив!

— Благодарю, Вернан. Я так ценю нашу дружбу! — Ринна выделила последнее слово.

Кто считает, что признания в любви — сладость для ушей? Ничего в них нет хорошего, когда они не от того человека. Рик, кстати, буркнул раз, что влюбился на кухне, и всё на этом. Зато доходчиво объяснил, чем их брак ему полезен!

Они с Вернаном Сейри неплохо провели время в разговорах, а про любовь Ринна старалась не слушать, хотя друг детства всё равно к этому возвращался. Так или иначе, она обрадовалась, когда во двор въехал экипаж леди Рауз. О, эти гербы, этих лошадей знал весь Асвард!

— Вижу, вы поладили, молодые люди! — грандама шутливо погрозила им пальцем. — Зато у меня хорошие новости: все получилось, леди Ринна! Когда я уезжала, вас ещё не хватились. Что ж, можно отдохнуть немного, и в путь! Эсс Сейри, вы точно поедете с нами? Что за вопрос. Компания старухи вас бы не привлекла, но леди Ринна! Дорогая, вы приятно проведёте несколько дней, а потом отправитесь в монастырь, и это будет безопасно.

— Конечно, леди, можете на меня рассчитывать! — воскликнул Вернан.

И Ринне нечего было возразить: она сама была гостьей леди Рауз. В конце концов, Вернан Сейри, твердящий о любви — не самое страшное, и была надежда, что ему скоро надоест.

Они пили чай, когда во двор въехала большая дорожная карета в сопровождении верховых.

— О Пламя! — леди Рауз уронила ложечку.

Всадники были одеты, как гвардейцы графа Ленгара, а герб на карете принадлежал Обители Белых Сестёр. Ринна глазам не поверила. Тётя Астерия?!

— Леди Ринна, погодите, — побледневший Вернан схватил её за руку, но Ринна руку выдернула, выскочила из-за стола и побежала к карете.

Она не ошиблась — оттуда выскочила взволнованная тётя Астерия.

— О, девочка моя! Пламя Милосердное привело меня в нужное место!

— Милая тётя! — Ринна обняла настоятельницу. — Я направлялась к вам.

— Да? Ты выбрала странный путь. Но неважно. Я ехала в Асвард... но теперь это неважно! Главное, что мы встретились. Я получила твоё письмо и сразу отправила карету и сестёр в Раби. Но, повторяю, неважно... О, леди Рауз. Доброе утро, — поздоровалась она с подошедшей грандамой.

Итак, они встретились с тётей, ехать куда-то с леди Рауз больше не было нужды. Мало того, тётя не желала задерживаться на постоялом дворе ни единого получаса сверх необходимого. Скорее, скорее в Обитель!

— Поговорим по дороге, дорогая, — пообещала она. — Леди Рауз, сердечно благодарю вас за помощь племяннице. Уверена, мой племянник граф Ленгар ко мне присоединяется. И вас, эсс... гм, благодарю, — процедила она менее учтиво в сторону Вернана.

Когда настало время садиться в карету, леди Рауз подошла к Ринне проститься.

— Что ж, всё к лучшему, — сказала она, и, странное дело, и её голос, и она сама немного изменились. — Я желаю вам добра, девочка моя. Но бывают вещи сильнее желаний.

— О чём вы, миледи? — удивилась Ринна, та в ответ грустно улыбнулась.

— Вы понимаете, что ваши желания и планы вашей семьи теперь и подавно не будут совпадать? Но повторяю, это к лучшему. Вам не понравится, но — к лучшему.

— О каких планах моей семьи вы узнали? — удивилась Ринна, и волнение неприятно кольнуло.

— Ни о каких. Но я не первый день живу на свете. В монастыре с вами всё будет хорошо. А к Вернану Сейри даже не приближайтесь, мой вам совет, — она обернулась и послала эссу Сейри ласковую улыбку. — Доброго пути, леди Ринна! — и она легонько подтолкнула её к карете, как бы ненароком уводя от Вернана, который тоже жаждал подойти.

— Разве вы не собирались в Обитель, леди Рауз?..

— Безусловно. Позже...

Ринна помахала Вернану и села в карету, но сначала позвала рысь, дала ей запрыгнуть. Тётя не возражала, хотя поджала губы — дар племянницы она не одобряла. И монастырский экипаж в окружении гвардейцев выкатился за ворота, но теперь он двинулся в обратном направлении.

Глава 8. Монастырь

Каждый женский монастырь в Руате, да и на всем Побережье, имеет свой устав, свой цвет и крой одежд для монахинь, но в целом сходства больше, чем различий. Почти всегда — высокие стены, внутри которых — древние строения. И строгие одежды тёмных тонов. Только белые сестры носят светлое, но не белое — их платья из небеленого льняного холста, только у настоятельницы и её ближних помощниц одежда из тонкой, хорошей выделки шерсти, но того же цвета. Некоторые монастыри стоят на земле, защищённой от колдовства — колдуны там бессильны, а их амулеты не работают. Как правило, такой земли немного — внутри монастырской ограды, и то не всюду. Защита от колдовства внутри монастырей — это особое свойство, благодать, то ли изначальное свойство таких мест, то ли создано кем-то могущественным многие века назад. Древняя Обитель Белых Сестёр была как раз такой — колдовать там нельзя. Но мало кому это интересно — можно прожить жизнь, никак не касаясь колдовства.

Вообще, взаимоотношения колдовства и Пламени сложны и мало кому понятны. Например, серебряный браслет из Храма, вроде того, что носила Ринна, не мог бы надеть колдун, и при обрядах в Храме не следовало иметь при себе колдовские амулеты. Однако Колдовская гильдия, своя в каждой стране, существует под началом Храма. Ринна как-то попросила разъяснения у священника в Ленгаре.

— Леди Ринна, дело в том, что различные силы нашего мира существуют в согласии. Они не отрицают и даже дополняют друг друга, и это прекрасно. Это говорит о равновесии и безопасности. Но многое должно быть отдельно. Огонь и вода, например. Вам понятно?

В целом она поняла. Старый священник умел говорить просто о сложном. Тогда они гуляли по парку, и он называл её леди Ринной. Внутри Храма — просто Ринной. Внутри Храма не было титулов, не было фамилий. Перед Пламенем все равны и каждый сам за себя.

Ринна подбросила поленья в Очаг во дворе монастыря, вглядываясь в играющие огненные языки. Какое имя назвал Рик во время их венчания? Теперь не узнаешь, спросить не у кого. Разве что у священника в Ленгаре, если он запомнил...

Почему венчание вообще состоялось? Считается, что люди, друг другу не подходящие, обвенчаться не могут, Пламя гаснет и обряд останавливается. А у них получилось. Да, она хотела этого! Чтобы обряд состоялся, но не по-настоящему. Всего лишь чтобы можно было сбежать.

Она совсем запуталась. Хотела то, не хотела это... Хотела солгать у Пламени, но что получилось в результате?

— Пора, леди Ринна. Надо успеть на общую молитву, — позвала её сестра Рута.

Сестра Рута её опекала, и раньше, и в этот приезд. А тётя была слишком занята, а потом вообще уехала. Впрочем, Ринну пока это не беспокоило. Она получила, что хотела — покой, возможность затаиться и подумать. Ненадолго.

Дорога в Обитель показалась быстрой. Они с тётей Астерией говорили о всякой всячине, и совсем ничего — о важном.

— Тебе нужно отдохнуть, помолиться, прийти в себя, потом придёт просветление, — твёрдо заявила тётя, — ты много пережила. Будем говорить о делах только после отдыха и молитв, и не спорь, девочка.

— Хорошо, — Ринна и не спорила, но некоторые вещи хотелось выяснить. — Тётя, как получилось, что мы встретились? И вообще, Клайк что-то сообщал тебе?

— Ещё бы! Неужели ты решила, что будешь брошена на произвол судьбы? Клайк оставил дела и помчался ко мне. Ты ведь исчезла из Ленгара! Непонятно, как тебе удалось. Точнее, как он это позволил? Такая оплошность. И если бы не твоё письмо, мы бы не знали, что ты уехала с цирком. С цирком! Это ужасно.

А Ринне казалось, то найти её было бы несложно. Но действительно, проследить за цирком — легко, но как узнать, куда направился какой-то там бродяга-музыкант?

— А просто с нищим музыкантом? — улыбнулась она.

Тётя поморщилась, достала из сумки полотняный мешочек с травами и понюхала.

— Не знаю, что хуже. Девочка, я не сплю который день, всё думаю о тебе. А цирк — вместилище порока. Они, подданные королей, живут по своим обычаям, принятым ещё при Старых Богах! Прибежище сумасшедших, поставщики наложниц для развратников! Мне всегда не нравилось, что

в Ленгар приглашают цирки. Как только доберёмся до Обители, пригласим лекарей и повитуху.

— Это лишнее, тётя, — Ринна грустно улыбнулась. — Циркачи вовсе не ужасны. Не ужаснее прочих людей, уверяю. И я вовсе не плохо прожила эти дни. Кстати, муж не прикасался ко мне. Мы договорились перед венчанием. Я обещала заплатить ему за помощь.

— О, вот как? — лицо тёти Астерии просветлело. — Но это замечательно, это всё меняет. Какая ты умница. Все-таки Ленгар правильно вас воспитывал, научил не терять голову в трудные моменты.

— Надеюсь, — сказала Ринна без особой уверенности.

— Но венчание состоялось. С разрешения короля. О, Пламя Светлое! Хорошо бы получить с твоего циркача разводное письмо. Тогда и вовсе не должно быть проблем. К тому же... — она резко замолчала.

— Разводное письмо? — Ринна удивилась, впервые услышав о таком документе.

— Конечно. Отказ от прав и согласие на развод. И признание в несостоятельности, ему это ничего не стоит, а тебе не придется приносить покаяние и возмещать ему лишение брачных прав. Сколько ты должна денег?

— Сто серебряных дров.

— О! Думаю, этого достаточно. Твой брат привез деньги, — тетя понизила голос. — Весьма крупную сумму. Можешь быть спокойна.

— Клайк привез деньги? Мне? — сердце Ринны затопила благодарность. — И сколько же?

— Если тебе так интересно — семь тысяч дров. Он примчался, всё мне рассказал, мы долго говорили, думали, как тебе помочь. И так кстати пришло твоё письмо! Клайк отправился к банкирам, а я послала карету в Раби и сама бросилась в Асвард, к королю. Но теперь это, конечно, подождёт.

— Семь тысяч, — тихо повторила Ринна. — Я в долгу перед ним за щедрость.

— Глупенькая. Все близкие люди в долгу друг перед другом. У тебя теперь есть возможность осознать своё истинное предназначение. Бывает, сразу и не поймёшь, но это идет отсюда, — она прижала руку к груди. — Я тоже была молодой, легкомысленной. Но, проведя годы в обители, я так благодарна за это судьбе. Это место тишины, покоя и святости, там начинаешь понимать, как тщетен и суетен мир. Это лучшее место на земле!

— Соглашусь, так и есть, — Ринна не собиралась спорить. — Это лучшее место для тех, кто ищет тишины. Но мне нужно не это. Мне нужна моя жизнь.

— Как? — ахнула тётя. — Теперь тебе лучше раз и навсегда найти защиту от искушений! Только твой ужасный муж чего стоит — бродяга, циркач!

— Тетя, я сбежала от него не потому, что он ужасен, — призналась Ринна, — он очень нравится мне. Это прямо насмешка, что законный союз с мужчиной, который мне так нравится — оскорбление для Венешей, — эти слова сорвались с языка, потому что Ринне очень хотелось сказать, наконец, об этом.

— О, — тётя побледнела и стиснула её руку. — Девочка моя. Какое счастье, ты теперь со мной. Твоя судьба ясна... Но, — она погрозила пальцем, — больше ни слова! Хотя, последнее: как ты считаешь, твой муж не попросит больше за разводное письмо?

— Он изменил решение и желает взять меня в жёны по-настоящему. Мой дар тая — ценность для его семьи. Думаю, с ним и обсуждать это не стоит.

— О, — монахиня нахмурилась, — это плохо. Ну ничего. Твой дар — ужасно, но придётся справляться. Кстати, ты ехала совсем в другую сторону. Хотела запутать следы?

Ринна кивнула.

— И где ты встретила с этой старой интриганкой Рауз?

— Случайно. Но она мне помогла.

— Что ж, благослови её Пламя. И ещё, Клайк беспокоится, у тебя нет с собой семейных печатей Ленгаров?

— Конечно нет, откуда? — Ринна удивилась. — Нет и не было никогда.

То, что у неё было, не считалось семейной печатью Ленгаров.

— Да, дорогая? Клайк считает, что ваш отец давал тебе распоряжения для банков.

— Да, но не печати. Они все у Клайка. И я не претендую на имущество Венешей. Клайк боится, что я потребую чего-то в банке от его имени?

Всё-таки осторожный брат забеспокоился.

— Конечно же нет, — тётя Астерия легко улыбнулась. — Но он стремится к порядку в делах. Ах, дорогая, я так рада...

После этого они говорили о всякой всячине. О том, как тётя в юности училась в школе для девочек. О забавных происшествиях при дворе, которые случились ещё до войны. Но это отвлекало от того, о чём хотелось пока не думать...

— Пора на молитву, леди Ринна, — опять напомнила сестра Рута.

— Уже иду, — Ринна бросила последнее поленце.

Ей особенно не досаждали, но порядки в монастыре для всех одни, общая молитва — значит общая.

— Прошлой ночью очень похолодало, — сказала монахиня, семена за своей подопечной. — Я взяла для вас плащ у сестры кастелянши. Отнесла в вашу келью.

— Спасибо, сестра.

Вот и осень. Где сейчас цирк, где Рик? Даже неприветливого Ивара Ринна была бы не прочь повидать. Только повидать. И Клею. С маленькой циркачкой было так легко и забавно. И Мару...

Неизвестно, встретятся ли они когда-нибудь, скорее всего — никогда. И от этой мысли было немного грустно.

— Матушка составила список книг для вас. Пожалуйста, не откладывайте это послушание. Когда она вернётся, то захочет убедиться, что вы всё исполнили. Вы читаете не те книги, леди Ринна. Я принесла вам ещё свечей, незачем портить глаза.

— Спасибо, сестра. Я стараюсь.

Книги, отложенные тётей, навевали сон — что-то поучительное и философское без капли занимательности. В них не было нужных ей ответов, да и не хотелось искать их в книгах. Сама Ринна взяла в монастырской библиотеке один из томов Истории Королевств, это было, по крайней мере, не скучно. Хотя она всё равно ловила себя на том, что подолгу бездумно смотрела на страницы, не различая букв, думая о своём. Последние дни вспоминались так и этак, представляли то в одном свете, то совсем иначе. И множество мелочей, когда-то незамеченных, вдруг всплывали в памяти.

«Я на кухне в неё и влюбился». Но это, увы, ложь...

— Мне не говорили, что чтение книг — послушание. Моё послушание — шить бельё в швейной, если я правильно поняла, сестра, — кротко заметила она. — Я выполняю свои уроки в полной мере.

Ей и тут не хотелось терять некоторую независимость, хотя бы читать что хочется. Постоянный контроль со стороны монахинь, их указания раздражали. Да, бездельничать в монастыре не полагалось, и символическое «послушание», то есть какую-то работу, Ринна получала всегда, когда гостила здесь. На этот раз тётя «наградила» нелюбимым шитьём, настояла, что пересиливать себя Ринне полезно. Но это была мелочь, а спорить с настоятельницей опять же не позволяли монастырские правила. Ещё, тоже впервые, Ринну поселили не в гостевых покоях, а совсем в другом крыле, где жили послушницы. В гостевых покоях затеяли менять пол перед ежегодным приездом королевы. Тоже мелочь, конечно. Гостевые покои — это не комнаты в богатом замке, это просто кельи для знатных паломниц, они немного больше и светлее, чем в крыле послушниц, но и только. Здесь нигде нет роскоши — это монастырь, и никому не следует об этом забывать.

— Ваша рысь вчера опять приходила к воротам, — сообщила сестра Рута, поджав губы совсем как тётя Астерия.

— Надеюсь, она не помешала, — невозмутимо отозвалась Ринна.

Она не волновалась за Мику, потому что то и дело слышала её, прикладывая совсем небольшие усилия. Это стало ещё проще, чем раньше — лишнее доказательство того, что дар тая — не колдовство. Но поскольку настоятельница его не одобряла, другие монахини тоже не одобряли.

До приезда королевы Савадины Ринне хотелось бы уехать. Тётя, кажется, была согласна. Вообще, тётя не спорила, соглашалась, советовала успокоиться и больше молиться. Но Ринне уже не терпелось дожидаться её и обо всём поговорить, наконец.

Напоминание монахини сделало свое дело, и, идя по коридору, Ринна невольно позвала Мику. И сразу «влетела» в неё — вот уже вокруг колючий кустарник, трава, влажный холодный ветер. Такой вкусный и свежий воздух! Видно, причина этой легкости единения со зверем была как раз в том, что Ринну совсем не тянуло на общую молитву. Но деваться было некуда.

Она стала позади послушниц, не желая лишнего внимания. Ринна-рысь затаилась в кустах.

Карета?.. Неподалёку от ворот стояла большая дорожная карета, запряжённая парой. Кучер скучал на козлах, какой-то мужчина присел на откинутую скамейку и ждал. Ничего удивительного, экипажи въезжали в монастырский двор только с особого разрешения, мужчины не могли пройти дальше привратницкой, гостевого дома или приёмной палаты. Даже пол в покоях, которые готовили сейчас для королевы — наборный паркет, хоть и самый скромный на вид, — укладывали мастерицы, выписанные откуда-то издалека.

Из ворот вышел Вернан Сейри собственной персоной.

— Леди Ринны нет, — сообщил он ожидающему. — Говорят, настоятельница уже отправила её куда-то.

— Куда именно? — сердито каркнул мужчина.

— Можете пойти и спросить сами, — нелюбезно ответил Вернан, — они утверждают, что не знают. Родные её спрятали, это понятно. Заперли в одном из семейных замков.

— Сочувствую вам, любезный эсс, — незнакомец запрыгнул в карету и захлопнул дверцу, и Ринна перестала слышать их голоса.

Она не удивилась. Тётя считает Вернана Сейри неподходящей для неё компанией. Но ей предстоит добираться до Лира, а потом до Гринзаля, и не исключено, что с Вернаном это было бы приятнее и проще. Имея семь тысяч, она может путешествовать с комфортом, нанять прислугу и компаньонку, то есть соблюдать все приличия! Вот с компаньонкой тётя как раз могла бы посодействовать. Неужели вместо помощи она собралась мешать? Впервые Ринна ощутила в душе холодок беспокойства.

— Леди, — сестра Рута тронула её за локоть. — Леди, что с вами? Вы задумались.

Молитва уже закончилась.

— Я просто увлеклась, сестра, — пояснила Ринна любезно.

— Это хорошо. Истовая молитва просветляет. Пойдёмте, я провожу вас в келью.

— Я сама дойду, — отмахнулась она, — сестра, вы знаете, последнее время меня кто-нибудь спрашивал, хотел видеть?

— Нет, леди, никто.

— Я сама спрошу у привратницы.

— Не надо, леди.

— Почему?! Мне запрещено пройти до ворот и обратно?

Теперь ей хотелось узнать, скажет ли правду привратница.

Не сказала. Посмотрела с участием и заверила, что никто не приезжал к леди Ринне Венеш. Ах, только что? Нет, только что тем более никто. А что, леди Ринна ждёт кого-то именно сегодня?

— Вам всем приказано никого не пускать ко мне? И обманывать? — спросила она у сестры Руты, когда они шли обратно.

Та помолчала, насупившись, и всё же ответила:

— Приказано оберегать. Наставлять. Заботиться. Вам предстоит важное дело. Следует готовиться, а

не тратить время впустую.

— И что, по-вашему, мне предстоит?

Монахиня снова помолчала, словно подбирая слова, потом сказала:

— Исполнить долг. Разве вы не сами отказались от иной судьбы? За вас внесли вклад в Обитель. Покажите себя правильно, всего лишь, и когда-нибудь замените нашу настоятельницу. Она и не мечтает о лучшей доле для вас.

— Вклад в Обитель? — медленно повторила Ринна.

Клайк привёз не деньги для неё. Он привез монастырский вклад. Чтобы она могла сразу принять постриг.

— И ещё земли для Обители, — быстро добавила монахиня. — Матушка-настоятельница поехала получить с графа Ленгара документы на земли. Всё будет очень хорошо, дорогая леди. Ведь к вам всегда здесь так хорошо относились. Вас ждет замечательное будущее и самое лучшее положение, не надо ничего портить, — она умоляюще посмотрела на Ринну.

— Понятно, — сказала Ринна. — Я уезжаю отсюда. Могу даже уйти пешком.

Как будто вспышка осветила разум, а в душе поднялась паника. Что происходит? Она спала и проснулась?!

Если уйти, то именно сейчас! Её не посмеют задержать. У них уже всё решено, и решала не только тётя Астерия! Вся семья, родственники.

Она почти бегом вернулась в келью, побросала в сумку вещи — те немногие мелочи, что у неё были, кошелек, белье. Тёплый плащ оказался кстати. А вот её платье, купленное в Раби, пропало из кельи, придется уходить в наполовину монашеском одеянии...

О Пламя, Рик был прав! Но даже при худшем раскладе Ринна справедливо рассчитывала на долгие уговоры, на увещевания, и была к ним готова. Хотя до последнего хотела бы верить тёте Астерии. Но такой обман? За неё всё решили! В монастырь уходят добровольно. Она не согласится добровольно!

Монахини выходили и смотрели ей вслед, но не мешали. А вот железные ворота и калитку успели закрыть. Перед ней выросла рослая фигура старшей привратницы.

— Вернитесь в келью, леди Ринна, — сказала привратница. — Вы разволновались из-за каких-то пустяков. Помолитесь у Пламени.

К ней уже спешила помощница настоятельницы в окружении старших монахинь.

Всего лишь калитка, всего лишь засов. Не может быть, чтобы Ринну Венеш удерживали силой!

— Я только что пришла в себя, — заявила она. — Благодарю за все и желаю счастливо оставаться, — она скользнула за спину привратницы и рванула засов, он отодвинулся так легко, и калитка почти открылась.

— Леди Ринна, — привратница уверенно заломила ей руки за спину и отбросила от калитки.

— Где мешок? — визгливо крикнула помощница настоятельницы, — держите её!

Мешок тут же набросили Ринне на голову, очень ловко, и это был какой-то странный мешок, потому что её вдруг закрутило и потянуло в какой-то белёсый туман...

Она очнулась в своей келье. Виски ломило и сушило в горле. Воды!

Она встала, пошатываясь. На столе стоял кувшинчик с водой, её осталось на дне, и Ринна жадно выпила. С опаской посмотрела на кувшинчик, но эту воду сестра Рута принесла с утра. Последние воспоминания нахлынули. Привратница заломила ей руки! Немыслимо. Запястья до сих пор болели. И её, определенно, чем-то отравили, чтобы легче было справиться. Она вдохнула отраву, которой был пропитан мешок. Что-то сладковатое, неприятное, незнакомое. Ринна многое могла отличить по запаху, любой букет специй — в этом ей вообще не было равных, но это...

Хотелось ещё воды, и она подошла к двери, дернула — было заперто. Она постучала, сначала тихо, потом со всей силы. И скоро услышала звук отпираемой задвижки, и сестра Рута скользнула в келью.

— Ах, леди Ринна, — она укоризненно покачала головой. — Что вы наделали! Ведь всё было бы так хорошо.

В руках она держала полный кувшинчик с водой, и Ринна, благодарно улыбнувшись, взяла его и стала пить из горлышка. Ну разумеется, как она могла, леди следует наливать воду в стакан!

— Сестра Рута, умоляю, скажите правду. Я понимаю, вам приказано меня обманывать. Но разве ложь — не зло? Умоляю вас.

— Ложь не зло, если она для помощи и спасения, — тихо сказала монахиня. — Лучше доверьтесь тем, кто вас любит, и не вынуждайте лгать.

— Умоляю, скажите правду. Мой муж приезжал сюда? Искал меня?

— Нет, — твердо сказала сестра Рута. — Я ничего об этом не знаю. И лучше оставьте такие мысли, леди Ринна. Матушка помощница скоро придет поговорить с вами. Отнеситесь в ней с кротостью и вниманием. Матушка настоятельница поручила ей заботу о вас.

— Сестра Рута, я хочу говорить с тётей и только с тётей.

— Матушка настоятельница вернется нескоро. Её задержала в Асварде её величество. Но сестра помощница разрешит ваши трудности, не сомневайтесь.

— Я здесь не чтобы разрешать трудности, а просить помощи и поддержки у родного мне человека. И я не чувствую призвания быть монахиней, так что всё это — пустая трата времени.

Сестра Рута сделала большие глаза и замахала руками. И вдруг, приблизившись к Ринне, сказала очень тихо:

— Он приезжал, да. Ваш муж. Требовал вас, утверждал, что вы должны ему деньги. Ему сказали, что вас здесь нет. Он пообещал вернуться и подписать какой-то документ, но только за двести дров.

Она отстранилась и сказала громко:

— Отдыхайте, леди Ринна. И молитесь.

— Спасибо, сестра Рута, — едва успела сказать Ринна, потому что монахиня почти сбежала из кельи.

Ясно — она опасалась долго разговаривать, ей не велели. Этим займётся сестра помощница.

Рик был здесь. Требовал деньги? Вернётся за деньгами?..

Он требовал встречи с ней, вот что важно. Разводное письмо за двести серебряных?..

Ринна без сил рухнула на жесткую монастырскую кровать. Так хотелось что-то вспомнить, решить, понять... Понять очень надо! Но глаза закрывались, и держать их открытыми не было никаких сил.

Матушка помощница пришла на следующий день, её сопровождали три монахини, и с ними сестра Рута — позади всех. Для матушки внесли стул с высокой спинкой, монахини стали на ней в ряд. Ринна тоже осталась стоять.

— Хорошо ли вы себя чувствуете, дитя моё? — матушка была такой ласковой.

— Вполне, благодарю. Скоро ли я увижу тётю? Матушку настоятельница, я хотела сказать.

— Всему свой срок. Как вы продвинулись в изучении отобранных для вас трактатов?

— Боюсь, я не преуспела, — не стала юлить Ринна. — Была уверена, что скоро покину это благословенное место.

— Защищать близких — долг каждого, — сказала помощница тем же ласковым голосом, — даже защищать от них самих. Вразумлять, указывать на ошибки и направлять, особенно если неразумные упорствуют. Вразумлять не только на словах — это необходимо для самых заблудших.

— И тётя... то есть матушка настоятельница уполномочила вас вразумлять меня всеми доступными способами? — уточнила Ринна даже с некоторым любопытством.

— Именно. Увы, она осознает, что по отношению к вам может быть слишком мягкосердечной. Леди Ринна, подумайте о том, что потворствовать вашим порывам, желанию уйти неизвестно куда и,

возможно, оказаться во власти пороков и болезней, стать жертвой искушений и кто знает, чего ещё — огромная жестокость по отношению к вам. Эти стены могут стать для вас лучшим домом, любому разумному человеку это понятно, — помощница умела говорить речи, она как будто чеканила слова, словно вбивая их в разум Ринны.

— Я поняла, матушка, — сказала та кротко, и это было для неё не так-то просто.

«Я сбегу при первом же удобном случае», — вот что это означало.

— Нам бы хотелось, чтобы ваш постриг состоялся через четырнадцать дней, — помощница опять заговорила ласково.

— Так быстро? Но разве это возможно? Я не была послушницей.

— Это возможно, — заверила помощница.

— Я знаю, что скоро сюда приедет королева. Мне бы хотелось сначала побеседовать с ней, матушка...

— Не думаю, дитя мое. Её величеству ни к чему ненужные встречи. И я обычно отличаю истинное смирение от притворного, так что вы меня не обманули. Я бы тоже отложила ваш постриг, к чему спешить? — она вздохнула. — Но вы в опасности. А пока изучайте трактаты и готовьтесь изложить их назначенной сестре. Это время вы проведёте на хлебе и воде, не покидая келью. Вам понятно?

— О да, — Ринна усмехнулась.

— И вам лучше оставить свою дерзость, — монахиня мимоходом нахмурилась. — Мы тут предпочитаем увещавать, но вы понимаете, что розги пару раз в неделю могут убедить вообще кого угодно? — она улыбнулась, словно вспоминая что-то хорошее, и встала. — Леди? Отвечайте.

— О, я понимаю, матушка.

Они ушли, прихватив с собой стул. Сестра Рута замешкалась, чтобы сказать:

— Будьте послушны, смирите нрав, умоляю. Эта келья — благо. Есть кельи для раздумий, там нет окон и так тесно, что нельзя лечь на пол в полный рост.

— О да. Я поняла, — кивнула Ринна.

Странно, что хотелось рассмеяться в столь невесёлых обстоятельствах. Что её здесь могут, например, выпороть, она не поверила. И потом, монашеские обеты тоже дают у Пламени, так что никаких ложных клятв больше! А хлеб с водой — чепуха. Напугали...

— Сестра, приносите мне только чистую воду, безо всяких снадобий, — попросила Ринна. — Мне нужна ясная голова. Буду в неоплатном долгу перед вами!

— Я прослежу, ваша вода будет чистой, — пообещала монахиня. — И будьте же разумны.

Ещё бы, только на разум и оставалось надеяться. Но ещё больше — на счастливый случай.

Если бы проснуться, и события последних дней оказались сном! То, что случилось, только на кошмарный сон и было похоже. Этот монастырь всегда казался Ринне местом приветливым и светлым, несмотря на сумрачность его коридоров, а здешние монахини были добрыми и внимательными. Потому что прежде они не пытались вразумлять её насильно? Конечно, зачем бы?.. И то, что к угрозам перешли практически сразу — почему?..

Она злилась на тётю Астерию, на брата — но не слишком. Попытка запереть её здесь с их стороны была естественной, а замужество за циркачом или бродягой, конечно, казалось чем-то недопустимым. Особенно тёте. Но и брата задевает, что она будет вести жизнь, недостойную Венешей. Он не верит, что она способна сама справиться, найти выход и жить, не роняя достоинство своей крови. Проще заставить её принять постриг и забыть о проблеме навсегда! Вот этого она не могла простить, и никогда не сможет. С ней не пытались поговорить, спросить о желаниях, помочь, вместе найти выход. Ведь деньги открывают множество возможностей! Но ей не позволили...

Как ни крути, а монашеский обет — самый простой и безотказный способ развести её с Риком, и не станет этого унижительного для Венешей брака. Не надо ждать положенные сроки и не будет пути назад. Рик может потребовать компенсации — если его захотят слушать. Но это не вернёт ей свободу, а Рику дадут денег или заставят замолчать как-нибудь иначе. Впрочем, он ведь уже назвал цену — двести дров. Получив тысячи, монахини не станут мелочиться, проще заплатить.

Рик отступился. А чего она хотела? Чтобы цирк Кавертена взял монастырь приступом? Смешно...

Ринна вытерла мокрые от слез глаза. Какая она дуручка, что натворила! Сама виновата. И ещё — король Фарут. Всё началось с его нелепого решения. Вот зачем?..

Рик не пускал её в монастырь. Да, сначала обещал, но потом передумал и вполне ясно объяснил, что её ждёт — как знал! Она не поняла, не поверила. И никогда не поверила бы, что такое случится с ней! Женский монастырь — омут, сил сопротивляться нет, а помощи не будет. Как выплыть?..

Горько, что такую участь ей уготовили близкие люди, уверенные — так лучше!

Леди Рауз тоже предупреждала, и она одобряла монастырь. Именно так: она считала, что Ринне в монастыре не понравится, но её пребывание тут к лучшему, и пыталась сказать, что рядом в Вернаном ей нечего делать. Это понятно, бывшая первая леди двора смотрела на дела так же, как тётя, как брат и, должно быть, как вся знать Руата: лучше стать монахиней, чем потерять положение и разделить жизнь с простолюдином...

Воду Ринне приносили чистую и свежую. Она долго принималась, прежде чем пить, хотя, конечно, сестра Рута внушала доверие, а воду приносила именно она. Хлеб всякий раз был чёрствый, но это к лучшему — его приходилось есть медленно и на дольше хватало. Хлеб она тоже обнюхивала, стараясь уловить подозрительное. Книги — лишь вяло полистала и оставила раскрытыми, даже смотреть на них не хотелось, но пусть видят, что леди Ринна подчинилась и усердно изучает эту зубодробительную писанину...

— Вы не проявляете усердия, леди, — это одна из старших сестёр явилась с проверкой.

Зашла без стука, прошлась, заглядывая в каждый угол. Кстати, а раньше монахини стучались, прежде чем войти.

— Я стараюсь, сестра, — Ринна опустила взгляд. — Может быть, я также буду шить? Дела следует чередовать.

Это было неосторожно. Глаза монахини гневно сверкнули.

— Дело не в том, чтобы занять вас работой, леди. А в том, чтобы вы смирили свой дух и подчинили его благоразумию. И вам сейчас не время рассуждать, чем стоит заниматься, а чем нет. И драгоценности несомненно вредят, их следовало снять, только переступив наш порог. Снимите и отдайте мне. К тому же надо проверить их на заклятья, чтобы знать, были ли вы чисты от колдовства до прихода сюда.

Ринна на мгновение замерла. Даже так?.. Не просто быть настолько покорной.

— Пусть проверят при мне, — сказала она. — я не отдам эти вещи. Это украшения моей матери, и сомнений в их чистоте до сих пор не было.

— Опять дело не в этом. Вы не желаете смирять дух, он нуждается в лечении. Смирение, леди!

Она выглянула за дверь, позвала — зашли несколько монахинь. Привратница снова больно заломила Ринне руки за спину, попутно вынуждая упасть на колени, другая тут же аккуратно вынула серьги из её ушей и сняла с шеи цепочку с подвеской. Ринна лишь стискивала зубы от беспомощной ярости.

— Осмотрите тут все, — велела старшая монахиня. — Пойдёмте, леди...

Тесно обступив, её провели в другое крыло и толкнули в маленькую комнатку.

— Молитесь и размышляйте, леди. Три дня.

Дверь захлопнулась, замок звякнул. Вот она, комната для раздумий. Без окон, действительно маленькая и тихая. Никакой мебели, только одеяло на деревянном полу — размышляй не хочу. Некоторое время Ринна лишь бессильно стискивала зубы и сжимала кулаки, но успокоиться пришлось, конечно. Вот на размышления о смирении не тянуло вовсе. Она, наконец, легла и задремала, завернувшись в одеяло, и это было лучшее, что с ней могло случиться.

Рысь притаилась в кустах. Неподалёку настойчиво шуршал молодой заяц, и упускать его было по меньшей мере глупо. Прыжок, ещё один — и когти вонзились в мягкое податливое тельце добычи. Рысь была голодной и не стала медлить, разом перекусила шею жертве и принялась рвать зубами тёплое, вкусное мясо, придерживая тушку когтистой лапой...

Ринна никогда не соединялась со зверем во время охоты, но это соединение было случайным, во сне, и поэтому неполным. Сама Ринна никогда не стала бы охотиться. Но и не подумала мешать — она была голодной и мечтала съесть что-то, кроме черствого хлеба с водой. Свежее мясо с кровью

оказалось вкусным. Наевшись, она забралась на дерево и улеглась на толстую ветку, отдыхая. Запахи и звуки леса были приятны, и легко дышалось. Ринна наслаждалась. Это была жизнь, а там, внутри каменных стен — не жизнь. Не жизнь — это ведь смерть? А комната без окон — это склеп.

Отдохнув, она некоторое время бегала по лесу, потом вернулась к монастырю и затаилась, разглядывая его. Ринна никогда этого не делала, то есть не осматривала стены снаружи глазами рыси. Они высокие, но вовсе не гладкие — можно забраться. Жаль, рядом не растут деревья. Но рысь легко прыгает с места на три человеческих роста, так что кое-где стену можно перепрыгнуть, не там, где главный вход, а позади. Осталось сопоставить вид изнутри и вид снаружи, чтобы не прыгать вслепую, для этого были бы кстати человеческие глаза, но их неосторожная обладательница заперта в комнате для раздумий. Ну хорошо, вот она прыгнет, проберется внутрь... Что дальше? У сестры привратницы есть оружие, и ещё у кого-то наверняка тоже, ведь монастырь стоит в лесу, тут бродят дикие звери. Если бы по-прежнему ходить молиться к Священному Пламени — Очаг совсем близко от ворот, чтобы всякий входящий первым делом мог подойти. Но все равно рыси надо забраться на стену и присмотреться...

Ворота со скрипом приоткрылись и выпустили двоих мужчин в сопровождении привратницы. Кажется, они учтиво распрощались и направились к коновязи, где стояли лошади. Это были Рик и Ивар.

Почти не думая, Ринна в несколько прыжков преодолела разделяющее их расстояние, замерла в нескольких шагах, зарычала. Рик тут же шагнул к ней, протягивая руку.

«Хорошая. Ты моя. Я твой. Слушайся. Успокойся. Слушайся», — услышала она.

Обычная формула подчинения зверя. И в первый момент Ринне захотелось... послушаться. Но уже в следующий она опомнилась. Она не рысь!

Привратница тоже заметила зверя, выбежала с большой палкой наперевес. Ивар задержал её:

— Не надо, сестра, мой друг тай, рысь нам не опасна.

Ринна рыкнула в сторону монахини, скребя когтями землю — убирайся прочь!

— Уйдите, не отвлекайте, — попросил Ивар, — может быть, мы её сейчас поймаем.

— Ох, если бы! — вздохнула привратница, — страшная зверюга, наглая, всех тут пугает. Давно надо за охотником послать, в посёлок, — и, пятясь, отступила за ворота.

«Иди сюда. Слушайся. Я твой. Иди ко мне» — продолжал своё Рик, но это уже не действовало.

Ринна подошла — сама. Охотно потёрлась загривком о его ладонь. Ивар тоже подошёл.

— Видишь? Она рядом, здесь, раз рысь не уходит. Это Обитель Врунишек, — сказал Рик.

— Ты уверен, что зверь тот самый? — усомнился Ивар.

— Ещё бы не уверен. Да и вот ошейник, смотри, — Рик поддел пальцем кожаный шнурок. — Она в монастыре.

— И что предлагаешь? Рыть подкоп под стену?

— Не поможет. Стены старые, наверняка с защитой, которой тысяча лет. Это внутри заклетья нельзя наложить, а снаружи даже нужно. Леди Ринна, просыпайтесь, просыпайтесь!

Он гладил рысь, тербил шерсть, почесывал за ушами, и Ринна жмурилась от удовольствия и мурчала, наслаждаясь его прикосновениями. Вот бы испытать их сейчас, наяву, чтобы он прикасался и гладил...

— Леди Ринна, просыпайтесь!

Она открыла глаза, в досаде, что прервали такой хороший сон. Это сестра Рута тербила её, хлопывала по щекам.

— Что такое, сестра? — Ринна села, потерла лицо руками.

— Я принесла воды. Вот. Осторожно, не пролейте. И хлеб. Вот... — она показала.

Между ломтями хлеба лежал толстый кусок ноздреватого жёлтого сыра.

— Клянусь Светлым Пламенем, я сама взяла из кухни. Поешьте, кому надо, чтобы вы слабели? Только сразу, чтобы никто не видел.

— Спасибо, — шепнула Ринна.

Она видела Рика во сне. Это был сон. А ещё в этом сне она съела зайчонка.

— Леди, поверьте, настоятельница это не одобрит. Она приказала убедить вас, склонить к постригу, но не таким образом, я уверена. Сестра помощница мудрая и опытная, но уж очень строгая. Проявите покорность, умоляю, леди. Вам сочувствуют многие, но поверьте, против никто и слова не скажет.

— Спасибо, сестра.

Она съела весь сыр до крошки. Было невероятно вкусно.

Глава 9. Освобождение

Заключение в тёмной комнате продолжалось. Сестра Рута заходила дважды в день, одна, но явно её ждали за дверью. Говорить она стала шёпотом, пояснив, что говорить вообще запрещено, чтобы не мешать леди. Вместе с хлебом и водой иногда приносила сыр и какую-нибудь зелень. Меняла ведро для нечистот, которое Ринна старалась задвинуть в самый дальний угол. Можно, наконец, хотя бы свечу? Тоже нет, тут не нужен свет, надо пребывать наедине с собой, молиться и размышлять, размышлять и молиться. Мы все молимся за леди. Матушка помощница — больше всех. А хотя бы гребень? Тоже нельзя, чтобы не думать о суетных вещах, это успеется. Ринна всё равно кое-как приводила волосы в порядок с помощью пальцев и шпилек. Что сделать, чтобы скорее вернуться в свою келью? Ничего, леди, придётся отбыть положенный срок. Выходя отсюда, никто не остаётся прежним. Леди тоже станет другой. «Леди станет послушной», — вот что звучало в словах монахини вместе с надеждой.

Она станет другой? Наверняка, такое вряд ли проходит бесследно. Очевидно, здесь очень верят в этот метод и очень стараются добиться своего. Напряжение рассудка и чувств у заключенной тут должно быть огромным. Но у Ринны был отличный способ ускользнуть, о котором никто не знал: она могла превратиться в рысь и наслаждаться свободой, воздухом и простором. Жизнью.

Ринна охотно выполняла просьбы, если понимала их, но вот заставлять её всегда было бесполезно. Так и теперь. Молиться она не стала, во всяком случае, так, как требовали монахини. Размышлять? Да. Но главной её отрадой было уйти в лес с Микой. Если бы можно было сбежать на многие часы, на весь день — она бы так и делала. Не получалось, через каждые несколько часов с рысью требовался отдых.

Рыси теперь приходилось быть осторожной. Охотника позвали, и он несколько дней выслеживал её в окрестностях монастыря. К счастью, он уехал, но Ринна больше не думала о том, чтобы забираться на стены — боялась рисковать Микой.

В келье не было окон, но об устройстве вентиляции позаботились, и Ринна могла не только дышать свежим, не затхлым воздухом — это было прекрасно, она ещё мерзла по ночам и приходилось целиком заворачиваться в одеяло. И всё же келья не была холодной и не тянула на склеп... но всё больше ею казалась. И Ринне всё чаще приходило в голову: она умерла, её нет. В этом тихом, тёмном, унылом и лишённом жизни месте нечего делать живым. Нет прежней леди Ринны Венеш. И не надо. То есть — не надо прежней...

Со скрипом катились по дорогам Руата яркие цирковые повозки, прохладный ветер хлопал натянутой парусиной. Рик держал её за руку, вот он подхватил её и поставил на землю, на секунду прижав к себе. Это был сон, бред, и когда она, проснувшись, это поняла — она расплакалась. Всё во сне было много острее, пронзительней, чем наяву.

Ей часто стал сниться цирк, в снах он казался всё более ярким, шумным и веселым. Более желанным! Каждый раз они ехали куда-то, звучали голоса и музыка. И она была там, с цирком. Там было её место. Рика она не видела, скорее ощущала — он был рядом. Она чувствовала тепло его тела, прикосновения рук. Он ласкал её и гладил, они целовались — во сне, и ей снилось ещё что-то, куда более откровенное, что ускользало — она не могла потом вспомнить в точности, но такому однозначно было не место в древних монастырских стенах.

Ленгар не приснился ни разу...

Какая ещё ясность нужна? Всё встало на свои места. Бродячий цирк — лучшее место на земле. Её место. Рик — её муж, законный муж перед Пламенем и людьми, они обменялись клятвами и должны быть вместе. Нельзя лгать у алтаря, если клятва добровольно принесена — она не должна быть ложной. И сейчас Ринна Венеш расплачивается за ту ложную клятву. Два пути — или цирк и Рик, или монастырь, который для неё — не жизнь. Кому-то нужно становиться монахиней, у кого-то — призвание. Это не про неё. Жить, как бы трудно не было. Любить. Растить детей. В монахини — никогда. Положение, знатность — да это просто пыль. Мнение родни, короля? Даже не пыль, и отряхиваться не придётся.

Заодно вспомнилось, что Рик говорил про дрессировку зверей. Посадить в клетку и не кормить — и можно подчинить любого зверя. Это про неё? Ринна даже громко рассмеялась этой мысли. Полуголодная жизнь в клетке изменила её, но не так, как планировалось. Ей хотелось кричать и петь — она стала свободной. Она точно отсюда уйдёт.

Видно, Мика бродила куда-то далеко — Ринна не могла её дозваться. Вдруг открылась дверь. Сестра Рута заходила недавно — так зачем ещё?

Это была не сестра Рута, а четыре монахини, впереди — привратница. Из-за распахнутой двери в келье стало почти светло.

— Доброго дня, леди, да храни вас Пламя. Хорошо себя чувствуете?

— Да! — Ринна вскочила на ноги.

— Пойдёмте, леди. Ваше время раздумий закончено. Надеемся, что вы вынесли из этого должный опыт и обновили мысли.

— Так вот зачем это было! — усмехнулась она, начисто забыв, что надо опустить голову и демонстрировать покорность.

Ей хотелось язвить и злиться. Шипеть и царапаться, выпустить когти. Монахини переглянулись, дружно подумав, что леди недостаточно обновляла мысли. Но её выпустили, повели куда-то по лестницам вниз. Кажется, в этом крыле она ещё не была. Нижний этаж, ниже некуда.

— Сюда...

— Но... разве там не подвал?

— Там переход, леди. Пожалуйста, идите, — привратница была позади, и понятно было, что случится, если не подчиняться.

Она стала спускаться по крутой каменной лестнице. У двоих из сестёр в руках появились факелы.

— Сюда, леди...

Ринна уже сообразила, куда попала. Двойная железная решетка вдоль длинного коридора, за ней — каморки, как клетки в зверинце. Это темница, причём пустая. Здесь даже такое есть?..

— Но зачем? — воскликнула она, — за что?!

— Это ни за что, леди, просто вам надо переждать тут немного. Потом придет настоятельница, все будет хорошо, не беспокойтесь, — в голосе монахини даже слышалось сочувствие, — заходите, — крепкие руки затолкнули Ринну в одну из клеток-каморок.

С потолка тут свисали цепи, другие валялись на полу — старые, ржавые, Ринна посмотрела на них с ужасом. Монахиня проследила за её взглядом.

— Это вас не касается, леди. Не обращайтесь внимания.

Другая монахиня внесла и бросила на лежанку целый ворох одеял и подушек, и сама всё расстелила. Теперь у Ринны была сносная постель, но — в темнице.

— Что происходит, сестра? Почему не скажете прямо?

— Скоро узнаете у матушки настоятельницы. Вам принесут еду, леди, ешьте понемногу. Скажите, если хотите чего-то особенного.

Разговоры про смирение, значит, пока закончились.

— Нет, — резко отказалась она, — пусть принесёт сестра Рута. Иначе я не стану есть.

— Я передам вашу просьбу.

Перед уходом каждую из решеток заперли на замки. Факелы на стенах остались, но надолго ли их хватит? Однако они красноречиво говорили о том, что размышлять в потёмках леди Ринне больше не надо. И можно удобно лечь, вытянув ноги. Было прохладно и немного сыро, пахло подземельем. И замки! Вот это настоящий склеп! Но — целая куча чистых сухих одеял.

Да как же отсюда выбраться?!

Сестра Рута скоро пришла, принесла кувшинчик со сладким яблочным чаем и суп в чашке — в душистом наваристом бульоне плавала мелко нарезанная зелень. Зашла к Ринне она, но замки отпирала другая монахиня, которая осталась снаружи.

— Всё хорошо, — сестра Рута заметила настороженный взгляд Ринны. — Клянусь Пламенем, я сама наливала это для вас. Тут нездоровое место, потому хорошо ешьте. Я потом принесу ещё.

— Но что происходит?

— Королева приехала. Раньше времени, — сестра Рута заговорила еле слышно, но Ринна уже привыкла разбирать её шёпот, — она сразу спросила о вас. Ей тоже сказали, что вас тут нет.

Сердце Ринны отчаянно забилось.

— Сестра Рута, я умоляю, скажите обо мне королеве! Мне очень надо увидеться с ней! Буду в вечном в долгу перед вами!

— Не могу, леди, — отказалась та, опустив взгляд, — простите.

Они ушли. Суп Ринна съела, но он теперь казался ей безвкусным. Что же делать?!

Савадина терпеть не может Ринну Венеш, но пожелала увидеть. Её прячут. Откуда королева знает?.. Здесь некого просить о помощи. Рысь не откликалась — может быть, её вообще не дозваться из этого подземелья.

Уснуть не получилось, хотя постель теперь была удобной. Факелы погасли. За решеткой пробежала крыса... здесь ещё и крысы...

А потом Ринна услышала звяканье металла о металл в конце коридора. Через мгновение она уже была на ногах, стояла, вцепившись руками решётку. Там вспыхнул огонёк, осветив крепкую мужскую фигуру. Мужчина пытался отпереть замок, не ключом...

Она громко ахнула, узнав его, он поднял голову, быстро взглянул и продолжил свою работу. Она боялась поверить и обрадовалась, и тут же испугалась до дрожи — сюда нельзя заходить мужчинам! Запрещено. Если его увидят...

Это был Рик Кан.

Замок долго не поддавался, всё это время Ринна тряслась от страха. Боялась того, что Рик, даже отыскав её тут, уйдёт ни с чем, и того, что именно сейчас явятся монахини — неизвестно, чего боялась больше. Но вот, получилось — замок коротко звякнул и открылся, и Рик вошел, прикрыв за собой решетку. Вот, теперь он так близко, но ещё две решетки!

Он посмотрел жадно, в его взгляде были и тревога, и облегчение, и изумление, кстати, тоже. Вот так, несколько мгновений, глаза в глаза — кажется, эти чувства пережила и она, только иначе. Дикий страх — что они попадутся, не успеют, облегчение — он всё-таки пришёл к ней, даже сюда, изумление — как же она любит этого мужчину, да она умрёт, если он теперь не захочет её!

— Как ты, кошка? — спросил он глухо. — Не плачь, мы сейчас отсюда уйдём.

Оказывается, она плакала — слезы катились сами.

— Рик! Не попадайся им. Откуда ты тут взялся? Зачем?!

Зачем он так неосторожен — вот что она имела в виду. Мужчинам нельзя тут находиться!

— Зачем? Вижу, любимая жена мне рада, — он быстро улыбнулся.

Он орудовал в замке стальной спицей, потом сунул её за голенище сапога и взял оттуда другую, толще. Мигающий масляный светильник он поставил на пол. Ринна смотрела на злосчастный замок так, что он должен был бы рассыпаться под её взглядом. Он открылся, Рик с облегчением выдохнул и взялся за последний замок — этот сдался одному движению стальной спицы.

— Как ты, кошка? — теперь он мог обнять её, так, что стало трудно дышать.

Его ладони прошли по её спине, лаская, пока она прижималась лицом к его груди, его сердце стучало очень близко, стучало слишком сильно и быстро. Не дождавшись ответа, он запрокинул её голову, взгляделся, словно спрашивая разом обо всём на свете. Потом поцеловал в губы, нарочито уверенно, по-хозяйски, словно заявляя права на эту женщину даже в таком месте — там, где у мужчин не может быть прав. Ринна ему ответила, но Рик до обидного быстро оторвался от её губ. Зато провёл языком по её щеке — она была мокрой, солёной.

— Не плачь больше. И пойдём отсюда, — он поднял с пола брошенную спицу.

Он запирал за собой замки — монахиням придётся их отпирать. Вот лестница наверх. Тихо, темно, никого. За окнами — ночь. А лампу Рик погасил, но глаза быстро привыкли к этой темноте, разбавленной лунным светом из окон.

— Что здесь наверху? — он сжал её руку.

— Швейная мастерская и склад, над ней пустые кельи. Как ты вообще здесь оказался, Рик?

— Сегодня кутерьма, королева Савадина приехала. При достаточной сноровке можно делать что хочешь. Затерялся среди её людей.

Такое объяснение вызывало больше вопросов, чем объясняло.

— Но охрана королевы ведь не слепая? И мужчин не пускают дальше гостевого дома и передней палаты...

— Все расспросы потом, кошка. Всё неважно. Главное, ничего больше не бойся, — он опять поцеловал её, и вдруг поспешно втолкнул в нишу под лестницей, — тихо...

В конце коридора появились монахини. Сердце Ринны рухнуло в пятки, она обеими руками вцепилась в руку Рика. Монахини прошли мимо, и, кажется, ко входу в подземелье не повернули.

— Сюда, — Рик вел её наверх по узкой лестнице, о существовании которой Ринна прежде не догадывалась. — Там чинили крышу, остались мостки на соседнюю, это доска и над ней веревка. Как думаешь, сможешь пройти?

— Да, конечно! — тут же уверенно заявила Ринна.

Он думает, она испугается? Да она недавно прыгала по деревьям в лесу! И вообще не боится высоты.

Он благодарно пожал ей руку.

— Мы сейчас сбежим из монастыря? Ты считаешь, получится? — с сомнением спросила она.

— Нет, мы не станем сбегать. Да и охраны на воротах слишком много. Завтра уедешь со мной открыто, с разрешения королевы. Поблагодаришь за гостеприимство. Заявишь, что не желаешь здесь оставаться. Чтобы меня не обвиняли в похищении девы из монастыря. Или ты желаешь?.. А то ведь я даже не спросил, — он заглянул ей в глаза и улыбнулся немного напряжённо.

И верно ведь, он не спросил.

— Не желаю, — заверила она.

— Вот и хорошо, — он перевёл дух. — Теперь доберёмся до гостевого дома, и дело сделано.

Пустой верхний этаж, выход на крышу, узенькие мостки на соседнюю крышу — вряд ли предполагалось, что по ним будут ходить ночью.

— Я буду держать тебя за руку, другой рукой возьмись за верёвку, иди приставными шагами и не смотри вниз, только перед собой. Обещаю, что не упадёшь.

— Я знаю, Рик, я не упаду. Мне проще будет не держать тебя руку, — она легко ступила на доску.

Несколько шагов, и вот, другая крыша — всего-то и дел.

Рик был впечатлён.

— Какая умница, — похвалил он, когда они укрылись на чердаке, — ничего себе у тебя таланты! Теперь-то я непременно вытащу тебя на круг выступать!

— Теперь я сама хочу с тобой на круг, — сказала Ринна. — Буду делать всё, что положено жене циркача. Да я и хочу выступить. Посмотрим, много ли монет мне набросают зрители. И сильно ли это сложнее, чем принять гостей в Ленгаре.

Рик поймал её за руку, посмотрел пристально.

— Эй, девушка, ты кто такая и откуда взялась? Ты куда подевала мою жену? А то что-то мне уже страшно.

— Только мне надо научиться. Вы ведь долго готовите каждое выступление? Вот, и мне надо.

— Да, я понял.

— Я обязательно буду выступать с тобой в Лире у Кавертена, на Новомодье. Я хочу.

— Хорошо, я очень рад. Но довольно, любовь моя. Я и так потрясён. Идем.

Они перебежками миновали несколько лестниц и коридоров, то и дело приходилось прятаться — несмотря на глухой час, монастырь не спал. Они все ещё находились там, где Рик не мог показываться открыто.

— Так, погоди, я знаю, что делать, — он ненадолго задумался. — Подожди-ка меня тут, — он опять затолкнул её в нишу под лестницей.

— Рик... — её сердце сжалось, отпустить его даже на минуту было страшно.

— Подожди меня, — он крепко её обнял, — клянусь, это недолго.

Он действительно вернулся скоро, хотя каждое мгновение для Ринны казалось бесконечным. На плечах Рика был серый бархатный женский плащ, большой, с меховой опушкой. И с ним была девушка, судя по броши на плече — фрейлина королевы, она несла другой плащ — чёрный, с белым мехом и жемчужными пуговицами.

— Вот... эсса, закутайтесь. Я проведу вас до гостевого дома, — девушка взглянула на Ринну с сочувствием.

Та молча набросила плащ, фрейлина поправила на ней капюшон.

Чем дальше, тем удивительней, но расспрашивать действительно было не время.

Втроем они, не прячась, прошли по двору до гостевого дома — при свете дня, конечно, ничего бы не вышло. Фрейлина вышагивала впереди, Рик, опустив голову — за ней, и крепко держал Ринну за руку. Как только вошли, он с облегчением скинул плащ.

— Ну вот и всё. Скандал с монахинями нам больше не грозит. Дорогая, мои покои тут самые скромные, но что поделаешь, — и потащил её куда-то в сторону от главной лестницы.

Оказалось, Рик занимал в гостевом доме даже не комнату, а маленький чулан без окон, куда помещалась лишь кровать с постелью.

— Я сейчас сама принесу вам перекусить и чаю, да? — деловито осведомилась фрейлина.

— Ты чудо, Фина, — сообщил ей Рик.

— За это ты меня и любишь, — отозвалась она, но осеклась, покраснела и виновато посмотрела на растерявшуюся Ринну.

— Простите. Это у нас шутка такая, всего лишь.

— Поосторожнее, — усмехнулся Рик, — я тебя люблю чистой братской любовью, но Ринна — тай, и за такие шутки её рысь тебя съест. Дорогая, мы с Финой знакомы с детства, её родители — циркачи. Но она служит королеве Савадине, приехала с ней из Лира. Она фрейлина для... как бы сказать... для особых поручений. Знаешь, всякое случается.

— Понимаю...

Ринна не очень понимала, и, вообще, ещё недавно даже не поверила бы, что официально носить звание фрейлины королевы может девушка неблагородного происхождения, тем более циркачка. Но теперь она разве что слегка удивилась.

— Ну и зачем было выдавать мои секреты? — хихикнула Фина, — естественно, мы, циркачки, можем всё, отчего леди падают в обморок. Кстати, внизу, в купальне, должна быть тёплая вода...

— Дорогая, тут Нона для тебя собрала, — Рик выдернул из-под кровати пухлый узел с одеждой. — Пригодится ведь?

— Невероятно, — Ринна со странным чувством погрузила руки в мягкий ворох.

Её платья, халат, белье, чулки, её любимое мыло с розой и корицей, гребни для волос и набор новых серебряных шпилек, купленных незадолго до того злосчастливого праздника... Как будто десять лет прошло!

— Ты был в Ленгаре. И как там? Как Нона?

— Она одна не верит, что ты решила стать монахиней. Всем уже сообщили, многие одобряют.

— Это неправда. Я не решала.

— Вот и скажешь об этом завтра.

Тёплой воды оказалось вдоволь, и большее счастье трудно было даже представить. Пустая протопленная купальня в подвале гостевого дома была в её распоряжении. Фрейлина-циркачка ушла, Рик предложил было помощь, хитро при этом улыбаясь — она отказалась, отправив его ждать за дверь. Она много дней не мылась и не меняла одежду, её волосы были грязными и плохо

расчёсанными — и своей горничной она бы не желала показаться в таком виде, не то что Рiku.

Обратно, в комнату, он принёс её на руках, бережно опустил на кровать и закутал одеялом. Фина сдержала слово — поднос с едой стоял на табурете у кровати.

— Поешь немного, — предложил Рик, садясь рядом и протягивая ей ложку, — каша пахнет очень вкусно. У тебя глаза стали вдвое больше.

— Не хочу... — она покачала головой.

Ни один из множества вопросов не хотелось задавать прямо сейчас.

— Тогда спи. Завтра у нас тут то ещё представление, — он встал.

— Ты уходишь? — она испугалась.

— Что ты, кошка. Я не уйду. Больше ни за что, — он сдернул с крючка плащ, свернул его наподобие подушки и бросил на пол, туда же полетело ещё одно одеяло. — Буду охранять твой сон, ничего не бойся.

Отчего-то такой расклад ей не понравился.

— Рик... Я изменилась? Стала уродиной с большими глазами?

— Что-о? — он замер и удивленно рассмеялся, — нет, ты очень красивая. Я люблю тебя, кошка. Но ещё я помню наш уговор. Ты моя невеста месяц. Месяц ещё не миновал.

— Рик... — она вздохнула, — нет. Каждый мой день тут считается за три. Все сроки вышли! Ложись со мной, — она похлопала рукой по постели рядом, но он покачал головой. — Почему?..

— Прости. Но ты сейчас не в себе немного. Пусть это пройдёт.

— Рик?! — у неё слов не было, чтобы ответить на эту нелепость.

— Почему каждый день — за три? Что с тобой произошло? — он наклонился над ней. — Рассказывай, кошка, — в его взгляде было много перца и самая капля мёда.

— Нет. Это неважно. Я все поняла, что нужно было. А теперь мне приходится уламывать мужа исполнить супружеский долг.

— Что?! — вот он, мед, и хмель тоже, и Рик засмеялся, — опомнись, женщина. Здесь монастырь, забыла?

— Нет, мы в гостевом доме. Он не для монахов, здесь нет запретов.

— И ты хочешь первую брачную ночь среди этой убогости? Ну, доверься мне...

— Ри-ик... — его дурацкие доводы приводили в отчаяние. — Какая мне разница, убогость тут или роскошь? А тебе почему не все равно?

— Тебе ПОТОМ будет не всё равно...

— Потом — не считается. Рик, я не хочу терять ни одного дня. Ни одного нашего дня, ни одной нашей ночи. Ну хотя бы целовать меня ты не против? Просто целовать?

— Ты меня уморить решила. Если я начну просто тебя целовать...

— Ты начни! Рик, иначе я пожалуюсь... королеве!

— Что?! — кажется, он собрался над ней смеяться.

— Поцелуй меня, — шепнула она.

И тогда он поцеловал. А потом ещё раз и ещё... просто...

И ничего не просто.

Ей стало жарко, она отбросила одеяло. Руки Рика были твердыми и горячими, а его губы — ласковыми и осторожными, даже нерешительными. Он ещё сомневался. Упирался рукой и коленом в постель, сохраняя дистанцию. Это было обидно! Ей приходилось слышать, что мужчин как раз не надо уговаривать! Они хотят, и донимают своей настойчивостью. Казалось, и Рик был таким... был

бы, раньше, если бы она позволила. Она могла бы и понять его колебания теперь, но именно теперь ей отчаянно хотелось разрушить, уничтожить ту стену, которую она с момента их венчания старательно возводила. Хотелось сжечь за собой мосты. И чтобы призрак склепа, темного и пустого, перестал то и дело возникать в её мыслях, стал сном, неясным воспоминанием, неправдой. Рядом с Риком была её жизнь, её ветер, который трепал волосы, её солнце, её смех, её дым костра, её мёд, приправленный перцем и всем, что найдётся. Оказалось, что именно этот, щедро приправленный мёд не идет ни в какое сравнение с любыми яствами на тонком фарфоре, которые следовало ковырять фамильным серебром Ленгаров. И ведь не имело значения, станет ли она женой Рика именно этой ночью — для того, чтобы завтра им уйти отсюда. Это не может быть причиной, чтобы отпустить её или задержать. Сожженные мосты нужны были ей самой. Сделать шаг вперед. Не ждать, не откладывать. Ни одного больше напрасного дня, потраченного на сомнения!

Она подалась к нему, целуя всё более неистово, толкнула бёдрами, и он сдался, упал рядом на кровать, прижимая её коленом.

— Кошка, что ты творишь... Малышка моя... котёнок... Ты понимаешь, что?..

— Ри-ик, — выдохнула она, — только ты, Рик. Пожалуйста... Я так скучала, Рик. Я люблю тебя...

— Пламя. Повтори это.

— Люблю тебя.

Медленно он рисовал губами дорожку по её шее вниз, в вырез сорочки. Халат, который нещадно мешал, сам собой стёк с плеч и, наконец, полетел на пол. Рубашка Рика... она тоже мешала. Ринна рванула её, потом догадалась дернуть завязки. Чувствовать его кожей, вдыхать запах, погладить ладонями короткие кудрявые волосы на его груди...

— Моя любимая маленькая кошка, — прошептал он. — Не отдам тебя, никому и ни за что...

Она таяла, плавилась, растворялась. Доверилась и позволяла всё. Извивалась под ним, как огненная змейка. Не стало её, не стало его... они — языки пламени, переплелись и стали одним костром. Они — вода и соль, смешай и не разделишь. Миг соединения... ожидаемый и неожиданный, жгучее, тягучее удовольствие, от которого хотелось закричать, тяжёлое, медленное дыхание её мужа, желание удержать и не отпускать... пламя взметнулось, рассыпая искры...

Пламя гасло, оставляя тихое тепло и тишину, и радость единения, которое теперь никуда не денется. И кучу головешек — мосты благополучно сгорели. Туда им и дорога.

Потом они лежали, прижавшись друг к другу, её голова удобно устроилась на плече Рика. Сначала хотелось только молчать. Мерцал огонек свечи. Кажется, Ринна всё же задремала, но когда Рик, поцеловав её в висок, осторожно освободился и встал, она сразу проснулась.

Он выпил остывшего чая прямо из кувшинчика. Она наблюдала за ним сквозь ресницы, за его плавными, ленивыми движениями сильного и ловкого, хотя и уставшего зверя. Без грации и ловкости не бывает красоты — это знает любая кошка. Рик был раздет полностью, и она разглядывала то, что всегда скрыто, с любопытством и без всякого смущения. В нём не было ничего, что ей не нравилось.

Он взглянул на неё, улыбнулся.

— Можешь даже потрогать, если хочешь.

— Спасибо за разрешение. Я потрогаю, — она устроилась удобнее, натянула одеяло. — Это и есть супружеский долг, или мы что-то упустили?

— Да, это он и есть, моя леди.

— М-м... Надо же. Знаешь, меня учили не накапливать долги. А в этом случае, кажется, я и переплачивать готова, — она не могла сдержать улыбки. — Что скажете, мой лорд?

Ей хотелось смеяться, потому что, кажется, никогда ещё не было так хорошо.

— О да, я заметил, — он усмехнулся. — А почему ты так меня назвала?

— Случайно, — она повела плечами, — какая разница, ведь мы одни? Ты и есть мой лорд, а кем будешь для всех прочих — мне неважно.

— Значит, ты в порядке, кошка?

— В полном. Я так счастлива, Рик. Ты почему так смотришь? Тебе не понравилось? Я делала что-то не так?

Он сначала снова лег рядом, обнял её, потом сказал:

— Ты все делала, как мечта любого мужчины. Только я немного иначе представлял себе ночь с девственницей, любовь моя.

— Рик? Ты сомневаешься?.. — она даже растерялась.

— Не сомневаюсь, конечно, — он ласково растрепал её волосы, — но хочу знать, чем тебя напоили. И что будет, когда действие зелья закончится.

— Ри-ик, — у неё похолодело в груди, — всё было настолько неправильно? Ты уверен? Мне обязательно должно было быть плохо и больно?

— Не уверен. Всё знаю с чужих слов, как и ты. Ты у меня первая... девственница, и на другую не рассчитываю.

— Когда-то давно мне объясняли, что нельзя делать это... если не сойдёшь с ума должным образом, и это сумасшествие и есть любовь, — вспомнила она, — без любви это смешно, стыдно и плохо. Мне было очень хорошо — значит, просто я правильно сошла с ума. Я люблю тебя, Рик, поэтому так и получилось! И ты тоже сказал, что любишь меня...

— Угу, как скажете, леди жена. Всё неважно. Я счастлив, что тебе понравилось, и я тебя люблю. Может, и хорошо, что мы не упустили такую возможность, — он быстрым поцелуем заставил её замолчать. — Давай спать. До утра не так уж много осталось, — он опять легко поцеловал её и вытянулся рядом, продолжая обнимать.

Это у неё мосты сгорели, а он пока ничего не понял. Она настолько изменилась, что он считает, будто её опоили зельем?! И потому, что ей понравилась их первая ночь?..

Но ведь ей понравилось. Было не страшно и не больно, все рассказы оказались неправдой, а объяснение Исминельды — удивительно верным. И засыпать вместе, когда одно одеяло, и это восхитительное чувство близости и тепла тоже одно на двоих — другого счастья просто не бывает...

Утром Рик начал с расспросов. Нет, сначала всё-таки с поцелуя, и так хотелось повиснуть у него на шее и вынудить лечь рядом. Нет, не вышло.

— Доброе утро, кошка, — он решительно отстранился, — просыпайся, давно пора. Как ты?

— Замечательно, — она огляделась, потягиваясь, и всё вспомнила.

Этот ужасный чулан в гостевом доме, и лучшая в мире постель, на которой они провели лучшую в мире ночь — которая начиналась вовсе не как лучшая, а, прямо скажем, отвратительно она начиналась. Она вспомнила подземелье, ржавые цепи, бегущую крысу, и подавила дрожь. Посмотрела на Рика. Ведь она ещё несвободна, и только от него зависит, что будет дальше. Её свобода, её надежды — это Рик. И чтобы поддержала королева. Потому что родные против, и все остальные — тоже.

В его глазах — какое-то напряжение, тревога. Но всё равно он улыбнулся ей.

— Используй меня как горничную. Застегнуть, завязать — надо? Вот с причёской не справлюсь, сразу говорю.

— Рик, а если нас не отпустят?

— Об этом даже не думай, — он привлёк её к себе, заглянул в глаза, — так почему ты оказалась в подвале, кошка? Долго там была? Почему?

— Один вечер. Меня спрятали. От королевы.

— Вот же... — Рик отвел взгляд и процедил что-то невнятное, и тут же взглянул на неё виновато, — а как ты жила остальное время?

— Вполне хорошо.

Посвящать его во все подробности отчего-то не хотелось. Жаловаться — не хотелось. На родственников? Это унижительно. На монахинь?..

Это она обманывалась, вот и всё. Лёд холодный, но это не его вина, это его суть. И у них ничего не вышло, потому что она сбегала, была рысью. Наконец, она рада, что так получилось.

— Поэтому на твоих ребрах можно играть, как на лютне? Уверен, если посмотреть при дневном свете — ты бледная, как болотная ведьма, — не отставал её муж.

— Рик, — вздохнула она, ушам не поверив, — ты так обо мне думаешь?

— Я тобой восхищаюсь даже в таком образе, — край его рта дёрнулся в улыбке, — но всё же?

— Всё хорошо, Рик, — вздохнула она. — Это монастырь. В монастыри ездят не затем, чтобы много есть.

— Это я понимаю. Но зачем ты сотворила с собой такое? Как любящая тётушка это допустила? Да отвечай же, пожалуйста, — он обнял её, не давая опустить голову.

— Всё хорошо, Рик, — она сморгнула слёзы. — Давай просто уйдём отсюда, и всё будет хорошо.

— Прости. Прости, кошка! — спохватился он. — Не плачь. Я не хочу обижать тебя. Конечно, мы уйдём. Но всё-таки надо выяснить, что за зелье ты выпила.

— Рик, нет. Не поили меня зельями! — отчего-то сестре Руте Ринна очень хотела верить. — Последние дни, во всяком случае.

Теперь Рик нахмурился ещё больше, его взгляд потемнел — даже в неверном свете свечей это было видно.

— А в первые — ты и не отрицаешь.

— Чтобы охмурить ненадолго, когда я хотела уйти.

— Демоны зелёные! Вот ты и начала правду говорить?

— Рик. Это всё. Пожалуйста. Помоги мне лучше одеться, сам говоришь, что уже пора, — она выхватила из узла сорочку.

В платье бы запуталась, если бы он не помог — расправил, помог нырнуть в прохладное на ощупь, но такое уютное полотно из шерсти и шёлка. Это дневное платье она носила последние пару лет в Ленгаре, когда начиналась осенняя прохлада. Теперь оно свободно болталось на талии — Рик показал ей это, подцепив пальцем. Отделанный кружевом корсаж поверх платья он сам надел на неё и застегнул, медленно, каждую пуговку, то и дело отрываясь на то, чтобы целовать. И это было куда лучше, чем разговаривать про монастырь. По бокам корсажа ещё была шнуровка, так что он сел, как надо.

— Сколько дней назад был праздник равноденствия?

— Я не помню.

— Два дня назад — как можно забыть?

— Рик.

— Перестань выгораживать тётушку, — попросил он, — мы всё равно ничего ей не сделаем. Даже недовольство королевы для неё как тёплый дождик. Правда, их враньё и увёртки она им припомнит, ручаюсь. У неё память хорошая.

— Но тебе откуда это известно?

— Ну как же, я кандриец и она кандрийка. Знаешь, сколько баек рассказывают про королевскую семью в каждом трактире? Да здесь так же, я уверен. Ты когда последний раз выходила на солнышко? Ответь, любовь моя.

— Рик, прекрати меня допрашивать.

— Ладно, прекратил. У тебя теперь губки припухли, на монашку совсем не похожа, — и он опять поцеловал её.

В дверь тихо постучали.

— Нам пора, — вскинулся Рик, — ты можешь что-нибудь сделать с волосами быстро?

Она наскоро причесалась и закрутила волосы в простой узел, благо шпилек хватало.

— Тебе вот так очень идет. Ты такая красавица, — оценил Рик, — я просто...

— Ты говорил, да, я ведьма болотная, — мстительно напомнила она.

— ... я просто умру сейчас, — закончил он. — Ты самая прекрасная болотная ведьма на свете. Идём, нас ждут.

— Дальше приёмного покоя я не пойду, Рик. И только с тобой, — она сжала его руку.

— Дальше я тебя и не пущу, — пообещал он, — тем более без меня. И королева очень серьезно отнеслась к моей жалобе, кошка. А как же: я женился, а у меня жену отобрали и спрятали. Это против всех законов.

— Как у тебя получилось?..

Ну конечно, только так и можно было объяснить присутствие здесь Рика. Королева отчего-то решила вмешаться.

— Как получилось — дело десятое. Фина помогла. Пойдём, моя леди.

Королева сидела на том самом стуле, который когда-то носили за сестрой помощницей. Теперь она одна сидела, а остальные стояли вокруг, по правую руку — монахини, по левую — её свита. Да, и лорды тоже были — заходить в приёмный покой мужчинам не возбранялось.

Ринна вошла первая, Рик и Фина отставали на пару шагов. По толпе пробежал шорох изумления, недоумения, любопытства — и не только. Если для придворных всё было лишь любопытно, то на лицах старших монахинь во главе с тётей Астерией были написаны куда более сильные чувства. Не все умели их скрывать за показной невозмутимостью.

— Ваше величество, — Ринна присела в церемонном придворном поклоне, одновременно с ней низко поклонился Рик, он — обычно, как это делали простолюдины.

Тётя Астерия поморщилась. Она стояла рядом с королевой и взирала на племянницу с горестным укором.

— Я должна поговорить с несчастной дочерью моей кузины наедине, ваше величество.

— Не сейчас, пресветлая матушка, — невозмутимо возразила королева. — Я рада видеть вас, леди Ринна. Как вы себя чувствуете?

— Хорошо, ваше величество.

— Вы несчастны?

Острый, насмешливый взгляд Саватины как будто колот. Удивительное дело, Ринну это только взбодрило.

— Нет, ваше величество, я очень счастлива.

— Очень счастливы? Даже так? И что же этому причиной? — на губах королевы мелькнула быстрая улыбка.

— Всё просто, ваше величество: я молода, здорова и замужем за любимым мужчиной. Впрочем, третье следует поставить на первое место. Мои дорогие родственники, надеюсь, также благоденствуют. Видите, у меня нет причин быть несчастной.

Ринна почти физически ощущала, как на ней скрестились десятки взглядов — удивлённых, озадаченных, раздражённых. Нет, увидев её здесь, все уже могли понять, что жалоб и причитаний не будет, да и не способны Венеша на такое. Но довольно улыбаться и рассказывать о счастье? Это слишком.

Тишина в зале была полной — как видно, никто не хотел даже нечаянным шорохом помешать неожиданному спектаклю.

— Передайте мою горячую благодарность его величеству за участие в моей судьбе. Я желаю ему и Руату всяческого процветания, — сказала Ринна нежно.

— Я передам, — уронила королева, которая ничуть не сомневалась, что эта Венеша сейчас изящно издевается и над ней, и над собравшимися.

Вот же неугомонная, хоть теперь могла бы предстать скромницей и надавить на жалость. А её мужёнок — позади, с непроницаемым выражением лица.

— Ваше величество, кто помог моей племяннице явиться сюда? — не выдержала тётя Астерия.

Признать, что Рик бродил по запретной части Обители — это скандал, невзирая на любые уважительные причины. Это заключение под стражу и разбирательство. Это было последнее, чего хотелось. В то же время тётя Астерия тоже зря проговорила...

— Как, разве леди Ринне препятствовали?! — королева с деланным изумлением уставилась на настоятельницу. — Леди Ринна? Разве ваша свобода была ограничена? Вас принуждали?

— Нет, ваше величество! Конечно же нет. Я пришла сюда, услышав, что вы желаете меня видеть. Ведь это так?

— Именно. Какое облегчение. А то я уже испугалась, что придётся выносить на Совет Храма вопрос о похищении и принуждении. Но почему же вчера вас не нашли? Где вы пропадали?

— Ах, это недоразумение, ваше величество. Добрейшие сестры все в трудах и молитвах и очень рассеянны, я заметила. Очень рассеянны.

— Да? Как печально, — королева улыбнулась уголками губ, и резким движением ладони пресекла попытку настоятельницы вмешаться.

Вообще, Ринна была уверена, что тёте Астерии так просто рот не закроешь, но королеве удалось. А сестра помощница стиснула зубы и слегка позеленела — вот кто был похож на болотную ведьму.

Королева между тем продолжала:

— Леди Ринна, ходят упорные слухи, что вы решили стать монахиней в стенах этой Обители. Или не этой — я не поняла. Но якобы ваше семейство проявило милосердие и внесло за вас вклад. Вы же утверждаете, что счастливы в браке. Как это понимать?

— Ваше величество, я никогда не желала стать монахиней. Так что это тоже недоразумение. С какой целью мой брат дарит деньги монастырям, меня не касается. Я приехала сюда искать душевного равновесия, ненадолго, и благодаря стараниям матушки настоятельницы и благочестивых сестёр мне это удалось. Я очень им всем благодарна.

— Моя племянница не может быть счастлива в браке, ваше величество, — тётя Астерия решила, что вмешаться в это безобразие всё-таки необходимо. — Брак обманный, неосуществлённый, только видимость. Они сразу договорились развестись. Я считаю, что Пламя позволило венчанию состояться лишь затем, чтобы привести мою племянницу сюда, под моё покровительство. Заставьте их поклясться на Пламени, ваше величество!

— Хорошо, пусть так, — неохотно согласилась королева.

Священник, до этого молча стоявший за её стулом, ненадолго вышел и вернулся с горящей свечой в серебряном храмовом подсвечнике, остановился перед Ринной и Риком, при этом не загораживая их от королевы и остальных.

— Леди Ринна Венеш, вы вышли замуж с обманной целью? Вы не намеревались осуществлять брак?

— Да, это так, ваше величество. Я собиралась развестись, но в дальнейшем передумала. Я люблю и уважаю мужа и больше не думаю о разводе, — она поднесла ладонь к свече, и пламя поднялось вверх, подтверждая клятву.

— Назовитесь, эсс, — обратилась королева к Рику.

— Рик Кан, циркач, состоящий в гильдии, волей короля законный муж леди Ринны Венеш, — он поднёс ладонь к пламени, и оно тоже высоко поднялось.

— Что ж, циркач, — королева вздохнула, — а вы, принося брачную клятву, собирались развестись?

— Никогда, ваше величество, — и пламя опять поднялось вдоль его ладони.

— Леди Ринна, вы ручаетесь, что в ближайшее время ваш брак будет осуществлён в полной мере? — продолжала королева.

Ответил Рик:

— Это уже произошло, ваше величество, — он опять поднёс ладонь к пламени. — И я прошу вас милостиво разрешить нам покинуть это место. Я законный муж этой леди, и никто больше не имеет права ею распоряжаться.

— Клятвы приняты, они истинны, — сухо объявил священник.

— Я должна поговорить с племянницей наедине, ваше величество! — воскликнула настоятельница.

— Нет, я, как муж, этого не позволяю, — вдруг твердо возразил Рик, таким голосом, каким не говорят с королевами, — у пресветлой матушки было на это немало дней. Почти двадцать, верно?

— Хорошо, эсс. Вы, как муж, имеете право не позволять. А я могу побеседовать с вашей супругой наедине? Не возражаете? — усмехнулась королева.

— Простите мне мою дерзость, умоляю, ваше величество, — спохватился Рик и поклонился низко и очень почтительно.

— Наши семьи всегда верны короне и не заслужили такого унижения, — со слезами простонала настоятельница, одна из сестёр тут же подбежала к ней с мешочком успокаивающих трав, другая стала растирать ей виски.

— Пойдёмте, леди Ринна, — королева сделала знак следовать за ней.

Ринна сначала встретила взглядом с Риком, тот ободряюще ей кивнул, хотя, кажется, слегка встревожился.

Ринна прекрасно знала эту маленькую комнату за залом, куда её привела Савадина. Королева не спешила начинать, она остановилась у окна, глядя во двор. Наконец, спросила, не оборачиваясь:

— Леди Ринна, если у вас есть что мне сказать, попросить, спросить, пожаловаться, наконец — я слушаю.

— Нет, ваше величество. Но благодарю вас за участие, — сказала Ринна ровно.

Вряд ли от этого разговора с глазу на глаз стоило чего-то ждать. Так, формальность.

— Вы уверены? — королева обернулась.

— Ваше величество, вы ведь и без моих жалоб всё понимаете. К чему тут ещё и мелкие подробности?

— Я этого от вас и ожидала, — королева кивнула, — но скажите, вы действительно не жалеете? Вы могли выбрать мужа среди знатнейших лордов, причём не только Руата. И да, среди них кандрийской принц — вы не жалеете, что когда-то столь резко ему отказали? Ведь ваше положение было бы несравнимо с нынешним. Будьте честны, леди Ринна.

— Я буду честной, ваше величество, — согласилась Ринна, — от положения, которое каждый из них мог бы мне дать, я бы не стала сейчас отказываться. Но ведь положение нельзя рассматривать отдельно от мужчин, которые мне его предлагали. Так вот, я немного сожалею о том, что мой муж не имеет того же, что и кандрийский принц, например. Но поменять его на вашего брата... о, простите, на племянника, — я бы не хотела. Хотя я уже много раз объясняла, что не собиралась оскорбить его высочество, ни в коем случае. Это была случайность.

Сестра кандрийского короля была невысокой хрупкой женщиной с пышными темными волосами, и, как считалось, удивительно похожей на свою мать, вдовствующую королеву Астинну. Маленькая, такая слабая, она ездила на смиренных лошадках и была бесполезна на охоте. Ринна могла смотреть на неё сверху вниз. Но это была самая могущественная женщина в Руате, истинная королева, которая делала что хотела и ни в чём не знала отказа — потому что её муж был королём Руата, и он любил её. Ринна Венеш, жена Рика Кана, не получит от брака ничего подобного, это понятно. Сожалеть об этом?..

— По случайности вы насочиняли про него обидных небылиц, — напомнила королева.

— Случайность и моя глупость, ваше величество. Я раскаиваюсь.

— Верю, — Савадина вдруг рассмеялась. — Да, вы почти и не ошиблись, он мне племянник, сын моего старшего брата. Но мы почти ровесники, так что он и был мне братом. Любимым братом, — подчеркнула она. — Оскорбления в его адрес меня ранят, леди Ринна. Да-да, я уже поняла про случайность.

— Ещё раз прошу простить меня, ваше величество. Я понимаю, насколько заманчивый жених его высочество принц Сай-Айрин Крансарт.

— Скажите, а если бы он попросил вашей руки раньше графа Ольгера? Он не стар, довольно привлекателен, и, наконец, я почти уверена, что вы поладили бы, — королева скрестила руки на груди и с любопытством смотрела на Ринну.

— Возможно, но какой смысл обсуждать это теперь, ваше величество? К тому же наша самая первая

встреча закончилась ссорой. Возможно, это был знак, что не следует продолжать.

— Ссорой? — королева откровенно удивилась. — Вы серьезно? Я не знала.

— Если уж совсем честно, она закончилась дракой, — Ринна скромно опустила взгляд, хотя ей отчего-то стало весело. — Кажется, мы не понравились друг другу, ваше величество.

Такое давнее, уже забытое происшествие, но да, оно действительно было.

— Подрались? Поверить не могу. Айрин ударил вас? Нет и ещё раз нет! Он бы не ударил девушку! Я спрошу у него. Когда это случилось?

— Мне было лет восемь или девять. Это я ударила его, и не раз, насколько помню. А он меня толкнул, и я упала. Потом нас растащили. Я очень раскаиваюсь, ваше величество. Но он забрал мою рысь и стал заниматься с ней, а я такое воспринимала очень болезненно. Я тай.

— Восемь-девять лет. Да, это серьезно. Ему было двенадцать? Это повод объявить войну между королевствами! — теперь королева Савадина просто расхохоталась. — Это воистину ужасно, леди Ринна!

— Да, ваше величество, — улыбнулась Ринна. — мне потом это объяснили. Раз двести. Так или иначе, теперь вы понимаете, что ему не следовало делать мне предложение.

— Кто в здравом уме станет помнить о детской ссоре? Ваш брак был нужен. Что ж, — королева махнула рукой, — я ещё кое-что хотела вам сказать, леди Ринна. Вы должны знать. Конечно, я огорчилась, когда вы отвергли Сая-Айрина. Да чего там — я сердилась на вас. Но я вовсе не рада, что с вами поступили вот так. Я была против. У короля были другие советчики.

— Кто же, ваше величество? И почему?.. — заинтересовалась Ринна.

Эта тема была слишком больной для неё, чтобы можно было и дальше притворяться спокойной. Ведь это жестокость, наказание без вины! Не выходить замуж — всё-таки не преступление.

— Первым это предложил мудрец из Кайнаса — это горное княжество на востоке, знаете? Эсс Солитор. Вам о нём не рассказывали? Он жил при дворе и обучал чему-то его величество — я не вникала. Мудрец был колдуном и лекарем, его услугами пользовался весь двор. Иногда мы собирались узким кругом — королевская семья и некоторые приближённые, — и он развлекал нас байками. Услышав однажды о вас, леди Ринна, он заволновался и заявил, что вам, несчастной девице, требуется помощь, именно такая: вас нужно выставить за ворота, для того чтобы отдать в жёны первому встречному. По их обычаю надо отвести девицу за ворота подальше с закрытым лицом, а если первый встречный совсем не понравится, можно подождать второго, но выбор всё равно придется сделать быстро.

— Но это же смешно, ваше величество! — воскликнула Ринна, — вы не шутите? Это, должно быть, обычай какого-то дикого народа!

— Да, тогда и мы посмеялись. Эсс Солитор заволновался и стал объяснять. Девица, с которой так поступают — «испорченная невеста», это получается, если, к примеру, умирают по очереди три жениха, или если она отвергает нескольких женихов — как в вашем случае. Такая девушка приносит горе семье, и сама не знает счастья, так что изгнание — это милость и возможность получить другую судьбу. Про то, что вас надо наказать кому-то в назидание, заговорили придворные дамы с моей свекровью, король запретил эти разговоры. Об этом долго не вспоминали. Вспомнила недавно бывшая градама, леди Рауз. И не просто вспомнила, мне показалось, что она зачем-то склоняла к этому короля.

— Вы уверены, ваше величество?..

Леди Рауз, которая отнеслась к ней с таким участием? Невероятно.

— Я уверена. И обещаю проследить, чтобы леди Рауз не покидала своего имения. Найду повод, и король ей прикажет. Буду только рада. Просто потому, что не понимаю её причин. Что касается вашего приданого, то пока вы его потеряли и тут от меня ничего не зависит, но, думаю, король потом сам захочет это уладить. Кажется, сейчас нищета вам не угрожает, с таким-то супругом? — теперь королева, конечно, насмешничала.

— Ни в коем случае, ваше величество. Мы будем выступать в цирке. Ведь я получила другую судьбу? К тому же отец моего мужа — богатый хозяин большого цирка.

— О, ну если тот цирк большой и богатый, то я тем более за вас спокойна.

На этом приватная аудиенция была окончена.

Рик дождался под дверью, стоял там один, сосредоточенно хмурясь и слегка расставив ноги, словно собрался драться. Остальные держались поодаль, по углам и вдоль стен — люди королевы. И ни одной монахини, те все как одна исчезли.

Ринна вышла вслед за королевой.

— Забирайте её, циркач, — с усмешкой разрешила Савадина. — Она уверяет, что не жалеет ни о чём, и все достоинства принца Сая-Айрина Крансарта не превосходят ваших.

— Ваше величество, — Рик поклонился, — конечно, моя жена ничего подобного не имела в виду. Разве я осмелюсь сравнивать себя с их высочествами? Мою благодарность безмерна, ваше величество, да храни вас Пламя...

Пока Рик рассыпался в благодарностях, Ринну осенило, она провела рукой по шее и похолодела, и даже вскрикнула. Как можно было забыть! Не было подвески. И серёг тоже не было. Их ведь тогда отобрали монахини, перед тёмной комнатой...

— Что случилось? — встревоженный Рик подскочил к ней.

— Серьги и подвеска, у меня отобрали. Это мамино, Рик!

Рик вздохнул, он колебался — можно было, кажется, немедленно уйти, и ему не хотелось опять связываться с монахинями из-за безделушек.

— Рик! — она вцепилась в его руку. — Я должна их забрать. Это важно. Придётся сходить к тётке.

— Ну уж нет, — уперся он, — от меня ты не отойдёшь.

— Да бросьте, эсс циркач, это уже чрезмерно, — вмешалась королева. — Ясно же, что теперь вашей супруге не станут препятствовать. А попрощаться с родственницей ей, может, и следовало бы.

— Она у меня такая неловкая растяпа, ваше величество, — и бровью не повёл Рик. — Споткнётся ещё на лестнице, а нам скажут, что поломанные ноги можно лечить лишь в монастыре, и вообще, это всё воля Светлого Пламени.

— Я умоляю вас, ваше величество! — Ринна посмотрела на королеву.

— Хорошо, — королева была не слишком довольна, но подозвала фрейлину для особых поручений, — Фина, иди и передай настоятельнице, что я хочу увидеть драгоценности, которые леди Ринна отдала на хранение. И пусть принесут все её вещи, потому что она немедленно покинет Обитель. Подчеркни, что я жду.

Ждали недолго, скоро пришла сама тётка Астерия, и принесла она не только мешочек с украшениями, но и сумку, подаренную когда-то леди Рауз и привезённую сюда Ринной.

— Вот, ваше величество, — она высыпала на ладонь и протянула королеве украшения, а Ринне вручила сумку и наградила скорбным, полным упрёка взглядом.

— Это драгоценности моей кузины, ваше величество, она почти не снимала эти серьги, — и она вытерла слезинку в уголке глаза, — я полагаю, что теперь, когда бедная Ринна отлучена от семьи, топазы следует передать Клайку.

— Эти украшения отец подарил лично мне, — возразила Ринна, испуганная таким поворотом, — Клайку и так досталась вся фамильная шкатулка, эти топазы никогда в ней не лежали!

— Драгоценности покойной графини следует считать семейными украшениями. Думаю, его величество рассудил бы так же, иначе он сам распорядился бы обеспечить мою племянницу... бывшую.

— Это такое семейное дело, — задумчиво сказала королева, трогая пальцем блестящие голубые камни на своей ладони, — полагаю, что гм... бедной Ринне можно оставить это в память о родителях. Хотя формально вы правы, пресветлая матушка, но... Оставим это на суд короля? Хорошо, пусть всё положат в шкатулку и опечатают, — она подозвала Фину и передала ей украшения.

— Это мудрое решение, ваше величество! — закивала тетя Астерия.

Бывшая тётка Астерия.

Ринна побледнела и кусала губы.

— Ваше величество, я умоляю вас...

Рик сжал ей руку, взглядом попросив молчать. Королева продолжала, обращаясь к настоятельнице:

— Так и поступим. Я отправлю это в Асвард вместе с письмом в Главный Храм. Вижу, что от вашего усердия в служении некоторые дела Обители пребывают в расстройстве, Храм пришлёт смотрителей и они всё проверят и приведут в наилучший вид. Не благодарите, пресветлая матушка, я всегда рада услужить вам.

На лице настоятельницы мелькнула не то что не благодарность — негодование наполовину с ужасом, но она быстро взяла себя в руки.

— Мы всегда готовы к любой превратности, нам ниспосланной, ваше величество.

— Уезжайте, эсс циркач, ваш ждёт ваш цирк, — королева не слишком любезно взглянула на Рика, — если, конечно, не желаете с женой остаться на завтрак.

— Премного благодарим, ваше величество. У моей жены здесь аппетит плохой, отошала слишком, вон я весь в синяках от её костей! — Рик поклонился раболепно, почти до земли. — Я её в трактире накормлю. Глядишь, и станет опять румяной, аппетитной пышечкой. Мы, хоть и циркачи неучёные, а тоже в красоте понимаем! Ещё и ещё раз благодарим, ваше величество! — он опять поклонился.

Ринна присела в реверансе с некоторой задержкой — услышав речи супруга, она чуть не задохнулась от возмущения.

— Дорогая, — Рик крепко взял её за руку и повел к дверям.

— Шут! — бросила королева им вслед.

У Пламени во дворе они всё-таки остановились и подбросили поленцев — на прощание. У ворот стояла карета с распахнутой дверкой, на главном сиденье уже сидели какие-то мужчины, они сухо ответили на приветствия Рика и избегали смотреть на Ринну, пока она усаживалась.

Подбежала Фина и, вскочив на подножку, сунула в руки Рикю маленькую коробочку, которую тот сразу спрятал в поясной карман. И задорно улыбнулась Ринне:

— Доброго пути, миледи!

— Спасибо вам за всё, Фина, — от души поблагодарила Ринна девушку.

Коробочка в кармане Рика заставила её сердце биться быстрее. Он кивнул в ответ на её взгляд. Когда карета тронулась, сказал:

— За рысь не бойся, она за нами пойдёт. Ты тут совсем разучилась её слышать, да?

Он совсем не тем голосом это сказал, которым напоследок говорил с королевой, а своим обычным, за который никто не обругает шутком. Она только улыбнулась в ответ. Она не разучилась, а научилась! Если раньше не была рысью, то теперь стала!

— Ничего, скоро всё восстановится, — добавил Рик. — Мы у ближнего трактира сойдём, и правда завтракать пора.

Глава 10. Жена циркача

За завтраком Ринна под придирчивым взглядом мужа съела немного каши и отложила ложку — побоялась, что от обильной трапезы с непривычки станет плохо. Хотя теперь, когда монастырь остался в прошлом, она чувствовала голод, запах аппетитной еды на столе заманчиво щекотал ноздри.

— Почему ты не ешь? — нахмурился Рик.

— А ты почему высмеиваешь меня при королеве? — она обиженно надула губы, уходя от ответа. — Где у тебя синяки от моих костей, покажи?

— Ну прости, кошка, прости, — он улыбнулся виновато, — не мог смолчать. Хорошего не ждал от твоих родственников, что не отпустят — понятно. Но такое? Ты исхудала, ты потеряла счет дням — как это понимать?

— Всё хорошо, Рик, — упрямо сказала она. — Зато я по тебе соскучилась. И поняла, что ты для меня действительно лучше всех принцев. И если король решил, что мне нужна другая судьба, то я не возражаю.

— Это меня, конечно, радует, — улыбнулся Рик.

— Скажи, когда ты увидел меня в кухне Ленгара... Нет, вот что: ведь ты собирался из Ленгара сразу уехать, и вовсе не с Кавертеном — правда?

Это Ринна вспомнила, как подслушивала под окном в теле рыси.

— Тебе сказали? — Рик улыбнулся. — Болтуны, ничего не скроешь. Да, так и есть. Вообще, в Ленгар мы завернули, только чтобы посмотреть на тебя.

— Посмотреть на меня? Но зачем?

— Как зачем? Любопытно ведь взглянуть на капризную принцессу. Ту, что сначала отвергает, а потом думает... нет, возможно, она и потом не думает. Точнее, я так считал, вот и...

— Рик! Ты смеёшься надо мной?!

— Нет, говорю правду. Я увидел тебя и пожалел, что столько дней... и даже лет уже прошло, а ты всё ещё не моя. Решил, что непременно увезу тебя, а там как получится. Понял, что мы должны быть вместе.

Ринна тихо рассмеялась:

— Не верю. И ты не увёз бы меня, если бы не король.

— Конечно. Поэтому да здравствует король Фарут, самый мудрый и прозорливый! Самый — после короля Кандрии, конечно. А почему не веришь?

— Ты так торговался со мной. За золотые.

— Из-за этого ты на меня хотя бы посмотрела. Иначе я остался бы просто растяпой, исполняющим прихоти леди Ринны Венеш. Да и вообще, хотелось с тобой поговорить.

— Ты соврал, что приехал за рецептом пряников?

— Почему соврал? Это был повод. Мы раздобыли десяток рецептов, причем полных, а твоя Нона — обманщица, так и не сказала, какие нужны специи.

— У тебя есть леди из Ленгара. Значит, у тебя есть все секретные рецепты ленгарской выпечки. Специи для пряников смешивала я.

— О, так я добыл одной стрелой двух зайцев? — приятно удивился Рик.

— Выходит, так! — поколебавшись, Ринна зачерпнула ещё ложку каши и сунула в рот.

Рик не сводил с неё мягкого, ласкающего взгляда.

— Тебе идут эти голубые серьги. Под глаза. Прекрасные топазы. Кстати, подвеска к серьгам не подходит.

Он отдал ей полученную от Фины коробочку ещё перед завтраком, она сразу же всё надела.

— Мне нравится, — она накрыла кулон ладонью.

— Серьги — джубаранская работа, судя по форме замочка. Подвеска куплена в Гринзале, я видел похожие у ювелиров. Их и придумали в Гринзале, не слишком давно. Подложка, над ней ажурная решётка, в которой камни. Причём камни фальшивые, хрусталь, сваренный с железной окисью. Золото настоящее. Но забавно, что твоя тётя так хотела отправить это в фамильную шкатулку Ленгаров.

Ринна нахмурилась, но тут же улыбнулась.

— Ты учёный химик?

— Нет, меня учил фокусник. Недолго, но это было интересно.

— Я знаю, что камни поддельные, — сказала она. — Но это подарок отца. Как ты понял?

— Я ведь держал их в руках. Тоже уроки фокусника.

У него на всё были ответы. Кажется, до сих пор Ринна Венеш очень недооценивала циркачей.

— Что теперь мы будем делать, Рик? — спросила она. — Куда поедет? В цирк твоего отца? Или?..

Конечно, следовало ехать к родителям Рика, знакомиться. Но как же ей хотелось отодвинуть этот момент! Да-да, она дочь графа Ленгара, которая ничего не должна бояться!

— Мы решим, — Рик взял её за руку, поцеловал пальцы. — Отцовского цирка всё равно не избежать, но можно не торопиться. Я отпросился у отца до Новогодья, так что пока меня не ждут.

— Мне не обрадуются?

— Об этом не беспокойся. Всё мои очень обрадуются тебе. Если хочешь, прямо сейчас и поедет?

— Нет, — покачала головой Ринна. — Раз можно не спешить...

Рик расхохотался.

— Хорошо. Верхом — ты не против? Я купил лошадей. Оденешься по-мужски, твой муж циркач, тебе можно. И я нанял у Кавертена двоих парней из охраны, не пугайся. Они будут помогать. Охранять нас. Тебя. На всякий случай. Хотя беспокоиться вроде и не о чем, любовь моя.

Ринна удивилась, но не стала спрашивать — на какой случай. Вспомнился незадачливый охотник, что пытался убить Рика на другой день после свадьбы.

— Сегодня спозаранку я отправил посыльного в ближний городок, к местному колдуну. Хочу всё же, чтобы он тебя посмотрел.

— Хорошо, — со вздохом согласилась она, — кажется, у тебя действительно нет проблем с деньгами. Это радует, конечно.

— Нет проблем, — согласился Рик, — нам и транжирить некуда, так что все в порядке. Не сильно огорчайся, что твоя тётя ничего тебе не одолжила.

Случайно, конечно, но он задел за больное. Ринна опять коснулась подвески, обвела её пальцем, сказала с сожалением:

— Да, но я буду бесприданницей только до Лира. Там я получу в банке хоть сколько-то. Мне все-таки не хочется совсем зависеть от тебя.

Рик недовольно шевельнул бровями, вздохнул, улыбнулся:

— Опять? Вот же упрямая леди. Я готов спорить, что граф Ленгар уже отправил письма во все банки, как-то связанные с Венешами. Тебе нигде и медяка не дадут. Насколько я понял про твоего брата, о некоторых вещах он очень... переживает.

— Вот увидишь, Рик, — слова про брата её задели, ведь брат есть брат. — Клайк может быть великодушным, но у него своё мнение о порядке.

— Конечно, кошка, — мирно согласился Рик, — я привезу тебя в Лир, мы пойдём в банк. Будет, как захочешь. А пока у нас хватает денег. И мне приятно, что ты от меня зависишь. Знаешь, так обычно и бывает: жёны тратят деньги своих мужей. И мужьям это даже нравится.

— Хорошо, выхода всё равно нет, — вздохнула Ринна. — Если только не выступать в цирке. Да, жаль, что мы сейчас не в цирке, я бы хотела... — говоря это, она вспомнила свои бредовые сны там, в

тёмной келье: солнце, ветер, смех, яркие цирковые повозки, ощущение скорого счастья и свободы.

Рик не мог этого знать, поэтому посмотрел на неё странно.

Тут как раз заглянула хозяйка и сообщила, что эсса Кана спрашивают. Так и есть — прибыл вызванный ни свет ни заря колдун. Невысокий худощавый человек в черном костюме, из-под которого выглядывала застиранная белая рубашка. Если бы не этот издали узнаваемый угольно-чёрный костюм, колдун был бы похож на лекаря — такой спокойный, с внимательным взглядом.

Они расположились в маленькой комнате на втором этаже.

— Эссу надо проверить на колдовские воздействия, правильно, эсс? Уточню сразу — вы законный муж эссы?

— Именно так, — Рик протянул ему руку с браслетом, колдун махнул над ним стеклянным кубиком. — Я подозреваю, что она принимала неколдовские зелья.

— Против воли? Проверим, — он так же махнул над браслетом Ринны. — И это повод обратиться в стражу и начать дознание, эсс, — он взглянул на гильдейскую пряжку на запястье Рика. — Я знаю, что циркачи этого избегают, но...

— Я решу после, — отрезал Рик, — а пока давайте сами разберёмся. Чем опоили мою жену?

На столе уже лежала стопка серебряных дреров — плата за визит. Рик демонстративно положил сверху ещё две монеты.

— Дело ваше, разумеется. Приступим, — согласился колдун.

До сих пор Ринна не имела дела с колдунами, даже лечили её обычные лекари, так что было любопытно. Колдун поводит вокруг неё сначала стеклянным кубиком, потом стеклянным шариком.

— Всё довольно сложно, — сказал он, — можно ведь разными способами получить одинаковый результат. В воздействии на эссу я не сомневаюсь, но колдовское ли оно? Её внутренние силы — как неровный яркий огонь, слишком сильный для обычного состояния. Его пытались выравнять, но лёгкими лекарскими зельями, которые продают все знахарки. Как вы спите, эсса?

— Хорошо, — ответила Ринна, — вообще, я ни на что не жалуюсь.

— Гм. Я всё равно дам вам порошки для хорошего сна. Как считаете, что беспокоит вашего мужа?

— Некоторое время назад она меня видеть не желала, — серьезно пояснил Рик, — точнее, нет, желала, но считала, что я её не достоин. Теперь она так не считает. Ситуация странная, и я хотел бы её понять.

— Гм. Но... Вы точно этим недовольны, эсс? Что происходит, эсса? — он переводил взгляд с Рика на Ринну и обратно, его лицо потеряло спокойную невозмутимость.

Ринна улыбнулась и опустила глаза.

— Мою жену склоняли к пострижению в монастырь, — пояснил Рик, его скулы напряглись. — Я не нравлюсь её семье, знаете ли. Она не чувствует боли, — последние слова он явно не хотел произносить. — На это способны ваши лёгкие зелья от каждой знахарки?

— Эсса только что из монастыря? От Белых Сестёр? — колдун махнул в направлении оставленной Обители. — Тогда колдовство можно и не обсуждать. Там оно невозможно. Вообще, это старая Обитель, ей покровительствует королевский дом. Эсса ни на что не жалуется. Горение чувств, о котором я сказал, действительно способно убирать боль. Предположим, эсса очень скучала и действительно не хочет постригаться в монахини? Этого уже может хватить. Истовые молитвы и всякое такое... Какого рода боль? — он опять поводит вокруг Ринны кубиком, — не отвечайте, я понял. Знаете ли, в пустыне Санрай жрицы местного божества танцуют на горячих углях, им не только не больно, но и без ожогов обходится. Горения чувств они достигают с помощью ритуалов.

— Я знаю, — сказал Рик, — но какие, к демонам, ритуалы для жриц в монастыре, посвященному Пламени?

— Эсс, — колдун укоризненно поморщился, взял теперь шарик и подержал перед каждым глазом Ринны. — О, вот как? Эсса, недавно ваши глаза надолго оставались без света. Дней двенадцать или около того. Молитвенная келья? — Ринна отвернулась, никак не подтверждая догадку. — Собственно, это ответ, — колдун кивнул Рiku. — Долгие молитвенные бдения в таких кельях обязательны для старших монахинь. Но людей неподготовленных такое заключение может сломить, даже свести с ума, но... гм, тут вопрос обстоятельств, конечно. Это против правил Храма. Для эффекта, который вас беспокоит, может и хватить. Я обязан донести в Храм. Впрочем, это будет

негласно.

— Что такое эта келья? — обманчиво ровным голосом спросил Рик.

— Эсса? — колдун посмотрел на Ринну немного виновато. — Может, вам стоит самой поговорить с мужем?

— Что такое эта келья?.. — повторил Рик.

— Вроде маленького чулана, его длина и ширина меньше роста человека. Абсолютно темная и пустая, — пояснил колдун.

Ринна вскочила и выбежала из комнаты, захлопнула за собой дверь.

Темный и пустой маленький чулан? Да, ещё вчера. Но уже теперь не верилось.

На лестнице пахло корицей и яблоками, это отвлекло и было несравнимо лучше всего. Это было... невероятно хорошо! Запах уютного домашнего праздника, когда рядом все свои, все любимые, всем можно верить. Ринна пошла на запах. Сверху донёлся стук двери и злой голос Рика, колдун отвечал негромко и спокойно. Ну и что? Всё уже случилось. Лучше бы Рик не узнал. Ведь ночью они были счастливы, так зачем выяснять — почему?

Любить — значит сойти с ума, и тогда то, что делают двое — до одури хорошо и приятно, и ещё красиво и очень правильно. Совершенно правильно — когда вместе и когда любишь. Но причём тут любовь, если рысь надолго заперли в клетке и она будет лизать руки любому, кто выпустит?

Лизать руки? Она цапнет, скорее. Но добиться можно — будет и лизать. Зависит от тая. Рысь будет сумасшедшей, может быть, но при чём тут любовь?

Такое разное бывает сумасшествие, разберись теперь, где такое? И надо ли?..

Она любит мужа, просто перестала беспокоиться о неважном. Но что теперь будет думать он?..

Кухня находилась в полуподвале. Хозяйка в клетчатом фартуке возилась с тестом. Ринна спустилась, поздоровалась и присела на скамеечку у входа. Пусть всё останется там, наверху, а она побудет немного в этом облаке корично-яблочного аромата.

— Эсса что-то желает? — трактирщица оторвалась от работы и посмотрела на неё.

— Нет, ничего. Можно, я посижу здесь немного?

— Сидите на здоровье, — женщина лепила пирожки и укладывала их на противень.

Судя по запаху, первая порция выпечки уже доходила в духовке.

— Выпейте это, эсса, — трактирщица тронула Ринну за плечо и протянула стакан, — мятный молочник с солью. Вы очень бледная.

— О, благодарю, — Ринна взяла угощение.

Только что не хотелось ничего, а теперь несладкий мятный молочник показался таким вкусным.

— Первый ребёнок? — трактирщица понимающе улыбнулась.

— Нет! Нет-нет, — помотала головой Ринна, видно, слишком рьяно, потому что добрая женщина удивилась.

— Не желаете ребёнка? Отчего же так?

— Не теперь. Пусть он родится позже. Мне надо... освоиться. Привыкнуть. Понимаете, у меня очень изменилась жизнь.

— Понимаю. Вышли за неровню, — закивала трактирщица. — Да, лучше сперва привыкнуть. У циркачей жизнь трудная, на колёсах. Я ведь видела всяких людей. Вас вот можно и за благородную леди принять — как говорите, как смотрите. А кто ваш муж, я бы и не угадала, если бы не гильдейская пряжка. Циркачей все такие разные. Ваш муж не сирота?

— Вовсе нет...

— Вот и хорошо. Они и чужих по крови, но своих, цирковых, не бросают. А уж родных и подавно. Проживёте, — утешила она и хотела вернуться к своему столу.

— Давайте я помогу? — предложила Ринна, приметив в стороне ещё кадку с тестом. — Заняться нечем.

— Пирожки, что ли, лепить? Ну помогайте.

Второго фартука не нашлось, Ринна повязала на бёдра полотенце. Пирожки с осенними яблоками и корицей у неё получались красивые, ровные, один к одному, шов на пирожках она не прятала, а привычно сплетала «верёвочкой».

— Ишь, хоть графу на стол подавай, — похвалила хозяйка, — видно, долго ты такой работой занималась, — как и в прошлый раз, едва Ринна встала к поварскому столу, так трактирщица перестала с ней церемониться. — А не работу ли ищешь? — она вдруг нахмурилась, — а по виду я и не поняла сразу.

— Нет, работу не ищу, — поспешила успокоить её Ринна. — А что, не возьмёте меня? — это она уже пошутила.

— Взяла бы, — женщина улыбнулась, — как такую не взять. Только мы концы с концами еле сводим, куда нам ещё работники, — она вздохнула невесело. — Триста лет этому трактиру. Деда мои тут хозяйничали. Совестно разоряться! Может и обойдётся, — она тряхнула головой, отгоняя плохие мысли. — Чего только не было! Королевскую треть забирали, и раньше, при дедах, и вот недавно. Своим королям — треть, с чужими тоже обошлось. Устояли, видишь.

— Что за королевская треть? — уточнила Ринна, она впервые слышала про подобное.

— Ну как же. Это гильдейский закон, старый, — женщина деревянной лопаткой снимала готовые пирожки с противня. — Когда-то гильдии договорились с королем, что те никогда и ни за что не могут забрать имущество у ремесленника больше, чем на треть, и то в случае войны. Если он в гильдии состоит, да. Только долгом можно взыскать, если задолжал, а отобрать волей короля — нельзя. Это у благородных можно всё забрать, если король так решит. И дочек их своей волей замуж отдаст, и всё заберет, если захочет.

— Нет, я точно знаю, что у короля есть право выдать замуж дочь любого своего подданного.

— Ладно, есть. Выдаст, но приданое не отнимет. Только родители будут решать. Если это гильдейца дочь. Такие законы нельзя нарушать, их клятвами на Пламени скрепляли! Да и много ты слышала, чтобы король чьих попало дочек замуж выдавал? Что ему до них за дело? — она хмыкнула, — он даже Капризную Принцессу не выдал, хотя давно мог бы. Связать как овечку и к жениху отвезти — а что? Он в своём праве тут! Так нет же. Вон, всё отобрал и совсем выгнал. А она в монастырь ушла! Проезжие рассказывали. Да пустое! Она, видно, в монастырь и собиралась. А хотела бы замуж — так у неё и возможности были, и время!

— Да уж, — Ринна бросила на стол комок теста.

Последний пирожок не получился.

— Ты здесь? — в дверях стоял Рик. — Снова в кухне. На ком я женился? Зато знаю, где искать.

Не глядя на трактирщицу, он подошёл к Ринне сзади и обнял.

— Не убегай от меня, кошка.

Она повела плечами, но он только крепче прижал её к себе. Трактирщица, подхватив корзинку с пирожками, быстро ушла.

— Колдун уехал? — спросила Ринна.

— Да. Оставил тебе порошки для сна и ещё что-то укрепляющее, — он поцеловал её в затылок, потом потёрся щекой о её щёку.

— Скажи мне, он правду о тебе говорил?

— Да.

— Так. Значит, я не понимаю, зачем было от меня это скрывать? А от королевы?

Не получалось ответить.

— Рин-на, — позвал он отдельно, перебирая пальцами её волосы. — Не отвечай, конечно, если не хочешь. Но — потом объяснишь?

Он так редко отчего-то звал её по имени. И от такого его голоса, немного хриплого — как мурашки

по спине.

— Моя леди. Обещай, что потом... — он настаивал.

Она ответила:

— Я люблю тебя, Рик. С того вечера, как мы впервые встретились. Ты веришь?

Он ответил, помедлив:

— Я не верю, я знаю. Почувствовал тогда, в первый вечер, что с нами случилось что-то общее и деваться некуда. Знал, что без тебя не уеду, ты моя, знал, что я твой и нравлюсь тебе. Но ты ещё была уверена, что я тебе не подхожу, что я — твое бесчестье, и меня надо обойти, подобрав подол. Да?

— Примерно так, — кивнула Ринна.

— Вот. Ну а с моей стороны такого не было. Ты мне подходишь идеально, лучше просто не бывает. Так что надо было лишь тебя уговорить. И всё.

— Да неужели?..

— Да. Я только, дурак, терялся и не знал, как приступить. Наговорил тебе ерунды. Я не умею ловко с девушками обращаться. Видишь, как жаль, — теперь он улыбался, она слышала по голосу.

— Врёшь, — решила она, — ты ловко со мной обращался. В первую же ночь спал в моей постели. А тогда на реке... Ты помнишь?

— Помню, кошка, — он поймал губами её ухо. — Только, знаешь, я не спал. Так и промаялся, тронуть тебя нельзя, уснуть — не могу, уйти — никаких сил нет. Я тебя люблю, и всё неважно. Слышишь? Я тебя люблю.

— Я тоже люблю тебя, Рик, — сказала она.

И ведь, действительно, всё неважно...

Они провели в сёдлах дней пять — Ринна, Рик и их охранники, которые держались ненавязчиво, стараясь не привлекать внимания. Охранников звали Фир и Питу — молодые парни, всегда внимательные. Казалось, они слышали и видели Рика, даже когда тот, отвернувшись, поводил бровями. И они определённо были циркачами — очень подвижными и ловкими. Однажды на привале Питу для смеха завязался узлом так, что Ринна в душе испугалась — возможно ли такое для человека?

Ринна ехала в мужском костюме, так что издали её принимали за мужчину. Ей нравилось путешествие. Она уставала от многих часов в седле, но всё равно ей нравилось. Долгий путь верхом, без горничной и компаньонки — многие леди ужаснулись бы, но что ей теперь до других леди?

С ней был Рик, и это с лихвой компенсировало всё. Пожалуй, за эти несколько дней они стали ближе друг другу, чем другие супруги после свадьбы — именно потому что не было горничных, компаньонов, отдельных покоев у каждого, не было всех привычных с детства условностей, которые прежде казались такими необходимыми. Вот так — вместе, в любой момент можно переплести пальцы, и разделяет только тонкое полотно белья. Да чего там, и белье не разделяло — по утрам Ринна не сразу могла сообразить, где же на этот раз валяется её рубашка. Да, это — про их ночи, но днём, дивное дело, ощущение близости, единения сохранялось — ощущение того, что они вместе, принадлежат друг другу, а весь остальной мир — где-то рядом.

Рик следил, чтобы она не слишком уставала. Они останавливались часто, обедали в маленьких трактирах у дороги или на окраинах городков и деревень, снимали там комнаты. Никакой помпезности дорогих постоялых дворов — было просто, чисто и вкусно. Спали сколько хотели, никуда не спешили. Путешествие было... чудесным!

Однажды утром, когда они лежали, переплетаясь в тесном объятии, и так хотелось продлить эти сладкие полусонные мгновения, Рик вдруг спросил:

— Ри, а о чём ты говорила тогда с Савадиной?

— М-м-м? С кем?.. — Ринна не сразу поняла.

— С королевой. В монастыре.

Она, моргая, подняла голову с его плеча.

— М-м-м... Ни о чем важном. Она спросила, не жалею ли я о других женихах. Предлагала просить и жаловаться. И... А, ну да, о леди Рауз. Это бывшая градама королевы. Её назначила для Савадины королева-мать, а она потом удалила. Был скандал, о нем говорили. У Бьюлы в гостинной, во всяком случае. Бьюла — это...

— Знаю-знаю, графиня Ленгар. Про женихов я понял, ты не жалеешь. А каким боком тебя касается эта леди Рауз?

— Ри-ик, — Ринна вздохнула, — это она помогла мне бежать из Раби.

— Отвратительная женщина.

— Она помогла. А знаешь... — Ринна как раз проснулась окончательно.

Она перекатилась на спину, поправила под головой подушку. Все дни после монастыря она гнала мысли об этом, потому что они больно царапали душу. А теперь почему-то Рик заговорил...

— Ладно, слушай... — она вкратце пересказала слова Савадины.

— Понимаешь, королева сказала, что это не она решила прогнать меня из Ленгара. Это королю посоветовал какой-то сумасшедший колдун, который считал, что я прямо-таки нуждаюсь в таком благоденствии. А леди Рауз напомнила. Якобы это она убедила короля. Так странно!

— Гм. И ты считаешь, что вашего короля могут убедить все, кому не лень? Мне бы не хотелось так думать о короле.

— Дело не в этом, Рик. Просто мне леди Рауз другое говорила. Она свалила всё на королеву.

— А, так они, получается, обвиняют друг дружку? — Рик засмеялся.

— Именно. Но я ничего не сделала леди Рауз. Гадала потом, в чем же дело, но — правда, ничего. А вот королева даже не скрывала, что злилась на меня.

— Она ведь не злая. Почему же злилась?

— Из-за племянника Сая-Айрина Крансарта. Он когда-то просил моей руки.

— Погоди-ка, — Рик тоже устроился так, чтобы было удобнее на неё смотреть, — да ты сама со счёта сбилась, скольким отказала. И что, считать их врагами?

— Полагаешь, они мои друзья? — Ринна неловко улыбнулась.

— Не так уж это важно, не преувеличивай. Будь я Саем-Айрином Крансартом, женатым я на тебе, мы навестили бы всех твоих женихов. Нас любезно принимали бы, и я надувался бы от гордости — мне досталось то, на что они только облизывались. Приятно, согласись? — он нашёл под одеялом её пятку и пощекотал.

— Фу, Рик. Не надо, я не хочу, — Ринна расхохоталась, упав лицом ему на грудь, — и потом, за Сая-Айрина я как раз ни за что не вышла бы замуж. Вот за него — точно нет.

— А почему? — удивился Рик. — Неужели он хуже всех в списке?

— Он мне не нравится! Он противный. Просто я была знакома с ним в детстве. Мы ссорились. Я даже принимать его не хотела в Ленгаре. Нет, не хочу! За него не хочу.

— Ого, всё настолько плохо? — Рик удивился ещё больше. — Вот же мерзкий тип. Да мне тоже казалось, что из всех сынков короля младший самый отвратительный. И остальные, я бы сказал...

— Нет, Рик! И вообще, старший красивый и умный, — вдруг возразила Ринна, не сдержав лукавую улыбку. — Я так хотела когда-то с ним потанцевать, но он на меня и не смотрел. Такое горе. Я была маленькая.

— Неужели? Хотя да, про него и говорят, что он красивый и умный. Но что-то мне он уже не нравится.

— Рик! Это мои детские воспоминания! — она боднула его лбом.

Рик вроде и смеялся, но в его взгляде появился жгучий перец, ей даже показалось, что в комнате им пахло.

— Нет, Рик, — сказала она теперь серьезно. — Только ты. Я не шучу.

— Я рад, любовь моя, — он крепко её обнял. — Так ты отказала Саю-Айрину, потому что когда-то он тебе очень не понравился?

— Мы начали с ссоры, точнее, с драки. А потом — да, он мне так и не понравился. Я понимаю, что это глупо. Он отобрал мою рысь и с ходу стал с ней заниматься, понимаешь? У меня недавно появилась рысь, и я точно знала, что никто не может её забирать, это против всех правил и ни один тай так не поступает. Но он же принц, а для принцев нет правил. Да, я была в ярости, я страшно обиделась, и он мне очень не понравился. Да, это так по-детски. Лирский замок — его дом, а я пришла в гости. Это понятно.

— Ну да, в общем-то, — усмехнулся Рик. — А ещё могло быть так, что он выполнял задание своего наставника и даже не подумал, что берёт чужого зверя. Ведь он мог не знать о постороннем тае в замке? Ну ладно, я понял, что этот обормот не стоит твоего прощения. И он не такой, как старший принц, и вообще тебе не нравится. Так ему и надо.

— Ладно, Рик, не смейся надо мной! Понимаешь, я...

— Я понял, понял... — Рик поймал её губы своими и на некоторое время лишил возможности и разговаривать, и даже дышать.

— Забудь о нем, — сказал он потом, когда дышать стало можно, — но меня немного удивляет то, что ты рассказала про эту леди Рауз.

— Ты считаешь, что она была неискренней со мной?

— Она точно была неискренней. И знаешь, её должность это подразумевает. Но что ей надо было от тебя? Хотя причина возможна любая: например, твой отец когда-то её отверг?

— Вот это точно ерунда! — Ринна искренне расхохоталась.

— Твой отец был красавцем, разве нет?

— Да, но ты откуда знаешь?!

— Догадался. Между прочим, нет ничего страшнее женщины, оскорблённой в лучших чувствах, особенно если иногда она дает советы королям!

— Вот так рассуждения! Ты рос при королевском дворе?

— Что ты. Упаси Пламя. Женщины всегда женщины, и в цирке тоже.

Он навис над ней, опираясь на руки, и улыбнулся, разглядывая. Как будто сомневался в чем-то. Наконец сказал:

— Вот что, кошка. Не хочу тебя делить ни с кем. Пока. Недолго. Ты будешь моя, а я — весь твой, и мы будем одни. Ни твоих родственников, ни моих, и ничто не имеет значения. Только мы с тобой — представляешь? Никаких цирков и никакого Ленгара. Ты и я. Делаем, что хотим. А потом вспоминаем и смеемся, потому что на нас свалится много чего и деваться будет некуда. Ты не против?

— Нет, не против. Но что ты имеешь в виду? — удивилась она. — Не очень понятно.

— Мы не будем разговаривать о цирке моего отца. Ты забудешь, что дочь графа. Эти несколько недель будут только нашими.

— Хорошо — она продолжала удивляться. — Мне это нравится, хотя и неправильно. Немного безумно, да? Твои родители рассердятся на нас?

— Да, наверное, — Рик кивнул. — Не на нас, а на меня, но я готов рискнуть. Поженились мы тоже безумно, но это не мы начали, а король Фарут. И я ему благодарен. Ну что, решено?

— Да, я согласна. Несколько замечательных и безумных недель, и потом на нас что-то свалится, — она обвила руками шею Рика, вынуждая его опуститься и сжать её в объятиях. — Я согласна, дорогой.

— Но ты не беспокоись? Не боишься? Доверяешь мне?

— Да. Меня нигде не ждут, я никому ничего не должна...

А долго и с упоением целоваться, зная, что никто не помешает, и есть только они двое, она для него, а он — для неё... Сколь немногие могли бы позволить себе такую роскошь! Это было безумное, безумное счастье!

Кандрия встретила их холодным, по-настоящему осенним дождём — серые тучи обложили всё небо. Родной Руат в прошлом, впереди — другая страна. Ринна Венеш вышла замуж за подданного кандрийского короля, к прошлому возврата нет! Ей взгрустнулось, а мужчины радовались, особенно Рик.

— Вот мы и дома! — заявил он. — Ты теперь кандрийка, помнишь?

— Как тут забыть, — усмехнулась она, кутаясь в плащ.

Толстое руатское сукно ещё не промокло, но под крышу уже хотелось.

— Скоро будет трактир, отдохнём и поедем горячего, — пообещал Рик. — Ночевать будем в Лаверри, это уже близко. Красивый город, ты ещё там не была?

— Никогда, — Рина покачала головой.

Когда въезжали в город, небо посветлело, а вскоре и выглянуло солнце, словно предлагая полюбоваться мокрыми красными крышами, отмытыми мостовыми, морем, свинцово-серым вдали и полосато-лазурным ближе, куда всё же добрались несмелые лучи. Просторная гавань, которую ограждали два каменных пирса, круглые форты на их концах, справа — маяк, видны старинные крепостные стены, вся длинная набережная вымощена тёсаным булыжником.

— Нравится? — Рик довольно улыбался. — Это город ещё Древних Королей. Помнишь того безумного колдуна в Раби, который толковал про Древних и их законы?

— Он не безумный, — возразила Ринна. — Нам просто повезло, что он оставил нас.

— А, ну да, точно, — Рик не стал спорить. — А требовать с нас что-то согласно древним законам — скорее глупость, чем безумие.

Рику почти не пришлось иметь дело с человеком-львом, ему легко было забыть.

Они сидели в таверне на набережной и ели жаркое с овощами, запивая подогретым с пряностями винным напитком. Ринна по-прежнему была в мужском костюме, но женская причёска, серьги в ушах не оставляли сомнений. Хозяйка таверны смерила её осуждающим взглядом, но серебро, выложенное Риком на стол, заставило её подобреть. Рысь, которая сейчас прикорнула у Ринны в ногах, тоже стояла нескольких лишних монет. Заведение было не самым дешёвым, с хорошей мебелью, посудой, и еда тоже оказалась вкусной.

— Напротив была булочная, сейчас там заколочено. Они закрылись? — спросил Рик, выглядывая в чисто протёртое окно. — Хотел повести туда жену.

Окно было решетчатое, забранное небольшими, но удивительно прозрачными стеклами — это странно для таверны, такие стёкла стоят немало! Но они позволяли видеть набережную и дома напротив с одной стороны и море с другой.

— Закрылись, умерла хозяйка, а наследники — только дальняя родня. Может, снова начнут дело, может, продадут-таки дом. Много просят! — трактирщица недовольно закачала головой. — Да и то, лучше уж винный погребок открыть, а булки и пряники только в довесок хороши.

Ринна слушала невнимательно, она смотрела, как в гавань входит корабль, большой, с красным корпусом. На набережной всполошились, забежали, промчалось несколько повозок, запряженных маленькими крепкими лошадками.

— «Королева Аллиель» пришла, — сказала хозяйка, выглядывая в окно. — Ждали вчера, но к востоку штормило, говорят.

— Какой красивый, — вздохнула Ринна. — Он назван в честь нынешней королевы?

— Конечно, — Рик улыбнулся. — В Кандрии это традиция, называть корабли в честь королей. И в честь принцесс тоже, когда у них рождается первый сын. Так что при ином стечении обстоятельств мы могли бы сейчас смотреть на «Принцессу Ринну».

— Это кто ещё? — удивилась хозяйка. — Нет в Лире такой принцессы.

— И точно, нет, — подтвердил Рик. — И нет пока кораблей, названных именами принцесс, у прекрасного старшего принца только дочь.

— Дочь, да храни их всех Светлое Пламя! — отозвалась хозяйка, — дело молодое, будут и сыновья!

Рик задумчиво поглядывал то на Ринну, то за окно.

— А кто присматривает за той булочной? — спросил он, — городская управа?

— Управа, а ключи у нас, — трактирщица немного удивилась.

Рик в ответ кивнул.

— Прогуляемся по набережной, пока снова не пошёл дождь? — он подал Ринне руку. — Или ты хочешь отдохнуть?

— Нет, — она поспешно встала, — пойдём.

Уже вечерело, но солнце пока настойчиво светило в дыру между тучами, и хотелось выйти туда, под солнце, пройтись по этой старой и удивительно гладкой и ровной мостовой до самых причалов, чтобы рассмотреть бросившую якоря посреди бухты «Королеву Аллиель». Город Древних Королей! Эти дома, эта красно-коричневая мостовая, эта длинная набережная. Это всё осталось со времен Королей? В Руате немало было старых городов, но Лаверри отличался от всех сразу, словно обычные, знакомые всем одежды набросили на какой-то причудливый иноземный костюм, и он выглядел, удивляя то необычной тканью, то причудливым кроем.

Рысь брать не стали. Рика пришлось подождать — он отдал какие-то распоряжения охранникам, потом переговорил с хозяйкой. Зато, когда вышел, Ринна настойчиво потянула его к причалам.

«Королева», большой трехмачтовый шерк, замерла посреди бухты, вокруг суетились лодки — «её величество» теперь отдыхала, свернув паруса, и правда казалась снисходительной королевой, принимающей поклонение услужливых подданных.

— Один из новых кораблей флота, — сказал Рик. — Из шерков пока самый быстрый.

— Откуда тебе это известно?

— По-моему, это не тайна, — он пожал плечами. — У Ленгара ведь тоже есть участок берега и свои корабли? И свой порт.

— Да, гавань и крепость. Небольшие, — сказала Ринна. — У нас там скалы и только одна подходящая бухта. Отец так и не успел её перестроить. Точнее, кое-что добавить.

— Это нужно? — удивился Рик.

— Он хотел. Мне сложно судить. Но по договору с Джубараном нашу гавань ещё больше десяти лет нельзя отстраивать.

— А, понял. Крепость и остров, который недалеко от вас, его уступили Джубарану во время войны. Джубаранцам нужна гавань, у них же только пустыни. Теперь у них выход к морю.

— Да, — вздохнула Ринна. — Отца очень сердил этот договор. Ну, о том, чтобы не строить нашу гавань, и что Руат потерял город. Сколько я его помню, он только и делал, что придумывал укрепления, делал чертежи крепостей. Некоторые родственники всерьёз считают, что он помешался.

— Нет, конечно, — Рик уверенно покачал головой. — Он был очень сведущ в этом деле. Я слышал.

— Сколько ты всего слышал! — снова не удержалась Ринна.

— Вот поживёшь в цирке год-другой, тоже много услышишь, — со смешком пообещал Рик. — Пойдём?..

— Ты знаешь, почему в Кандрии корабли называют именами королев, и никогда — королей? — она вложила ладонь в ладонь мужа.

— Ну это же ясно, — ответил он тут же. — Королевы — жены и матери королей, мужья дарят им почести в знак любви и благодарности. А сами короли — мужчины, они и так могут себя прославить, пока носят корону. Если их не желают помнить без кораблей, то туда им и дорога. Кому интересно, могут почитать хроники. Пойдём, Ри, пока солнце не село, я хочу тебе кое-что показать.

Он привел её к той самой заколоченной булочной, открыл дверь ключом, широко распахнул, чтобы света было больше, пропустил и зашёл следом.

— Говорят, тут прилично. Кажется, так и есть.

Прямо с порога они попали в просторную комнату с несколькими столами и перевернутыми скамьями, с прилавком у дальней стены, позади располагались резные шкафы. Ещё Ринна заметила, что некоторые окна были закрыты цветными витражами — это уже претензия на роскошь. Кожаная карта на стене, довольно красивые картины в рамах — в простых, но позолоту тут никто и не ждал. Здесь точно была не матросская харчевня, а благородное заведение, куда не стыдно зайти кому угодно. Может, потому и закрылось, харчевня была бы нужнее? Недаром трактирщица напротив грустила про винный погребок. А так — даже беспорядка нет, скопилась пыль, но и только.

Рик рассматривал всё с одобрением. Предложил:

— Там кухня позади. Пойдём, посмотрим? Понравится тебе? А тут — как, нравится?

— В чем дело, Рик? — Ринна ничего не понимала. — Ты хочешь снять этот дом, чтобы жить?

— Посмотри кухню. Тут готовили вкусную выпечку. Пирог, булочки, пряники, — он открыл дверь в большую кухню, продолжая при этом говорить. — Горожане разбирали всё уже с утра, так что в кухне всю ночь пекли. Я тут впервые пробовал дивный пирог с вишнями. И вино здесь тоже подавали, по вечерам — тут закон такой в городе, уже давно. Вино только хорошее. Ты, наверное, к каждому вину подобрала бы особые специи для булок и пряников, да?

— Да, вполне, — согласилась она. — Я бы и пирог с вишнями приготовила для тебя, по рецепту Ноны! Хотя, какие сейчас вишни, но с яблоками тоже можно.

Ринна ходила по кухне, дотрагиваясь до печки, столов. Сохранилось все — утварь на полках, посуда, хоть завтра с утра закупай продукты и приступай к готовке! Ноне бы, пожалуй, тут понравилось.

— Пирог я хочу с мясом, и чтобы много лука! — попросил Рик. — И ты мне пряники свои обещала. Ну и твоя Нона там что-то про бисквиты толковала, с которыми ум отъешь. Я заинтересовался.

— Рик, постой. Что ты говоришь? — Ринна обернулась к нему. — Ты что, действительно хочешь снять этот дом? Но это — не жилье! Это булочная! Мы, вообще, надолго здесь, в Лаверри?

— Останемся на месяц или даже дольше. Как захочешь. Мне показалось, что тебе понравился город, — он подошёл и обнял её, погладил по спине и поцеловал, — ты ведь хотела поиграть в кондитерскую лавку?

— Рик?! — она смотрела, не понимая, кто из них сошёл с ума. — В кондитерскую лавку?! Поиграть?

Может, она и хотела. В детстве. Но точно никогда не говорила этого Рiku. Не могла она ему такое сказать! Да и — когда оно было, её детство с его шальными желаниями? Поиграть в кондитерскую лавку!

— Если ты согласна, конечно, — тихо сказал Рик, глядя ей в глаза. — Если хочешь уехать, мы так и сделаем. Хочешь просто отдохнуть, гулять и развлекаться — пожалуйста. Но открыть кондитерскую лавку для тебя мы сможем только здесь и сейчас, это место подходящее и так всё совпало. Или ты больше не хочешь? Я и спрашиваю — хочешь ли?

— Рик, — она растерялась. — Мне всегда казалось, что это невозможно.

— Потом — будет невозможно. Мы даже никому не скажем, что это было. Но пока, вот прямо сейчас, мы можем всё, что захотим. Мы же договорились? Так вот, ты хочешь?

— И хватит денег, и понадобится нанимать кого-то? Рик... — она была сбита с толку и боялась принимать такое сумасшедшее решение.

И вообще, может это быть всерьёз?!

— Хватит. Наймём. Скоро праздник молодого вина — ещё и заработаем. Ты поразишь всех своим искусством печь вкусности. Я, наконец, наемся твоих пряников. Ничего не бойся, вопрос в том, хочешь тебе или нет?

— Мне хочется, Рик! — решила она. — Но ведь... Погоди, а разрешат открыть кондитерскую тем, кто не состоит в гильдии? — она дотронулась до пряжки на браслете Рика.

— Конечно, это нельзя. Но мы уладим. Ведь дом возьмём в аренду, заодно и найдём, кого представить хозяином, он в накладе не останется. Решим.

— Рик, нет, не так...

— Почему не так?

Ринна сама ещё не додумала эту мысль, так что объясняться было трудно. Но она попыталась:

— Рик, я хочу вступить в гильдию. Но сначала мне нужно точно узнать, какие там законы и правила.

— Но, любовь моя, зачем?.. — Рик очень удивился. — Я тебе предложил приключение, игру. Вступить в ремесленную гильдию — это уже серьезно.

— У тебя же есть значок, — она погладила его пряжку.

— Мне было нужно.

— Мне тоже нужно.

— Зачем?..

Вот как объяснить? Она попробовала:

— Рик, я не хочу, чтобы по приказу короля или ещё кого-то меня законно оставили ни с чем. Никогда больше. Пусть меня защищает закон, скреплённый королевской клятвой.

— Пф... Кошка! Ты считаешь, что король Кандрии захочет ободрать нас и выгнать вон? — Рик был изумлён. — И даже если так, ему помешает гильдейский закон?! Кстати, да, в Цирковой гильдии таких законов и нет. Но, Ри... Клянусь, тебе не о чем волноваться! И потом, ты, Венеш, вступишь в ремесленную гильдию и станешь носить гильдейский знак?

— Да. Я стану его носить. Если это помешает Фаруту... Разве кому-то есть до меня дело? Больше не желаю зависеть от королевских милостей! Рик, я очень хочу кондитерскую лавку и гильдейский знак! — решила она.

Вот теперь ей самой стало всё ясно. Ей нужно вступить в гильдию пекарей!

— Ри, послушай... — начал было он, но махнул рукой. — Ладно, оставим это на утро.

Этой ночью Ринне приснился сон, навеянный, должно быть, самим Лаверри, городом Древних. Она долго гуляла по его тесным улочкам, по мокрым от дождя мостовым, заблудилась — она была одна! Не было рядом ни Рика, ни охраны — невозможная для последних дней ситуация. Не было и Мики тоже! Ринна кружила по темнеющим улицам Лаверри, и вдруг увидела просвет между домами, пошла туда — улица вела на пустырь. Голая земля, камни и свет! Ринна не сразу подумала, что это не та земля и не те камни, что она видела на подъезде к Лаверри, это была пустыня, та самая, из другого её сна! Было светло, становилось всё светлее, дорожка между кустов вела к саду, к тому самому саду! Она видела уже и дворец колдуна, но обошла его, не заметив ни одной распахнутой двери. Туда, во дворец, её теперь не звали, но сад приветливо манил птичьим щебетом, запахами нагретой на солнце зелени, цветов и фруктов, и такой заманчивой влажной прохладой. А она то и дело с надеждой оглядывалась на дворец — если бы лев появился, было бы хорошо! Она больше его не боялась. И очень, очень хотелось поговорить!

Женщины могут только рисовать дворцы на песке. Ещё — вышивать их. Ткать на гобеленах. Настоящие дворцы им дарят мужчины. И ведь это действительно так. Даже в этот волшебный дворец, существующий в её собственном сне, не попасть, потому что лев не желает её позвать...

«Значит, ты можешь не только рисовать или вышивать дворцы?.. Именно. Я могу печь их из медового теста...»

Принцесса — правнучка Древних Королей. Дочь графа Ленгара. Жена циркача и кондитерша из Лаверри.

Она шла дальше, тщетно оглядываясь на дворец, он скоро скрылся за деревьями.

«Когда с горы несется лавина, причина может быть в том, что кто-то толкнул один камешек». Кто толкнул камешек — леди Рауз?..

Сад остался за спиной, вокруг — низкие кусты и камни, жёлтая земля. Сухо и холодно. Пустыня. Её шаль цвета топлёных сливок лежит на камне под ногами, песок засыпал её чуть-чуть. Ринна подняла тяжелое шелковое кружево, отряхнула и набросила на плечи. Большая, приятная, дорогая шаль! Шёлк обнял мягко, как мамины руки когда-то давно-давно.

«На голову! — шепнул вдруг ветер, прилетевший со стороны сада. — Набрось и на голову, закрой лицо, смотри сквозь кисею!»

Приятный женский голос. Такой, кажется, родной голос. Ринна замерла, прислушиваясь. Вот снова порыв ветра коснулся лица.

«Заслони шалью лицо, глаза!» — настойчиво подсказывал голос.

Ринна испугалась, сорвала шаль и бросила на землю. Она едва не исполнила то, что хотел коварный голос! Она едва не потеряла... что-то важное. Какую-то часть себя.

Зачем её искушают, зачем? Кто столкнул тот камешек?!

Ветер принёс грустный вздох и замолчал, затаился, теперь все вокруг замерло в пустой неподвижности. И Ринна побежала, не оглядываясь, прочь от этого чужого сада!

Было темно и тихо, и тепло, потому что она прижималась к лежащему рядом Рик. Он спал, дышал спокойно и ровно. Ей просто приснился сон. Это лишь сон, и какая разница, сколько раз ещё он приснится?

Она обняла мужа, обвила руками и ногами, прижимаясь как можно крепче — вот так стало хорошо, спокойно.

— Что, кошка? — сонно пробормотал он, пройдясь ладонью по её волосам.

Она не ответила, притворившись спящей, и он больше не спрашивал.

Накануне они долго занимались любовью, потом Рик пошутил что-то насчет её желания стать кондитершей с гильдейской пряжкой. И всё. Они просто спали. И больше ничего нет, никаких львов, дворцов, говорящего ветра. И замечательно, когда мир может сократиться до размеров постели, в которую ложишься с любимым. Если кричать, что убого сравнивать мир и постель — значит, любимого просто нет...

Утром Рик не особенно старался её переубедить, просто ещё раз выслушал все доводы и вдруг согласился.

— Ладно, как хочешь. Я дам согласие, заплачу за тебя взнос, устроим пирушку для гильдейских — это обычное правило. Так нам даже проще. Гильдейская управа в Лаверри наверняка есть, не придётся ехать к демону на рога за твоим гильдейским знаком. Надеюсь, любимая, последние десять поколений твоих благородных предков не явятся, чтобы надавать мне по ушам? — он смеялся.

— Рик, как ты узнал? — спохватилась она. — Я никогда не говорила тебе, что хочу кондитерскую!

— Я ведь слушал, как ты говорила во сне, тогда, с тем джубаранцем, — он вздохнул, — и говорила вполне доходчиво. Я подумал, что исполнение желания — неплохой свадебный подарок, да, кошка? И я тебе ещё должен подарок, я помню. После свадебной ночи дарят украшения. Но это оставим до Лира.

— Что, и циркачи дарят украшения после свадебной ночи?! Не надо, Рик, я не хочу. Исполнение желания — это самый лучший подарок, я так счастлива!

И это была чистая правда.

Глава 11. Свадебный подарок

Рик договорился об аренде закрытой булочной, а через трактирщицу, так и не пришедшую в себя от изумления, нанял женщин для уборки, ещё через кого-то пригласил поварих на кухню — Ринне предстояло выбрать двух-трёх мастериц из десятка желающих.

— Проверь каждую в деле, пусть готовят, — посоветовал он, — чтобы умели обходиться без твоих распоряжений, и в то же время были исполнительными, когда ты что-то требуешь.

— Если я дам задание каждой, это будет долго, — она колебалась.

— Наймём всех на пару дней, там и присмотришься, — решил он. — Надо приготовить пирушку для гильдейских, подарок для бургомистра — какой-нибудь большой торт, его придется отнести. И хорошо бы придумать что-то, чтобы привлечь внимание. Будь здесь цирк, я позвал бы, чтобы выступили прямо тут, на улице.

— Рик, подожди. Но кто отнесёт торт бургомистру? — это Ринне не понравилось.

— Хозяйка кондитерской, кто же ещё.

— Но Рик. Я не могу, как служанка, нести туда торт!

— Ты поедешь в карете, любовь моя. Ради такого дела наймём. Я буду с тобой, если хочешь.

— Полагаешь, это мне поможет? — она чувствовала, как кровь прилила к щекам. — Рик, да меня разве что примет мажордом у входа!

— Да, эссу Кан, хозяйку кондитерской. Но что тебя смущает? Конечно, если бы эсс бургомистр знал, что ты леди Ринна Венеш, он бы явился к тебе сам, с супругой и тещей. Но у нас ведь другой случай? — он опять над ней подтрунивал. — Если твои сладости понравятся жене бургомистра, у тебя появятся постоянные покупатели.

— Нет, я не хочу, — решила она, — для меня это пока слишком, Рик. Лучше выступать в цирке в маске! Ведь я не могу надеть маску, чтобы отвезти бургомистру торт?

— Ну хорошо, — с улыбкой согласился он. — Значит, пока просто гильдейская пирушка. Вступительное испытание вряд ли будет сложным. И мы сейчас поедem и закупим продукты, готовясь выбирать и капризничать.

— Что за испытание, Рик? — она опять выделила из его слов самое неприятное.

— Ри, ну ты же не думаешь, что в гильдию пекарей-кондитеров готовы взять любого с улицы? Покажешь, что умеешь, и за тебя поручатся три уважаемых мастера. Приготовишь при них, что скажут.

— О, Рик, — вот тут она упала духом. — И опять придется им всем платить? Прошу, прости меня. Я не подумала, во что тебе это обойдётся. Можно вообще отказаться. Я потом как-нибудь вступлю в эту гильдию... — и сама идея немедленно открыть кондитерскую казалась всё менее заманчивой.

— Эй, кошка, — он развернул её к себе и поцеловал, нежно лаская и прикусывая её губы, — я ведь тут, с тобой. Чего ты испугалась? Я не обещал бы подарок, который не по карману. Если вступать в гильдию, то сейчас, потом не выйдет.

— Почему, Рик?

— Поверь на слово, — он выразительно посмотрел ей в глаза. — Всё сумасшествие — сейчас или никогда. Так что, мы идем дальше?

— Да, Рик, — вздохнула она.

Дел было очень много, а времени мало.

Заветную пряжку удалось получить уже на следующий день, Рик это устроил. За тем, как Ринна готовила пирожные из заварного теста и сладкие булочки, наблюдал сам городской мастер гильдии пекарей-кондитеров и ещё несколько суровых старцев с гильдейскими пряжками, приглашённые им лично. Без помощников, всё очень строго, на лицах старцев было отчётливо написано, как они относятся к выскочкам, желающим миновать обычные и совершенно необходимые для новичков трудности. Но Рик тоже был там, и появились дорогое вино и угощение, лица у всех разгладились и стали приветливей, а все лакомства у Ринны получились выше всех похвал. Потом она у Пламени принесла гильдейские клятвы, Рик торжественно дал согласие как законный муж — и вот он, браслет со значком! Невероятная для дочери графа вещь! Но в правилах Пекарской гильдии не

было ни слова о том, что она закрыта для дочерей графов — накануне Ринна изучила правила очень внимательно.

— Вас устроит простой браслет из кожи, эсса? — услужливо спросил городской колдун города Лаверри, в обязанности которого входило принимать гильдейские клятвы и надевать браслеты, — можно подобрать серебряный.

— Нет, пусть будет кожаный, — решила Ринна, ей захотелось такой же браслет, как у Рика.

— Возвращаю вам руку жены, эсс! — застегнув на Ринне браслет, колдун вложил её руку в руку Рика и задержал ненадолго ладонь над их сомкнутыми руками, и это не было частью ритуала.

— О, я так и думал, — воскликнул он довольно, — я ведь понял, что с вашим гильдейским браслетом что-то не то, эсс. Там помимо обычного заклатья ещё одно. Защитное, верно? Да, для циркача вещь нелишняя!

И Ринна увидела, как её муж с досадой поморщился.

— Могли бы спросить, раз любопытно, — сказал он, — не стоило хитрить.

— Тогда позвольте ближе посмотреть? — воодушевился колдун. — Вообще ведь на гильдейские браслеты дополнительные заклатья не кладутся...

— Простите, не позволю, — с холодной любезностью ответил Рик, — мне матушка не велит. Мы с женой хотели бы попрощаться, если с делами покончено.

— О, конечно-конечно! — колдун немного смутился, — прошу простить за неуместное любопытство, и желаю вам успехов, эсс и эсса!

Ринна отчетливо помнила: ведь Рика и Ивара тогда, в Раби, осматривали стражники, искали защитные амулеты и не нашли, и у Рика точно был тогда гильдейский браслет. Когда вышли на улицу, они сжала его руку и тихо сказала:

— Послушай, я рада, что у тебя всегда с собой защитный амулет. Но почему стражники его не обнаружили?

— Потому что тогда мы с парнями быстро поменялись, — пояснил Рик, отвечая на её пожатие. — Смотри, вот, — и браслет с гильдейской пряжкой, который только что был на его запястье, мгновенно оказался между его пальцами, а потом на запястье Ринны, та только ахнула. — Пряжки ведь похожие, а что браслеты немного другие, никто и не заметил. Но это особый амулет, он от ножей не помогает, так что обмана нет.

— Отчего же он? — удивилась Ринна.

— От ядов, — улыбнулся Рик. — Любовь моя, это секрет. О свойствах своих амулетов вообще ведь никому рассказывать не полагается.

— А мне тогда зачем сказал?..

— Чтобы ты меня лгуном не считала. А то неприятно ведь. Ты уже говорила, что моё слово стоит медяк, да?

— Нет, Рик, я больше так не думаю. Я жалею, что не верила твоим словам, — сказала она искренне.

— Спасибо, любовь моя. Я это ценю, — отозвался он.

— Тебе нужен помощник-эконом, кошка, иначе проклянёшь всё через неделю, — заявил на следующий день заботливый муж. — Ты ведь никогда не заправляла целой кухней и торговым заведением в придачу? Вот взять твою невестку, разве она могла бы одна управлять Ленгаром? У неё есть экономки и управляющий с помощниками.

— Ленгар большой, а кондитерская маленькая, Рик!

Вообще, Бьюла и своей комнатой не могла бы управлять без камеристки, но вслух Ринна этого, конечно, не сказала.

Ей не хотелось делиться своей новой игрушкой — кондитерской. В отмытой до блеска кухне кипела работа — жарили мясо и кур, пекли пироги, Ринна старалась приложить руки ко всем делам — ведь

это важно, насколько тонко раскатают тесто для яблочного пирога и как взобьют белки для меренги. Ещё она решила приготовить изысканное лакомство — бисквитные пирожные с масляным кремом и пропиткой из белого вина, и теперь пробовала купленное Риком вино — в таверне напротив нужного не нашлось. И следовало скорее испечь бисквиты, чтобы они отлежались перед пропиткой, но новая печь — это тоже испытание, с ней ещё надо «подружиться». Пирушку назначили на завтра — пироги и мясо отлежатся в холоде и приобретут нужную текстуру и вкус, а вот сдобу и горячее, конечно, придётся готовить уже завтра. Заодно Ринна успела присмотреться к поварихам и решила, кого оставит. Две совсем молоденькие девушки, Эльза и Нара, ей понравились, были проворными и умелыми и делали все именно так, как сделала бы она сама, как требовала Нона. Отец девушек держал трактир — это объясняло, откуда навыки, но семья разрослась и столько рук не требовалось, поэтому они и пришли наниматься.

— К тому же это работа на отца, когда тебе изредка из милости монетка перепадает, а за день бывает и присест некогда! Здесь тоже дел полно, так ведь и жалованье! — доверительно объяснила Эльза, когда Ринна решила её разговорить.

Это тоже было понятно. И ясно стало, кого не следует брать. Например, одна из девиц заявила, что готовит давно и много, но не смогла размешать без комков тесто для блинчиков — с этим в Ленгаре даже бестолковые повара справлялись. А ещё одну, которая деятельно принялась разбивать яйца для взбивного бисквита в испачканный маслом горшок, Ринна выгнала сразу же. Тут всё просто: не знаешь — спроси, но не строй из себя знатока, при этом делая глупости.

— Так что скажешь про вино? — напомнил Рик. — Я старался. Это пахнет мёдом, в том много фруктовых ноток, а это с миндальным ароматом...

— Мне подходят все, Рик. Спасибо тебе, — она благодарно поцеловала его в щёку, он тут же воспользовался ситуацией и поцеловал её сам, в губы, долго и вкусно.

— Тогда и возмём все, — решил он. — И я нанял тебе помощника. Он к тому же знает, где что лучше купить и как продавать. Не упрямясь, кошка, он будет полезен.

— Но я не хочу, чтобы кто-то решал за меня, Рик!

— Только ты будешь хозяйкой, — заверил он, — Рассчитаем его в любой момент. Зачем напрасно усложнять себе жизнь? Да и ты мне по вечерам не замученная нужна, у меня на тебя свои виды, кошка!

Недовольная вначале, она всё же согласилась. Конечно, она справится, но как быстро, или — кто знает, с какими потерями? До сих пор кухня для неё была забавой, когда приказы тут же исполнялись, проблем не существовало — она была леди, хозяйкой! А фактически — гостьей. Управляли, хозяйничали, заботились обо всем другие люди.

Нанятым помощником-экономом оказался родной дед Эльзы, старый трактирщик эсс Дук, недавно передавший хозяйство сыновьям. Он действительно разбирался в делах, быстро приструнил всех, но с хозяйкой был сама деликатность, не вмешивался, не возражал и всячески подчеркивал её статус — кажется, Рик доходчиво объяснил старику, что от него требуется. В тот же день эсс Дук, подтверждая свою полезность, договорился о закупке муки и яиц на треть дешевле того, что платил Рик. О Пламя, дел и расходов было так много, а ведь они ещё даже не открылись!

Праздновать решили в таверне, в булочной однозначно не хватало места. Его, кажется, и в таверне не хватало — столько туда набилось народу. Невероятно, как много в небольшом Лаверри оказалось булочников! Все дарили подарки — совсем мелочи вроде льняных полотенец и что-то поинтереснее, вроде старинных кондитерских щипцов и книг с рецептами, многие бросали на развёрнутую скатерть монеты, серебряные и даже золотые. Но главным сюрпризом для Ринны оказался вовсе не подарок. Да и сюрпризом ли? Так или иначе, около неё вдруг возник Ивар, тот самый лорд-циркач, о котором она последние дни и вспоминать забыла!

— И что здесь творится, эссы? — Ивар удивлённо оглядывался, — что празднуем?

Он достал из поясной сумки золотой и бросил на скатерть, и требовательно смотрел на Ринну.

— Куда я попал, леди?

И, как назло, Рик куда-то вышел!

— Я — эсса Кан. Не путайте, прошу вас, — она подала Ивару стакан вина в знак приветствия и благодарности за подарок, как требовал местный обычай.

Когда Ивар отпил из стакана, она ответила:

— Празднуем моё вступление в Пекарскую гильдию. И мы с Риком открываем кондитерскую.

Зря она это сказала — Ивар поперхнулся и уронил стакан, кто-то из пекарей-гильдейцев милосердно постучал его по спине.

— Куда вы вступили, эсса Кан? — переспросил он, когда перестал кашлять, — вы тут с эссом Каном совсем с ума сошли?

— Вас как будто не учили вежливости, эсс Ивар, — укоризненно вздохнула Ринна.

— Когда ваш свёкор, эсса Кан, станет учить... чему-то... вашего супруга, я предпочту быть далеко!

— А я думала, что вы его лучший друг, — заметила она кротко, — что в беде не бросаете.

Ивар на это молча сверкнул глазами. Так же молча он сел к столу и потянулся к пирогу с мясом. А у Ринны настроение испортилось, конечно, и на душе стало тревожно и плохо. Шутки шутками, но...

Да ничего страшного они не сделали! Какой-то хозяин цирка рассердится — подумаешь.

Когда вернулся Рик, Ивар уже поел, выпил вина и заметно расслабился, и спрашивать ничего не стал, только посмотрел исподлобья.

Позже Ринна заметила, как Рик позвал Ивара на крыльцо, и они недолго поговорили. Праздник продолжался своим чередом. Ринна решила, что все вопросы задаст мужу вечером.

В одной сорочке она сидела у зеркала и расчёсывала волосы, а Рик прилёг на край кровати. Он спросил:

— Ну как, тебе понравилась пирушка?

— Да, дорогой, — она улыбнулась. — Хотя это не похоже ни на один праздник в моей жизни. Кроме, пожалуй, того, в деревне, в первый день — помнишь?..

— Ещё бы не помнить! — он улыбнулся, — но разве тебе не кажется, что сегодня было слишком грубо и просто? Ты ведь леди.

— Да, было просто, — согласилась она. — Люди радовались, присматривались ко мне. Были откровеннее, может быть, чем на придворных приёмах. А в остальном всё так же. Кто-то интересовался, кто-то присматривался, кто-то завидовал, кто-то был равнодушен.

— О, моя жена — умная и наблюдательная женщина, — признал он с удовольствием. — Я правильно понял, что тебя не коробит от грубости низкого сословия? Тебя и в первый день, по-моему, удручало не это. Может быть, тебе и следовало родиться кухаркой, а не леди? А теперь всё просто встало на свои места? — кажется, он снова посмеивался.

Но она не попалась.

— Я — это я, Рик, — сказала она, — Я Ринна Венеш, дочь Лайта Венеша, графа Ленгара. Я могу быть леди, могу готовить на кухне — что это во мне меняет?

— Всё правильно, кошка, — согласился он с улыбкой, при этом смотрел на неё так, что от его взгляда было тепло, никто раньше так на неё не смотрел.

Надо же, её счастье уже стало таким привычным! Как будто осязаемым. Но... Всё-таки она уже научилась понимать мужа. И она сказала:

— Рик, мне кажется, Ивар сообщил тебе что-то, и ты теперь не уверен, рассказать ли это мне. Правильно?

— Да, любовь моя, — не стал он отпираться. — Твоя «спасительница» леди Рауз умерла. Недавно.

— Что? — Ринна чуть не выронила гребень и медленно обернулась. — И... отчего же?

— Сначала решили, что от разрыва сердца, в усадьбе случился пожар, — нехотя сообщил Рик. — Но потом оказалось, что от яда. Винят её наследников, хотя улики нет. Ещё узнали, что у неё было много долгов.

— О, это невероятно, — Ринна была потрясена, — мне так жаль. Кто бы что ни говорил, она помогла мне, поддержала.

Словам королевы про леди Рауз Ринна всё-таки не очень поверила. Может ведь королева ошибаться? Бывшая графиня без всяких просьб снабдила изгнанницу деньгами и всем необходимым, была деликатна. Да, она помогла! И не её вина, что эта помощь вышла Ринне боком!

— Угу. Правда, от последствий этой помощи тебя избавляла королева Савадина, — Рик напомнил о том же.

Она бросила гребень, подошла, села с ним рядом.

— Да, я понимаю. Если бы ты только знал, как я запуталась. Как всё странно. Долги? Все считали, что леди Рауз очень богата.

— Но придворные расходы немаленькие. При дворе не просто экономить, зато пустить пыль в глаза хотят все, я прав? Ты ведь бывала при дворе?

— Так и есть, — кивнула она. — Там все хотят блистать. Рик, а почему Ивар привёз эту новость? И где он был всё это время?

— Ездил по делам. И я попросил его навестить эту особу. Он и навестил, наткнулся на поминки и дознавателей в усадьбе. Надеюсь, вовремя унёс ноги и его любопытство не стали связывать с её кончиной. Не хотелось бы.

— А зачем вам нужно было её навещать? — не понимала она.

— На всякий случай. Мы ведь поняли, что она приложила ручки к твоему побегу. Вот и... Хотелось знать, что ей от тебя было нужно. То, что ты от королевы узнала — помнишь? — тоже ведь непонятно.

— И вы рассчитывали на откровенность леди Рауз?!

— Нет, — Рик усмехнулся. — Знаешь, человек сообразительный при случае о многом может догадаться. А Ивар сообразительный.

— Я тебе уже после рассказала, что узнала от королевы. Что же, она и с тобой говорила?

Он кивнул.

— Так или иначе, кошка, бывшая градама умерла. Каковы бы ни были её помыслы, всё в прошлом. До упокоится её душа в Светлом Пламени.

— Да, Рик. Знаешь, я часто думаю о её последних словах, — вздохнула Ринна. — Она сказала, что, хотя я не желаю уходить в монастырь, так будет лучше, и мне надо подчиниться семье. Почему она так сказала?

— Но это же понятно, — хмыкнул Рик. — Ты дочь графа, тебе лучше в монастырь, чем быть за мной замужем. Так многие считают. И ты сама так считала, хотя и не в монастырь собиралась...

— Да-да, Рик. Я знаю. Понимаешь, она смотрела так... — Ринна запнулась, — многозначительно. Как будто ей было что сказать, но она не хотела или не могла. Жаль, что мы не поговорили тогда.

— Не придумывай и не переживай зря, — Рик потянул её за плечи, вынуждая упасть в его объятия. — Многозначительный взгляд, говоришь? — уточнил он вдруг, уложил её рядом и навис сверху, — а кто там ещё был, кроме тебя и леди Рауз, кошка?

— Тетя Астерия. Прислуга. И... — она невольно запнулась, — Вернан Сейри.

— И этот? А он откуда там взялся? — нахмурился Рик.

И не стал уточнять, кто это, точно ли тот самый — значит, хорошо запомнил имя. И когда успел?..

— Он сопровождал леди Рауз, — пояснила Ринна. — Мы неожиданно встретились утром, на постоялом дворе, позавтракали, а потом приехала леди Рауз, и почти сразу — тётя. Я ни о чем не договаривалась с ним, Рик, только с леди Рауз. Я и не видела его после цирка.

— Я понял... — Рик отодвинулся, задумался.

— Надо же, интересно, — пробормотал он, вставая, — подожди меня, я скоро.

И он вышел из комнаты. Ринна услышала, как хлопнула дверь напротив — в комнате, где поселился Ивар.

Она ждала в постели, погасив свет. Рика не было довольно долго. Когда он вернулся и вытянулся с ней рядом, она не удержалась, промурлыкала:

— Ваше высочество... я хотела сказать, милорд, ваше совещание с лордом-советником затянулось!

И сама бы не могла объяснить, почему именно такая шутка сорвалась с языка, но Рик, который уже

тянулся к ней под одеялом, вдруг застыл:

— Что?! — и даже голос был как не его. — Как ты назвала меня?

Её игривое настроение тут же закончилось.

— Рик, — она отодвинулась, приподнялась на локте, — я пошутила. Я случайно это сказала.

— Случайно назвала меня высочеством? — он был напряжен, серьезен. — И часто ты в шутку кого-то так называешь?

— Рик, клянусь Пламенем, я на самом деле нечаянно. Но что такого? Мы одни. Я пошутила и больше не буду. И ни с кем я так не шутила. В чём дело, Рик?! — она отодвинулась, села, обхватив колени.

Он вскочил с постели, нагнулся к окну, вглядываясь зачем-то в ночную тьму, на самом деле просто прятал лицо.

— Пошутила? Хорошо. Прости, не ожидал. Ну согласись, как я должен относиться к тому, что меня вдруг назвали принцем? А тебя добивались знатные лорды, и принцы в том числе! Может, ты сожалеешь, что с тобой не принц? Не того выбрала?

— Рик, ты ревнуешь?! — удивилась она.

— Да, разумеется, — не стал он отрицать. — Есть вещи, в которых циркач никогда не сравняется с принцем. Как бы я ни хотел быть лучшим для тебя!

— Мы договорились: есть только я и ты. Даже без родственников! — напомнила она, — о каких принцах ты говоришь? И зачем принцы булочницам? И наоборот!

— Тогда почему ты о них гредишь? Смотришь на меня и мечтаешь о принце — может, потому, что не должна быть булочницей? Делать ошибки легко, а сожалеть о них горько? — он усмехался, и снова как будто запахло перцем.

— Это ты гредишь о принцах, Рик Кан, они, должно быть, мерещатся тебе в каждом углу! Если бы я грезила о принцах, мне бы сгодился и Сай-Айрин!

— Этот мерзкий тип? Даже он? Ты уверена?!

Кажется, это была их первая семейная ссора. Из-за пустяка! Она не могла взять в толк, как можно сердиться, упрекать из-за случайных слов? А ведь Рик всегда был мудрее, спокойнее, она верила ему больше, чем себе!

Внизу, в вольере во дворе, рычала и бесновалась Мика, залаяли собаки, и требовалось срочно это уладить, иначе они останутся без крыши над головой — хозяйка и так была не в восторге от дикого зверя. В коридоре уже хлопали двери, в том числе и та, напротив.

От обидной нелепости происходящего Ринне захотелось плакать, и она крепилась изо всех сил, но не сдержалась, всхлипнула и смахнула слезы. Рик словно опомнился, вздохнул, посмотрел уже другим взглядом.

— Кошка. Что у нас случилось, а? Прости меня. Да, я идиот, прости, пожалуйста... — он сгрёб её в охапку, крепко обнял, прижал к себе, — я люблю тебя, кошка. Я жить без тебя не могу. Не сердись.

А в дверь уже стучали, и эссу Рик Кану пришлось спускаться и успокаивать рысь. Ринна осталась. Обычно её кошка и её муж отлично ладили, но сегодня у него не получалось. Ринна прислушалась: рысь волновалась, негодовала и была открыта. И Ринна воспользовалась, вошла в её сознание — так у них быстрее получится, всё-таки ночь на дворе. Рик, кажется, удивился, что рысь успокоилась внезапно. Интересно, как он теперь её слышал? Чувствовал, что это больше не рысь? Они никогда не говорили об этом. Колдун утверждал — Рик не поймёт, потому что сам не может так...

Она с урчанием нырнула под его руку, потерлась, припадая на передние лапы, толкнула Рика лбом, опять потерлась, напрашиваясь на ласку.

— Ишь ты, вроде не март, — пробормотал Рик, лаская рысь, — или это опять мы с твоей хозяйкой виноваты? Отпустил бы я тебя совсем, уж поверь...

Это было даже забавно.

Рысь успокоилась, Ринна выскользнула из неё. Надо же, «вроде не март». И вдруг — беспокойство на грани боли, словно по обнажённой душе провели жесткой рукавицей! Странное ощущение. Какое-то уже знакомое, забытое. И жажда! Пить захотелось нестерпимо и как-то внезапно. Может,

это чувство Мики? Но в вольере стоит миска со свежей водой, за этим следят, Ринна, когда была с рысью, сама чувствовала запах свежей воды — никакой затхлости и гнили.

Она надела халат, взяла пустой кувшин со стола и вышла. В коридоре, на лестнице — пусто, если кто-то и выглядывал, то теперь разошлись по комнатам. Она спустилась в кухню, зачерпнула свежей воды из ведра — ведра наполняли у колодца с вечера и оставляли на лавке. Не удержалась и выпила немного. Надо скорее вернуться в комнату.

По лестнице поднимался высокий худой мужчина с ярко-рыжей шевелюрой и такой же бородой, он посторонился и учтиво поклонился:

— Доброй ночи, эсса Кан.

А она вздрогнула всем телом, встретившись с ним взглядом, у него были ярко-серые глаза, очень живые и вроде бы такие знакомые. Но он сам? Нет, мужчину она не узнала. И его слегка хриплый голос тоже никого не напоминал.

— Спасибо, эсс. Доброй ночи. Но... мы знакомы?

— Простите, я напугал вас, — повинулся он, прижав руку к груди. — Я спросил о вас, мне сказали, что вы вновь открываете булочную на набережной. О, это прекрасное старое заведение, эсса Кан, и очень хорошо, что у него будет новая прекрасная хозяйка. Я сегодня осмелился попробовать винные пирожные за вашим столом. Вы приобрели верного поклонника, эсса Кан, я буду ходить к вам каждый день.

— Я всегда буду вам рада, эсс... — пообещала Ринна.

— Эсс Готард, дорогая эсса.

— Очень приятно. Буду вас ждать.

Она перевела дух. Всего лишь случайный незнакомец, который любит сладости!

В коридоре она столкнулась со встревоженным Иваром.

— С кем это вы беседовали, леди? — тихо полюбопытствовал он.

— Да просто здешний постоялец, обещал покупать у меня пирожные, — ответила Ринна с легкой улыбкой. — И вы заходите почаще, эсс Ивар. Вам я буду класть больше сахара и мёда, может, это излечит ваш кислый нрав.

— Не поможет, — отрезал тот, но всё-таки улыбнулся. — Леди, так вы видели своего друга детства после того, как отбыли с настоятельницей в монастырь? — он словно продолжал прерванный разговор.

Значит, именно это Ивар и Рик недавно обсуждали.

— Вернана Сейри? — уточнила она. — Нет, мы больше не виделись. Но он приезжал в Обитель, ему сказали, что меня там нет. Так же, как и вам.

— Хорошо. Доброй ночи, эсса Кан, — пожелал Ивар. — И вызывайте прислугу, незачем ходить тут одной.

— Кого тут дозовёшься ночью, — махнула она рукой.

— Зовите меня, например.

— Доброй ночи, эсс Ивар.

Казалось бы, всё в порядке? Но Ринну отчего-то потряхивало от волнения. Когда вернулся Рик, она бросилась ему на шею и прижалась так крепко, как только могла.

— Что, Ри? — встревожился он, обнимая её. — Что случилось?

Да если бы она это знала!

— Рик, не оставляй меня никогда, — прошептала она. — Пожалуйста!

— Никогда не оставлю кошка, уж поверь...

Они с Риком оба придумали, как привлекать посетителей в первые дни. Придумали каждый своё.

— Не скажу, кошка, но доверься мне, тебя ждёт сюрприз, — пообещал он.

Она согласилась, а сама воспользовалась хитростью, которую когда-то узнала от Ноны: за несколько дней до открытия начала готовить небольшие порции сдобы, приплавленной сложным набором истолчённых специй, те же специи, но немного в другом составе, она сыпала на горячий под печи, а окна в кухне специально распахнули. Волны одуряюще-сдобных ароматов текли по улице — пронизательные услышали бы в нем запах иноземной корицы и ещё чего-то, а повара из Ленгара переглянулись бы и понимающе закивали. Но где тот Ленгар? Далеко...

На улице заметно прибавилось прохожих, некоторые даже стучались в дверь пока ещё закрытой кондитерской. Тогда Ринна выставила одну из помощниц за дверь торговать маленькими булочками вразнос. Уже вскоре цену решили поднять — слишком быстро разбирали товар. Даже управляющий то и дело заходил в кухню за булочкой-другой и качал головой:

— Ах, что делаете, хозяйка? Пока с набережной от лабазов шёл, слюной чуть не подавился.

— Вот и отлично, — радовалась Ринна. — Этого мы и добиваемся!

— Оно-то так, да вы поосторожней. Донесут ведь.

— На что донесут?.. — удивилась она.

— Ну, дык... Колдуете ведь по-малому, хозяйка? — спросил старик тихо так, вкрадчиво, поглядывая в сторону. — Дело не мое, конечно, но вы бы не рисковали на первых порах, эсса. Колдовство ведь только по особому разрешению можно.

Ринна удивилась, рассмеялась.

— Я не колдую! Я просто умею готовить, знаю рецепты. Так что пусть доносят, пусть проверяют.

— Вот как? — он всё равно смотрел недоверчиво. — Ладно, может, оно и так. Но вы бы придерживали коней, хозяйка. Проверки мешают, да и расходы это. И зависть — штука такая, стекла ещё побьют. Не всё сразу.

Ринна пообещала быть осторожнее. Хотя — что это значит? Невкусно готовить? Они ещё и не начали, а ей советуют «придержать коней»! Но это казалось предвестием будущего успеха.

Они были заняты с утра и до позднего вечера. Так мало времени, а следовало полностью навести порядок, всё купить, сделать заготовки, определиться с меню, а всё, что можно приготовить заранее — приготовить заранее. Нанять остальную прислугу — Рик настаивал, чтобы прислуги было достаточно. Всё равно по вечерам Ринна без сил падала на кровать и тут же засыпала. Рiku это совсем не нравилось.

— Вот же я идиот, за это и наказан, — покаялся он однажды, конечно, в шутку. — Подарил бы тебе кольцо и серьги, как все, и горя не знал бы! Так нет же. Попадусь теперь кому на зубок — скажут, что я жестокое чудовище, каких свет ни видывал. Запер молодую жену на кухне, видно, уморить решил!

— Ри-ик, — протянула она и придвинулась ближе, забралась в его объятия. — Ты мне сделал самый, самый лучший на свете подарок. Я никогда не была такой счастливой. Я только сейчас поняла, что была пленницей Ленгара! То нельзя, а это невозможно! Это ужасно, Рик. Но сейчас давай спать, а? — и она даже не услышала, что ответил её муж, потому что уснула.

Наутро — опять... Нужны ли скатерти? Ринне хотелось, но по совету старика Дука решили обойтись, потому что это лишние расходы на прачку. Посуда? Той, что осталась от прежних хозяев, не хватало, и не так-то просто оказалось подобрать что-то недорогое по своему вкусу. Занавески? Непременно! Тут она оказалась непреклонна — у неё ведь не трактир с дешёвой похлебкой, у неё кондитерская! Приличные оловянные ложки, большие и маленькие, тоже немало стоили по их нынешним меркам, одно утешало — по сравнению с тем, как сервировали столы в том же Ленгаре, это были жалкие гроши.

Ринна решила испечь побольше простых бисквитов — из них можно будет собрать множество разных пирожных, меняя пропитки и кремы. Определиться, какие готовить пироги — конечно, с яблоками и вареньем, а ещё с чем? И несладкие пироги тоже — это обязательно. Подобрать мясо и специи в начинку. Творог лучше выбирать самой — чтобы был с тем самым свежим сливочным вкусом...

Если Рик в будущей кондитерской иногда появлялся, то Ивар крутился там постоянно. И быстро стало ясно, что у причины этого — голубые глаза, а ещё очень милое личико и стройная фигурка. Да чего там — Эльза, лучшая из отобранных Ринной кухарок, была просто красоткой. Названный братец Рика не скупился на знаки внимания Эльзе — бросал горячие взгляды, рассказывал что-

нибудь забавное, дарил дешёвые мелочи, милые сердцу каждой девушки — ленты, заколки для волос, бусы и оловянные украшения, а та уже летала на крыльях счастья. Ринну это сердило. Во-первых — как же быстро он справился! Ещё бы, красавчик умудрялся нравиться всем девушкам без исключения! Во-вторых — он только вскружит голову этой глупышке. Жениться ведь не станет на трактирной девчонке, он, наследник лорда? Не может без женского внимания, видите ли, вянет и чахнет!

Она пожаловалась Рику, тот лишь пожал плечами.

— Не волнуйся, кошка, у Ивара с этим не бывает проблем. Он умеет ладить и не перегибать палку.

— Он ведь никогда не женится на Эльзе! — горячилась она, — так зачем морочить ей голову? Это непорядочно!

— Не волнуйся, — повторил Рик, — я ему доверяю. Чего-чего, а обманывать девушку он не станет. Вот что, я присмотрю, а ты не вмешивайся. И не вздумай сказать Эльзе, кто такой Ивар. Это никому не надо знать.

— Это тоже непорядочно! — она не могла успокоиться, — здесь уже не цирк, так зачем ему маска? Честные люди не скрывают имя и положение, это ещё и спасает от недоразумений!

— И верно, — Рик прищурился, — а с тобой как быть? Давай напишем на вывеске: «Кондитерская леди Ринны Венеш», и ваш графский герб тут же приколотим? Пусть весь Лаверри знает, что ты сестра лорда Клайка Венеша, графа Ленгара из Руата?

— Ты прекрасно знаешь, что этого нельзя делать, — вспыхнула она.

— Да, кошка, мы и не станем. Но давай вместе доверять Ивару?

Ей, конечно, пришлось согласиться, но на самом деле доверять? Они с Иваром с первого дня друг другу не нравились. И она ни за что не согласилась бы снять свою «маску», верила, что лишь так она в безопасности. Королева заступилась и избавила от монастыря? Это ей повезло. В следующий раз может получиться иначе. Нет, Ринна Венеш пока не станет снимать маску!

Она всё равно поговорила с Эльзой — так, немного. Девушка обиделась.

— Просто будь осторожна, вот и все, — попросила Ринна. — Ивар хороший человек, но ничего не может тебе предложить, кроме денег и подарков. Тебе этого хватит?

— Я вам не нравлюсь, да? — Эльза заплакала.

— Наоборот, нравишься...

— Вы не хотите, чтобы я стала вашей родственницей! Но это не совсем от вас зависит, да?!

— Совсем не от меня, тут ты права.

— Надеюсь, Ивару полагается наследство, а жена брата — не родная матушка! — эта внучка трактирщика рассуждала обо всем с помощью собственных твердых житейских понятий, про «жену брата» тоже имелось понятие.

Ринна прекратила попытки. А Рик, похоже, все-таки с Иваром поговорил, она поняла это по насмешливому взгляду, который бросил ей «братец». И всё продолжалось по-прежнему.

Накануне открытия кондитерской Ринна сама отправилась за свежим творогом и сливками на рынок Лаверри и взяла с собой Эльзу, и Ивар, конечно, тоже с ними увязался. Рик был занят, и другие охранники тоже — следовало купить и вставить выбитые на рассвете стёкла. «Разбойников» поймали и сопроводили в караулку, это оказались нанятые кем-то мальчишки. Эсс Дук многозначительно качал головой — дескать, я же предупреждал! Да и вообще, Ринну снова раздражала эта мелочная опека, чтобы ни шагу без охраны — так же, как раздражала в Раби. Там, конечно, всё закончилось невесело, но ведь она для этого сама немало постаралась! А теперь, по этому тихому и спокойному, такому «домашнему» городу, она бы с удовольствием хоть иногда ходила без конвоя из вооруженных мужчин! И вот теперь примерно так и было — Ивар занимался Эльзой и даже не смотрел на Ринну.

Она шла вдоль ряда и пробовала творог, молочницы протягивали ложки со своим товаром, она осторожно брала пальцами понемногу и пробовала, и всё было вроде бы не то...

— Вам, я вижу, нравится этот сыр, эсса. Возьмёте головку или или две?

Ринна в изумлении посмотрела на торговку, потом на кусочек сыра в своей руке. И вкус во рту у неё был солёный, острый. Она пробовала сыр! Творожный ряд давно закончился, она не помнила, как

оказалась среди твёрдых сыров.

— Эсса Ринна! — к ней пробирался рассерженный Ивар, — что за шутки? Зачем вы ушли?

Она была растеряна, сбита с толку. Какие шутки, даже не собиралась! Но сыр был вкусный, и почему бы не приготовить с ним пирог?

— Дайте две головки! — сказала она торговке и холодно взглянула на Ивара, — вы же меня охраняете, эсс? Вот и не зевайте.

— Вы выбрали творог, эсса? — подбежала Эльза.

— Купи сама, я тебе доверяю, — она передала девушке кошелёк.

Опять пробовать и выбирать ей совершенно, просто до отвращения не хотелось. Она вдруг почувствовала себя такой уставшей, и хотелось что-то ударить, разбить! Что получается, она забылась, идя по рынку? Какая ерунда. Видимо, дело в усталости последних дней, надо отдохнуть и выспаться, завтра они открываются!

— Всё хорошо, леди? — тихонько спросил Ивар, поддержав её за локоть, она кивнула и улыбнулась.

Ивар не насмешничал, был заботлив и обеспокоен — может, он такой и есть на самом деле, а остальное лишь его маска? Она просто так ему улыбнулась, но Эльза оглянулась на них с ревнивым негодованием. Ринна подумала, что ещё один такой взгляд — и она рассчитает Эльзу, невзирая на недовольство старика Дука. Не хватало ещё терпеть на своей кухне ревнивых кухарок.

Глава 12. Хозяйка кондитерской

Кондитерскую открыли. Был выходной день, прохладный и солнечный. Сюрпризом от Рика стал настоящий оркестр: с утра музыканты расположились на мостовой у дверей булочной, и мимо теперь не проходил вообще никто, Оркестр на этой тихой улице сам по себе стал событием. Одна мелодия сменялась другой, соперничая с мелодией ароматов, о которой позаботилась Ринна.

Уже с утра не хватало столиков, стремительно таяли запасы выпечки, было шумно и весело, и ещё музыка! Как ни странно, Ринна действительно ещё никогда не была настолько счастлива. Конечно, за все неполные двадцать три года, которые она прожила как дочь графа и одна из знатнейших девушек королевства, моментов радости набиралось немало, но впервые она делала нечто настолько необычное! Она заново создавала свою жизнь и богатство. Строила свой дворец! Из пряничного теста? Да-да, не забыть приготовить и пряничное тесто! Пусть оно постоит не три месяца, а дней семь — по правде говоря, и этого достаточно, чтобы пряники получились вкусными. И так жаль, что скоро всё это придется бросить! Просто рвать по живому. Она потеряла Ленгар и свой маленький замок, и потеряет эту кондитерскую. И всё равно, ощущения невосполнимой потери, крошечной тьмы впереди — уже не было. Потому что теперь она точно знала, что у неё может быть и другой «пряничный дворец».

— То улыбаешься, то хмуришься. О чем думаешь, кошка? — Рик поцеловал её в нос.

— Я тебя люблю, Рик Кан!

Управляющий эсс Дук сунулся было в конторку за кухней, но, увидев, что хозяйка и её муж самозабвенно целуются, тут же выскочил и притворил за собой дверь. Он знал, что у этих двоих медовый месяц, так что пусть их, дело молодое. Хозяйкой, эссой Ринной, старик откровенно любовался — такая ладная, милая, не сварливая, готовит дивно, и точно колдует понемногу, хоть и уверяет, что не колдунья. Такую бы да за любого из сыновей! Понятно, что жила она в довольстве и не ко всем делам приучена, но ничего, обломалась бы со временем. Замуж так поздно вышла — почему? Бесприданница, должно быть — это, конечно, не хорошо. Зато муж достался не бедняк — хорошо. Деньгами сорит, жену балует. Обещал, что уедут и налаженное дело ему оставят — и повезло ведь на старости лет. Так что пусть целуются на здоровье.

— Рик, почему мне так часто кажется, что ты хочешь мне что-то сказать? — шепнула Ринна мужу.

Щеки горели, губы опухли. Надо немного подождать, прежде чем возвращаться в зал или на кухню.

— А я и хочу. Но все время откладываю. Немного боюсь.

— Так-так, — она обвила руками его шею. — Может, тогда просто скажи?

— Нет, всё узнаешь, когда мы уедем из Лаверри.

У него была ямочка только на одной щеке, когда он улыбался, а в разноцветных ресницах запуталось солнце.

— Это плохое? Хорошее? Важное?

— Не знаю. Зависит от того, как ты отнесёшься.

— Это будет о том, как мы станем жить в цирке твоих родителей?

Рик кивнул в ответ.

— Тогда можешь не спешить, — великодушно разрешила она. — Я люблю то, что имею сейчас, и не хочу думать о том, что будет.

— Тогда хорошо, — серьезно согласился он, — я тоже люблю то, что имею сейчас.

— Просто пообещай, что будет не хуже, — вдруг попросила она. — И ты, может быть, сможешь мне открыть ещё одну кондитерскую?

— Хуже не будет, — уверенно пообещал он, — знаешь, моя бабушка заправляет огромной кухней. Ты ей понравишься, и она позволит тебе всё, что захочешь. А насчет кондитерской — тоже что-нибудь придумаем.

— Твоя бабушка не циркачка? — удивилась Ринна.

Все-таки она мало знала про циркачей. Столько у них непонятного и даже странного! И хорошо бы расспросить Рика про бабушку, но уговор есть уговор. Ничего, это никуда не денется.

— Да как сказать. В её-то преклонные годы, сама понимаешь... — вздохнул он.

Это был суматошный и счастливый день, следующие оказались более спокойными, но Ринна всё равно была всем довольна. Пока не случилось кое-что неожиданное...

Рик и Ивар с утра отлучились куда-то в город, и тут как раз одна из подавальщиц передала Ринне, что её спрашивают. Да-да, именно её, эссу Кан, хозяйку. Кому-то потребовалась целая корзина пирожных.

За столиком её дожидался незнакомец.

— Добрый день, эсса Кан, — он с готовностью выложил на стол несколько золотых, — я хочу сделать большой заказ, вот, — он посмотрел многозначительно.

Она сразу узнала голос. Это был Вернан Сейри, изменившийся, с бородкой, усами и бакенбардами. Надо сказать, растительность на лице меняет мужчин до неузнаваемости. А охранник играл в кости сам с собой в противоположном углу. Он, конечно, не узнает Вернана, даже если видел его в Раби. Она постаралась скрыть удивление. Вернан выразительно ей подмигивал.

— Я хочу сделать подарок жене, эсса. Мы можем это обсудить?

Сначала она растерялась. Но — это же Вернан! Опасаться Вернана точно не следовало, что бы там ни думали об этом Рик с его братцем.

— Поговорить, эсса. Порожние... — тот смотрел умоляюще.

— Пойдёмте, — решила она. — Обсудим. Может быть, вам больше подойдёт торт, эсс?

Охранник проводил их взглядом, но, видно, не нашёл, к чему придраться.

В конторке Ринна показала Вернану на стул, а дверь оставила приоткрытой — так никто не подойдёт незамеченным.

— Леди Ринна, доверьтесь мне, умоляю, — тихо заговорил он. — Вы в опасности. Человек, с которым вы живёте — вы ведь ничего не знаете о нём! Я хочу вас увезти. Не бойтесь, я ни на что не претендую. Лучше бы ваш брак так и оставался ложным, но что теперь поделать! Мы уедем, скроемся, со временем все уладится. Ринна, вы просто должны мне поверить!

Она никак такого не ожидала. Сказала:

— Вернан, не надо говорить загадками. Если просите о доверии, то объясните, в чём дело.

— Всё объяснить? — он нервно дёрнул плечом, — я не могу, леди Ринна. Просто не могу. Но речь о наследстве вашего отца. О том, секретном наследстве. Да, я знаю, что оно есть. И брак с вами — ключ к некоей заветной дверке! Вы помните об этом? И неужели вы думаете, что эти циркачи случайно оказались там, в Ленгаре, и не позволили мне даже приблизиться к вам?

Ринна почувствовала холод на висках. Да, верно, она никогда не задавала себе такие вопросы. Даже в голову не приходило. Разве венчание у Пламени оставляет место недоверию? Пламя одобрило брак. И она так счастлива теперь!

— Нет, Вернан. Вы ошибаетесь.

— Да, леди Ринна. Просто подумайте. Вы здесь по-прежнему пленница, не можете встречаться, с кем хотите, говорить, с кем хотите. Вас это совсем не смущает?

— Вы считаете, что мой муж что-то задумал? Подозреваете его в коварстве? — уточнила она.

— Я почти уверен.

— А я не сомневаюсь, что это какая-то ошибка.

— Но не только он опасен, — как будто не слыша её, продолжал старый друг, — другая опасность угрожает нам с вами, обоим. Я не могу это объяснить! — его голос задрожал, — и мы не можем обратиться в стражу, потребовать дознания. Ради моих близких! Доверьтесь мне и позвольте спасти нас, это единственный выход. Сейчас ваш муж явно играет вашими чувствами. Если вы ему это позволите — что ж, станете одной из многих обманутых женщин в этом мире. Брачный венец не защищает от обмана, леди.

Где-то хлопнула дверь, и до слуха Ринны донёсся голос Ивара. Вот только скандала не хватало. Если они с Вернаном встретятся, Ивар может и узнать его.

— Вам пора, Вернан, — сказала она быстро. — Мы ещё увидимся, а вы всё мне объясните. Я хочу понять вас. Мы разберёмся вместе, Вернан!

— Ради пламени, пусть это останется между нами! Никому не говорите! Я приду... скоро.

— Хорошо. А пока мы обсудили заказ, вы оставили задаток, — почти не думая, она писала на листе бумаги названия выпечки и её количество. — Пойдёмте...

У двери она прислушалась — кажется, Ивар опять вышел. Повезло. Она позвала подавальщицу из зала и велела проводить эсса. Всё получилось. Но...

У Ринны голова шла кругом. Что это только что было?!

Она не поверила в то, что сказал Вернан. И она же знала, что Вернан не умеет врать! Они немало часов провели когда-то вместе. Он ей не врал, а если пытался лукавить, она различала ложь по голосу и высмеивала эти его попытки. Он не обижался, да она и не обижала, это было между ними, было их игрой. Тот юноша из Гринзаль, сын отцовского банкира, определённо дорожил их дружбой. Но между ними не было ничего романтического, совершенно. Он рассказывал ей про других девочек, которые ему нравились. А ведь и правда, это точно было, в их последнюю поездку в Гринзаль! Они болтали о девочках. Он старше Ринны, но тогда ещё не бывал на балах в их ратуше, ей первый бал только предстоял будущей зимой — по каким-то причинам отец задержал её появление в свете. В то лето они особенно много времени потратили на болтовню, но — никаких вздохов и романтических взглядов.

Ринна сходила на кухню и налила себе яблочного чаю, и сразу вернулась, закрылась в конторке. Надо было додумать мысли, которые делали неважным всё остальное. Крепкий душистый напиток согревал — её знобило, как обычно при волнении.

Итак, Вернан. Рик. Гринзаль. Наставница Эсминельда. А почему она?..

Они с Эсминельдой шли по набережной, а карета ехала следом.

— Этот молодой Сайри совсем не умеет обманывать, — весело сказала наставница. — С ним даже шутить неинтересно. Ты согласна, дорогая?

— Мне кажется, что обманывать не такое уж достоинство, а с честным человеком всегда приятно иметь дело, — бросилась Ринна на его защиту.

— Это не достоинство, но иногда бывает полезно...

Вот так, и вдруг Вернан принялся уверять её в своей любви. Тогда, на постоялом дворе, после бегства из Раби. Ей не нравилось, она пыталась не слушать — потому что это была раздражающая слух неправда? Или просто признания были ненужными? Как теперь понять?

А позже, когда Вернан искал с ней встречи в монастыре? Он не казался взволнованным влюблённым, скорее человеком, выполняющим некую повинность. Рик в такой же ситуации вел себя иначе! Во всяком случае, она тогда обрадовалась, что Рик о ней узнал, а поведению Вернана лишь удивилась. Именно Рик спас её. Спас благодаря тому, что королева решила приехать в Обитель раньше обычного, и прислушалась к его жалобе. Ведь закон был на их стороне! Тогда Ринна не стала вникать в обстоятельства, но ведь они на самом деле такие странные. Вот именно — там странно всё!

Итак, Вернан лгал про свою влюблённость. Но в его сегодняшних словах она не услышала фальши. И он и не говорил о любви, напротив — сказал, что не претендует. Он твердил об опасности. Причем намекал на двойную опасность — со стороны Рика и... ещё на что-то.

Начать в чем-то подозревать Рика?! Это нельзя. Невозможно. Она отказывается! Но...

Вернану известно про тайное завещание графа Ленгара. Завещание — банковская тайна, которую подтверждали на Пламени, но Вернан мог быть посвящён. А Рик? Ему это знать неоткуда. Если только...

Вернан упрекает Рика в том, что тот, заранее извещённый о решении короля, не позволил никому с ним соперничать. Точнее, не позволил Вернану. Но откуда об этом мог знать сам Вернан? Если спросить у Рика, он наверняка сошлётся на фрейлину-циркачку Фину, и Ринна уже сама убедилась в реальности и возможностях последней. А Вернан?..

Как сильно пахнет яблочный чай. Они втроем сидели к гринзальской булочной и тоже пили чай, запивали им рассыпчатый ягодный пирог. Втроем — это Вернан, Эсминельда и она, леди Ринна. И

Вернан упомянул про рысь, в которую Ринна может превращаться. Она сама рассказала ему накануне, и он не поверил, поэтому явно шутил этим и смеялся. Но Эсминельда наградила её сердитым и многозначительным взглядом.

— Стыдно, юная леди. Такие выдумки вас не красят. Надеюсь никогда больше не слышать ничего подобного. Вы уже не маленькая, чтобы сочинять такие вещи!

— Я так и понял, что это выдумка! — улыбнулся Вернан.

Эсминельда потом отругала Ринну.

— Дорогая, этого никто не должен знать! Никто! Ни при каких обстоятельствах! Разве я не предупреждала? Я заставлю тебя принести клятву на огне, забывчивая леди!

Да, она предупреждала. И на огне клясться не заставила, Ринна и так запомнила — никому, никогда. Да и кому какое до этого дело?

Но почему это вспомнилось? Это её дар тая, он ни при чём. Потому ли, что Рик считал её обучение плохим, и об этом же сказал джубаранец? Это тоже опасность, и Вернан сегодня намекал на опасность.

Но не верить Рик? Рушится все, и даже жить не хочется! Да, ещё недавно она собиралась жить без него, и даже прикидывала, как, но теперь не хотелось такой жизни. Дело в наследстве отца — сказал Вернан. Ринна не считала, что там, в Гринзальском банке, её ждут какие-то невероятные богатства. Отец утверждал совсем другое...

И хорошо бы просто рассказать обо всем Рик. Она, кажется, уже привыкла во всем на него полагаться! Но Вернан просил этого не делать. И ей придется сначала понять самой, что происходит, ещё раз поговорить с Вернаном. И она будет осторожна...

Как всё-таки Рик узнал, что её выгонят из Ленгара, и сумел опередить Вернана, который тоже откуда-то это знал? И научился ли Вернан врать?..

Скрипнула дверь, и вошёл Рик.

— Что с тобой, кошка?

Она сидела за столом с наполовину полной чашкой в руках. Он взял у неё чашку, допил остывший чай и отставил в сторону.

— Что за мужчина у тебя был?

Ему доложили, ну конечно.

— Заказ на пирожные, — она подвинула к нему исписанный лист, на котором лежал золотые. — И задаток. Рик, я отчего-то задумалась. Скажи, ведь когда мы с тобой впервые встретились в кухне Ленгара, ты уже знал, что случится со мной?

— О планах короля? — Рик сел напросив, посмотрел ей в глаза. — Да, мне Фина сообщила. Но она сомневалась, да и я до последнего сомневался. А в остальном я уже тебе рассказал: влюбился и решил забрать. Видишь, у меня получилось.

— Откуда мог узнать Вернан?

— Твой друг детства? — Рик усмехнулся. — Кое-кто считает, что ты ему сказала. Узнала от брата, а того предупредил король.

— Так считает Ивар, я знаю.

— И это было бы самое простое объяснение. Но поскольку это не так, — да, кошка?.. — то все сложнее. Твой друг узнал это, как и я, от кого-то из окружения короля. Он сын банкира, банк его папаши мог ведь давать деньги и королевскому дому Руата в том числе? И придворным? Больше мне пока ничего не приходит в голову. Всё, прекращай беспокоиться, — он поцеловал её в щёку, — сегодня оставляй дела пораньше и проводи вечер со мной, хорошо?

— Да, Рик, — она кивнула.

Перестала ли беспокоиться? Ничуть не перестала. Но улыбнулась безмятежно — она, кажется, притворяться умела. Это не достоинство, но бывает полезно.

Когда они вечером остались вдвоём, тревога, посеянная Вернаном, её отпустила. Конечно, недоразумения разрешатся! Она верит Вернану. Она верит Рикю. И найдётся способ примирить этих двоих, ведь делить им на самом деле нечего! Зато вдруг пришёл страх — страх возможной потери. Ринна представила, что, если бы за словами Вернана действительно что-то было, то есть если бы Рик действительно обманывал её и им пришлось бы расстаться... нет, даже если бы она лишь поверила... Несчастье, пустота, которую нечем заполнить. А так — словно дурной сон, который уже закончился, и счастье, что это был лишь сон! Это распаляло её, хотелось радоваться, хотелось просить прощения у Рика — за то, что она могла поверить в его предательство. И он тоже чувствовал, что с ней что-то происходит, они долго не могли оторваться друг от друга этой ночью.

Потом Ринна проснулась, от духоты и жажды — горло сушило нестерпимо. Рик спал рядом, дышал спокойно и размеренно. Она встала, надела халат и вышла из комнаты. Спустилась вниз, в кухню, и напилась холодной воды. Вернулась вверх, приоткрыла окно в коридоре и постояла, вдыхая влажный, холодный осенний воздух. Думала, что сейчас подышит немного и вернётся в постель, и никак не ожидала, что братец Ивар тоже выйдет в коридор.

— Почему же вам не спится, дорогая леди? — он был полностью одет и холодно ей улыбался.

— Можно задать вам тот же вопрос, эсс?

— Так вы меня и разбудили. Который раз уже прогуливаетесь туда-сюда.

— Это запрещено? — удивилась она. — Кстати, что значит — который раз? Вы меня с кем-то путаете.

— Невозможно. Вас я никогда ни с кем не перепутаю, леди, — тихо, вкрадчиво сказал он, — вы выходили поговорить с тем рыжим постояльцем.

— С эссом Готардом? — удивилась она. — Ночью? Вы смеётесь. Я спала.

Рыжий эсс Готард иногда встречался ей в таверне или наверху — он снимал комнату в другом крыле. Он всякий раз приветствовал её, иногда они перебрасывались парой слов, он был неизменно учтив. У себя в кондитерской она тоже видела его, там он просто покупал какие-нибудь сладости, стараясь не обращать на себя внимание. Один раз Ринна велела подать ему пирожные в подарок от заведения.

— Я видел вас. И не только я. Позвольте, прошу вас, — он взял её за локоть, подвёл к своей комнате, стукнул в дверь.

— Эль, выгляни-ка!

Скоро Ринна услышала шаги и какую-то возню в комнате, потом дверь приоткрылась и выглянула Эльза, кухарка из кондитерской. Ринна усмехнулась, отчего-то не слишком удивляясь. Девушка выглядела смущенной, видно было, что она только что наспех натянула и кое-как, пропуская петли, зашнуровала платье.

— Эсса, — она поклонилась.

— Эль, радость моя, скажи, ты видела, как эсса Кан сегодня ночью встречалась с рыжим эссом?

Девушка закивала.

— Ты увидела их и сказала мне, правильно?

Эльза опять кивнула, на этот раз густо покраснев.

— Ты и на Пламени поклялась бы, что я не вру и тебя не заставляю?

— Поклялась бы!

— Ну, довольно, — рассердилась Ринна. — Я иду спать! И не собираюсь ни в чём убеждать вас. И с кем бы я ни говорила, это вас не касается.

Всё это так. Но ведь она ни с кем не говорила.

— Что у вас тут? — в коридор вышел Рик, сонный и растрёпанный, в наскоро натянутых штанах и рубашке, он удивлённо глянул на Эльзу.

— Да ничего такого, — тихо ответил Ивар, — просто беспокоюсь, почему эссе Кан не спится. Вчера вот я усомнился, что видел её, а сегодня не сомневаюсь.

Она не успела ничего сказать — заскрипела лестница, потому что по ней поднимался тот самый рыжий эсс Готард. Он шёл по-стариковски медленно, одетый в бархатный стёганный халат, порядком потёртый, и опирался на трость из полированного дерева.

— Эсс Готард, подождите, прошу вас, — Ринна подбежала к лестнице.

— Эсса Кан, дорогая, у вас что-то случилось? — спросил тот встревоженно и закашлялся.

— Эсс Готард, мы разговаривали с вами сегодня ночью?

— Гм, — он окинул взглядом всех собравшихся. — Да, эсса Кан, мы разговаривали. Вы подошли и спросили, который час. Это было вот тут, — он показал на площадку лестницы. — Я ответил, что начало четвёртого, и никак не мог знать точнее, у меня не было с собой часов.

— Какой час... — пробормотала Ринна.

— Да, — подтвердил эсс Готард, с теплотой глядя на неё, — вы были такой сонной, эсса Кан. Мне даже показалось, что вы не вполне проснулись, я побоялся, что вы упадёте с лестницы. Но вы вернулись к себе. А я часто хожу ночью. У меня болят ноги к смене погоды, их надо разминать. Погода меняется, эссы, — он вздохнул.

— О Пламя, — она жалобно обернулась к Рикку. — Я никогда не ходила по ночам.

— Это от волнения и усталости, эсса Кан, — сказал эсс Готард. — У моей жены такое было когда-то, после рождения ребенка. Это пройдёт. Вы открыли кондитерскую, это большое волнение и большой труд.

— Спасибо вам, эсс Готард, — Рик обнял Ринну за плечи, — пойдём спать, дорогая. А вы... — он глянул на Ивара и Эльзу, которая по-прежнему выглядывала из-за двери, и махнул рукой.

В постели он обнял Ринну и пообещал:

— Завтра покажу тебя лекарю. А на моего братца... не обращай внимания. Его не переделаешь.

— Чем же я ему настолько не нравлюсь? — все-таки не удержалась она.

— Ты нравишься ему, — уверенно возразил Рик. — Просто он ещё не опроверг свои заблуждения на твой счет. Опровергнет — придёт извиняться. Он такой, говорю же. Всё будет хорошо.

— Он считает, что я обманываю вас. Точнее, тебя. Но ты ведь так не думаешь?

— Нет, не думаю, — он прижал её крепче к себе. — Я тебя чувствую. Слышу. Я люблю тебя. Он этого не понимает, копается лишь в фактах и своих соображениях.

— Я поняла, — она вздохнула, — и он все-таки поступил с Эльзой... вот так. Это недостойно, как я считаю.

— Ри, ручаюсь, не он сорвал цветок, — Рик улыбнулся. — И многие мужчины не отказываются от того, что им предлагают. Думаю, они договорились к взаимному удовольствию.

— Ты так легко об этом говоришь? В цирке так принято, да?! — вспыхнула она. — Ты тоже не отказывался?!

— Так, давай-ка прекращать, — он засмеялся. — Все, что было — неважно. Я обещал тебе верность, когда женился. Ивар не женат и никому не обещал блюсти целомудрие. Цирковые женщины не более распутны, чем любые другие. Пройдет время, и ты будешь относиться к этому более спокойно. Мы ещё можем немного поспать.

— Я прогоню Эльзу. Завтра же. Я ошиблась, когда её выбрала.

— Ты ведь довольна её работой? Так в чем дело? — Рик ласково запустил пальцы ей в волосы.

— Моя кухарка следит за мной и докладывает кому-то — я должна это терпеть?

— Ладно, как хочешь, — Рик кивнул и мягко закрыл ей рот ладонью, мешая сказать что-то ещё.

Утром они действительно поехали к лекарю в другой конец Лаверри. Это был лекарь-колдун — об этом сообщала и дорогая, медная с позолотой вывеска над дверью. Лекарь долго осматривал Ринну, ощупывал, расспрашивал, заглядывал в глаза и слушал пульс, а потом водил вокруг неё стеклянным

кубиком. И развёл руками.

— Эсса в целом здорова. Не истощена. Колдовских воздействий — никаких. Я дам порошки для хорошего сна. Или нет, я лучше приготовлю эликсир, это будет действеннее. Завтра к вечеру пришло. Желаете чего-нибудь ещё, эсс? Эликсир для быстрого наступления беременности?

— Благодарю, ничего, — Рик слегка усмехнулся. — Пока меня волнует лишь здоровье моей жены.

Когда вышли, Рик предложил:

— А теперь поехали гулять, кататься по Лаверри? Или поедем за город и возьмём рысь, пусть по-настоящему побегают.

— Нет, у меня есть дела в кондитерской, — отказалась она. — Давай потом, Рик? Давай завтра?

— Хорошо, — не стал он спорить, хотя огорчился. — Ты сказала — завтра. Завтра не отвертись. Хочу побыть с тобой, посмотреть на тебя. А то вижу последнее время только в кровати.

Это было преувеличением, конечно, но не слишком большим.

За утро Ринна остыла и передумала сразу выгонять Эльзу. Ведь из комнаты Ивара её не выгонишь, и она всё равно внучка старика Дука, с которым не хотелось ссориться. Но разговаривать с ней перестала, поручила печь простые пироги с начинкой. И оставлять ей свои рецепты тоже передумала, а ведь решила уже научить кое-чему хитрому. Эльза чувствовала, что прежнего отношения от хозяйки ей не видать, и поглядывала то вызывающе, то виновато. Сама Ринна принялась готовить пропитки и кремы для пирожных — это требовало умелого добавления специй, такую работу поручить было некому. Специи можно добавить щедро — и тогда никто не усомнится, где корица, а где острый перец. А можно по чуть-чуть, тогда и остроты перца никто не заметит, отметят лишь, что вкусно, очень вкусно. Этим искусством в совершенстве владела Нона, и это было главным секретом самой вкусной выпечки в Ленгаре.

Ивара не было, Рика тоже, охранник в углу скучал — было бы удачно, если бы зашёл Вернан и удалось прояснить его туманные намёки. Так и вышло. Ринна в это время одна сидела в конторке и составляла список необходимых покупок. Заглянула Эльза — надо же, зачем-то решила мельтешить перед глазами.

— Эсса Кан, пришёл эсс, чтобы сделать добавления к заказу, ему нужны особенные пирожные.

— Да? Ну пригласи его сюда, и заканчивай с пирогами, — Ринна бросила перо, её сердце пропустило удар.

Вернан зашёл, сел на тот же стул, он был взволнован, с синяками под глазами.

— Леди Ринна, я надеюсь, мы всё решим сегодня. Это очень важно!

— Да, Вернан, я тоже надеюсь. Но начните сначала, прошу вас...

— Да, да, конечно, я постараюсь, — пробормотал он. — Так вот, леди Ринна...

В оконное стекло вдруг тяжело ударился камешек, и Ринна отвлеклась, встала и подошла — никого. Она оглянулась на приоткрытую дверь:

— Я внимательно слушаю, Вернан.

— Простите, мне пора, — пробормотал он и почти бегом выскочил за дверь.

Ринна только изумлённо перевела дух.

— Пойдите! — она выбежала следом, в зал.

У стойки бойко продавали горячие булочки, из угла на неё удивлённо таращился охранник.

Вернан ушёл. И если он просто морочит ей голову... А что, если так и есть? Она не против, и пусть он больше не возвращается! Ей пока неплохо живётся без его загадок! Но тут же вспомнились намёки Ивара и свои ночные хождения...

Надо рассказать Рiku про Вернана. Она сделает это сегодня вечером. И в то же время... Вернан не лгал, точно не лгал, и он обвиняет Рика! Здесь есть что-то очень неправильное.

Что же делать? Не доверять никому?

— Ну и ну, малахольный, чуть с ног не сбил! — ворча, в зал вошёл старик Дук. — Вино привезли,

хозяйка! Пробовать сами будете? Скоро Винный праздник, пока уже определиться, что станем подавать!

Ринна даже ответить не успела, как в таверну вихрем влетела горничная из таверны.

— Эсса Кан, хозяйка велела сказать вам, что рысь убежала!

— Как убежала? Не может быть! — не поверила Ринна.

Она видела Мику утром, поиграла с ней немного во дворе, потом сама заперла клетку.

— Кто-то открыл клетку, эсса. Рысь убежала.

— Какое несчастье! — всплеснул руками старик Дук, который знал про ручную рысь. — Кто же это учудил? Надо стражу предупредить, чтобы поискали да поймали, и не убили при этом. Штраф взыщут, ну да главное, чтобы не убили!

— Я сама поищу, — сказала Ринна, — она может быть рядом. С вином потом решим.

— А не боитесь, хозяйка, не покусает?

— Меня не покусает!

Она выбежала из кондитерской, охранник — следом. Так и есть: открытая настежь клетка, никто ничего не видел и не знает.

— Может, рысь забрал эсс Кан? — понадеялась она, вспомнив, что Рик сегодня хотел прогулять зверя в лесу.

— Нет, эсс уехал без рыси, — заверил охранник.

— Если нападет на кого, заставят платить! — поджала губы хозяйка таверны. — У меня не зверинец!

Ринна отмахнулась, медленно обошла двор и окрестные улицы, напрягая внутренний слух — ничего. Её зверь пропал.

— Надо сообщить эссу Кану, — хмуро сказал охранник, который всё это время таскался следом.

Да, надо. И где же Рик? Он так нужен сейчас! Ринна умирала от волнения, хотя и уверяла себя, что если Мика просто убежала, то с ней ничего не случится, она сумеет спрятаться и добраться до леса. Точно ли это так? Нет, ничуть, но не хотелось терять надежду.

Они вернулись в таверну. У входа стоял экипаж, рядом топтался угрюмый кучер. И сердце снова сжалось от плохого предчувствия. Хотя что ещё, казалось бы?..

Медленно она поднималась по лестнице, словно боялась. Распахнутая дверь. Резко пахнет каким-то лекарством. Бледный Рик на кровати, его глаза закрыты. Таз с окровавленными бинтами на полу. Ивар посреди комнаты — блестящие глаза, жесткие скулы. Колдун города Лаверри сидел на стуле возле кровати. Рик ранен — у него перебинтовано плечо и нога выше колена. Но ведь этого всего просто не может быть...

— Что случилось? Рик?!

Она бросилась к нему, но Ивар перехватил, задержал.

— Осторожнее, эсса. Его сейчас лучше не трогать, — у него был колючий, холодный голос, и такой же взгляд.

— Позвольте, — она дернулась, он не пускал.

— Но — почему? У него ведь защита... — пробормотала Ринна, вглядываясь в лицо Рика. — Как его рана? Эсс колдун?..

Колдун повернулся к ней, сказал:

— Хорошо, что эсса Кана сразу доставили ко мне. Поэтому он жив, — и смотрел он на Ринну с каким-то настороженным интересом.

— Оказалось, что защиты нет, — сказал Ивар почти любезно, — на нем висели обычные побрякушки. Но точь-в-точь такие, как его прежние, проверенные амулеты. Если очень

внимательно рассматривать, можно найти мелкие отличия. Чьи-то ловкие пальчики поменяли его амулеты, эсса Кан. Чьи бы, как считаете? Это могли быть лишь те пальчики, которые с ним рядом, когда он спит, например. Которым он доверяет.

И даже глупец понял бы, на что он намекает. Но — Рик жив, а это главное!

— Прекратите, эсс Ивар, — она постаралась говорить спокойно и холодно, хотя ладони пришлось сжать в кулаки, чтобы унять дрожь. — Ничего глупее быть не может. Пропустите меня.

Она не подменивала амулеты Рика. Точно так же, как и не беседовала по ночам с эссом Готардом. Но...

Ей стало холодно от таких мыслей.

— Один амулет остался, тот, который одновременно гильдейский знак, — сказал колдун.

И тут Рик открыл глаза, прошелся медленным, затуманенным взглядом по комнате. Позвал негромко её:

— Иди сюда, кошка. Сядь.

Ивар тут же её отпустил, но не сводил глаз с них обоих. Она нетвёрдо подошла, присела на край кровати, осторожно взяла Рика за руку, его пальцы шевельнулись в ответ. Колдун тут же подскочил со свечой, уже горящей:

— Давайте сразу кое-что выясним, эсса. Принесите клятву на Пламени, что это не вы заменили амулеты. Или признаётесь, что это сделали вы?

— Не я, — она покачала головой, — и ничего об этом не знаю, — и поднесла ладонь к пламени.

Пламя не поднялось. Она с ужасом смотрела на огненный язычок, не отнимая ладони. Вот он начал расти, ну наконец-то...

И вдруг погас совсем.

— Вы сделали это, похоже. Вам придётся кое-что объяснить, эсса, — колдун нахмурился. — И пора послать за стражей. Дознание не моё дело. Это преступление. Давно их не было в нашем тихом городке!

— Я не обвиняю, я жив, это семейное дело, — возразил Рик. — Никакой стражи, я запрещаю. В чем дело, Ри? Объясни, что происходит?

Она отчаянно посмотрела на Рика.

— Я должна кое-что рассказать. Кажется, это важно.

Ну да, рассказать про визиты Вернана. И она виновата, что молчала до сих пор!

— Говори, кошка. В чём дело? — Рик говорил тихо.

Они скажут, что это попытка отвертеться. Тем более что Вернана никто не видел и, возможно, не увидят больше.

— Я не меняла амулеты. И как говорила с эссом Готардом ночью, тоже не помню... — она судорожно вздохнула, а в глазах разливалась чернота.

Она покачнулась и упала бы, если бы Ивар не подхватил.

— Эсса в обмороке, — сделал вывод колдун. — Ничего, сейчас я приведу её в чувство. Эй, воды! — крикнул он в коридор.

А сам продолжал:

— Эссу надо допросить. Вы хотите присутствовать, эсс Кан? Вам лучше бы поспать, вы слабы. Кстати, если эсса переночует в каземате при караулке, она станет гораздо разговорчивей, это проверено. Можно послать за стражей, но делу ход пока давать не станем.

Рик только отрицательно мотнул головой. Он побледнел ещё больше.

— Никакой стражи! — рявкнул Ивар. — Приводите её в чувство, вы же колдун, вы можете!

— Как скажете, — поморщился колдун. — Выпейте пока укрепляющее, эсс Кан. Как же я не люблю эти семейные преступления.

Глава 13. Сломанная кукла

Было так хорошо, чуть прохладно и спокойно, но спать больше не хотелось, и Ринна открыла глаза. Да, уже утро, но...

Чужая комната, чужая постель. И всё не так, всё неправильно. Ринна села и огляделась. На ней — кружевная шёлковая рубашка. Чужая рубашка. Ринна Венеш не любила спать в шёлковом белье, тонкое льняное полотно ей нравилось больше. Её волосы заплетены в косы, и ночной чепец на голове — ещё и чепец! Ринна его сдернула, бросила на подушку. Постель широкая, как в её спальне в Ленгаре, подушек и подушечек — десяток, не меньше! Стёганое шёлковое одеяло, тяжёлый бархатный полог над кроватью. В комнате — резная мебель, отделанная серебром и костью. Наборный деревянный пол, ковёр перед кроватью. У противоположной стены на манекенах — два платья. Чьи это платья? В Лаверри Ринна приехала в мужском костюме, на другой день она купила себе белье и платье, и ещё два заказала портнихе — подчёркнуто простые платья, но из хорошей ткани. А эти — сшиты по моде, и вряд ли они подойдут хозяйке кондитерской.

Что это, богатый постоянный двор? Больше похоже на гостевую спальню в богатой усадьбе или в замке. Или на хозяйскую спальню.

Всё чужое. Ринна выбралась из постели, подошла к зеркалу. Мелькнула пугающая мысль, что она сейчас и в зеркале увидит чьё-то чужое отражение, но нет — в зеркале была она, леди Ринна Венеш. Точнее, эсса Ринна Кан. Нет — леди Ринна Кан, замужество не может отобрать у неё этот титул! Впрочем, это сделал король, а король как раз может. Так что да, она больше не леди. Она просто эсса Кан, простолюдинка, жена циркача, член Пекарской гильдии, хозяйка кондитерской в городе Лаверри. Вот, всё и вспомнилось, а ведь только что в голове была приятная пустота, позволяющая с чистой совестью упасть обратно на пухлые подушки и подремать ещё...

Её почти обвинили в покушении на Рика Кана, её мужа. Рик ранен. Ранен не смертельно, спасибо Ясному Пламени. Но — где всё это? Куда вдруг подевались раненый Рик, несносный Ивар, въедливый колдун из Лаверри, да и весь Лаверри с её кондитерской?

Девушка в зеркале — отдохнувшая и неплохо выглядит, хотя Рик опять придрался бы к её худобе. Она поправилась уже за время их путешествия верхом, потому что Рик в каждом трактире заказывал ей все вкусности, которые могла найти хозяйка, но теперь — куда что делось. Волосы шелковистые, пряди у висков чуть вьются — за ними ухаживали тщательно. На указательном пальце левой руки должен быть небольшой ожог — Ринна получила его, вытаскивая из духовки противень с пирогами. Теперь нет никакого ожога. Как и неосторожного следа от губ Рика возле шеи — он ведь был, она ещё радовалась, что платье удачно его скрыло. Нет её браслетов. Ещё нет топазовых серёжек — но Ринна иногда их снимала, конечно. И подвески с фальшивыми топазами тоже нет — а вот её она не снимала никогда.

Ринна растерянно провела рукой по шее, словно желая убедиться — цепочки с подвеской нет. Потеря серег — это больно, они мамыны. Но потеря подвески — это ужасно.

Так, а... Рик? Его она тоже потеряла?..

Она сжала виски руками. Что произошло?!

Мгновение спустя перевела дух и прошлась по комнате. В окне — мокрый, осенний, даже на вид холодный парк. Наверное, это действительно загородная усадьба. Пол не скрипит, полог на кровати — Ринна тряхнула бархатную занавесь, — не пыльный. Похоже, дом содержит достойно, тут расторопная прислуга. Пыли нигде нет, и на туалетном столике под зеркалом — тоже. Зато есть флаконы с лосьонами и притираниями, коробочка с пудрой, несколько гребней, кучка шпилек с хрустальными головками, подушечка с булавками. И маленькая шкатулка для драгоценностей. Это туалетный столик леди.

Шкатулка. В атласной глубине шкатулки лежали топазовые серьги. И цепочка без подвески. Та самая цепочка, Ринна хорошо помнила её плетение. Цепочка была порвана. Подвески не было нигде на столе, и на столике рядом с кроватью — Ринна зачем-то и там посмотрела. Там стояла чашка с остатками медового молочника, и больше ничего.

Ринна вернулась к зеркалу и надела серьги. Итак, что теперь? Дёрнуть за шнурок звонка и подождать, кто придёт?

Тут как раз дверь распахнулась, вошла горничная со стаканом на подносе. Увидев Ринну у зеркала, остановилась так резко, что чуть не подпрыгнула.

— Вы уже проснулись, миледи?!

— Доброе утро, — сказала Ринна. — Что это за место и кто вы?

— Я Сина. Вы не помните?

— Что это за место?

— Замок Винтей.

— Кто им владеет?

— Барон Винтей, кто же ещё...

— Так, — Ринна провела ладонями по лицу, — что это за королевство?

— Кандрия, миледи, — девушка посмотрела растерянно, — вы забыли? Ах, да, простите. Вы должны выпить лекарство, миледи! — она протянула поднос.

Ринна взяла стакан.

— А как меня зовут, Сина? Кто я?

— Так... леди Ринна Сайри!

— Кто?.. — уточнила Ринна, и она не очень удивилась, как ни странно.

— Леди Ринна Сайри. Вы не помните? — на лице горничной появилось выражение бесконечного терпения, — вы просто немного нездоровы, выпейте лекарство, прошу вас. Вы всегда пьёте это по утрам.

— Я замужем?

— Н-не знаю, миледи, простите. Ну выпейте, ну миледи... — кажется, девушка собралась с ней сюсюкать, как с маленькой.

Ринна поднесла стакан к лицу, принялась и продолжила расспросы:

— Я давно живу здесь?

— Меня наняли десять дней назад, миледи.

— И что же я делала всё это время?

— Мы гуляли, разговаривали. Вы спали. Вы немножко больны, миледи, — горничная уже поглядывала на неё боязливо.

— Немножко больна — это я сумасшедшая, что ли? — догадалась Ринна.

— Нет-нет, просто вы немножко устали и надо выпить лекарство. Вот вчера вы были почти здоровы и в прекрасном настроении.

— Ну хорошо, — Ринна опять понюхала питье в стакане. — С кем я тут? Кто вас нанял и отдаёт распоряжения?

— Так... ваш опекун, миледи. Он ваш родственник. Может быть, дядюшка? Эсс Сайри. Очень добрый, приветливый человек. Замечательный просто. Он с вами так ласков и внимателен.

Если дядюшка — это, конечно, не Вернан.

— А с эссом Вернаном Сайри вы знакомы, Сина?

— С вашим кузеном? Миледи, он навещает вас ежедневно, и вчера навещал. Такой приятный, учтивый. Вы не помните? Ну выпейте же...

— Выпить? — Ринна с усмешкой посмотрела на стакан.

Посторонний запах был еле-еле уловим, но Ринна любила запахи и всегда их различала. Правильно смешать специи и даже определить редкую травку — зачем ещё людям нос? Она никогда не думала, что и это свойственно скорее кошкам, пока Мара не обратила внимание на её «кошачьи» наклонности в целом. Что ж, возможно, этому она тоже научилась у своих рысей. Какая разница, у кого учиться? Во всяком случае, пить то, что в стакане, категорически не хотелось.

— Сина, вы видели в моих вещах кулон с нежно-голубыми камнями?

— Нет, миледи, только серёжки. Ах, может быть, он был на той порванной цепочке? Надо спросить у эсса Сайри.

Про брачный браслет и гильдейский знак Ринна решила не спрашивать.

— Сина, прошу вас, передайте моему дядюшке, что я очень хочу его видеть. Мы должны поговорить. А это я не стану пить. Вылейте, — она хотела вернуть стакан, но передумала, сама подошла к окну и, приоткрыв раму, выплеснула лекарство, отчего Сина ахнула.

— Можете доложить, что я выпила, — посоветовала она. — Кажется, это лёгкие сонные капли, всего лишь. Я не желаю спать, отлично себя чувствую и хочу позавтракать. Только не вздумайте добавлять мне что-нибудь в еду, прошу вас.

Горничная убежала, прижимая к себе поднос.

Да, это были сонные капли и ещё что-то неизвестное. И, получается, Ринна это пила ежедневно. И была при этом не в своем уме, как видно. А в чьём?..

Как можно, чтобы она не помнила десять дней своей жизни? Десять — в лучшем случае. Наверняка больше. Первая мысль — о том, что надо немедленно отсюда сбежать. Любым способом! И хорошо бы вообще понять, что происходит. Нет, не так. Необходимо понять, что происходит! Явно ничего хорошего.

В комнату заглянула всё та же горничная:

— Миледи, ваш дядюшка спрашивает, не соблаговолите ли вы с ним позавтракать?

— Да, конечно, — сразу согласилась Ринна, — эсс Вернан тоже будет?

— Он в отъезде, насколько мне известно. А эсс Говерик всегда ест у себя.

— Эсс Говерик? А это кто? — заинтересовалась Ринна.

— Я думаю, это друг вашего дядюшки. Он очень нелюдимый, но тоже милый, вежливый.

— Понятно. Тогда помогите мне с платьем, Сина.

Эсс Говерик. Что-то было в этом имени... знакомое?

Эсс Сайри её опекун? С какой стати? Кто его назначил? Какая глупость. И вообще, это банкир, отец Вернана? Умный и добрый человек, они так доверяли ему. Так или иначе, этот разговор что-то прояснит.

Он ждал в маленькой столовой, куда её проводила Сина. Незнакомец. Впрочем, семейные черты Сайри заметны — наверняка родственник. Горничная быстро убежала, оставив их вдвоём.

— Прекрасно выглядите, дорогая леди Ринна! Видно, что ваше здоровье улучшилось! — он расплылся в радушной улыбке.

Ринна действительно и чувствовала себя прекрасно, насколько это возможно в душевном смятении, и выглядела неплохо — если верить зеркалу в спальне. Её платье, причёска, все мелочи соответствовали прежней леди Ринне Венеш, дочери графа Ленгара, были привычными и естественными. А изгнание, цирк, кондитерская — вот что больше похоже на безумие. А Рик?..

— Доброе утро, эсс! — поздоровалась она сдержанно. — Пожалуйста, объясните, кто вы и почему мы здесь?

— Ах, дорогая леди Ринна! — его лицо приняло торжественное и скорбное выражение. — Ваш отец позаботился о вас. Он взял с нас обязательство вам помочь, если будет необходимо. Вы, беззащитная девушка, оказались жертвой злодеев, которые мечтают лишь ограбить вас. Но мы успели!

— Что же мне угрожало?

— Тюрьма, леди Ринна. Вы якобы планировали убийство. Дикость, верно? И позор, потеря репутации! Мы сомневались, стоит ли вас беспокоить такими напоминаниями, или оставить и дальше пребывать в блаженном неведении. Но я убеждён, что лучше знать всё — в пределах, которые вы способны осознать, конечно. Мы ваши друзья. Во имя вашего отца — доверьтесь...

Вот так, значит.

Она вглядывалась в лицо собеседника. Он говорил гладко, убедительно, смотрел проникновенно. От него пахло... лукавством? Страх точно имеет запах, наверное, ложь тоже. Странно, что Ринна

осознала это только теперь, раньше не замечала. Пламя знает, что происходит, но дочь Лайна Венеша должно справиться.

— Эсс, вы забыли представиться, — мягко напомнила она. — Давайте начнём с этого? Мне сложно обсуждать серьезные вопросы с незнакомцем.

— О, простите, леди Ринна! — он прижал руку к груди. — Я ведь уже представлялся, но ваша память, увы... Винтер Сайри, банкир. Теперь я владею долей в известном вам банке «Три изумруда» и призван отстаивать ваши интересы, согласно распоряжениям лорда Лайна Венеша. Он был проницательным человеком и понимал, что вы, юная девушка, уязвимы. Он позаботился о вас и об известном вам состоянии, которое мы храним.

— Очень приятно, эсс Сайри, — улыбнулась она. — Я юная девушка? Вы мне льстите. Отец оставил ещё какие-то распоряжения? Хорошо. Я правильно поняла, что вы заняли место прежнего... эсса Сайри? — она не помнила, как зовут отца Вернана, ей хватало фамилии. — Кем вам приходится Вернан Сайри?

— Мой любимый брат умер, — он печально наклонил голову, — да, я занял его место. Мне достались его дела, его должность в банке. Таковы были семейные договорённости.

— Примите моя соболезнования, эсс Сайри, — сказала она, — наши встречи с вашим племянником были столь поспешными, что он не успел сообщить мне об утрате. Ваш брат был замечательным человеком, очень великодушным и честным. Это мнение моего отца.

Ей показалось, или этот «новый» Сайри слегка поморщился?

— Но мы ведь собрались позавтракать? — напомнила Ринна самым светским тоном, — может, приступим? А потом вы покажете мне документы, — она подошла к хозяйскому месту у торца стола, эсс Сайри поспешил отодвинуть для неё стул.

Ринна села, расправив платье. Мелькнула мысль, что она, пожалуй, соскучилась по всему этому: по хорошему платью, по вот так накрытому столу, по предупредительной прислуге. Она бы даже не отказалась схлестнуться за столом с графиней Бьюлой из-за какого-нибудь пустяка — обменялись бы парой колючих реплик, понятных только «своим».

Ах, нет. О чем она только думает?!

— О каких документах вы говорите, миледи? — спросил банкир, тоже устроившись за столом.

— О распоряжении отца насчёт вас, эсс. Об условиях вашей опеки надо мной. Ведь после смерти отца я официально нахожусь под покровительством брата, графа Ленгара. Ни о ком другом опекуне и речи не было.

— Гм. Конечно, вы увидите все документы и сможете сверить печати. Граф предполагал, что у вас могут быть неприятности и потребуется дополнительная защита. Вот только мы заботились в первую очередь о спасении вас, а не о документах. Так что документы — позже. Кстати, где печать графа Ленгара? Та, которая для хранилища?

Рука Ринны застыла над яйцами всмятку.

Где ТА печать? Тётя спрашивала, потому что брат интересовался. Так речь шла о ТОЙ печати? Брат о ней вроде и знать не должен, тётя тоже. Это их с отцом секрет.

— Я не знаю, — сказала она. — У меня её нет, эсс Сайри. И вообще, я не помню. У меня что-то с памятью. Кстати, что с моей памятью? Как странно.

— Гм. Ваша мать страдала этим, леди Рина. Она ведь ушла из жизни так рано, вам мало известно о её здоровье. Не волнуйтесь, мы вас вылечим.

— Понятно, эсс Сайри, — кротко сказала она, отодвинула яйца и положила себе на тарелку кусочек сырного пирога. — Мой брат тоже сын моей матери, он может заболеть?

— А... нет, леди. Почему-то этим страдают женщины. Но для женщины короткая память — благо, — пошутил он и тоже взял пирога. — И всё же, что с печатью?

— Не помню, эсс. Мои вещи наверняка осмотрели?

— Там её нет. Граф Ленгар уверяет, что её у него тоже нет. Мы проверили его печати — это не те. У этой печати ведь не было свойств амулета? Она была похожа на печать? Или на что?

— Понятия не имею, эсс. Вы встречались с моим братом?

— О, встреча была нейтральной, мы говорили лишь о деньгах Ленгаров, которые хранил у нас ваш отец и которые переходят вашему брату. Мы не собираемся вмешивать графа в... вашу ситуацию, миледи.

Тут Ринна подумала, что, может, Клайку и следовало бы вмешаться и помочь ей, но нет — его надёжно устроили. Он беспокоился о печати, не понимая, о чём именно речь. Кстати, отец Вернана прекрасно знал, что собой представляет ТА печать, он и учил Ринну ею пользоваться.

Сырная начинка в пироге была солоноватой и острой, похожие пироги они готовили в кондитерской в Лаверри. Их хорошо покупали. Тот самый сыр! Она отчётливо вспомнила, как очнулась на рынке с кусочком такого же сыра в руке. Самое начало её «болезни».

— Простите, эсс, — в столовой появилась девушка в переднике, она держала в руках блюдо с пирогом, — вам по ошибке подали кушанье эсса Говерика, позвольте поменять? Ваш куда вкуснее, эсс!

— Что?! — эсс Сайри дернулся и опрокинул стакан. — Я позволил вам врываться и мешать?!

Но под взглядом Ринны он успокоился и махнул рукой:

— Заберите! Сами понимаете, миледи, здесь прислуга совсем не такая вышколенная, как у вас в Ленгаре. Прошу простить, довольствуемся, чем есть.

— Пустяки, эсс. Очень вкусный пирог. Кто такой эсс Говерик?

— Старик, помогает кое-в-чем. Вы ещё увидите. Итак, леди Ринна, я могу рассчитывать на ваше доверие? Во имя памяти вашего отца. Вы должны вступить в брак. Я обещаю сделать все, чтобы в дальнейшем вам вернули дворянство. Но брак необходим, с человеком, которому вы можете довериться! Ведь и ТАЙНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ однозначно говорит о том, что у вас должен быть супруг! А теперь, когда печать утеряна, всё ещё больше осложнилось. Мы найдем выход, но вы должны быть замужем, леди Ринна.

— Но я уже замужем, — напомнила она. — Кстати, где мой брачный браслет и гильдейский знак?

— Леди Ринна! — эсс побагровел от праведного возмущения. — Об этом унижающем вас браке можете забыть! Как и о кондитерской! Как с вами поступили, это же неслыханно! К сожалению, придётся ждать, пока вы сможете снова выйти замуж, но главное, вы объяснились со своим мошенником-мужем и свободны! Он больше не притязает на вас!

— Что такое? Он дал разводное письмо? — уточнила она враз охрипшим голосом.

— Нет, но мы прекрасно обойдёмся и без этого. Леди Ринна, мы потратили немало сил, чтобы спасти вас, увезти из этого мерзкого города, где вы были вынуждены стать служанкой на кухне и чуть не угодили в застенки. Вас обманули и беззастенчиво использовали!

— Эсс, я хочу поговорить с Вернаном, — попросила она. — Охотно прогулялась бы с ним в парке.

— Я пришлю его к вам при первой возможности.

— Верните мне, пожалуйста, мой брачный браслет и гильдейский знак. Кстати, а каким образом я объяснилась с мужем? Какой это был разговор?

— О, леди, — он развел руками. — Может быть, потом вы сами вспомните? Я при этом не присутствовал! Я лишь беспокоился о том, чтобы вы избежали каталажки города Лаверри. Мне приятно было беседовать с вами... — он решительно встал. — Продолжайте завтракать, прошу! Мы скоро опять встретимся! Отдыхайте, это приятное место, здесь есть библиотека, внизу...

Он ушёл. Продолжать завтракать? Да Ринна смотреть не могла на еду! Ничего не стало понятней, а полученные известия просто ужасны. Болезнь, которая досталась от матери? Обвинения против неё? Разрыв с Риком? Неизвестные распоряжения отца? Опека от банкира? И какой ещё брак с надёжным человеком?! И ничему из этого списка верить не хотелось.

Эсс Говерик. Кто это?..

Ринна подвинула к себе тарелку с куском сырного пирога. Необходимо было подумать в одиночестве. Слушая банкира, она почти не пыталась осмысливать все те неслыханные вещи, которые он говорил, чтобы быть невозмутимой и не мешать ему сказать больше. Вот если бы с ней рядом оказался Вернан, она бы сумела вытащить из него много! Если бы вернуться в тот день в Лаверри! И этот сыр. Она не собиралась пробовать его тогда, на рынке. Так зачем?..

— Я провожу вас в комнату, миледи, — услышала она голос Сины.

Девушка смотрела честным взглядом и готова была кинуться выполнять распоряжения. Старательная горничная.

Ринна встала, прихватив пирог.

— Спасибо, Сина, я помню дорогу. Сообщите, когда вернётся эсс Вернан. И проводите-ка меня к эссу Говерикку.

— Мне только что сказали, что ему нездоровится, миледи. Он просил не беспокоить, кухарка готовила ему отвар. Он, наверное, уже спит. Может быть, вы тоже хотите поспать, миледи?

— С чего бы? Сейчас всё ещё утро.

— Да, но вы очень много спите, миледи.

— Я поняла. Либо сплю, либо без памяти. Проводите меня в библиотеку.

— Что, миледи? — девушка слегка растерялась.

— Сначала принесите воды, чистой. Потом покажете, где библиотека.

Она так и не выпила ничего за завтраком. И почти не ела.

Отец знал, что мать больна, что у неё провалы в памяти, знал, что Ринна тоже может заболеть, и оставил ей это злосчастное «тайное наследство», которое по сути поручение, отсроченное на много лет? Он бы выбрал кого-то другого! Так что эта ложь рассчитана на идиотов. И, о Пламя, что там такое, в этом хранилище, ключ от которого, то есть ТУ печать, она все-таки потеряла?..

И Рик. Мыслей о нем она тщательно избегала, потому очень уж нелепым было то, что сказал банкир. Что там с Риком?!

Сина сбегала за водой, принесла стакан на подносе. Ринна опять понюхала, и... Всё-таки хорошо, что она различала запах снадобья, которым её пытались пичкать. Эта вода тоже отправилась за окно.

— Сина, я просила чистую воду. Я хочу пить. Мне придётся умереть тут от жажды и голода?

Девушка покраснела.

— Ах, миледи, меня уволят, если я не буду выполнять предписания лекаря. Я не могу рисковать работой. А вы навредите себе!

— Тогда проводите меня сначала на кухню.

Дородная кухарка с молоденькой помощницей занимались обедом. Ринна махнула им, предлагая не отвлекаться, сама взяла с полки стакан и зачерпнула воды из ведра, с наслаждением напилась. Наконец-то. Придется зайти сюда ещё и сделать себе чай. Или придётся заходить регулярно, чтобы самой себе готовить? Очень плохо.

— В библиотеку, — кивнула она Сине.

Ринне не нужны были книги — в другой бы раз, а сейчас не до них. Но она отправилась в библиотеку, чтобы пройтись и осмотреться. Замок Винтей оказался совсем небольшим, и вряд ли семья владельца жила тут — слишком много запертых дверей и чехлов на мебели.

— А где сейчас барон Винтей? — спросила она.

— В Лире с матушкой и сестрами, — без заминки ответила горничная. — Баронесса Винтей служит у королевы. Этой зимой в столице будет много всего.

— Например? — механически уточнила Ринна.

Зимой в столице всегда больше событий, чем летом, так то если об этом отдельно упоминают, то действительно ожидается нечто из ряда вон.

— Говорят, будет свадьба младшего принца. Это пока неофициально, даже помолвки не было, но говорят так, словно день свадьбы назначен! — Сина заулыбалась. — Молодая леди, сестра барона, заезжала месяц назад, а моя сестра у неё служит, так что знает все новости.

Ну конечно, обсуждать чьи-то свадьбы — любимая забава, что в кухнях, что в гостиных.

— И на ком же женится принц Сай-Айрин? — отчего-то заинтересовалась Ринна.

Казалось бы, какая разница?..

— На дочери герцога из Грета. Она очень красивая, её зовут леди Гальдания. Уже приехала в Лир, как бы просто в гости, вы понимаете.

— Леди Гальдания? Дочь герцога Северина? — Ринна даже рассмеялась от неожиданности.

Говорят ведь, что мир тесен! Малышка Дани, младшая дочь тёти Ровены, двоюродной сестры отца. Тоже её кузина, выходит. Значит, она выросла и выйдет замуж за Сая-Айрина.

— Наверное, они будут прекрасной парой, — сказала Ринна.

— А они даже не виделись ещё! — сообщила Сина с хитрой улыбкой. — Принц Айрин сейчас в Джубаране, охотится на львов. Лев — это... — она повела вокруг себя руками, показывая нечто неопределённо-огромное. — А принца пригласил тамошний кайс. Он его часто приглашает. Кайс — это вроде нашего герцога. Принц и жил в Джубаране несколько лет, не знаю уж, почему. Какие-то королевские дела! Он вроде бы сказал родителям, что пусть сватают кого хотят, ему всё равно и надоело. Жениться ведь всё равно надо принцу! Так что он, может, и не знает пока, что его невеста ждёт! Вот будет сюрприз! — девушка была горда тем, что может выложить леди столько интересного, и торопилась угодить хоть так.

— Да, порадует, — усмехнулась Ринна, оглядываясь.

Они уже пришли в библиотеку. Полки с книгами были много, окон тоже много и все забраны дымчатыми стёклами, только одно — прозрачное. Ринна первый делом подошла к этому окну. Увидела пустой парк и дорожку, посыпанную песком.

Значит, её несостоявшийся жених скоро женится на её кузине. На которую согласился загодя, потому что ему всё равно, надо же на ком-нибудь жениться. Дани раньше была хорошенькой, Ринна помнила девочку в розовом платье, с которой когда-то гуляла по парку Ленгара — герцогиня Северин с дочками гостила у них однажды. Теперь та девочка выросла и стала, наверное, настоящей красавицей. И Ринна на миг ощутила злость на своего «жениха» — если ему всё равно, вот и женился бы на какой-нибудь страшненькой длинноносой крыске! Ишь ты, всё равно ему и надоело...

А она, конечно, нашла, о чём беспокоиться! Кажется, это она сейчас в проблемах по шею, а Сай-Айрин пусть себе охотится на львов с джубаранским кайсом! А потом женится.

На львов. Джубаранских. Отчего-то сердце Ринна сильно ударилось в груди. Перед мысленным взором развернулась пустыня из сна, и огромный лев. И она — пантера. Да какая из неё пантера, о Пламя...

В начале сна она была маленькой рысью, к концу стала более сильной и уверенной в себе кошкой. А где-то там, в настоящей пустыне, где охотятся на львов, родился настоящий лев, образ которого принимает тот колдун. Точнее, он становится этим львом — не во сне. Она даже не знает имя колдуна! И почему бы им было не познакомиться? Показалось, что сухой, жаркий воздух пустыни на самом деле щекочет ноздри. Налетевший ветер бросил в лицо колючие песчинки. На камне остался ненужный подарок колдуна — большая, красивая ажурная шаль из шёлка. Её, наверное, всё-таки занесло песком...

— Принц Айрин ведь тай! — продолжала щебетать Сина. — А говорят, таи охотиться не любят! Интересно, леди Гальдания тоже тай?

— Нет, она не тай, — ответила Ринна, она это точно знала.

— Я всё хотела спросить у эсса Говерика, правда ли, что таи не охотятся. Но я немного его боюсь, леди. Хотя он и очень приятный человек.

— Охотятся таи, и егерями служат. Пойдите. Эсс Говерик — тай?

— Ну да! — закивала Сина. — Я сама видела, как он собаку успокоил, что на него лаять стала. У нас в деревне, он в лавку приходил. А принцу Айрину поначалу искали в жёны тая. И к той вредине из Руата, у которой двадцать женихов было, потому и сватались, что она тай! Вы ведь слышали про «капризную принцессу»?..

— Каких там двадцать — все сорок, — перебила Ринна, а в лицо как будто опять дохнуло жаром пустыни.

«Тебе может угрожать только человек с сильным даром, который поймёт... Можно никогда такого

не встретить, или встретить, но он не воспользуется». Так сказал колдун-лев. Это значит, что тай может быть опасен для неё. Если захочет.

Надо повидаться с этим эссом Гавериком. Или лучше сначала взглянуть на него?

— О, эсс Вернан вернулся, миледи, — Сина заглянула в окно.

По парковой дорожке, действительно, деловито шагал Вернан. Как кстати. Где выход в парк, Ринна уже поняла. Она выбежала из библиотеки мимо Сины, потом — по короткой лесенке, через коридор, толкнула тяжёлую дверь и выбежала наружу.

— Вернан!

— Леди Ринна? — он остановился, поражённый.

В его взгляде — сначала осторожность, озадаченность, потом он глянул куда-то вверх, снова на Ринну, теперь с радостью...

— Леди Ринна? Это точно вы? Правда?

— Конечно, это я, Вернан!

Вдруг всё окружающее стало терять чёткость, закружилось...

— Ринна! — с каким-то отчаянием воскликнул Вернан.

Больше она ничего не услышала.

Негромкий смех и нежный голос Исминельды. Она говорит с отцом, но отца почти не слышно. Ринна — на балконе, рассматривает в подзорную трубу корабли на рейде. Это Гринзаль, вся бухта видна как ладони, и эти корабли — дальше, в море. Ну да, их гринзальский дом. Небо ярко-голубое, и море — сине-зелёное, аж светится, наяву не бывает таких красок. Это сон, конечно.

— Эсс Гаверик согласился заниматься с Ринной, — говорил Исминельда. — Он считает, что её дар надо не прятать, а оттачивать. Они пока могут заниматься и ежедневно.

Отец что-то ответил.

— Он и не должен быть другом тебе! — воскликнула Исминельда. — Ты ему платишь, и хорошо платишь. Да, мне сказали, что его сыновья служили на флоте и погибли в той битве при Раджаде. Во время войны погибли многие, что же, ты не будешь брать на службу их родных? И ты ведь сам нашёл его для Ринны!

— Я ошибся и признаю это, — отец повысил голос, — надеюсь, ты придумаешь чем заняться и без уроков у тая. Она выйдет замуж и хорошо бы ей пореже вспоминать о своём даре!

— Это я могу забыть о даре. Она более одарённая. А эсс Гаверик — самый лучший тай...

Родные голоса ускользают, остаётся море и небо, которое Ринна рассматривает в подзорную трубу. Она потом много лет не вспоминала о том подслушанном разговоре, а тогда не огорчилась, что уроков с таем больше не будет. Не так уж это весело — уроки, неважно какие...

Ринна — в кресле, с книгой на коленях. Книгу эту видит впервые в жизни. Про путешествие кого-то там по Пустынным землям. За окном смеркается. Вот так: только что было утро, теперь вечер. Ну да, она же упала в обморок в парке, когда выбежала к Вернану. Потом, выходит, она задремала в кресле и видела сон. И будто бы Исминельда называла эссом Гавериком того тая, который учил её управлять даром. Она и сама недавно вспоминала его. Он — эсс Гаверик?! Это могло быть воспоминанием, а могло и её фантазией. Во всяком случае, в этом надо убедиться.

Он лучший тай. Сильный тай может быть опасен для неё.

За окном шелестел дождь — должно быть, потому и казалось, что темно. И очень хотелось пить. На столе — пустая чашка, так что, если?..

Она подошла к окну, приоткрыла. На каменном подоконнике возле рамы — желобок, наполненный дождевой водой. Ринна не раз пила так, когда была рысью, и теперь она тоже, недолго думая, нагнулась и втянула в себя воду, сладковатую, вкусную. Сразу стало легче. И, по крайней мере, в эту воду не добавили никаких снадобий.

Она понюхала чашку и снова ощутила ненужный запах, такой слабый, что мог бы сойти за её

излишнюю мнительность. И запах был уже другой. Она всё же поставила чашку за окно, а когда немного набралось, вымыла её и снова поставила. Вдруг ей не позволят опять прогуляться на кухню? Конечно, могут заметить, но придётся рискнуть.

Она едва успела опустить штору, как зашла горничная.

— Я хотела забрать чашку, миледи! — она недоумённо огляделась.

— Вы её уже забрали, — уверенно солгала Ринна. — Кстати, я давно пила из неё, Сина?

— О, миледи, простите! Я действительно забыла. Больше этого не повторится, обещаю! — девушка покраснела.

— Сина, не извиняйтесь, а ответьте.

— Сразу после завтрака, миледи.

— Сразу после завтрака мы с вами пошли в библиотеку, мило там поболтали, вы мне рассказали о скорой женитьбе принца Сая-Айрина на леди Гальдании, потом я вышла в парк к эссу Вернану и мне стало нехорошо...

— Простите, миледи? — девушка казалась искренне удивлённой. — Вы не говорили, что вам нехорошо. Я вынесла вам плащ, и вы прогулялись по парку с эссом Вернаном. И вернулись очень довольной. Но... ведь это было вчера, миледи!

— Вчера? — переспросила Ринна, чувствуя, как стало тяжело дышать. — Я гуляла с Вернаном? А, ну конечно. Я поняла.

Если верить тому, что Сина говорила раньше, прошло много дней, которые Ринна провела отнюдь не пластом в постели. Она, Сина, много чего говорила, и эсс Сайри тоже. Кажется, всё то время, которое выпадает из памяти, Ринна кажется нормальной, что-то делает, с кем-то разговаривает.

— Вы снова запамятовали! — горестно всплеснула руками девушка, — ах, леди Ринна, как бы я хотела помочь вам. Кажется, микстуры вам полезны, пожалуйста, не отказывайтесь от них.

Вдруг вспомнился радостный и одновременно недоверчивый взгляд Вернана, и его слова: «Леди Ринна? Это точно вы? Правда?»

Он смотрел на неё и спрашивал такое. Значит, понимал, что в её обличье может быть не она...

Она догадалась, наконец, что это может означать, и от догадки стало нехорошо.

— Леди Ринна, вы побледнели! Что с вами? — горничная кинулась к ней, подвела к креслу, усадила и принялась растирать руки и виски. — Миледи! Я сейчас! — она потянулась к сонетке, чтобы вызвать ещё кого-то, но Ринна успела, схватила её за рукав.

— Нет, не надо, мне уже лучше, — она задышала глубже, и дурнота действительно отступила. — Сина, здесь есть рысь? Может, её держат в клетке?

— Нет, миледи! Никаких рысей в усадьбе нет, точно говорю!

— Понятно. Сина, уйдите. Прошу вас.

Девушка кивнула и убежала. Ринна тут же подошла к окну и снова выпила воду из чашки — набралось больше половины.

«Ты не умеешь защищаться». Рик говорил ей об этом, и Мара, а потом и колдун-лев. Но она и подумать не могла, что это может означать. И Рик с Марой, она готова была поклясться, тоже совсем не имели в виду ТАКОЕ. Потому что сами не умеют, их дар меньше. Они не поймут — так сказал колдун. А он понимал, потому что он — лев, такой же, как она — рысь...

Она забралась в кресло с ногами и сидела какое-то время, приходя в себя. Следовало решить, что делать, как себя вести. Дать понять банкиру, что она догадалась? Или и дальше притворяться, будто она им верит и ничего не понимает, и дожидаться удобного момента? А тай-злодей тем временем будет продолжать играть с ней. А попробовать поговорить и прийти к соглашению? Они ведь чего-то хотят. Сайри упомянул о «тайном завещании». Конечно, они предполагают, что она поймёт рано или поздно — не считают же её дурочкой, на самом деле. Могла бы и раньше догадаться. Просто и представить не могла, что умение проникать в сознание рыси — обоюдоострый нож, и как она может войти в сознание зверя, так другой тай может войти в её сознание. Рик сразу стал звать её кошкой, хотя про особые способности не знает. Он просто почувствовал её, как кошку, понял, что

она отзывается, как кошка, на влияние тая. Почему раньше это никого не тревожило? Учись закрываться — сказал Рик. Как о чём-то таком, что может и подождать. Её плохо учили, потому что отец не понял, насколько это важно. Он ведь не тай. Исминельда беспокоилась, но тоже не видела опасности в этом. Способности Ринны Венеш раскрылись, как придётся. Будь она обычной, слабой, как почти все тай — и ничего страшного бы не случилось.

Нельзя так поступать с людьми? Да с чего она взяла? Она бы не посмела, а тот тай — смеет. Это отвратительно. Это так мерзко, что хочется сжаться в комочек и тихо умереть, или кричать в голос. Её телом без разрешения может распоряжаться другой человек — когда ему угодно! Чужой мужчина. Да неважно — кто! И хоть бы и с разрешения — всё равно мерзко, и никогда она не разрешила бы!

Рик. Ей так нужен Рик! Вот бы он был рядом сейчас! Расстаться с ним — это резать по живому. Что у них случилось, там, в Лаверри? Что она ему сказала? Уже понятно, что она заменила защитные амулеты... не она, конечно. Но кому это теперь объяснишь? Из-за этого Рика могли убить. Наверное, и первый раз, после свадьбы, в него стреляли по той же причине — Сайри нужна была не просто Ринна Венеш, а возможность жениться на ней. Её муж тоже получит доступ к тому, что в хранилище. А что там, она даже не представляет. Знает, что есть какие-то деньги для неё. А ещё — документы и поручение, которое надо выполнить. Не сейчас, времени ещё много. Она и не собиралась торопиться открыть хранилище. Рассчитывала только на деньги. Она постепенно объяснила бы Рiku, в чём дело, он разобрался бы, конечно. Они бы всё сделали. А теперь...

Рiku повезло, он всего лишь ранен. Спасибо Ясному Пламени.

Обоюдоострый нож — она и Гаверик. Она открыта Гаверiku — значит, и он ей тоже? Попробовать — заметит? Если она будет осторожна? Она будет очень осторожна.

Откинув голову на спинку кресла, она прислушалась внутренним слухом — так, как слушала Мику, как находила её в лесу. Слушала долго — и ничего. Ну конечно, это она беззащитна, не умеет закрываться, а Гаверик — умеет, он самый лучший тай. Самый лучший — и такой негодай!

— Ваш чай, миледи, — это явилась Сина.

Ринна молча взяла чашку, понюхала. Наверное, у неё скоро усы вырастут, как у рыси...

— Это просто чай, — девушка покраснела. — Честное слово, леди Ринна.

Может, и так, постороннего запаха Ринна на этот раз не ощутила. Она вынула серьги из ушей, протянула на ладони:

— Возьмите, Сина, это вам. И я прошу вас, никогда не пытайтесь поить меня вашими лекарствами. Они не нужны мне, понимаете?

Горничная испуганно отшатнулась.

— Что вы, миледи. Если у меня это найдут, уволят сразу. Даже не притронусь! Вы больны и поэтому не понимаете...

— Ну хорошо, — Ринна положила серьги на край стола и отпила чай из чашки. — Можете мне рассказать, как вчера прошёл вечер?

— Конечно, миледи, — девушка слегка расслабилась. — Вы проснулись, поужинали с эссом Сайри, потом сидели в гостиной. Вы с эссом Сайри разговаривали, он играл на лютне, потом вы читали.

— Я читала? А что?

— Вот... — Сина показала на книгу.

— А где в это время был эсс Вернан?

— Он ужинал с вами, а потом ушёл к себе, миледи.

— А эсс Гаверик где был? У себя?

— Нет, миледи. Он дремал в той комнате, что рядом с гостиной. Он часто жалуется на нездоровье.

Так и есть. Он дремал, потому что был Ринной. Это он читал книгу.

— Сина, после прогулки с эссом Вернаном и потом, когда проснулась, я пила ваши лекарства?

— Конечно, миледи! — воскликнула девушка. — вы всегда принимаете их без возражений. То есть, почти всегда, я хочу сказать.

— Трижды в день? — уточнил Ринна.

— Да, и на ночь.

— И по сколько?

— По десять или двенадцать капель... то есть, вам не надо знать, миледи... о, простите, прошу вас! — девушка совсем растерялась.

— Ничего, — улыбнулась Ринна. — Что мне даст это знание? Сколько всего снадобий вы мне даёте?

— Флаконов три, миледи...

— Понятно. В одном — сильное снотворное, в других — легкое успокаивающее в смеси с чем-то. Может быть, специальное средство для таев. Упрощает подчинение. Да не бойтесь вы, — она снова улыбнулась побледневшей девушке. — Вы выполняете приказ и дорожите работой. Я понимаю.

Когда-то давно Исминельда поила Ринну специальными каплями, которые должны были улучшить контакт со зверем. Три капли на половину стакана. Тогда они только приступили к тренировкам. Исминельда сказала, что этим снадобьем пользуются все, его готовил аптекарь Ленгаров. Но что именно это было? Должно быть, хорошо известное травникам снадобье. Когда Ринна принимает его, она легче подчиняется, или время подчинения увеличивается. Ведь Ринна тоже не могла бегать в теле рыси сколько угодно — только несколько часов.

— Сина, до того, как наняться сюда, где вы работали?

— В трактире в нашей деревне, миледи. У нас много проезжающих.

— В трактире больше работы и меньше жалованье, — кивнула Ринна.

Насколько можно быть откровенной с этой девушкой? А впрочем, чем особенным она рискует?.. Опасения, что тай подслушает их разговор, она отмела — подслушать получится лишь чувства. Если войти в её разум, подслушать не удастся ничего. Только кто-то один распоряжается телом. Зато тело сохраняет привычки, умения и навыки. Насколько поддельная Ринна Венеш похожа на настоящую, вот интересно? Тело помогает временному владельцу, «подыгрывает» — так Ринна в теле Мики, например, не училась заново прыгать по веткам.

— Сина, а домой вас отпускают? В деревню, к родителям? — спросила она.

— Нет, миледи! — девушка помотала головой, — уговор такой, что уходить не могу. Но это мелочь при таком жалованье.

Конечно, следовало ожидать. Возможность, например, тайком отправить письмо — это было бы чересчур невероятно.

— Я понимаю, что вы цените эту работу, — сказала Ринна. — Но прошу вас, Сина, выслушайте меня. И постарайтесь поверить. Вам объяснили, что я больна, что я сумасшедшая, что я делаю всё себе во вред, да?

Горничная молча потупилась.

— Сина, я тай. Как и эсс Гаверик. Мы обладаем сильным даром и способны на некоторые трюки. Запомните, всякий раз, когда я безропотно пью ваши снадобья — это не я. Я добровольно не стану это пить. Понимаете, эсс Гаверик... — ей стало трудно дышать, — он может становиться мной, входит в мой разум, микстуры ему помогают. Но он может и без микстур. Он способен принудить меня съесть и выпить всё, что угодно, и сделать всё, что угодно. Подписать какие угодно документы, например, — сказав это, Ринна сама испугалась.

А ведь может. Совпадёт ли такая подпись с её обычной подписью? Вполне возможно.

— Да-да миледи, я поняла. Вы не волнуйтесь, — закивала Сина.

Она не поверила. Таким голосом и говорят с сумасшедшими.

— Сина, они хотят убить моего мужа, — продолжала Ринна тихо. — Пытались дважды. Я буду молиться, чтобы он спасся. Вы — свидетель того, что здесь происходит. Прошу вас, когда почувствуете, что пора — постарайтесь сбежать. Им не нужны свидетели. Меня не убьют, потому что хотят ограбить, я нужна им живой. А вот вы... Сина, вам понятно?

Девушка неловко улыбнулась, зато в её глазах появился страх.

— Давайте поможем друг другу, — попросила Ринна. — Я не оставлю вас. А мне пока нужно одно —

еда и вода без снадобий.

Опустив голову, Сина поторопилась уйти. А Ринна ощутила вдруг, как зачесались виски...

Странное ощущение! И хорошо знакомое, и вместе с тем новое... не такое!

Давление... ощущение двери, которую пытаются распахнуть, а Ринна сопротивляется, не позволяет. Кажется, сегодня кто-то позабыл об осторожности? Мика сопротивлялась несколько мгновений, если Ринна входила в её разум слишком быстро и небрежно. Впрочем, Ринна давно научилась этого избегать, делала всё правильно. Значит, теперь с ней... вот так, небрежно. А она не пустит. Хотя...

Вторжение — это взаимная открытость. Кто сильнее — тому и быть. Только Ринна всегда была сильнее рыси. А старик-тай...

Ринна открылась, рванулась, скользнула — как врывается ветер, если сквозняк распахнул дверь. Миг растерянности — и тут же она увидела незнакомую комнату, смятую постель, очки в тонкой серебряной оправе на столе. Она сидела в кресле, а её руки — на коленях, крупные мужские руки с седыми волосами у запястий, с коричневыми пятнышками, с аккуратно подстриженными ногтями. Чем-то знакомые руки...

Всё рассеялось, она снова у себя. В себе. Он так быстро с ней справился! А как он это сделал, интересно? Ринна не знала и не умела. Вот он, пробел в обучении. Хорошо было бы успеть подойти к зеркалу, например, и взглянуть на этого тая...

Но она, кажется, поняла, кто это. Поняла, когда увидела руки. «Мудрые мысли всегда запаздывают», — говорила Нона.

Дверь без стука распахнулась, и он вошёл. Так и есть, это он. Остановился посреди комнаты и вперил в неё взгляд своих пронзительных голубых глаз. У него зоркие глаза, если смотреть вдаль. Это читать ему нужны очки. Наверное, читать книги глазами Ринны ему нравится. А рыжие волосы — конечно, краска. Это и тогда, а Лаверри, было очевидно. Просто он иначе подстрижен, чем когда-то в Гринзале, и появилась борода, и этот рыжий цвет волос...

— Добрый вечер, эсс Готард, — ровным голосом сказала Ринна.

Да, он сильнее. Он более умелый и опытный. Но она будет сопротивляться. Всегда. Отчаянно.

— Добрый вечер, эсса Кан, — поздоровался старый тай. — Или леди Ринна, я предпочёл бы так называть вас. Маленькая леди, — он улыбнулся.

— За что, эсс Гаверик? За что вам меня ненавидеть? — вытолкнула она из себя.

— Ненавижу? — его удивление казалось искренним. — Ничуть. Вот отца вашего мне любить точно не за что.

— И что же он вам сделал? Я не верю. Он поступал, как должен был.

Да-да, она помнила про сыновей, погибших в каком-то сражении. Была война. За что тут винить её отца? Но отец тоже это помнил...

— Я сяду? — он придвинул стул и тяжело опустился на него.

Двигался он, как пожилой и не совсем здоровый человек, но говорил спокойно, без надрыва и резких нот.

— Не обольщайтесь, леди, — сказал он. — Мы с вами как кот и мышь, кусаться и убегать можете, а вот справиться со мной — нет. Учиться надо было раньше. Кочергой меня бить тоже не надо, не получится, у меня защита.

Он улыбался этак беззлобно — добрый дедушка.

— Будете слишком сопротивляться — и рассудок можно повредить, — продолжал он, — к чему это, ведь вы так молоды. Лучше доверьтесь. Кстати, я очень деликатен во всех интимных вопросах. Не беспокойтесь.

Он деликатен! Ринна стиснула зубы. Потом выдохнула. Как же стыдно.

— Это бесчестно и мерзко, то, что вы делаете.

— Разве? — он нахмурился. — Милая леди, да ведь и вы делаете это. И весьма поднаторели, именно

поэтому и я способен на такую бесчестную мерзость по отношению к вам. Не развея вы эту сторону дара, были бы в безопасности. Вы тоже регулярно принуждаете живое существо, обрекли его на рабское существование, а то же самое по отношению к вам — бесчестно? Вы считаете себя настолько лучше благородной и свободной рыси, леди?

— Вы... — начала она и сбилась. — Мы с вами — люди, эсс...

— Как сказать. Мы люди, да. Но ваш отец был графом и владельцем, водил флот, не очень в этом преуспев, и не считал зазорным, что другие люди отдадут жизнь даже не за страну и короля, а за то, чтобы он прибрал к рукам сокровища джубаранского кайса. Конечно, это война, леди Ринна, а на войне всё бывает. Люди позволяют себе разное по отношению к другим людям.

— Я не могу судить отца, тем более не понимаю в военных делах. Вы сами сказали, что была война, — она тряхнула головой.

Нельзя дать ему сбить себя с толку.

— Так или иначе, мы поняли друг друга, леди, — он кивнул, — это всё. Обещаю не вредить вам и даже заботиться. Станете ли вы мне мешать, не так и важно. Кстати, все это не доставляет мне удовольствия.

— Тогда зачем?..

— Глупый вопрос, леди. Я делаю работу. И положение у меня тоже довольно безвыходное.

— Мы можем договориться, — она вскинула подбородок.

— Нет, не можем, — тай улыбнулся. — Даже если бы вы могли оплатить мои долги банку, чтобы я не угодил на старости лет в богадельню. И если бы вы предложили мне часть от тех сокровищ, ради которых бездарно потеряли жизнь мои сыновья. Сайри предложил, кстати, если я успешно доведу это дело. Я поклялся.

— Я ничего не знаю о сокровищах, — сказала она. — Может быть, их и нет вовсе, а в хранилище что-то совсем другое.

— Да? — тай шевельнул бровью. — Может быть и так. Кстати, зачем я пришёл: считаю своим долгом предупредить, что, если будете сопротивляться, я причиню боль, и сильную. Сляжете с мигренью. Понятно? Давайте без этого, лучше, когда взаимодействие мягкое.

Это было похоже на безумие.

— Спасибо, эсс, с вашей стороны так благородно предупредить меня, — сказала она.

— Именно. Я рад, что мы договорились, — кивнул он и собрался встать.

— Подождите, эсс, прошу вас, — вскинулась она, — что случилось там, в Лаверри?

— О чем вы, леди?.. А, о том, как мы с вами покинули таверну? Да, удалось договориться с эссом Каном. Впрочем, я так и думал, после того как немного понаблюдал за этим молодым человеком. Он не опустится до мелочной мести вам, леди. Это хорошо.

Ринна почувствовала озноб и обхватила себя руками. Кажется, ничего там хорошего не случилось.

— Что произошло, эсс? Что вы натворили? Я имею право знать.

— Имеете? Ну ладно, — он пожал плечами, теперь внимательно следя за ней взглядом. — Вас привели в чувство, и вы сразу признались, под натиском того дурного колдуна и вашего строгого друга. Расплакались, повинились и попросили прощения. И поблагодарили за всё. И вы не хотели зла, когда заменили амулеты. Сбежать хотели, а что стрелять будут — нет, как можно. Девица вы, ум короток.

— О Пламя. И он поверил?! — прошептала Ринна. — Вы лжёте.

— Ничуть. Леди, дорогая моя, каждый мужчина точно знает, что женщины немного идиотки, особенно в минуты волнения. А я неплохой актёр. Вы с юности влюблены в Вернана Сайри, ради него на обман и пошли. И потом, не забывайте, вы ведь на огне клялись, и не раз, а дважды, по настоянию колдуна и вашего эсса Ивара. Ведь смысл моего участия в том, что тайство — не колдовство, поэтому колдун подвоха не обнаружит, примет клятву как истинную. Так что вам велено уходить и не возвращаться. Зато в застенки не отвезли, и то облегчение. Но эсс Сайри, насколько я знаю, и к этому был готов. Вас бы отпустили.

— Это всё?

— Вы ещё разводное письмо просили, его не дали. Эсс Сайри хотел. Но эссу Кану хуже стало, было не до писем. Эсс Ивар очень злым тоном предложил зайти позже. Я отговорил эсса Сайри, и так по острию прошлись, куда ещё нагнать? Это излишество, банкиры всюду норовят соломку подстелить. Выдав письмо, ваш супруг не сможет ничего с вас требовать, и его родственники тоже, если, к примеру, овдовеете. Вот, леди, теперь вы всё знаете.

— Уходите, — прошептала Ринна, закрыв ладонями лицо. — Прошу вас. Убирайтесь.

— Хорошо, — он не спеша встал. — А вы не шумите и скандалов не закатывайте. Нам обоим так будет проще. Понятно? Если вы дочь своего отца, то, конечно, не идиотка.

— Подождите, — она подняла голову. — А как вы узнали о планах короля?

— О чём? — удивится тай, — а, это. Не знаю. Это обстряпали без меня. Я пока из Гринзаля добрался, застал вас уже в Лаверри. Вот сойдётесь с Сайри поближе, и спросите. До свидания, леди. Вы тут тихо сидите, может, вас и не станут сегодня беспокоить. А я скажусь больным, у меня и точно силы на исходе, — он кивнул и ушёл.

И вот в это надо поверить. И как-то спастись.

Глава 14. Кошка спасается

Итак, следовало избавиться от принуждения, выполнить волю отца, вернуть своё, пока хотя бы браслеты и печать, найти Мику, и ещё много чего, важного и не очень, хотя в этом списке пока важным казалось всё. Но главное, что её мучило — мысль, что она теперь никогда не объяснится с Риком. Невозможно перед ним оправдаться. Её не просто оговорили. Она сделала это сама, и ещё клялась при этом на Пламени! Проклятый тай! Исправить ЭТО — как?!

Колдун-лев мог бы помочь. Хотя бы что-то подсказать. Но как его позвать, как попросить? Она даже имени его не знает. Возможно... через сон?.. И — нужно ли колдуну её выручать? Она когда-то его отвергла. Он сделал прощальный подарок, который она отвергла тоже.

Его подарок, шелковая шаль — защитит и отберёт большую часть дара. Но это выход. По крайней мере, она избавится от Гаверика!

Сидеть тихо? О да! Она сидела тихо, как мышь в углу, дышала и то через раз. Всё, даже жить и дышать, казалось в тягость. Ужин Сина принесла в комнату, Ринна выпила воды и взяла кусочек хлеба. Не только из осторожности, просто есть не хотелось. Позже она с помощью Сины переоделась в сорочку и халат и вернулась в кресло, замерла там, закрыв глаза и не шевелясь.

Ощущения, мысли — отвратительные. О да, он, Гаверик, «деликатен в интимных вопросах»! Спасибо ему. Лучше бы молчал. Ей казалось, что, закрыв глаза, она сидела среди руин, среди пожарища, которое ещё дымилось. Как же больно. Когда покинула Ленгар, было не так. У неё был Рик. Да, она долго сопротивлялась, но он всё равно был. И потеря всего тогда не стала трагедией. А Ивар, несносный заноза — он заботился о них, имел основания ей не верить и в результате оказался прав. Но что — теперь?..

Она всё ещё его жена Рика, и они должны объясниться. Поверила бы себе она сама — на его месте?..

Но сначала — спастись. Сбежать. Как видно, надеяться придётся на везение, и ещё на шаль колдуна. И вообще, она дочь своего отца, она Венеш, а Венешей не сломить.

Да? Легко сказать...

Желания уснуть не было, но Ринна легла — ей нужен сон! Попасть во дворец колдуна! А ещё лучше — встретить колдуна. Но нет, несколько часов она бестолку ворочалась в постели и успела её возненавидеть, потом забылась ненадолго. Бесполезно — вообще ничего не снилось.

Утром Сина подала ей умываться, и стакан с водой. С чистой водой без микстур. И сказала:

— Миледи, эсс Сейри желает вам доброго утра и хотел бы видеть за завтраком.

— Хорошо, — безучастно согласилась Ринна.

— Эсс Гаверик передает вам привет...

— Вот как?

— Он просил передать, что сегодня болен, и желает вам хорошего дня и не терять душевного равновесия, миледи... — девушка запнулась, — он так сказал, миледи.

— А что с ним? — Ринна внимательно посмотрела на горничную, — к нему пригласили лекаря?

— Как обычно, миледи, — Сина пожала плечами, словно тоже удивляясь странному поведению старого тая. — Нет, он не просил лекаря.

По пути Ринна заметила Гаверика в проходной комнате — тот дремал в кресле. А в столовой её ждали оба Сейри — Вернан и дядюшка, и какой-то незнакомец.

— Наш компаньон эсс Ристан, — представил ей гостя банкир, — а это наша дорогая леди Ринна Венеш, они с моим племянником давние друзья, вы знаете.

— Вы стали просто красавицей, леди, — благодушно заметил «компаньон».

Видно, он считал, что женщинам надо говорить комплименты.

— Благодарю, эсс. Мы встречались?

— Да, очень давно... — он широко улыбнулся ей и заговорил о каких-то контрактах на поставку пряностей.

Вернан угрюмо молчал, отвернувшись. А Ринна... Её мысли метались. Кто этот Ристан? Громко попросить его о помощи нельзя однозначно, её тут же снова объявят сумасшедшей. Потихоньку попросить? На глазах у Сейри? Как? И потом, может быть, они вообще в сговоре и просить бесполезно. Она не решилась, молча просидела до конца завтрака, благо это было недолго.

Гость раскланялся, и его проводили.

— Очень хорошо, — дядюшка довольно потёр руки, — надо приучать наших... гм, друзей, что вы пара. Надеюсь, уже скоро, очень надеюсь. А пока идите и прогуляйтесь по саду, подышите воздухом, — он недовольно стрельнул глазами в Ринну, — леди выглядит так, словно ей скоро на кладбище. Добавляйте эликсира, если надо, пусть высыпается.

— Вас предупреждали, дядя, что это не безвредно, — подал голос Вернан и как-то брезгливо взглянул на Ринну.

— А что делать, если ты бестолочь и не можешь очаровать девицу, — раздражённо дернулся банкир — я бы уже управился на твоём месте. Скоро я опять позволю вам свидание, уж постараюсь. Ты такой же, как твой отец. Как он догадался, что с женой делать, до сих пор не понимаю.

— Замолчите уже, моё терпение не бесконечно, — Вернан покраснел от досады.

— Ты ещё начни мне угрожать, щенок, — банкир глянул на него насмешливо. — Нас приглашает наместник, так что придётся уехать раньше, а жаль. Наместник может говорить о вещах, известных ей, а вам вообще непонятных. Я ещё надеюсь, тай, что вы придумаете, как держать её в сознании, управляя лишь поведением.

— Это невозможно, — сказала Ринна.

Она уже поняла, что происходит: Гаверик великодушно дал ей возможность побыть собой и осмотреться.

— Да, вы говорили это, — буркнул «дядюшка». — Мне надо знать, где печать графа! Тебе придётся вытряхнуть это из неё, идиот! — это снова относилось к Вернану, — и ступайте гулять! Девушка должна быть здоровой и румяной. Вы тоже пошевелите мозгами, Гаверик, если ещё умеете. Это и в ваших интересах.

Поначалу они молча ходили по дорожкам парка. Было мокро и холодно, но это освежало. Тёплый плащ на Ринне был из синего шёлка, подбитый мехом белки — дорогой плащ, Сейри не сэкономили на её гардеробе. Вернан предложил ей руку, но держался так, словно делал огромное одолжение. Наконец Ринна решилась:

— Это я, Вернан, — она осторожно коснулась его ладони. — Я тут. Не Гаверик.

Он тут же замер, медленно повернулся к ней.

— Вы снова шутки шутите, старый негодяй?

— Корзина пирожных, задаток два золотых. Булочки с ванильным кремом на набережной. Мы спорили, кто сколько съест, потом мне влетело от Исминельды. Леди нельзя много есть, и даже шутить на эту тему, я потом вам рассказала, помните? Спросите ещё что-нибудь...

— Леди Ринна! — он протяжно вздохнул, стиснул её пальцы. — Правда? Я уже не могу верить. В прошлый раз... вы выбежали ко мне, и тут же... — он замолчал, отступил на шаг и посмотрел ей в лицо. — Это ведь вы были? Но сразу исчезли. Я не знаю, как верить.

— Всё правильно, была и исчезла, — подтвердила Ринна. — Это не в моей власти. Он сильнее. Но у меня получается сопротивляться. Если он попробует снова... я постараюсь дать вам знак.

Он кивнул, рассматривая её с сочувствием.

— Хорошо бы. Но я уже не слишком боюсь, потому что терять мне нечего. Ради себя — нечего. Ради матери, сестёр — да. Если даже нас подслушают...

— Гаверик не может подслушивать, — перебила она. — Только завладеть моим телом полностью, стать мной. Правда, он может понять, что я чувствую. Но вряд ли это важно.

— Если нас и подслушают, это мало что изменит, — закончил Вернан. — Дядя перестал мне доверять, после Лаверри. Он прав, я бездарь, мог бы действовать ловчее. Он ещё говорит про наш брак, но, как мне кажется, уже примеривает это на себя.

— Вы шутите?.. — она вздрогнула от ужаса и негодования.

— Почему? — он криво усмехнулся. — Он вдовец, ещё не стар и, наверное, помнит, что делать с женой. Странно, что он так не задумал с самого начала. Наверное, чего-то опасался и хотел при случае подставить меня. Давайте продолжим гулять, — он протянул ей руку, — нас видят охранники.

Она положила руку ему на локоть, он легонько пожал её пальцы.

— Вы ещё тут? Сколько пирожных обычно заказывала себе эсса Исминельда?

— Ни одного, Вернан. Она их не ела. Это всё ещё я.

— Хорошо, — он вздохнул, — леди Ринна, поймите правильно, я полон дружеских чувств к вам. Но я хотел жениться на другой девушке.

— Я очень рада. И я замужем за другим мужчиной, Вернан. И развестись не будет просто. Но если это случится... И меня заменят у алтаря... Он на это рассчитывает? Думаете, Пламя при этом одобрит брак? Я никогда добровольно не выйду за него!

— Неправильно, леди Ринна, — Вернан опять пожал ей руку. — Если вы станете вдовой, это всё упростит. Не знаю насчёт замены у алтаря, но уверен, что он сумеет вас убедить. Запугать — это очень убедительно. Многие венчаются без большого желания и без явного одобрения Пламени, не погасло — и ладно. Про добровольность вы, надеюсь, поняли. Ваш циркач пока жив. Два дня назад дядя ездил в Храм проверять ваш браслет.

— Пока... жив? — медленно повторила Ринна. — Вернан, у него не было смертельных ран. Колдун его быстро вылечит. Или... ещё раз? — она тут же подумала, что Ивар наверняка раздобудет амулеты взамен украденных, так что о других покушениях можно не беспокоиться.

— Этого не потребуется, — сказал Вернан. — Простите, что огорчаю. Стреляли из охотничьего арбалета, на болте был действенный яд. Кан наверняка должен был умереть, проболев неделю. Странно, что он ещё жив. Кстати, ему в тот же день стало хуже, и его куда-то увезли из Лаверри.

Это опять был ужас, но тут же она вспомнила — гильдейская пряжка Рика. Пряжка тоже амулет, причём от ядов. Ринна перевела дух. Пряжку Гаверик не стащил, не догадался! Поэтому Рик не умрёт.

Она отвернулась, улыбнулась:

— Я буду надеяться на лучшее.

И тут же испугалась опять — а почему Рiku стало хуже?! Ведь яд не должен был действовать. Слабый амулет? Яд чем-то усилен? Это очень дорого, должно быть, но тут уже давно никто не экономит...

Вернан успокаивающе поглаживал её по руке.

— Я вам сочувствую, леди Ринна. Просто очень надеюсь, что вы не станете сильно переживать из-за его смерти. Вас выдали насильно за чужого человека, и это было недавно. Если я не прав, простите. Но умоляю, думайте сейчас о себе. И хорошо бы немного обо мне, чтобы мы оба спаслись. Скорбеть будете потом. При этом я не претендую на вашу руку.

— Ах, Вернан! Если бы вы объяснили мне всё сразу, при первой встрече! — воскликнула она.

— Я сожалею, — он поморщился. — Но и вы поймите. Доверяться я не рискнул. Хотел переиграть всех. А что получилось, вы знаете. Если бы вас не увезли в монастырь... — он махнул рукой, — что теперь говорить.

— Что вы намерены делать, Вернан? — она умоляюще на него посмотрела.

На кого ей ещё тут надеяться?..

— Не могу сказать, — он отвёл взгляд. — Простите. Я слишком хорошо помню, как мы говорили, а потом ваш взгляд изменился, и я каким-то чудом догадался, что это больше не вы. Это страшно, леди Ринна. Просто подождите.

— Хорошо, — вздохнула она.

Если так рассуждать, то он уже наговорил много лишнего. Но бездумно ждать и доверять? Слишком трудно. Просто невыносимо. Она попросила:

— Вернан, тогда расскажите, что было в Лаверри. Я имею в виду — тогда...

— Когда мы вас забрали? — он понатливо кивнул. — Да, я приезжал за вами. Я же вроде как возлюбленный. Со мной были стражники, и дядя заручился чьей-то высокой поддержкой, уж не знаю, как. Я со стражей поднялся в вашу комнату, когда уже всё было сказано. Вы плакали и просили прощения. Я даже усомнился, точно ли это Гаверик, потому что редкий мужчина, мне кажется, может такое изобразить.

— Мой муж поверил, как думаете? — уточнила она зачем-то.

— Думаю, поверил, — без сомнений ответил Вернан, — у него было такое лицо... Он сказал, что вы можете уйти и не беспокоиться больше на его счет. Что ошибки будут исправлены, и он желает вам всего наилучшего. Тут его друг, тот самый, велел нам убираться и пригрозил убить меня при первом удобном случае. Сожалел, что я простолюдин, иначе бы он вызвал меня законно. Он дворянин? Каким образом?..

— Зарабатывает в цирке.

— Вы шутите? — Вернан коротко рассмеялся. — Ему возразил десятник стражи, который стоял за моей спиной, дескать, угроза при свидетелях. Тогда... как его? Эсс Ивар пообещал спросить у бургомистра, почему стража заботится не о порядке в городе и соблюдении законов Кандрии, а о неверных жёнах и их обнаглевших любовниках. Тогда ваш муж попросил его заткнуться и сказал, что это шутка, конечно, про бургомистра. Спросил, нужны ли вам деньги. Вы отказались и напомнили про разводное письмо. Он обещал написать, и почти сразу потерял сознание. Да я видел, что он еле держался. Но я и сам... уж простите.

Какое-то время они шли молча, Ринна переживала то, что узнала, Вернан не мешал.

Не то чтобы она узнала новое, скорее — убедилась. Рика она потеряла, если каким-то чудом не отыщется способ всё ему объяснить. Она сделала бы всё, чтобы он просто выжил, чтобы его не трогали больше. Это проклятое хранилище! Оно что, до краёв наполнено золотом? Так и должно быть, чтобы старания Сейри и их расходы окупились. Когда отец показывал Ринне хранилище в банке, там стоял сундук с бумагами, много рулонов пожелтевших бумаг, исчерченных дорогой тушью — она не портится и не выцветает. Он говорил про деньги на расходы для неё, и она рассчитывала самое большее тысяч на десять, для Сейри это мелочь. Основное полагается Клайку, он теперь — граф Ленгар!

— Что же там такое, в хранилище? — прошептала Ринна.

— Кто знает, — тут же отозвался Вернан, — но многие считают, что граф спрятал где-то казну кайса Фардина. Он напал на флотилию, которая везла казну, нужный корабль взяли нетронутым, а оказалось, что сокровища на другом, утонувшем корабле. Вы правда не знаете, где печать?

— Если её нет у вас, то она потеряна.

— Тогда вам точно не избежать брака с кем-то из нас...

— Вернан, как вы заранее узнали о решении короля меня изгнать? — сменила она тему. — Я умираю от любопытства. Пожалуйста.

— Конечно, — не стал он отнекиваться, хмуро усмехнулся. — Всё просто, дядя не узнал о решении короля, он его и устроил.

— Как? — Ринна даже остановилась, потрясенно уставилась на него. — Он устроил... решение короля? Как такое возможно?

Она не поверила. Пусть банкиры и имеют немалое влияние на все сферы жизни, но — принимать решения за королей? Невозможно. Какой-то банкир из далёкого Гринзала! Его с королём даже за стол не посадят.

— Я отвечу, если пообещаете сохранить это в тайне, хотя бы пока.

— Вы смеетесь? — воскликнула Ринна, — думаете, я пойду обсуждать это с горничной?

— Ни с кем не обсуждайте, особенно с дядей, — серьезно сказал Вернан.

— Хорошо, обещаю. Говорите!

Она всё равно не собиралась верить.

— Удачное стечение обстоятельств, — пожал плечами Вернан, — хотя, если приложить старания и быть внимательным, обстоятельства всегда сложатся удачно — так говорил мой отец. Дядя тоже

знает эту истину, как видите. А тут все и сложилось, осталось применить заклятье.

Ещё и заклятье? Против короля?! Это всё пахло приговорами и казнями.

— Дядя много лет назад купил заклятья, несколько одноразовых прописей, во время поездки по южным странам. Одно даже подарил отцу, я тогда был маленьким. Кажется, их все давно потратили на всякую чепуху, даже на шутки, но одно осталось. Суть в том, что мужчина безоговорочно исполнит желание старшей родственницы по материнской линии. Одно желание. Это быстро, безвредно, и следы быстро исчезают. А мы, леди Ринна, о клиентах, особенно о крупных должниках, всегда старались узнать больше. Особенно о высшей знати. Обеды для них закатывали, разговорить старались, подарки делали, хоть они и должники. Ну и вот... Король на вас сердился, конечно, был недоволен. Но сам он вас в лучшем случае замуж бы выдал или в монастырь отправил. О том, что ему какой-то мудрец советовал вас изгнать, никто и вспомнил бы, и сам он тоже, конечно. Но вас нужно было из семьи вытащить, чтоб спокойно ошипать. Хранилище ведь вам отец не в приданое оставил и не в наследство, а по особому распоряжению. А в этом случае воля руатского короля для гринзальского банка значения не имеет.

— Продолжайте, — севшим голосом попросила Ринна. — Вы хотите сказать, что королева-мать — ваш должник?

— Что вы, не королева. Леди Рауз. Её долг огромен, под сотню тысяч, и что-то взыскать с этой особы непросто. Так хоть отработать...

— Разве леди Рауз — родственница короля?

— Да, единокровная сестра королевы-матери. Она бастард, непризнанный ребенок. Но для заклятья это подходит. Дядя говорил — торговалась она с ним со знанием дела. Всё получилось, как вы знаете.

— Она знала и про Гаверика?

— Зачем? — удивился Вернан. — Это ей ни к чему. Знала лишь, что окажетесь у нас...

— Как вообще в это вмешался Гаверик? Он тоже должник, правильно? Как вы узнали, что Гаверик... и я...

— Это мне неизвестно, леди Ринна, — сказал он, кажется, искренне. — Но дядя давно знает Гаверика, нанимал для разных дел.

— А думала, это узнали от вас... — вырвалась у неё.

— От меня, каким образом? — изумился он, — я разве знал? Я был потрясён! Но почему вы так решили?

— Я когда-то говорила вам, что могу превращаться в рысь, помните?

— Может, и говорили, я счёл это шуткой. Да и при чём это здесь? А вы и правда умели превращаться?..

— Да, конечно, вы не тай, вы не могли знать, при чём это, — она покачала головой, — простите, Вернан. — Кстати, вы знаете, что случилось с моей рысью?

— Её отпустили в лес, она мешала Гаверiku, — сказал он, и отвернулся.

Отпустили — это была неплохая новость. Пусть лучше так.

— Леди Ринна, что вы подарили мне на празднике на верфях, помните? — вдруг спросил он.

— Бант со своего платья, Вернан. Это всё ещё я.

— Я что-нибудь придумаю, леди Ринна, — сказал он перед тем, как проводить её в дом, — а вы просто будьте осторожны.

Несколько дней прошли тягуче и однообразно. Вернан куда-то подевался, дядюшку Сейри Ринна видела только за завтраком, Гаверик больше не пытался заговорить с ней, но и не пытался подменять её. Однако, когда Ринна шла в столовую, встречала его в соседней комнате и понимала, что это значит — банкир считает, что старый тай стал ею. Они с таем заключили соглашение, не сговариваясь — Ринна старалась себя не выдать, и при этом помнила, что Гаверик рядом, слышит её

чувства и при случае без особого труда займёт её место. Такие трапезы проходили в молчании, разве что банкир пару раз справился о здоровье, а один раз предупредил, что придётся сделать несколько визитов. Она не удержалась и уточнила — куда визиты?

— Не ваше дело, — буркнул банкир. — Не забывайте выгуливать девчонку на свежем воздухе.

Он вообще теперь постоянно был не в духе — видно, его обычное состояние, когда не надо прикидываться «добрым дядюшкой». И ещё Ринна то и дело ловила на себе его странные взгляды — и изучающие, и в то же время заинтересованные, вождедеющие. Он и впрямь примеряет себя на роль её супруга? И рассчитывает получить согласие? Но этого не может быть никогда! Или он надеется, что «да» у алтаря скажет Гаверик? А всё остальное — тоже с Гавериком?..

Ринна подавилась чаем и закашлялась. Сейри подскочил и похлопал её по спине.

— Вы бы осторожнее, гм... леди...

Он о ней беспокоился. Берёг.

После завтрака Ринна гуляла в парке с горничной — если погода позволяла, а остаток дня сидела в комнате. Пробовала расспрашивать Сину про замок, окрестности — тут Сина становилась на редкость молчаливой. Зато перестала давать ей лекарства — во всяком случае, Ринна их не различала. Охрану она видела сама. Сбежать было необходимо, хоть пешком. И что там замышляет Вернан?

Появилось много времени подумать, почти как в «келье для раздумий» в монастыре. Зато теперь не было рыси, чтобы убежать и гулять по лесу. Ринна часами перебирала в голове то рассказ Вернана, то свои разговоры с Риком, с леди Рауз. Теперь она поняла смысл последнего предостережения леди Рауз: та продала её Сейри, конечно, не зная всех подробностей их замысла, но и подсказывала, как скрыться от Сейри — в монастыре банкир её не достал бы. Это было слишком очевидно — что родня после случившегося захочет сделать её монахиней.

Заснуть и увидеть тот самый сон Ринна пыталась каждый день. И вот...

Она прикорнула в кресле и задремала. За окном было темно от туч, хлестал дождь, выл ветер. А ей этот ветер швырнул в лицо охапку колючих песчинок, она сердито мяукнула и опустила морду, закрутилась на лапах — несносный ветер дул отовсюду.

Она зажмурилась и пошла по сухой, потрескавшейся земле туда, где должен был дворец с садом. С каждым шагом ветер стихал, переставал мешать, и скоро она стала смотреть по сторонам. Пустыня, куда ни глянь — камни, песок, пучки сухой травы, и не видно никакого сада. Если сада нет, зачем она здесь?!

Но сон продолжался, и надо было идти, и скоро она увидела камень похожих очертаний. Неужели?..

Она лапами разбрасывала песок, вне себя от страха, что драгоценный подарок колдуна мог пропасть. И зачем было бросать его тогда, не забрать с собой? Может, кто-то уже подобрал, кто-то случайный? От одной этой мысли становилось страшно. О том, что шаль мог взять колдун-лев, она не думала — такие, как он, не берут назад свои подарки...

Ринна не сразу поняла, что отгребаёт песок уже не лапами, а ладонями. И была вне себя от счастья, нащупав, наконец, шёлк. Бережно извлекла шаль, встряхнула, убеждаясь, что она в порядке, не испортилась от столь небрежного отношения — шаль была как новая, мягкая и чуть прохладная.

Ветер опять дул, шумел в ушах, но теперь не спешил давать советы. Это ничего, она помнила прежние. Закутаться с ног до головы, закрыть лицо, глаза...

Закуталась. Ячеистый узор не мешал смотреть и видеть, он, в сущности, ничему не мешал. Она завернулась плотнее, шаль скоро перестала ощущаться, зато нахлынула отрешённость, удивительное спокойствие, как будто она закрыла окно и перестала слышать шум улицы. И захотелось спать...

— Леди Рина, просыпайтесь, пожалуйста! — как сквозь пелену донёсся до неё голос Сины. — Просыпайтесь, — горничная даже трясла её за плечо.

Ринна нехотя открыла глаза. Сина стояла над ней, и была чем-то взволнована.

— Ах, леди, вы так и уснули, в кресле, одетая, я не могла вас разбудить! Но уже давно утро. И вот... а, ужасная новость, леди! Вас ждут внизу. Пожалуйста!

— Что такое, Сина? — Ринна потянулась, потеряла лицо, чтобы быстрее прийти в себя, — случилось что-то? Который час?

— Уже почти полдень, леди! Вы спали и спали, я не могла добудиться! Ах, да, случилось, случилось! Эсс Вернан! Леди, эсс Сейри послал за вами!

— Что случилось с Вернаном? — она не узнала своего голоса.

Почему-то поняла, что случилось очень плохое. А Сина вдруг разрыдалась, закрыв руками лицо.

— Ах, леди, он был такой замечательный! Ну почему, почему... Он на меня и не смотрел, а я, я...

— Сина, что вы сказали?! — Ринна схватила девушку за плечи, потрянула, та только всхлипывала.

Сердце готово было выскочить, когда она бежала вниз по лестнице. В ушах стучало: «Он был, был... был...»

Вернан — был?!

Его тело лежало в оббитом бархатом гробу возле лестницы. Рядом скорбно застыл дядюшка-банкир. Чуть поодаль — Гаверик. Ещё какие-то люди.

— Миледи тут, — негромко сказал Гаверик, тогда Сейри взглянул на неё.

— Мой дорогой мальчик, — проговорил он прерывающимся голосом, — такая нелепость, вдали от дома. Такая несправедливость! Его подло убили ударом в спину! Прервалась молодая жизнь! Я просил его избегать подобных недостойных мест! Я предупреждал... — он вытер слезу.

Тут на Ринну как ветром дохнуло злым раздражением пополам с насмешкой и жалостью — такая жгучая смесь. Дохнуло оттуда, где стоял Гаверик.

— Примите мои соболезнования, леди, — поклонился какой-то господин. — И вы, эссы. Я сожалею, что в нашем мирном городе вас постигла такая утрата, — он подошёл и передал Сейри какие-то бумаги. — Здесь все, эсс. Заключение лекаря и мага тоже.

— Премного благодарен, — закивал банкир, — мы уедем завтра, как видите, мы должны.

А насмешка и злость... это, кажется, она услышала истинные чувства тая. Раньше не слышала. Она была оглушена всем этим, стояла, давась слезами. Вернана больше нет. Эти соболезнования. Тело во гробу. Она осталась одна с Гавериком и Сейри. Осталась одна! Вернана, верного, несмотря ни на что, друга — нет...

— Пока позволяет погода, спасибо за это Ясному Пламени... — продолжал Сейри, опять вытирая глаза. — Пока корабли выходят из гавани...

— Это уже опрометчиво, эсс, погода на море в это время года так коварна, — заметил кто-то.

Наконец гроб закрыли и отнесли вниз, в подвал. Когда Ринна поднималась к себе, словно с грузом на плечах, на лестнице её встретил старый тай, вышел внезапно и взял за локоть.

— Что случилось, леди? — спросил он строго.

— Эсс? — она его не поняла.

— Что произошло? Что вы делали?

— Что вам нужно, эсс Гаверик? Я ничего не делала. И спала. Чем мне ещё тут заниматься?

— Да, Сина говорила, что вы спите, — он больно сжал её руку, — что вы приняли? Какое снадобье?

— Никакого. Это у вас надо спросить, что вы мне подливаете.

— Хорошо, — он отпустил её. — С молодым Сейри покончено, значит. Случайно убит в пивнушке в пьяной драке, убийцу никто не видел. Я не сомневался, что это случится. С тех пор как ему перестали доверять. В Лаверри я ещё покрывал дурака, жалел, — он отвернулся. — Вы хоть не будьте дурочкой.

Он поторопился уйти, потому что внизу показался банкир. Ринна тоже бросилась к себе. И только там, захлопнув за собой дверь, она поняла расспросы Гаверика — что случилась да что за снадобья она принимала. И вспомнила сон. Значит, случилось это? Тай не смог к ней подступить! Она избавилась от него навсегда! Она избавилась от своего проклятого редкого дара.

Какое счастье.

Ринна не принимала участия в сборах, ей было безразлично, что Сина укладывала в её дорожный сундук. Она не должна оказаться с Сейри на корабле, этого следовало как-то избежать. Ведь корабль повезёт их в Гринзаль, там всё станет только сложнее. Да, она стремилась в Гринзаль, но не в компании с «дядюшкой» Сейри — там ей с ним точно не справиться. Ей нужно в Лир.

Под руку попала шёлковая сумка, та, что когда-то вручила ей леди Рауз. В сумке так и лежали запасная сорочка, чулки, кошелёк. Несколько дров лучше, чем ничего, а больше раздобыть было негде. Ещё в сумке нашлась фигурка-туфелька, Ринна ей обрадовалась, повертела в пальцах, глядя полированный металл, коснулась губами — почудился сладкий запах мёда и корицы. Вещичка напоминала о Рике, о Раби, об их путешествии верхом, о Лаверри. Только монастырь вспоминать не хотелось совсем, как не было его.

Ринна завернула фигурку в платок и положила в сумку, пообещав себе напечь пряников при первом удобном случае. Кстати, только здесь, в этом поместье, она ни разу не зашла на кухню, чтобы готовить. Даже желания такого не возникло. Лишнее доказательство тому, что в этом проклятом месте она не живёт, а лишь существует.

Утром её разбудил шум: кто-то бежал по лестнице, кричал, она различила визгливый голос банкира. Некоторое время спустя он ввалился к ней, уставился, сверля глазами.

— Вы сговорились с этим старым прохиндеем?

Ринна уже успела встать и набросить халат. Ответила невозмутимо:

— О чем вы говорите, эсс?

— Где тай? Где Гаверик?!

— Простите?.. Это кто? Но мне его не представили.

Сейри пробурчал что-то, развернулся и вышел. Кажется, он попался в свою ловушку и не понимает теперь, что она видела, что знает и как с ней следует обращаться. А Гаверик сбежал. Ловкий старик, лучший тай, кто знает, какие у него возможности? И Ринна, кстати, очень хорошо его понимала. Если банкир так легко убивает неугодных, то Гавериду осталось недолго жить. Попади он в руки дознавателей и дай нужные клятвы — и Ринна спасена, а банкиру придется не сладко. Сине, пожалуй, вряд ли что-то угрожает — она видела сумасшедшую леди, и только. Сейри это и нужно. Разумеется, он постарается избежать любых разбирательств, но, как человек осторожный, обо всем заботится заранее.

Сина принесла завтрак и подтвердила: Гаверик исчез, его ищут, а экипаж уже подан. Где эсс банкир? У себя в кабинете, занят последними приготовлениями. Даже отказался от завтрака.

Ринна от завтрака не стала отказываться. Потом переоделась в дорожный костюм явно от дорогого портного, и спросила у Сины, где кабинет банкира.

Постучавшись, она сразу вошла. Сейри стоял у стола и спешно перелистывал какие-то бумаги. Увидев её, он даже подскочил, как будто не поверил своим глазам.

— Вы?!

— Доброе утро, эсс, — поздоровалась она, — Я не могу отыскать свой брачный браслет. Он, случайно, не у вас?

— Нет, — буркнул он и махнул рукой, — идите, я занят.

Он привык, что леди Ринна Венеш — безвольная кукла? Не женщина, а её оболочка? Ринна сжала кулаки, потом медленно разжала.

— Я не уеду отсюда без своего браслета, эсс Сейри. И без гильдейской пряжки. Если не хотите задержек, просто верните их прямо сейчас.

— Да что вы себе возомнили? — он отложил бумаги. — Вы, скорбная разумом девчонка, от которой у меня одни проблемы?! Что вы устраиваете тут, над гробом моего несчастного племянника?! — он повышал голос с каждым словом.

Шут. Его бы в... Нет, только в цирке такого не хватало!

— Пока я ещё ничего не устроила, — сказала Ринна. — Если вы хотите, чтобы я была спокойной и милой и послушно села в карету, отдайте, что я прошу. Для начала. Вам ведь что-то нужно от меня?

— Ишь, как заговорили, леди, — хмыкнул он, резко переменив настроение. — Думаете, я с вами не совладаю?

— Зельями и амулетами? Совладаете, — согласилась она. — Да только их, случись что, любой дознаватель обнаружит. Так что лучше бы вам со мной договориться. Вы ведь не один управляете банком? Сколько раз вам придется доказывать, что с моей стороны всё добровольно?

Несколько мгновений они смотрели друг другу в глаза.

— Где печать? — спросил он.

— Я не знаю. Клянусь Светлым Пламенем.

Он опять некоторое время сверлил её недоверчивым взглядом.

— Договариваться я люблю, — он достал из ящика и положил перед ней её брачный браслет и гильдейскую пряжку, на браслете по-прежнему висел охранный амулет, прицепленный когда-то Риком. — Хорошо, носите пока. Но имейте в виду, что ещё до лета мы поженимся, а моя супруга не должна работать в булочной.

Она и бровью не повела, и не стала напоминать ему о том, что всё ещё замужем. Если он не понимает очевидного, к чему напоминать? Вместо этого она с улыбкой уронила:

— Мы договоримся.

— Не рассчитывайте играть со мной, леди, — хищно усмехнулся банкир. — Заиграетесь — не жалуйтесь. Вот, кстати, подарок, вчера от скорняка прислали. Подумал, что вам приятно будет иметь этот мех. Закажу ещё, чтобы хватило на шубу, будет от меня свадебный подарок, — он сдернул со спинки кресла шкурку и протянул ей.

Даже если бы не было шнурка с бусиной, приколотого к шкурке, Ринна её узнала бы, потому что сама носила множество раз, когда была рысью. Она задохнулась от негодования и ужаса. И от горя, большего, чем вчера над телом Вернана. Рысь была частью её самой! Он... это сделал?!

Да, она поняла, что хотел сказать Сейри — никаких игр. Поняла уже вчера, но сегодня это стало ещё яснее.

Она уронила шкурку и поспешила убежать из кабинета.

— Я велю её упаковать с вашей поклажей, дорогая, — крикнул он вслед.

Ринна теперь молчала. Молча оделась, позволила Сине застегнуть её меховые сапожки, кивнула на её пожелания доброго пути, позволила слугам Сейри усадить себя в карету. Он сел рядом, что-то говорил — она не слушала. У неё в душе теперь тлела ненависть, и казалось, стоит открыть рот — Ринна Венеш дохнет огнём, как драконы из легенд.

До города ехали не так уж долго. Скоро за окном кареты замелькали невысокие дома предместья, улочки мастеровых с жестяными вывесками, площадь, шатёр цирка. Цирк?! Ринна впервые встрепенулась, вгляделась. Это был, конечно, не цирк Кавертена — шатёр непохожий, других цветов. Сейри заметил её волнение, усмехнулся, но промолчал. Скоро они добрались до порта, остановились у какого-то двухэтажного здания с башенками — карета, за ней катафалк.

— Ждите, — велел банкир, вылез из кареты и вошёл в здание.

Ринна тоже вышла — надо же было осмотреться. Здесь была каменная мостовая, дальше — причалы, у причала стоял корабль, а посреди бухты — ещё один. В воздухе плясали редкие снежинки, Ринна бездумно поймала одну ладонью. Первый снег этой зимы. Когда она уезжала из Ленгара, было теплое начало осени.

— Эй, что за место, откуда столько кошек? — услышала она недоумённый возглас грума. — И странные какие-то!

— А видел, бежали за нами? — отозвался кучер. — Гляди, вон тот, серый. Тьфу...

Ринна оглянулась. К ним медленно и как-то бесстрашно приближался крупный одноглазый котяра, выгнув спину и приподняв обрубок хвоста — явно опытный боец, закалённый во многих схватках. Её это даже не удивило — настроение кота так соответствовало её собственному. Вот пушистая пёстрая кошка прыгнула на крышу кареты, другая забралась под колесо, слева маячила ещё одна...

От крыльца к ним уже шёл Сейри, деловито помахивая кожаным футляром для бумаг. Такой невозмутимый. Да откуда он только взялся, этот демон в облике человека?!

Она ненавидела его, как никого ещё в своей жизни. Будь она рысью, так и вцепилась бы всеми когтями в эту отвратительную холёную физиономию! Несколько мгновений она просто ярко переживала свою ненависть, почти наслаждаясь ею — оказывается, даже это возможно! Наслаждаться. И она не поняла сразу, что за серый комок с воем летит прямо в лицо банкиру. Потом прыгнула пёстрая кошка. Сначала никто ничего не понял, но уже в следующие мгновения слуги кинулись на помощь Сейри. Банкир истошно вопил, коты орали, путались под ногами и прыгали на слуг, их становилось всё больше и больше...

Ринна опомнилась и, подхватив юбки, бросилась прочь, от гавани, по улице, потом свернула в узкий переулок. В мягких сапожках было удобно бежать, и она мчалась, не разбирая дороги — куда-нибудь, подальше! Позади кто-то кричал, кажется, за ней бросились в погоню. Она выбежала к площади, увидела цирковой шатер, услышала бой барабана, заметалась, хотела свернуть, как вдруг кто-то схватил её в охапку и швырнул в темную пасть шатра, которая на мгновение распахнулась и закрылась.

— Спрячься там, рыска, — посоветовал знакомый голос.

Она оказалась в задней части шатра — в той, которая для артистов. Как и в шатре Кавертена, тут было множество огороженных занавесками каморок. Отчего-то пахло, как в зверинце. Хотя, понятно отчего...

Справа раздалось глухое рычание, блеснули маленькие коричневые глаза на крупной голове. Ринна увидела короткую цепь, пристёгнутую к ошейнику зверя, столб, мохнатое тело и надетый на него бархатный жилет. Мощные когтистые лапы.

Она знала, что медведей надо бояться. Однако ей не было страшно. Простейшая формула подчинения сама всплыла в памяти.

«Ты мой, я твоя. Услышь меня. Слушайся! Помоги мне! Я твоя. Ты мой».

Медведь услышал. Отозвался, заворчал. С круга доносились звуки дудок и барабана. Вдруг музыка стихла, раздался голоса, топот, недовольные крики — как всегда бывало, когда кто-то мешал представлению. Шаги приближались, что-то падало и трещало, поэтому Ринна не стала медлить — подбежала к медведю и спряталась за него, вытянувшись, почти прижавшись к широкой спине зверя. Тут было сумрачно, лежали подстилки, с одной стороны стояла железная решетка, ограждая стену шатра от медвежьих когтей.

— Эй, дайте света! — Ринна узнала голос одного из своих недавних охранников.

— Какого вам света? — негодуя взвился рядом женский голос, — если рассердите зверя, всем будет мало места!

— Эй, циркачка! Неси свет, а то сейчас вернусь со стражей! Фу, лохматая тварь...

— Если медведь кого-то тут покалечит, я к тебе приду со стражей!

Ринна вцепилась обеими руками в бархатную жилетку медведя.

«Ты мой, я твоя. Слушайся! Прогони! Я твоя. Ты мой. Рычи и прогоняй! Рычи!»

Это было неосторожно для незнакомого зверя, такие команды надо проверять, подбирать. Но Ринна была теперь чересчур, до странного, спокойной, ни в чём не сомневалась. Не было сомнений, не было страха — и всё получилось. Медведь двинул лапой по столбу, отчего тот пошатнулся, и издал такой рык, что стены шатра задрожали. Он ещё не умолк, как преследователи благополучно унесли ноги. Судя по шуму, который доносился с круга, к этому были близки и некоторые зрители.

— Выходи, рыска. Жива? — услышала Ринна.

Она разжала руки — всё ещё стояла, вцепившись в медвежью жилетку, — и выбралась из-за своего ворчащего укрытия, отряхнулась.

— Спасибо, Ярвик.

— Придурок. Как можно было заталкивать её к медведю? — это сказала рыжая Ярита.

Она была в зелёном платье с очень пышной юбкой и в алом платке, сдвинутом на затылок так, что он почти не закрывал волос.

— Я не заталкивал, — отозвался её брат, — она же тай, и с медведями может, конечно.

— Да, я, оказывается, могу и с медведями, — согласилась Ринна. — Спасибо. Вы меня спасли. И тебе спасибо, ты такой хороший, — она подошла к медведю и обняла его.

Про осторожность опять не думала, и слышала, что зверь спокоен, только удивился.

— Эй, ты что, сумасшедшая? — пробормотала Ярита. — Так нельзя с медведями. Даже таи так не делают. Отойди.

— Я сумасшедшая, — согласилась Ринна.

— Пошли, — Ярита схватила её за руку и утащила за занавеси, в одну из каморок.

Там она раскрыла сундук и принялась выкидывать из него одежду — платья, жилетки, шали.

— Снимай своё, переодевайся. А ну как правда стражу приведут. Что ты натворила? Вот, будет впору, — она подала ей оранжевое платье и шаль.

Платье было впору, но в таком по улице не пройдешься! Хотя, циркачкам можно, наверное. Под руку попалась полумаска, Ринна её надела. Ей и не хотелось на улицу. Хотелось... кричать. Весь мир вдруг стал ярче обычного.

— Я выйду на круг. Можно? Ярвик! — она выглянула, парень был там, ждал.

— Ты точно не в своём уме? — рявкнула Ярита. — Спрячься и сиди тихо! Ты ещё не сказала, что натворила!

— Не могу, мне надо на круг! Я убежала. От убийцы. Меня похитили. Из-за наследства отца. Не знаю, что с ним, на него напали кошки. Пойдём со мной, Ярвик?

Если кто-то понял, что к чему — его счастье. Брат с сестрой только переглядывались.

— Ты точно не в себе. Я боюсь тебя! — сказала Ярита. — И где только Рик тебя такую добыл?!

— Там больше не осталось! — Ринна побежала в медвежий угол и сняла со столба цепь, — мы станцуем, а ты, Ярвик, присоединяйся... — и повела медведя на шум, доносящийся с круга.

Она сама пока не знала, что получится.

Распорядитель с флагом при виде них попятился, медведь зарычал и встал на задние лапы, зрители оживились. А Ринна рассмеялась. Казалось, сейчас она сможет наконец выплеснуть всё накопившееся, и станет легко, и можно будет жить дальше.

— Играйте менуэт, можете? — попросила она музыкантов с дудками.

«Ты мой, я твоя. Слушайся! Иди за мной, иди за мной! Дай лапу! Иди за мной!»

Музыканты заиграли мелодию, по ритму вполне подходящую. У Ринны получалось! Некоторые слова формулы она невольно произносила вслух, сама при этом изображала фигуры менуэта. Шаг, другой, поклон, лапу, поворот. Её глаза блестели в прорезях маски, широкая юбка соблазнительно крутилась вокруг ног, бёдра покачивались гораздо откровеннее, чем требовалось, ладони то и дело бесстрашно касались огромных медвежьих лап, которые не обмотали, чтобы спрятать когти — она каким-то образом ухитрилась превратить вполне целомудренный бальный танец в весьма острое и соблазнительное зрелище. Скоро ей под ноги полетел первый серебряный кругляш, потом ещё и ещё — зрители начали швырять деньги. На круге появился Ярвик и принялся изображать ухажёра, норовящего отбить девушку у медведя, он крутился вокруг, заходил со всех сторон так и этак, наконец утащил упирающуюся Ринну и затанцевал с ней сам — заиграли валлис, новомодный и не всюду принятый танец. При Руатском дворе на официальных балах его не танцевали, потому что там следовало обнимать и кружить даму и — о, ужас, — её подбрасывать. Медведь обиженно уселся, мотая башкой, и порывал в сторону «обидчика».

«Я твоя. Слушайся! Сиди!»

Ярвик отлично вел в танце, ни разу не сбился, обнимал без стеснений и подбрасывал ловко — и где научился? Зрители смеялись, улюлюкали, желали удачи парню, давали советы медведю, деньги продолжали лететь. Неожиданно Ярвик закружил Ринну, обнял и поцеловал в щёку, она приняла это как часть выступления, не только не увернулась, но и обняла его в ответ. Возмущился медведь — встал на четыре лапы, грозно зарычал и боднул парня так, что тот отлетел с сторону. Тут же к медведю кинулся рослый циркач, схватил за цепь, а другой, сбоку, наставил рогатину.

«Ты мой, я твоя. Слушайся! Иди за мной. Спокойно, мой хороший, спокойно! Дай лапу!»

Ринна забрала у циркача цепь, перекинула через плечо, положила руку на лапу медведя, и они

удалились за занавеси — как леди с учтивым спутником. Там медведя сразу забрали, привязали к столбу — Ринна успела благодарно погладить его по морде.

«Ты мой, я твоя. Ты молодец. Хороший медведь».

Сама она присела на скамеечку, вдруг разом почувствовав себя опустошённой и уставшей. Но она добилась, чего хотела — стало спокойно, легко. То, что она вытворяла только что — ей должно быть стыдно, да? Не было стыдно. Ничего не было.

Пришёл Ярвик, потирая бок, широко ей улыбнулся.

— А здорово, да? Ты как? — спросил он заботливо.

— Хорошо. Прости, пожалуйста.

Увидев его удивление, пояснила:

— Я позволила тебя ударить. Увлёклась, упустила.

— Да ерунда, — отозвался он, — отличный ведь номер получился. Ты его раньше с кем работала? С Риком?

— Ни кем. В первый раз. Я вообще на круге была первый раз.

— Шутишь? — Ярвик недоверчиво прищурился. — Скажи ещё, что не танцевала!

— Танцевала. На балах. И с учителем танцев. Ты отлично танцуешь, Ярвик.

— Значит, поработаешь, пока с нами? — спросила подошедшая Ярита. — В цирке от работы не отказываются.

— Поработаю, — согласилась Ринна. — Мне и деньги нужны.

— Вот и хорошо, — с улыбкой согласилась рыжая, — только брата моего не обижай. Не прошу.

— Что ты. Как можно.

— На вот, — она подала Ринне стакан, — пей, отпустит, и отдохнёшь. Это сидр, вкусный, почти не пьянит, так, чуть-чуть. Его здесь много готовят из осенних яблок.

Такой напиток Ринна до сих пор не знала, он показался ей необычайно вкусным. Ярита присела рядом, с улыбкой глянула на Ринну.

— Уже отпустило, да? После круга. Была бы тут Мара, она бы тебе объяснила. Она любит сказки рассказывать. Про древние времена. Про то, что раньше цирки были местом служения древней богини. Про то, что любой мог прийти и просить помощи, и выйти на круг, заслужить душевное облегчение. Что наше умение выполнять трюки — это дары богини своим слугам. Я же говорю — сказки.

Занавесь качнулась, заглянул здоровяк, что управлялся с медведем, поглядел на Ринну, но поманил пальцем Яриту. Она вышла, коротко переговорила, вернулась.

— Там тебя хотят, двое. Хорошо платят. Пойдешь выбирать?

— Нет.

— Вот и я сказала, что обойдутся. У тебя есть высокий покровитель. Поняла? Я так сказала.

— Всё правильно. Спасибо.

Хотелось не уснуть, но посидеть тихо и молча. Ярита, видно, поняла, тоже помалкивала. Ярвик накрыл плечи Ринны тёплым плащом. А с круга продолжали доноситься звуки представления.

До разговоров дошло вечером, на постоялом дворе, когда они втроем — Ринна, Ярита и Ярвик, — собрались в комнатке на втором этаже. Они и чайник с горячим чаем.

— А он умер, — сообщила Ярита, — говорят, что от потрясения, то ли сердце не выдержало, то ли ещё что. Ты этого хотела?

И даже не надо было уточнять, о ком речь.

— Я хотела убежать, — ответила Рина. — Остальное случайно получилось. А точно знаешь, что умер?..

— Точно. У меня тут давний поклонник есть, из стражи. Вот, с ним и переговорила.

Ринна надеялась, что Сейри сядет на корабль и уплывёт. Кошки поцарапали — подумаешь! Боялась, что он останется и примется её разыскивать. О его возможной смерти она даже не думала, но, в сущности, для неё это всего лучше. И сожалеть об этой смерти она не могла бы при всем желании.

— Такое впервые случилось, чтобы кошки... — покачала головой Ярита. — Начальник порта велел их перестрелять, но, кажется, ни одной не нашли, как провалились. Но подрали беднягу как следует. Один глаз вытек сразу, вместо лица — месиво. Тебя искали, но потом городской колдун выяснил, что колдовство не использовалось. Получается, никто не виноват. Так что тебя больше не ищут. Но как, скажи?..

— Случайно, говорю же, — Ринна пожала плечами. — Он убил своего племянника, мою рысь, меня похитил и хотел увезти, выдавал за сумасшедшую, использовал. Он дважды хотел убить Рика, чтобы сделать меня вдовой. Он оклеветал меня перед Риком. Я ненавижу его. Да, получатся, я натравила кошек, но случайно. Рик ещё заметил, что я не умею закрываться. Кошки напали, потому что услышали мою ненависть.

— Ой, сколько всего. Да я тебя просто боюсь, — задумчиво покачала головой Ярита. — Мало ли на что обидишься! Разве все таи могут так?

— Не знаю про всех. Но я и тай необычный. Закрывает часть дара, теперь сама пока не знаю, что могу. Но с медведем справляюсь, а ведь раньше к ним и не подходила, — она усмехнулась в ответ на удивленный взгляд Яриты. — Кажется, я стала обычным таем, как все. А раньше... Помнишь рысь, которая тебя испугала? Прыгнула на стол?

— Ещё бы не помнить...

— Это была я. Так что зря ты боялась, кусать тебя я бы не стала! Я тогда умела превращаться в рысь, точнее, входить в её тело. Гуляла по лесу в теле рыси. Но охотиться начала, когда меня в монастыре посадили на хлеб и воду, и то не вдоволь. Тогда поняла, какой вкусной бывает свежая дичь! А потом оказалось, что для кого-то я могу быть такой рысью. Как я превращалась в рысь, забирая себе её жизнь, так другой тай поступал со мной.

Ярита побледнела. Ярвик придвинулся ближе и налил всем чаю.

— Значит, я угадал, когда звал тебе рыской, — сказал он. — Полный дар, я слышал. И так же слышал, что такие таи больше не рождаются, только в сказках остались. А куда твой дар подевался?

Он насупился, а Ринна рассмеялась, грея пальцы о чашку с чаем.

— Я лучше начну сначала, — сказала она. — А то не поймёте ничего. Пообещаете, что всё останется между нами тремя?

Она дождалась их кивков и продолжала:

— Я — Ринна Венеш из Ленгара. Это про меня рассказывают, что я будто бы отказала всем лордам Побережья, и вашему принцу в том числе. Я ушла из Ленгара в одном платье, меня заставили выйти замуж за первого встречного, и им оказался Рик. Но, по правде говоря, я и влюбилась в него с первой встречи...

Говорить было так легко. Про путешествие с цирком. Про колдуна-льва — Ярита его знала. Про бегство, монастырь, спасение оттуда, про всё-всё. Она рассказывала не только Ярите и Ярвику, но и себе, заново вспоминая...

Она чуть ли не впервые почувствовала, что может довериться, и из-за этого не случится ничего плохого. Может, и не одобрят, но не предадут. Она поняла, что теперь могла быть любой и говорить что угодно, и делать — тоже. Если в монастыре с её души рухнула большая часть цепей, то теперь, после выступления на круге, сгорели остальные. Все на свете условности потеряли хоть какое-то значение. А ведь для многих они — смысл жизни.

У неё так давно не было друзей, с которыми можно было бы просто поговорить. Нельзя говорить о даре, это касается только тебя — учила Исминельда. Леди должна взвешивать каждое слово, не показывать истинные чувства — твердили другие гувернантки. Всё, что говорилось в гостинных, было игрой, понятной участникам и иногда забавной. И даже с Риком, которого она полюбила, ей и в голову не пришло откровенничать. Она не умела. А теперь — получалось само...

Не таким уж долгим оказался рассказ. И все молчали какое-то время после того, как Ринна

закончила.

— Вас следует называть леди? — уточнил Ярвик.

— Нет! Волей моего короля я простолюдинка. Так что не морочь голову этими глупостями.

— Это хорошо! — он обрадовался, — но ведь странный у тебя брат! Если бы с моей сестрой — так, разве я допустил бы, чтобы не позаботиться, денег хотя бы не дать? — он возмущенно взглянул на Яриту.

— Может, будь ты графом, больше боялся бы короля? — усмехнулась та. — Он ведь тоже сразу в монастырь деньги повез. Решил, что обо всём прочем сестрице теперь и мечтать неприлично.

Ярита всё поняла правильно.

— Так и есть, — согласилась Ринна. — Я теперь и тут боюсь не к тому обратиться, чтобы не оказаться уже в здешнем монастыре. Вряд ли мне там больше понравится.

— Скажи, верно ли я поняла: если колдовство можно обнаружить, то вы, таи, вольны вытворять что угодно, и будет шито-крыто? — спросила Ярита. — Как сегодня с кошками? И как тот тай с тобой? И никто об этом толком не знает, ведь вас, таких, раз-два и обчёлся? Как ты убедишь Рика, что не крала его амулеты и не просила развода?

— Да, мы следов не оставляем, — кивнула Ринна. — Только другой тай может услышать, и то если говоришь с одним зверем. Я не знаю пока, как смогу объясниться. Но попробую. Рик собирался быть в Лире к Новогодью, надеюсь, что он не передумает. Кстати, а ведь можно узнать в вашей гильдии, где искать цирк его отца?

— Вряд ли, — усмехнулась циркачка, — какой цирк ты собираешься искать?

— Цирк Кана? Он говорил, что его отец управляет большим цирком...

— Ха! Вот и я про это слышала. Да только нет в Кандрии цирка Кана! Иначе как-то он называется. Может, у отца имя другое. Или Рик назвался чужим именем, в цирке это можно. Его в Гильдии давно уже знают как Кана. Вообще Каны — это был знатный кандрийский род, он уже иссяк.

— Понятно, — вздохнула Ринна, — значит, только Кавертен может помочь. Он будет в Лире на Новогодье, у него квиток.

Её эта новость расстроила. Хотя бы знать имя Рика! Даже этого у неё нет! Несправедливо.

— Погоди-ка, — Ярита вскочила и вышла из комнатки, но совсем скоро вернулась, с пачкой бумаги, чернильницей и связкой перьев, бросила всё это на стол.

— Письмо твоему Рику! Его можно послать через Гильдию. Дойдёт. Не быстро, конечно, но дойдёт. Пиши! До гильдейского города пара часов верхом, отвезём.

— Ты на круг-то выйдешь завтра? — перевёл разговор Ярвик.

— Обязательно, мы ведь договорились!

— Тогда завтра с утра репетируем номер! А то сегодня мы вытянули его непонятно какими молитвами. Так нельзя.

— Хорошо, с утра репетируем, — согласилась она.

Глава 15. В Лире

Двадцать дней не прошли, а пролетели...

Половину из них провели на колёсах. Только в одном городе ставили шатёр, в двух других, и ещё в деревнях, просто выступали на площадях и торговых улицах. Однажды пришлось убежать от стражи, которая, впрочем, не слишком рьяно их ловила. Квитков на работу у Яриту не было, да и время тянулось «пустое», не хлебное для циркачей, однако не хотелось упускать никаких возможностей заработать. И да, законной хозяйкой в этом цирке была Ярита. Ринна особенно этому не удивилась. Рыжая циркачка получила бразды правления после отца, всё умела и знала, её слушались и уважали. Она бралась за любые дела и не боялась неудач — Ринне казалось, что теперь они были похожи. Цирк Яриту зимой не сходил с Дороги. Вообще Ярита собиралась так и ехать через Побережье, до Грета и Диких Княжеств, а к лету начать обратный путь.

Пока впереди маячило Новогодье, когда ярмарки начнутся снова — народ Побережья будет готовиться к одному из главных праздников. В города потянутся возы с товаром, каждый день будут продавать горы мяса, птицы, бочонки масла, возы дров. Да, дров потребуется очень много — для новогодних костров. У Яриту уже давно был уговор на Новогодье, на работу в графском замке. Пора пришла расставаться.

Ринна пришла попрощаться с медведем. Гуги — вот как его звали. Но она и узнала это не в первый день. Хватало того, что он медведь.

— Ну, до свидания, дорогой, — она без малейшего трепета погладила мохнатую морду. — Ещё увидимся, да?

Как в первую встречу не испугалась его, так и теперь не боялась. Медведь её слушался безоговорочно, связь получалась прочная. Не такая, конечно, как с Микой, а совершенно другая — она ни за что не могла бы войти в сознание медведя, как и ни в чьё больше, впрочем. То осталось в прошлом. Зато они столько всего натворили за это недолгое время вместе! Танцевали — чаще втроём, третьим был Ярвик. И не просто танцевали, а всякий раз разыгрывали целое представление. Дразнили публику, отвечали на вопросы, иногда каверзные, вычитали и складывали — Ринна при этом посылала медведю мысленные команды, как отвечать.

В одном городке пошел слух, что де этот медведь заколдованный и умнее местного бургомистра, и этот важный господин в компании городского колдуна пришёл выяснять и знакомиться, пришлось Ринне с ними объясняться. Бургомистр оказался умнее и медведя, и некоторых шутников, и не обиделся, зато предложил Ринне пятьсот дровов, если она согласится переехать в его поместье. Настаивать не стал — за это тоже спасибо. После того случая Ринна снова стала носить маску, от которой уже было отказалась — она теперь не видела ничего ужасного в том, чтобы выступать с открытым лицом на рыночной площади. Напротив, это доставляло ей удовольствие. Да, от репутации леди Ринны Венеш ничего не осталось, но вряд ли это как-то помешает Ринне Кан!

— Что, неужели и правда уйдешь? — грустно сказал возникший позади неё Ярвик. — А зачем?

— Искать Рика, — ответила она.

— Вот пусть бы он тебя и искал! — возразил парень. — Я бы тебя непременно искал! Не веришь?

— Верю, Ярвик, — не стала возражать Ринна. — Может, он ищет уже, кто знает?

Не очень она в это верила, хотя верить хотелось. Но пусть бы он просто был жив и здоров! В глубине души она боялась, что это не так. Ведь недаром Сейри был столь решительно настроен на ней жениться ещё до весны!

— Что тебе делать в Лире? Ты, видно, не там родилась, где должна была. Всему здесь, что нам уже надоело, радуешься. Оставайся.

Она с улыбкой покачала головой. Ярвик вёл себя с ней сдержанно, лишний раз не приближался, прикасался только на выступлениях, но она не раз ловила на себе его взгляд, полный внимания и чего-то потаённого.

Ярита, вручая ей кошелек с деньгами — с деньгами, заработанными в цирке! — тоже пошутила:

— Надо бы всё-таки тебя украсть. Видишь, ты нам нужна, ты Гуги нужна, да с нами и не пропадёшь. А Рик перебьется. Если захочет, пусть приходит, не обидим.

Ринна в ответ рассмеялась, не скрывая, что похвала ей приятна. Она попрощалась уже со всеми, скоро садиться в карету, несколько часов — и здравствуй, Лир, столица великой Кандрии!

— Вот что ты будешь делать в Лире, если вдруг не сразу найдешь Рика? — не отставала Ярита.

— Займу денег и опять открою кондитерскую лавку! — Ринна показала на свою гильдейскую пряжку.

— Ну-ну, займи, летом приеду к тебе лакомиться! — Ярита захохотала, — Наверное, заёмщики в очередь выстроятся, чтобы тебе одалживать? Или всё-таки к родне обратишься? А вообще, и малохолёные же вы с Риком! Я так и не поняла, зачем было открывать ту лавку в Лаверри! Зря выбросили деньги!

— Он подарил мне моё давнее желание.

— Я и говорю — малохолёные. Если там, в Лире, увидишь короля, то не вздумай стесняться, — вдруг добавила она. — Его величество тоже бывший циркач. Ты разве не слышала?

— Немного. Я слышала про то, что он был похищен и его прятали в цирке. Не выступал же он на круге, в самом деле?..

Ярита рассмеялась ещё громче.

— Не выступал на круге?! Он вырос в цирке, считался сиротой, как же он мог не выступать? В цирке сирот бесплатно не кормят, они работают...

Ринна недоверчиво улыбнулась, не слишком поверив.

— Не думаю, что я увижу короля, — сказала она. — Никого из королевского семейства не хочу видеть и хорошего не жду. Лучше бы обойтись.

Она действительно так считала. Вот только королева Кандина... К ней Ринна испытывала какое-то безотчётное доверие. Её опасалась меньше всех.

Но — как пойдёт...

Ярвик позаботился о том, чтобы Ринне досталось лучшее место в переполненной карете, у окна, лицом в сторону лошадей. Напротив сидела молоденькая, просто одетая девушка и уже задремала, наполовину прикрыв лицо вытертой меховой шапочкой. Тут была ещё целое семейство: худой мужчина в меховом плаще, его жена — толстая матрона и две нарядные девушки-дочки. На Ринну и провожающих её циркачей отец семейства посмотрел так, словно один их вид его оскорблял. Он даже сказал что-то сквозь зубы кучеру, получил ответ и теперь демонстративно смотрел в другую сторону — кажется, лучшее место в карете Ярвик оплатил сполна.

— Напиши письмо, — попросил он, — отправь черед Гильдию. Это надёжнее почты.

— Напишу, — она пожала ему руку, Яриту поцеловала в щёку.

Взгляд Ярвика тут же сообщил ей, что лучше было бы наоборот.

Когда отъехали, Ринна стала смотреть в окно, не обращая внимания на попутчиков. Впервые в жизни она путешествовала таким образом. Ничего страшного, несколько часов — это не несколько дней...

Когда мимо потянулись предместья Лира, она и вовсе прилипла взглядом к окну. Вспомнилось, как они въезжали в город с отцом: их карета, ещё одна или даже несколько — для слуг и гувернанток, отдельная карета везла вещи, развевались флаги, чаще всего по бокам и позади скакали всадники сопровождения, грумы вели оседланных лошадей, и если надоедало сидеть в карете, можно было проехаться верхом. А такие кареты, как эта, съезжали на обочину, завидев поезд с графскими гербами...

Ринна узнавала дома, улицы, узнала и тот каретный двор, куда они заехали — хотя раньше она видела его только со стороны. Она поторопилась выйти из экипажа первой, поблагодарила кучера и передала ему загодя отложенную монету. Услышав шум, оглянулась.

Девушка, ехавшая напротив, тоже вышла и, видно, поскользнувшись, упала и неловко пыталась встать. Теперь Ринна видела её лицо — это была Нора, повариха из её кондитерской, сестра Эльзы.

Ринна даже моргнула, не поверив своим глазам. Что этой девушке было здесь делать? Но, моргай-не моргай, а это была Нора, втора внучка старика Дука.

— Нора, это ты?! — Ринна подбежала, схватила девушку за руки, помогая встать. — Ты что здесь делаешь?

Подумать только. Она проехали весь путь до Лиры на расстоянии вытянутой руки друг от дружки.

— Эсса Кан? — Нора была удивлена не меньше. — Эсса Кан, не может быть...

Теперь Ринна заметила, какие горячие у девушки руки, и неестественный румянец на щеках тоже говорил сам за себя. Из вещей у неё был только узел, который теперь валялся в ногах. У самой Ринны, кстати, и того не было, только всё та же небольшая сумка.

— Нора, да ты больна, у тебя горячка! — Ринна крепче сжала руки девушки. — Кто тебя встречает? Зачем ты вообще здесь?

— Нет-нет, всё хорошо, эсса, — растерянно бормотала Нона, — я к сестре приехала, она меня ждёт, она вот-вот...

— Пойдем-ка, — Ринна отвела её в сторону, не забыв подхватить узел, — хочешь сказать, что тебя одну отпустили в столицу? Ты заболела в дороге? Что произошло, Нора?

— Эсса Кан, пожалуйста, позвольте мне уйти, — девушка вдруг заплакала, — мне пора.

— Уйти — пешком? — уточнила Ринна. — Нет, не позволю. Ты просто свалишься через десять шагов, дорогая. У тебя горячка, а ты за всю дорогу не выпила и глотка. Твоя сестра приедет сюда за тобой? Когда же?

Нора потупилась в ответ, и это лучше слов объяснило Ринне положение дел.

— Понятно, сестра тебя не ждёт. Она хоть есть, эта сестра?

— Да, эсса. Верена Глени, хозяйка булочной на Сахарной улице, у самого Королевского моста.

— Знаю, где это, — кивнула Ринна. — И ты собралась идти туда пешком? У тебя есть деньги на карету? — тоже пустой вопрос, уже понятно, что эта умница собралась идти пешком через полгорода.

— За углом есть таверна, зайдём туда и выпьем горячего, чтобы утолить жажду, — сказала Ринна не слушая возражений, — потом возьмём карету, и я отвезу тебя, сдам сестре на руки. Тебе надо в постель и пить лекарства.

Ринной двигало и кое-что другое, кроме естественного желания помочь. Она бы ни за что не отпустила Нору просто так, раз уж случай так их свёл. Хотелось поговорить и расспросить о своём. Ведь Ринна сама не знала, как она покинула Лаверри, и про Рика с Иваром, и про свою кондитерскую. А Нора была там, уж во всяком случае, слышала, что случилось и что об этом говорили. Но расспрашивать сейчас, конечно, было невозможно, девушке явно плохо.

Обняв нору за плечи, Рина отвела Нору в таверну, спросила яблочного чаю, заставила выпить две чашки. Пока пили, дала монетку мальчику на побегушках, чтобы сбежал за наемной каретой. На языке вертелось много вопросов, она задала один:

— Из-за чего хоть сбежала из Лаверри? Только не говори, что эсс Дук отпустил и благословил.

Нора опять заплакала.

— Дед решил нас обеих на Новомодье замуж выдать. Эльзе её жених нравится, а мне мой — нет.

— Но... эсс Ивар уехал? — мысль, что на Эльзе может жениться Ивар, казалась невероятной.

— Уехал, — подтвердила Нора, — Эльза так плакала.

— Чудный у неё характер для счастья, — не удержалась Ринна. — Поплакала, и тут же новый жених понравился. Пойдём, карета, кажется, уже у входа...

В карете Нора совсем сникла. Ринна уложила девушку на жесткое сиденье, обитое потертой кожей, узел с вещами пристроила ей под голову. Сама опять смотрела в окно, вспоминая. Немного беспокоилась, как их примет эта сестра, хорошо бы радушно и без лишних вопросов, хотя бы для начала. Место, которое назвала Нора — прямо напротив королевского замка, место дорогое и респектабельное. Сладкая улица — она начинается у реки и почти целиком состоит из булочных, мясных, бакалейных лавок, которые перемежаются большими и маленькими постоянными дворами и гостиницами, а другим концом выходит на торговую площадь. Дальше от реки — заведение попроще и подешевле, хотя всё условно. Самые вкусные яблочные пироги они покупали в крошечной лавке у самого рынка. У лучших лавок там высокие окна-витрины с прозрачными стёклами, в них выставляют товар. Они с Исминельдой гуляли по этой улице и заглядывали в лавки, за ними

служанка несла большую корзину для покупок, чуть позади ехала карета...

Ну конечно, поискать для себя скромное временное пристанище надо именно там или поблизости. И всё же, любопытно, что за заведение с видом на мост и королевский дворец у родни старого Дука? Булочная булочной рознь.

Они остановились, кучер соскочил с козел и, распахнув перед Ринной дверку, гаркнул:

— Мы на месте, эсса, пожалуйста!

Ринна выбралась на мостовую, огляделась. Дом прямо перед ней, зажатый между двумя соседними и глядящий окнами на реку, казался безжизненным, а большая вывеска над дверью была грубо перечёркнута красной краской. Он был двухэтажный с мансардой, высокий и узкий, с теми самыми большими, протёртыми до блеска окнами, теперь окна были небрежно завешены изнутри.

— Вам ведь сюда, эсса? — кучеру явно не хотелось торчать тут и напрасно терять время.

Ринна отсчитала деньги, отдала.

— Подождите немного, прошу вас, — попросила она. — Девушке совсем нехорошо. Я сейчас позову хозяев. А что это с вывеской?

— Дык, это... Плохо дело у хозяев, вот что это. В правах они порушены. И закрыто, видите. Я, может, помогу эссине до дома дойти?

— Подождите, — повторила Ринна, и подбежала к дверям, отгоняя дурные предчувствия

Молоток на цепи висел. Если дом нежилой, молоток снимают. Ринна схватила его и постучала, потом ещё раз. Ей показалось, что эхо отозвалось где-то в глубине дома — и больше никто. Оказаться на улице с больной на руках — этого как раз и не хватало! Что делать? Конечно, снимать комнатку поблизости, искать лекаря. Хорошо, что не отпустила карету.

Ринне показалось, что занавесь на окне еле заметно дрогнула. Она опять постучала, крикнула:

— Откройте! Здесь ваша сестра, ей нужна помощь.

И с облегчением услышала шаги за дверью и шорох засова. Открыла молодая женщина в чёрном вдовьем платье.

— Кто вы, эсса?

— Вы Верена Глени? Тут ваша сестра, Нора, из Лаверри. Она больна. Она сбежала от родных и приехала к вам...

— Нора? — изумилась женщина, — о Пламя Великое! Сбежала?!

Они вдвоем помогли Норе выбраться из кареты и зайти в дом. Больную тут же раздели и уложили в постель, Верена развела в воде уксус и обтерла горячее тело сестры, это немного сбило жар.

— Я бесконечно благодарна вам, эсса. — сказала Верена. — Но как вы встретились, где? Кто вы ей, случайная знакомая?

— Бывшая хозяйка. Нора работала у меня в кондитерской в Лаверри, — усмехнулась Ринна, — я очень была ею довольна. Правда, той кондитерской у меня больше нет. А с вашей сестрой мы случайно встретились в дороге. Меня зовут Ринна Кан...

— О, это я понимаю, — глаза женщины налились слезами. — У меня тоже вот... ничего больше нет. Приятно познакомиться, эсса Ринна. Позвольте, я соберу на стол. Вы ведь только приехали в Лир, я правильно поняла? Где остановились?

— Остановлюсь у вас, если согласитесь сдать мне комнату.

— Я охотно пушу вас бесплатно, но ненадолго, — она грустно улыбнулась. — До Новогодья — устроит?

Она провела Ринну на кухню и там накрыла стол. Очень скромный обед, даже в цирке они позволяли себе больше.

— Не считите за пренебрежение, эсса Ринна. У меня сейчас нет слуг, и нет желания тратить время на дом. Муж умер три месяца назад и оставил мне долги. Как водится, я узнала о них уже после похорон. На пятый день после Новогодья истекает срок аренды дома, мне придётся отсюда уйти, — она с тоской посмотрела на гильдейскую пряжку Ринны. — Что случилось у Норы, вы хотя бы

примерно можете мне объяснить?

— Только примерно, — вздохнула Ринна, и рассказала, что услышала от Норы.

Эсса Глени выглядела убитой.

— Пламя, я думала, что хуже уже не может быть, — пробормотала она. — И на тебе. Сестричка в горячке, сбежавшая от жениха! Бедная, но чем она думала? Что здесь, без приданого, ей будет лучше? Что мне делать, вот скажи? Что я могу ей дать?

— Успокойся, — Ринна погладила её по руке. — Давай сначала её вылечим. А потом решим, что делать.

Церемониться явно не стоило — они были примерно ровесницами и в одинаковом положении, по крайней мере в глазах Верены.

— Ты не сообщала родным о своих делах? — уточнила Ринна, хотя и так было ясно.

— Нет. Я тоже когда-то без благословения вышла замуж. Потом через суд требовала с семьи приданое. Конечно, делала вид, что у меня всё отлично. Вот Нора и вообразила, что я пойму и поддержу. Ну что, я понимаю. И поддержала бы. Но ведь я не имею прав насчёт неё. Найдут, потребуют вернуть — как её прятать? Только скорее выдать замуж за кого попало? Тоже мне, нашлась капризная принцесса!

— Ты о ком сейчас? — усмехнулась Ринна.

— Ну как же. Про ту дурочку из Руата. Говорят, теперь она в монастыре. Видно, там её место.

— Про неё ещё и говорят?

— В лавке недавно слышала. Не помню уже, по какому поводу. Надо же, наш принц ей нехорош!

— А что в нём такого хорошего?

— Ну как же. Ты не видела наших принцев? Я их в прошлом году, на Осеннем празднике, хорошо разглядела. На праздничном выезде, они ехали перед каретой королев, все на одинаковых белых конях, такие красивые. Я тогда подумала, что в любого влюбиться за счастье было бы! Но это так, не всерьёз, — она отвернулась, сморгнула слезу. — Со мной тогда муж был. Его я и люблю.

— Я тоже мужа люблю, — сказала Ринна. — На кого из мужчин ни посмотрю — всякий раз думаю, что он лучше. Хоть и не принц.

— А что у вас случилось? Ты ведь не вдова, упаси Пламя? Где он?

— Долго рассказывать. Не сейчас, — Ринна встала. — Вот что, мне надо пройтись. Но сначала позови к Норе лекаря. Прямо сейчас иди. Ей к ночи может стать хуже. У тебя на лекаря денег нет, я угадала? — и она выложила на стол несколько дреров, — всё равно я должна за комнату.

Она дождалась, пока Верена вернулась с лекарем, и сразу ушла. Выйдя на улицу, оглянулась на дом. Только теперь разглядела соразмерный, красивый фасад, старинную затейливую кладку, каменные ступени крыльца, кованые перильца. Красивый дом. А напротив, если смотреть через реку — королевский замок. Прекрасное место. И эта красная краска на вывеске! Скоро Новогодье, как можно закрыться в такое время?! Ринна не расспросила Верену о делах, но ещё успеется.

Она неплохо знала эту часть города и не боялась заблудиться, хотя и не была тут уже давно. Иногда приходилось оглядываться и вспоминать, и она путала переулки, которых тут много — но это ничего. Где находится контора банка «Три изумруда», она помнила прекрасно и не могла не отыскать.

На деньги, заработанные в цирке, Ринна могла бы снимать комнату и прожить худо-бедно до Новогодья и даже больше. Но худо и бедно — это не то. И что-то делать, создавать из ничего, было невероятно увлекательно. Её «пряничный дворец» пока не построен. Она встретится с Риком и, наверное, сможет работать с ним, в цирке. Она уже попробовала. Но, по правде говоря, не верилось, что придётся. А может, просто не хотелось? Кочевая цирковая жизнь неплоха, если ненадолго, но она не способна была затянуть Ринну, заменить собой всё. И так захотелось наполнить светом, ароматами выпечки и специй тот дом у реки. И вдохнуть запах яблок с корицей, хотя она добавила бы к ним ещё малую толику перца и мускатного ореха...

Увидев между домами маленький храм, она остановилась, позабыв и о яблоках с корицей, и о конторе банка.

Сейри, по словам Винтена, возил её браслет куда-то в Храм, чтобы проверить, считается ли она замужней, то есть — жив ли Рик. Развестись они пока не могли бы, конечно. Вместе или порознь — они ещё много лет будут женаты. Если будут живы. Так ведь?..

После бегства от Сейри Ринна не решалась зайти в Храм. Хотела верить, что всё с Риком хорошо — и верила. Ведь он был жив, вопреки надеждам Сейри. У него был амулет от ядов, о котором не знали и не подменили. Но теперь тревожно защемило в груди. Захотелось удостовериться.

Она зашла не сразу, сначала постояла, собираясь с духом. А с медведем на круге было не страшно! Тяжёлая дверь легко подалась от толчка. Короткий коридор, арка, ещё коридор, алтарь и Пламя на нём. Воздух был холодный и свежий, тяга тут же уносила дым вверх — в Храме никогда не слезились глаза...

Пятно света лежало вокруг алтаря, окружённое темнотой — как и должно быть. И священник появился из темноты как-то незаметно — как всегда.

— Добро пожаловать, дочь моя. Назовись.

— Я Ринна, — она с трудом разлепила губы. — Мы с мужем в разлуке, Отец. Могу ли я узнать про него?

Священник смотрел внимательно.

— А что тебе важно знать?

— Жив ли он, и желает ли нашей встречи?

— Жив ли он — подойди к алтарю и задай вопрос. Поднеси руку к Пламени. Вот насчёт его желаний — сложнее. Но спросить можешь и об этом.

— Отец, а как можно узнать о нём, имея лишь мой брачный браслет?

— Я могу выяснить, жив ли он, проведя специальный обряд, за него положено платить золотом. Но это если бы здесь не было тебя. Просто подойди и спроси.

Ринна подошла к алтарю, протянула руку, но тут же отдёрнула. Она всё-таки боялась.

— Нет, я не буду спрашивать. Я знаю, что он жив.

— Вот и хорошо, — священник кивнул. — Значит, так и есть.

Но она хотела спросить и о другом.

— Мы плохо расстались, отец. Не просто поссорились. Он уверен в моей измене, но я не виновата. Он отпустил меня с другим.

Священник укоризненно покачал головой.

— Тебя заставили оклеветать себя?

— Да!

— Всё поправимо, кроме смерти. Вам надо встретиться и объясниться. У вас нет детей?

— Нет...

— Тогда через три года он может обратиться в Храм за расторжением брака, и, возможно, получить его. Или через семь лет. Поэтому не ждите долго.

— Да, Отец. Но я хочу знать, есть ли возможность развода вопреки этому правилу? Хоть какая-нибудь?

— Кроме смерти и монашеских обетов? — священник мягко улыбнулся. — Только если речь идет о королях или их детях. Однако людские дела мало значат для Светлого Пламени. Были случаи, когда даже короли, пытаясь расторгнуть бездетные браки, получали отказ. Было и наоборот. Не думайте о плохом заранее, дочь моя.

— Спасибо отец, — прошептала она.

Ей показалось, что Пламя на алтаре немного поднялось. Совсем немного.

Ничего особенного не случилось, но Ринна лишний раз обошла квартал, чтобы успокоиться, и лишь потом рискнула потянуть на себя тяжёлую дверь банковской конторы.

Там ничего не изменилось за прошедшие годы — те же портьеры и обои, та же тяжёлая мебель драгоценного чёрного дерева. Здесь было просто, респектабельно и, кажется, пахло деньгами. Вот лица приказчиков были другими, незнакомыми, один сидел за столом, другой стоял за конторкой. Да и был ли смысл надеяться, что её узнают и это на что-то повлияет? Вряд ли.

Сейри был одним из владельцев этого банка. Но его больше нет. И Ринна отчего-то была уверена, что от своих компаньонов «добрый дядюшка» таился старательнее, чем от посторонних. Он даже сам ездил за ней по Побережью! Нарваться здесь на его приспешников — слишком большое невезение. К тому же взять денег больше негде. Да и здесь — попробуй возьми...

— Эсса? — один из приказчиков поклонился ей и предложил стул.

— Эсса Кан, — представилась она. — Эсс, мой отец оставил мне деньги по особому распоряжению. Была печать, но я её потеряла. Как я могу получить деньги?

— Только один способ, эсса, — и бровью не повёл приказчик, — за вас должна поручиться персона, не вызывающая у нас не малейших сомнений. Ведь ей придётся в случае чего, гм... покрывать наши потери.

— А если я клятвой на огне удостоверю свою личность в присутствии стряпчего, и он заверит документ?..

— Нет, эсса, — покачал головой приказчик, — к моему сожалению. Только то, что я уже сказал: за вас должна поручиться персона соответствующего положения. Кстати, а какое имя стоит в особом распоряжении? У нас нет ни одного, в котором говорится об эссе Кан!

— Разумеется. Мой покойный отец не мог знать имя моего будущего мужа. Вы всё узнаете, когда я вернусь с соответствующей персоной. Не объясните ли, эссы, где найти главу Гильдии Булочников Лира?

— Их гильдейский дом как раз напротив, — приказчики переглянулись, один иронично улыбнулся и пальцем показал направление.

Из конторы Ринна вышла в слегка растрепанных чувствах. Хотя, все вышло как раз так, как и следовало ожидать! «Банковские правила написаны кровью и слезами тех, кто их нарушал!» — кажется, так говорил отец Вернана.

С печатью всё было бы просто, приказчик с помощью амулета сличил бы оттиск с таким же на документе — и всё. А теперь, кто может подтвердить её личность и поручиться? Посол Руата в Кандрии? О да, он может. И ещё некоторые, пожалуй. Возможно, они предупреждены, и о Ринне тут же узнают родственники. И может так оказаться, что ближайший женский монастырь её уже ждёт не дождётся...

Ей этого не хотелось бы. А если откровенно — просто пугало.

Она оглянулась, посмотрела в сторону королевского замка за рекой — его самые высокие шпили и башни были видны и отсюда. Король Эдин и королева Аллиель ею недовольны — об этом только ленивый не сообщил ей в свое время. А вот королева-мать Кандина ни за что не допустит, чтобы Ринну Венеш сделали монахиней...

Гильдейский дом булочников оказался недалеко — добротный, каменный, Ринна нашла его по кованому гильдейскому знаку, который раскачивался на цепях возле входа — его маленькую копию она носила на запястье. Высокий худой парень, который восседал за столом в передней и вписывал что-то в толстую конторскую книгу, окинул её слегка заинтересованным взглядом и указал на скамью у стены.

— Дождитесь Мастера, эсса, — и, кажется, он тут же вознамерился о ней забыть.

— Мне лишь нужно кое-что узнать, — Ринна мило ему улыбнулась и продемонстрировала свой гильдейский значок. — Я член Гильдии, вступила в неё в городе Лаверри. Что требуется, чтобы я как можно скорее могла открыть заведение в Лире и начать работать?

На лице парня отразилась безнадёжная работа мысли.

— Ждите Мастера, — сказал он наконец.

Ринна какое-то время подождала. Услышала, как пробили часы в соседней комнате. Нет, так терять время ей совсем не нравилось.

— А что, разве из-за таких вопросов надо беспокоить Мастера Гильдии? — спросила она. — Я

думала, правила одинаковы для всех. Мне нужно заплатить какой-то взнос для работы в городе? Что ещё? Поручительства? Эсс, да очнитесь, прошу вас! — Ринна стала уже терять терпение.

— Ждите Мастера, эсса.

— Мастер куда-то отлучился?..

— Он здесь. Он не принимает.

— Мне прийти завтра? Или — когда?

— Мастер сам решит, когда вас принять. Вы вдова? — вдруг спросил он.

— Нет, я не вдова.

— Вы явились без мужа. Мастер не станет с вами разговаривать.

— И все-таки я бы хотела поговорить с Мастером. Мой муж в отъезде. Я думаю, это можно решить.

— Решить, — парень уставился на неё.

Кто он, секретарь, писарь? Просто дурачок? Ринна уже заподозрила последнее.

— Ждите, эсса, — он вылез из-за стола и ушёл, но скоро вернулся и водворился на прежнее место.

Тут открылась дверь, выглянул толстый мужчина в стёганом халате, посмотрел, не мигая, на Ринну, кивнул и каркнул:

— Завтра! — и закрыл дверь.

— Приходите завтра вечером, как стемнеет, — дал более обширную рекомендацию писарь-секретарь.

— Зачем? — удивилась Ринна, впрочем, уже догадываясь о подвохе. — Я пришла всего лишь за ответами на вопросы! Кто этот эсс?..

— Вот и получите ваши ответы, — сердито прокаркал парень, явно подражая своему начальнику, — не мешайте работать, эсса, приходите завтра!

— Хорошо вам поработать! — сердито пожелала она и, подхватив сумочку, выбежала за дверь.

Итак, с ней здесь даже не желают нормально разговаривать. А приглашение прийти вечером... нет слов. В Лаверри всё решал и устраивал для неё Рик! Теперь самой придётся выяснить, насколько всё непросто. Уважения ей, как видно, здесь не найти, но вот если будут деньги, и их будет достаточно...

Надо подумать, как быть.

На улице было пока светло и даже солнечно, но солнце уже катилось к закату, как и должно быть в это время дня в начале зимы, и слегка подмораживало. Зима запаздывала в этом году, но должна же она наступить? Чтобы на землю лёг снег, и воздух был морозный и вкусный.

Ринна прошла мимо странной фигуры на углу, но спохватилась и обернулась. Так и есть — бродячая гадалка. Так давно Ринна их не встречала. Эта была пожилой, с совсем седой непокрытой головой, в латаном плаще и сапогах не по размеру. Она стояла, привалившись спиной к стене дома, и поглаживала висящий на шее большой бубен. Ринна подошла, не без трепета встретила взгляд почти бесцветных глаз.

— Будешь спрашивать? — голос гадалки был глухой, надтреснутый.

Ринна достала монету, протянула, и спросила о том, о чем не решилась в Храме.

— Мой муж жив?

Наверное, она не стала бы сомневаться в ответе Пламени, окажись оно очевидным, а вот в словах гадалки усомниться было можно. Если ответ плохой — лучше не верить. Не сразу.

Гадалка окинула её равнодушным взглядом, потом протянула руку и дотронулась, опять посмотрела, будто примериваясь.

— Хорошо. Сейчас.

Она уперла бубен в бедро и еле слышно стукнула по его туго натянутой коже, потом ещё раз, ещё,

каждый раз прислушиваясь, прикрыв глаза.

— Вижу тебя в монашеских одеждах, — сказала она. — Носишь их без должной радости.

У Ринны сердце упало. Значит, всё-таки?..

Нет и нет. Всё правильно, она ведь собралась не верить.

— Это в прошлом, — не открывая глаз, сообщила гадалка. — В будущем ты моешь посуду в какой-то большой кухне за пару медяков. Много посуды. На тебя покрикивают, велят торопиться.

Ринна кивнула. В это верить она тоже не будет.

— Это всё хорошо, но я спросила про мужа, — напомнила она. — Я мало заплатила?

— Стой тихо и не мешай, — по губам гадалки скользнула слабая улыбка, она снова стала слабо ударять по бубну и прислушиваться.

— Он жив, — сказала она, — но мог умереть. Его отравили смертельным ядом, который попал через рану, а амулет, не позволивший ему умереть быстро, сделан против ядов, которые принимают с пищей. Его вовремя отвезли в Цитадель, поэтому он жив. А теперь он в пути, он ищет тебя. Изнывает от боли и ревности. Хочет поговорить. Хочет знать всю правду о тебе. Где ты будешь жить и что делать. Расспрашивает о тебе тех, кто знает.

— Кого он может расспрашивать?!

Будто не услышав вопрос, старуха продолжала.

— Он решил, что твоих родных спрашивать не о чем. Поэтому нашёл того, кто в тебе что-то разглядел. Одного чужеземца. Много от такого человека ему на дождаться, но кое-что он узнал. Ему тревожно. Он уверен, что в его душе тебе не место, но пока не желает изгнать тебя оттуда.

Всё это было лучше, чем ничего, но отнюдь не бальзам на душевные раны.

— Потом он пошёл по твоим следам. Это было непросто, — добавила гадалка.

— И как нам теперь встретиться? Чтобы поскорее? Что мне делать? — спросила Ринна.

— Ничего. Просто не мешай ему.

— Что значит — не мешать?

— Да стой на видном месте, и всё! — гадалка открыла глаза. — Делай, что делаешь, не думай о нём! Больше не могу. Устала. Если хочешь, приходи как-нибудь потом.

— И где тебя искать?

— Где-нибудь здесь. Понадоблюсь — найдёшь, не сомневайся, — старуха поправила бубен, отвернулась и медленно пошла по улице.

Ринна возвращалась в дом на Сладкой улице ещё более взволнованная, чем после Храма. Да ладно, стоит ли верить гадалке с бубном? Многие считали, что стоит. Но что она такого услышала? Всё расплывчато, неопределённо. Про монастырь старуха угадала — многие проводили время в монастыре, хоть недолгое. Про посуду на чьей-то кухне — да это, должно быть, кошмар многих одиноких женщин, мыть горы чужой посуды за медяк. Хуже только стирать в реке зимой — тоже за медяк. Впрочем, последнее Ринна точно не пробовала и даже представить себе затруднялась. А про Рика...

Верена открыла сразу — видно, ждала.

— Я уже беспокоилась! — сообщила она. — Норе вроде лучше, она спит, присмотришь за ней? Мне придется уйти.

— Конечно. А куда ты собралась к ночи?

— На работу, — кратко объяснила Верена, отведя взгляд. — Пойдём, поужинаем, я приготовила.

Она поставила на стол яблочный чай и творожные лепёшки. Печь в кухне топилась, только тут и можно было согреться, и ещё в комнате больной Норы, по остальному дому хотелось ходить в меховом плаще. Ринна с наслаждением пила чай — он был насыщенный и вкусный, яблок и чайной смеси Верена не пожалела.

— Костёр к Новому году разводить не будем, да? — пошутила Ринна и повела плечами, сбрасывая с них плащ. — Кажется, дрова тут дороги.

— Ещё как. Да вдовам и не положено костра.

— Верно, прости, — спохватилась Ринна. — Верена, что такое Цитадель? Где она?

— Цитадель? Впервые слышу. Вот что, Норе стало лучше, и мы поговорили, — Верена тоже грела пальцы о чашку с чаем. — Она рассказала о тебе странное, уж прости. О том, что вы с мужем казались богатой и счастливой парой. Вы открыли кондитерскую и взяли на работу их с Эльзой, и деда тоже. Но потом... — она замолчала.

— Что потом? Говори, мне надо знать...

— Потом ты оказалась обманщицей. У тебя был любовник, он хотел убить твоего мужа, чтобы ты стала вдовой. Но все раскрылось, ты призналась, принесла клятвы на пламени, он великодушно отпустил вас.

— Продолжай, — попросила Ринна.

— Твой муж был совсем плох, его увезли. Ваша кондитерская отошла деду, об этом была договорённость. Теперь она станет приданым Эльзе, вот только прежнего успеха уже нет. Выпечка стала не та. Дед уверен, что ты колдуешь, в этом всё дело.

Выходит, основные подробности остались неизвестны посторонним. Ивар не сказал любовнице про украденные амулеты, например. Ведь Нора, конечно, всё узнала от сестры.

— Приданое Эльзе? — Ринна коротко рассмеялась. — Надо же. Верена, я могу только сказать, а ты — верить или не верить. Могу поклясться на Пламени, конечно, но, сама знаешь — я уже клялась, и это было ложью. Я не имела любовника, не обманывала мужа, не признавалась и не каялась, потому что было не в чем. И понятия не имею, как я покинула Лаверри. Я была не в себе. Точнее так: во мне была не я. И клятвы были тоже не мои.

— Как это возможно? — Верена не сводила с неё глаз.

— Понимаешь, я тай. Как тай может подчинять зверей, так другой тай сумел подчинить меня. Некоторым таям это доступно. Тот — очень одарённый, и он работал на человека, желавшего меня ограбить. Украсть наследство отца. Для этого, говоря проще, нужно на мне жениться.

— Значит, кто-то мог становиться тобой? — Верена всё поняла, но продолжала смотреть недоверчиво. — Но это страшно.

— Я уже справилась. Мой дар на большую часть закрыт и опасности нет. Я могу разве что заговорить собаку на улице. Что, позволишь мне остаться, или не веришь? Скажешь, что дом честной вдовы для меня слишком хорош?

— Конечно, оставайся, — пожала плечами Верена. — Я не хочу тебя судить за то, в чём не смыслю. И ты мне нравишься. И деду тоже, он заявил, что ваше дело нечисто. Говорит, тут какие-то колдовские дела, а ты не виновата. Ты точно колдовала с тестом?

— Что ж, спасибо эссу Дуку, — от поддержки у Ринны стало теплее на душе. — Нет, я не колдую. Я знаю секреты специй, умею хорошо приправлять, потому у меня и вкусно. А почему ты закрыла булочную? — она с удовольствием сменила тему, — ведь ещё месяц можно работать, Новое Годиё близится.

— Видишь, я не член Гильдии, — Верена показала своё запястье без гильдейского значка, — и долги были, в том числе Гильдии. Мне не позволили работать, на другой день после смерти мужа заставили закрыться.

— Мы придумаем, где взять деньги. И откроемся. Надо поскорее, скоро Новое Годиё.

Верена рассмотрена на неё, как на безумную.

— Откроемся? Ни за что на свете. Даже если найдутся деньги, и мне позволят, чего не будет никогда. Я не желаю больше вести дело, тем более самой, это слишком тяжело в таком городе. Тем более это новые долги! Нет, я буду только работать за жалованье. Меня рекомендовали на хорошее место, это удача. Буду поварихой, я хорошо готовлю. Но пока надо показать себя.

— Туда ты и собираешься сегодня? — уточнила Ринна, — И где это чудесное место?

— Вон там, за мостом, — Верена махнула рукой, показывая. — В королевском замке, представляешь?

— Вот как? — Ринна поняла и удивилась. — Тебя взяли ночной поварихой на королевскую кухню?

В кухне Ленгара по ночам тоже работа не затихала, как в любой кухне большого замка — например, выпекали хлеб и делали заготовки на будущий день, не все блюда готовятся быстро.

— Не поварихой... пока, — кажется, Верена немного смутилась. — Пока я помощница. Но на королевской кухне! Поверь, мне повезло. Я стану поварихой. Потом сниму маленький домик, может, в предместье.

Ринна кивнула, она задумчиво крутила в пальцах ложечку. А ведь это, возможно, для неё тоже удача!

— Скажи честно, дорогая, тебя Мастер Гильдии звал прийти «завтра вечером»? — вдруг догадалась она.

— Что, ты уже и туда наведалась? — Верена побледнела. — Ну да. Звал. И тебя? Ты пойдёшь?

— Да ни за что на свете. Я и без этого открою тут кондитерскую, раз ты не желаешь. Но не будем загадывать, — она отважно улыбнулась. — Скажи, а ты королевскую семью встречаешь в замке? Как интересно.

— Только её величество Кандину, она приходит каждый вечер, — удивилась Верена. — А на кого ты желаешь посмотреть?

— Хотя бы на её величество Кандину. Я слышала, что она невероятно готовит пироги. Она ведь руатка, как и я. Мы в этом деле несравненны.

— Но-но, я попрошу, — Верена смахнула со щеки непослушную прядь волос, — мы как-нибудь посоревнуемся, несравненная!

— Договорились. Но я пошутила. У меня есть родственница, и она... в замке. Я её рассчитываю найти на кухне. Пожалуйста. Ведь в это время работы немного, людей тоже немного, свет не всюду, может, и не заметят, что я не ты. Заметят — скажу, что ты заболела. Выкручусь, не волнуйся.

— Но кто твоя родственница? Как её зовут? — Верена не была слишком доверчивой.

— Ах, я потом тебе всё расскажу. Всё-всё... Послушай, надо поспешить, закупить продукты, ставить тесто на пряники — я буду печь руатские пряники! Дел много! Поглядим ещё, захочешь ли ты уйти от меня на королевскую кухню!

Следующие полчаса были потрачены на уговоры, в конце концов бывшая булочница сдалась и вручила Ринне медную пластинку, похожую на монетку, на шнурке — пропуск в Лирский замок, и объяснила, куда следует идти. И, запинаясь, сообщила:

— Прости, я не то тебе сказала. Я не помощница повара. Я мою посуду. Но это только до Новогодья...

Глава 16. Жизнь по-новой

Все-таки мыть посуду! Она не знала, смеяться или злиться! Сегодняшняя гадалка оказалась прозорливой. Но другого способа негласно попасть в королевский замок Ринна пока не видела. Может, и стоило подождать день-другой и осмотреться, но — какой смысл? Нет, посуда так посуда.

— Сегодня опаздываешь, Верена, — заметила пухлая женщина в длинном переднике. — Поспеш, видишь, много работы.

Она даже не поняла, что перед ней не та работница. Вот мальчик, чистивший овощи, понял сразу — посмотрел на Ринну и хихикнул.

Ринна надела фартук, встала к чану с теплой водой и окинула неласковым взглядом гору грязных тарелок. Что ж, леди Ринна Венеш, вас никто не принуждал...

Она огляделась. Верена говорила, что королева Кандина приходит сюда каждый раз. Значит, она должна появиться с минуты на минуту, пока не слишком поздно. А может, у неё старческая бессонница? Что она тут делает, наблюдает, как готовят? Сама что-то затевает, командует поварами? Когда Ринна видела старую королеву последний раз, та уже была слабой от старости и по замку её чаще всего носили в специальном кресле, а сама она ходила, опираясь на костыль.

— Да пошевеливайся уже, — прикрикнула женщина, старшая повариха, должно быть. — И вот твоя плата за сегодня, потом возьмишь, — она положила на край поварского стола две медные монеты, на Ринну при этом опять не взглянула.

Верене можно посочувствовать, на такие деньги не разгуляешься.

— Я уже, эсса, — Ринна принялась за работу.

Поварёнок отложил нож и подошел к ней и тихо спросил:

— А вы кто? Где эсса Верена?

— Я вместо неё. Она заболела, — тихо пояснила Ринна. — А где королева Кандина? Скоро придёт?

— Наверное. Она что, мне отчитывается? — он пожал плечами и ткнул пальцем туда, где стоял большой удобный даже на вид стул с подлокотниками и скамеечкой под ноги.

На столике рядом лежала шахматная доска без фигур — королева Кандина любила играть в шахматы. Отец утверждал, что у неё трудно выиграть.

— Вы что, лентяи, пришли сюда языками чесать?! — снова закричала повариха.

— Ой, гляди, — мальчик показал на дверь.

И Ринна увидела морду огромной чёрной кошки. Кошка скользнула внутрь и по-хозяйски, слегка помахивая хвостом, двинулась по кухне. Толстуха сразу замолчала и подобралась. Мальчик тоже бочком-бочком отодвинулся в сторону.

Ринна кошке обрадовалась, потому что узнала одну из ручных пантер старой королевы — да кто в замке их не знал! Значит, и хозяйка скоро будет. Кстати, теперь Ринна взглянула на зверя иначе, чем когда-то. Черная как смоль кошка с изумрудно-зелёными глазами — изумрудная пантера. Большое гибкое тело, мощные лапы, радость в каждом движении! Ринна подавила желание тоже потянуться и взмахнуть хвостом...

Всё. Об этом не надо даже вспоминать.

Пантера подошла к ней, обнюхала, потом зачем-то схватила зубами за передник. Ринна поспешно вытерла руки тряпкой, и погладила пантеру по голове.

— Здравствуй, дорогая. Хорошая моя, — и захотелось прикусить себе язык за такие неосторожные слова...

Вряд ли тут кто-то решается гладить зверей королевы.

«Ты моя, я твоя. Слушайся. Ты моя».

Пантера лизнула её руку.

— Иди на место. Жди! — велела Ринна, потому что кошка продолжала ластиться и мешала.

Пантера послушно отошла к стулу королевы и легла на пол. Повариха теперь косилась на Ринну и

помалкивала. Тут распахнулась дверь и в кухню вбежала дама с бантом на плече.

— Мне срочно нужна служанка! Срочно!

— Служанки не здесь, миледи, — сказала повариха учтиво, но без всякого подобострастия. — Вы бы спросили...

— Молчать! Вот, ты! — и она показала пальцем на Ринну. — Ты годишься! Иди за мной.

— Я не гожусь, миледи. Я ничего умею, только вот посуду... — попыталась увернуться Ринна, чем только вызвала взрыв негодования у леди с бантом и тяжёлый взгляд поварихи.

— Молчать! — закричала она, срываясь на визг, — что за дерзость, ступай за мной!

Соппротивление, похоже, будет себе дороже. И так некстати, мытьё посуды — меньшее зло. Кто знает, какие от неё потребуются услуги, а главное, кому она попадётся на глаза...

Это выяснилось уже за стеной, там на столе стоял большой поднос, на нем — кувшины, большой и поменьше, стаканы и ваза с бисквитными пирожными.

— Пойдёшь наверх, надо подать сладости принцессам.

Вот только этого и не хватало. Дочерей кандрийского короля Ринна знала и проводила с ними время, они были лишь немного её младше. Они, конечно, её узнают! Но это могут быть и незнакомые принцессы — жены старших принцев, например.

— Я боюсь, что не справлюсь, миледи. Я такая неловкая. Прошу вас, позвольте мне вернуться к своей работе, — сделала она ещё попытку.

— Замолчи! — рассердилась дама, — с этим любая дурочка справится, невелико искусство!

Ринна прикусила губу. Можно было ещё споткнуться, например, или уронить поднос. Или положиться на обстоятельства. Придётся признаться? Все равно она вот-вот встретится с королевой Кандиной!

Вот именно, сначала нужно договориться с королевой Кандиной! Королева-тай точно не захочет сослать в монастырь леди, пусть и поправшую все приличия, но наделённую даром. Но возможности сбежать пока не было.

Ринна повязала нарядный передник с кружевной каймой, и подняла поднос. Только бы на самом деле не споткнуться...

— Ты пойдёшь в королевские покои, — наставляла леди с бантом. — Пойми, это честь! Странно, ты не выглядишь полной дурочкой, скорее — ты неплохо выглядишь. А почему на кухне?

— Куда ещё податься бедной женщине...

— Так это шанс для тебя! Будь расторопной, услужливой, помалкивай, когда не спрашивают! Хорошо, я за тобой присмотрю, может, и получше работу подберём!

Это было бы сущее счастье для какой-нибудь бедной женщины, но Ринна по-прежнему мечтала удрать.

Лестницы, коридоры, снова лестницы...

— Прислуга занята в гостиной королевы, и многих отпустили на сегодня, безобразие, — пробурчала леди, хотя Ринна её ни о чём не спрашивала. — А от тебя требуется деликатность. Её высочество намекнула. Поняла? Если хочешь иметь работу в замке и ещё где-нибудь.

— Само собой, миледи. Прошу прощения, что за принцессы ожидают эти сладости? Не сердитесь за любопытство.

— Их высочества Аустра и Розита. И леди Гольдания, она будущая третья невестка их величеств.

Ринна перевела дух. С Аустрой и Розитой она не знакома. А вот Гольдания — её собственная кузина! Но они виделись так давно, что Гольдания наверняка её не узнает. Все должно пройти хорошо.

— Леди играли в фанты, — понизив голос, просветила Ринну леди-бант. — Пирожные — приз фанту леди Аустры. А леди Гольдания пожелала... но молчок, рот на замок, это нас не касается! Поняла, милая?

Ринна, честно говоря, уже не жалела, что не отложила поход в замок на завтра. Ей стало любопытно. Играть в фанты всегда забавно.

Они добрались, наконец. Леди-бант постучала, распахнула дверь и кивнула Ринне. Та прошла следом за леди в комнату, поставила поднос на край стола и изобразила поклон. На неё, впрочем, никто и не взглянул — подумает, служанка. Зато сама Ринна могла рассмотреть всех четырёх молодых леди. Одна, маленькая брюнетка, ожидала ребёнка и была одета в широкое платье — она сидела в кресле и теребила платочек. Две другие расположились на диване, а четвертой была Гальдания, она расхаживала по комнате. А комната, кстати, скорее мужская, чем женская. Куда же они попали, и что тут происходит?

— О, мои пирожные, — одна из леди захлопала в ладоши.

Это леди Аустра, жена старшего принца Бернара Крансарта? Бернаром Ринна когда-то дразнила Рика — дескать, какой тот красивый и как ей нравился! По правде говоря, теперь она даже не могла точно припомнить его внешность. А беременная, маленькая кареглазая брюнетка — леди Розита, одна из племянниц гретского короля и жена Канта Крансарта, второго принца? Или Розита — другая, с пышными русыми волосами, тоже хорошенькая?

— Ваше высочество, повар приготовил специально для вас, лучшие бисквиты в Лире, — заверила леди-бант и поклонилась.

Ринна мысленно добавила, что этот повар не слишком экономит ваниль, зато о существовании других приправ, похоже, не подозревает. Да у неё в носу свербело от ванили! Если это лучший кондитер в Лире, то им с Вереной надо открываться поскорее.

— Вы узнали, где украшения, леди Гави? — спросила леди Аустра. — Мы должны погасить фант леди Гальдании.

— Да, леди. Камердинер принца Айрина намекнул мне, что набор в нижнем ящике, — леди-бант показала на комод. — Леди Гальдания уверена? Ведь тогда она лишится сюрприза после свадьбы. Если заранее увидит утренний подарок...

— Конечно, она уверена, если сама загадала такой фант, — заметила брюнетка.

— А у нас это считается хорошей приметой, — воскликнула Гальдания. — Да-да, если заранее посмотреть на свой утренний дар, вечное счастье обеспечено!

Леди переглянулись.

— Мы даже не знаем пока, что это за украшения, — заметила русоволосая. — Может, это не утренний дар, а, подарок для её величества Кандины, например.

— Ах, леди Тарина, вы на самом деле так думаете?

И они дружно расхохотались, даже леди-бант... то есть леди Гави, слегка улыбнулась.

— И лорд Айрин, насколько я знаю, пока никому не делал официального предложения, — продолжала русоволосая, — так что вряд ли это утренний дар. Но что он скажет, если узнает?

— Да просто посмеется, он никогда не злится, — заявила леди Аустра. — Тарина, доставайте уже, давайте посмотрим и дело с концом.

До Ринны, кажется, дошло, что происходит. Они тайком пришли в покои принца Сая-Айрина, чтобы увидеть некий набор украшений, которые тот, возможно, заказал в подарок будущей жене. Принцессы в компании Гальдании и этой Тарины таким образом забавлялись. Они играли в фанты, а каждый фант должен быть погашен. И это предстояло сделать Тарине, не очень, видимо, склонной к таким шалостям.

Это не преступление, но и не похвалят. Особенно принц Сай-Айрин.

— Разлей напитки по стаканам, — тихо приказала Ринне леди Гави.

— Я не хочу, по правде говоря, — сказала леди Тарина, — может, не станем?..

— Прекрати, Тарина, ты должна! — возмутилась леди Аустра, — давай, я прикажу тебе, как принцесса и жена наследника? Приказываю! Ну же, не трусь!

— О, ваше высочество! — глупышка Гальдания смотрела на жену наследника с неприкрытым восхищением.

— Как скажете, — Тарина встала, подошла к комоду, выдвинула нижний ящик и достала бархатную шкатулку цвета яркой лазури.

Чтобы открыть шкатулку, она поставила её на стол, и Ринна, которая разливала холодный морс по стаканам, видела всё очень хорошо. В шкатулке на синем бархате лежали кольцо, браслет и серьги, всё простое и изысканное, без вычурности, в каждом украшении полоса ярких голубых топазов обрамляли малиново-алые рубины и густо-синие сапфиры. Она бы с удовольствием это примерила.

— Мило, — оценила подошедшая леди Аустра. — Но топазы упрощают. Они не подходят для утреннего дара принцессе!

Ринна изумлённо уставилась на Аустру. Она шутит? Такие чудесные камни, и так подобраны! А рубины с сапфирами? Может, она просто посмеивается над Гальданием?

— Я тоже так подумала, ваше высочество, — кисло отозвалась леди Гальдания. — Топазы! Это подошло бы моей сумасшедшей кухне Ринне Венеш, её матушка была на них помешана.

— По-моему, красиво, — осторожно заметила леди Тарина, но принцесса Аустра расхохоталась, и Гальдания ещё больше сморщилась.

— Как жаль, — вздохнула она.

— Вам не нравится? — участливо спросила леди Аустра. — Да, жаль. Но ещё не поздно намекнуть Айрину, что вы хотите что-то другое.

— Но... как? Нельзя признаться, что я это видела... — тут Ринна поняла, что Гальдания действительно расстроена, а не поддерживает шутку, у неё даже голосок слёзно задрезжал.

— Действительно, это проблема! Наша дорогая Гави права, не следовало вам любопытствовать раньше времени, — продолжала Аустра. — Что делать, даже не знаю! Советую скрыть разочарование, когда получите этот подарок.

— Она может просто отказать Айрину, и все дела! Как её кузина, — добавила беременная леди Розита, решившая тоже поучаствовать в забаве. — Отказом больше или меньше — Айрин не огорчится.

— Вы что-то путаете, моя дорогая, — Аустра повернулась к невестке, — кто ему отказывал, по крайней мере явно? Только эта Венеш. Это для неё дать отворот лишней паре претендентов — как веером обмахнуться.

— А я немного завидую Венеш, — сказала леди Тарина, — её так добивались! Кто может этим похвастать? Да, она дочь Ленгара и с большим приданым. Наверное, и сама красотка невероятная? Я видела портрет её матери. Неудивительно, что её отец так и не женился.

— Ну, теперь-то ей не позавидуешь, — заявила Гальдания, — и вовсе она не красотка, я точно знаю. Даже наоборот... — тут остальные снова переглянулись.

Гальдания смотрела прямо на Ринну, точнее, сквозь неё, и явно не узнавала — чего и следовало ожидать. Ринна могла бы что-то сказать каждой здесь, по отдельности, но приходилось молчать.

— Дайте же мне воды, я давно просила, — воскликнула беременная принцесса. — Не морса, а воды!

Леди Гави сделала знак Ринне, та наполнила стакан из маленького кувшина, в котором и была вода, и хотела отнести леди Розите, но неловко задела бедром стол и...

Немного воды из стакана пролилось на подол леди Гальдания.

— Простите, миледи, — поспешила извиниться Ринна.

— Что?! Ах, ты... — Гальдания замахнулась, но Ринна успела крепко схватить её за запястье, и таким образом избежала оплеухи.

— Осторожнее, пожалуйста, — кротко сказала она. — Простите, мне неловко..

— Ты! Испортила мне платье! — девушка побелела от гнева, и ещё от того, что её посмели остановить действием.

— Несколько капель воды не могут испортить платье, миледи.

— Молчать! Как ты смеешь со мной спорить? — закричала нежная дочь герцога Северина, — на колени и проси прощения! Вы же понимаете, ваше высочество, это просто наглость! — она обернулась в Аустре в поисках поддержки.

Лицо первой принцессы выражало любопытство, она просто смотрела, что будет дальше, не желая вмешаться.

— Станьте на колени, — тихо приказала Ринне леди Гави.

— Да что вы говорите? — процедила та, скрестив руки на груди.

Ей было довольно того представления, что уже есть. Придётся назваться? Ладно, что же делать. А потом пусть заставят её ползать на коленях...

— Откуда взялась эта наглая девка? — возмутилась Гальдания, совсем позабыв, что невесте принца следует быть нежной и трепетной. — Тебе же сказано: на колени!

— Станьте на колени! — громко шипела леди Гави.

— О Пламя, вы просто ужасно себя ведёте, — сказала Ринна Гальдании, и была при этом искренней как никогда.

Такая Гальдания, не похожая на себя, её потрясла.

— Что?!

Гальдания отступила на шаг и толкнула локтем шкатулку с украшениями, шкатулка упала на пол, ударилась углом и громко треснула. Все ахнули одновременно.

— Это из-за неё! — завопила перепуганная девушка.

Вдруг, почти сразу, стало очень тихо, только крик Гальдании потихоньку стихал в ушах. И все смотрели в сторону двери. Ринна тоже оглянулась — там стояла красивая блондинка в тёмно-синем с белой отделкой платье, и несколько леди теснились за ней.

Королева Аллиель.

— Что такое? — королева подошла и сама подняла шкатулку, подергала перекошенную крышку, взяла кольцо и расправила его на ладони.

— Чудесное, — улыбнулась она, возвращая вещичку на место, — Гави, позаботься о ремонте.

— Слушаюсь, ваше величество.

— Мои дорогие, я знаю, как вас занять, — она ласково улыбнулась молодым леди, — с утра до обеда и после него вы должны вышивать в моей гостиной. Аустра, это понятно?

— Да, ваше величество... матушка, — поспешила согласиться принцесса.

— Я не стану спрашивать, почему комнаты Айрина открыты и что вы здесь делаете, потому что уже знаю ответ. Но что за шум, как в курятнике? Леди Гальдания?..

Гальдания смутилась, теперь после недавней бледности её лицо стало пунцовым.

— Ваше величество, это горничная...

— Шумела горничная? — королева взглянула ни Ринну.

— Горничная уронила шкатулку, и она меня ударила... и оскорбила... Подтвердите, леди Гави!

— Какие горничные в Лирском замке. Буду знать, — голос королевы был таким спокойным.

— Я не роняла шкатулку, ваше величество, — не стала молчать Ринна. — И никого не била и не оскорбляла.

— Что же вы сделали?

— Только пролила воду на платье леди.

— А кто уронил шкатулку?

— Я не заметила, ваше величество, — Ринна опустила взгляд.

— Да? — королева рассмеялась, — кто разбил шкатулку, Гави?

— Я тоже не видела, моя королева.

Аллиель окинула обеих насмешливым взглядом:

— Идите за мной.

Они втроём вышли в коридор.

— Итак, дорогая. Леди считает, что ты её ударила. А что скажешь ты?

— Я схватила её за руку, не позволяя ударить меня.

— Вот как? А как же она её оскорбила, Гави?

— Девушка действительно позволила себе наглость, ваше величество. Она сказала, что леди ужасно себя ведёт.

— Действительно наглость, — усмехнулась королева и бросила на Ринну заинтересованный взгляд, — вот что, умница, я не стану утверждать, что ты не права. Но горничные должны выполнять свои обязанности, а не воспитывать племянниц гретского короля. Поэтому твоя работа здесь закончена, иди и получи расчёт, — она сделала знак, подзывая стражника, который вытянулся в конце коридора.

— Проводите девушку за расчётом, потом до выхода.

— Будет исполнено, ваше величество, — щёлкнул каблуками стражник, но королева уже отвернулась к леди Гави...

Управляющий забрал пропуск Ринны, точнее, пропуск Верены — у той больше не было работы на дворцовой кухне. Ринна взяла там свой плащ, и медяки оставила на столе — она их, пожалуй, не заработала. Ненужного внимания тоже удалось избежать. Старой королевы не было, а вот пантера отправилась провожать их до выхода, к большому смущению стражника. На прощание Ринна её обняла, и помахала стражнику. Осталось перейти мост. Что теперь делать?..

Вряд ли этот вечер останется без последствий. Но плохого Ринна отчего-то не ждала. Да и гадалка плохого не обещала! Вот именно, теперь то гаданье внушало ей чуть больше доверия. Они всё-таки встретятся с королевой Кандиной, та согласится подтвердить личность Ринны в банке, и Рик ищет её...

Объяснения с перепуганной Вереной — вернулась раньше, без денег и пропуска! — Ринна пресекла на корню.

Спать!

Завтра будет новый день.

Новый день начался со стука в дверь. Ринна только встала и спустилась вниз, закутавшись в плащ — в доме было всё так же холодно. За её спиной появилась Верена — вынырнула из прохода, ведущего в кухню. Ринна обернулась, ободряюще кивнула Верене и сама отодвинула засов, и увидела за дверью того самого стражника, который провожал, точнее — выпроваживал её из замка. Стражник опять прищелкнул каблуками.

— Леди, вас ожидает её величество королева-мать.

Ринна особенно не удивилась. Она поправила плащ, и вышла из дома.

Напротив крыльца стояла карета без гербов, запряжённая четверкой, но конная стража вокруг и цвета одежды кучера и обслуги выглядели красноречиво. Когда Ринна приблизилась, дверка распахнулась перед ней. И маленькую седую женщину в глубине кареты, закутанную с серебристым мехом, тоже нельзя было не узнать.

— Иди сюда, — королева хлопнула по сиденью ладонью, — вот же глупая девчонка!

А когда Ринна оказалась с ней рядом, королева сразу, без церемоний, обняла её, и тут же отодвинула от себя, оглядела, шуря глаза.

— Дай-ка на тебя посмотреть, какая ты стала! Хороша, — она довольно улыбнулась. — На отца не похожа, зато вылитая мать. А вот характер у тебя отцовский, это я помню. Не переломишь. Это уже в детстве было заметно. Я ещё думала, что Айрину с тобой будет весело! Ну что ж, на все воля Пламени.

Королева постучала в переднюю стенку кареты, и они медленно поехали по улице.

— Глупая девчонка! — повторила королева с чувством. — Пришла бы в замок открыто, назвалась бы. А ты — посуду мыть. Да я сразу поняла, что это была ты, когда мне рассказали про пантеру, про то, как ты отчитала Гальданию — кто бы ещё посмел? Хорошо придумала! Могла бы сразу сказать Аллиель...

— Тогда обо мне узнал бы весь лирский замок! — улыбнулась Ринна.

— И что с того? Все знали, что я тебя ждала. Куда тебе ещё было идти?

— Я боюсь, ваше величество, — призналась Ринна. — Боюсь всех своих родственников. Мне не хочется в монастырь. И все знают, что королева Аллиель до сих пор сердита на меня.

— Про монастырь я тебе даже думать запрещаю, — отрезала королева. — Меня и так напугали такими слухами. А про Аллиель — что за новости? Все знают, а я нет? Это из-за чего, из-за отказа Айрину? — и она тихо рассмеялась. — Молодая ты ещё и наивная! У Аллиель пятеро детей и племянники, а теперь и невестки. И каждый из них по-своему не дает ей скучать. Айрин, конечно, любимчик, младший сын, но, узнав о твоём отказе, она только и обронила, что не очень-то и хотелось! Кстати, что там у тебя за муж? Где он? У вас осуществлённый брак?

— Да, ваше величество. Я не знаю, где мой муж. Надеюсь, что мы скоро встретимся.

— Не буду врать, девочка, я надеюсь, что мы без шума от него избавимся, заплатим откупное, потом решим с браком, это не сразу, конечно. Но уж теперь я сама за всем прослежу. Сегодня же тебе выделяют комнаты в моей части замка. А попадись мне Фарут! Пару месяцев назад точно бы уши ему оторвала.

Ринна не могла не улыбнуться, представив короля Фарута без ушей, хотя услышанное перед этим ей совсем не понравилось.

— Хорошо быть старой королевой на Побережье, да? — усмехнулась Кандина. — Все короли — внуки в каком-нибудь колене, так что надрать им уши не выглядит государственной изменой. Что не так, девочка?

— Ваше величество, я очень люблю своего мужа.

Королева удивлённо приподняла брови.

— Любить мужа — это прекрасно. Но, видишь ли, мы в долгу перед предками, перед потомками, перед своей кровью. Место с тобой рядом — обязывает. Мне говорили, что твой муж — бродяга. А ты, леди, не смогла бы принять грязного бродягу. Это так же верно, как то, что вино и масло не перемешаешь. Так о чём речь? И что он, по-твоему, за человек?

— Я его приняла. И он не грязный бродяга, вовсе нет. Он циркач, его отец — хозяин цирка, как говорят. И вообще, циркачи — хорошие люди. Поверьте мне, ваше величество.

— Не сомневаюсь, — кивнула королева.

— За это время со мной много чего случилось, ваше величество, — продолжала Ринна. — Меня запирали в монастыре, потом я была хозяйкой кондитерской лавки, потом меня похитили и поссорили с мужем, пользуясь моим же даром тая, я бежала и выступала в цирке с дрессированным медведем. Видите, леди Ринны больше нет. Леди Ринной я старалась быть поначалу, но потом поняла, что не хочу цепляться за то, чего меня лишили. Потому что это чуждо моему мужу. Вы сами сказали — вино и масло не смешиваются. Я хотела умолять вас лишь об одном...

— О чем же? — королева пристально смотрела на неё.

— Подтвердите в банке мою личность и поручитесь за меня, чтобы я могла получить деньги. Надеюсь, их хватит, чтобы открыть кондитерскую лавку в Лире. Да, я хочу сделать это ещё раз. А что-то от вас или от короля... простите, но не нужно.

— Почему не нужно? — уточнила Кандина.

— Королевские милости — как блики на воде... Простите... — Ринна отвела взгляд, истово надеясь, что не придется пожалеть от такой откровенности.

Но королева посмотрела понимающе, и вдруг громко рассмеялась.

— Блики на воде. Ах ты, дурочка маленькая! Ну вот что. Монастырь, кондитерская, похищение и цирк — даже в таком изложении увлекательно. Давай-ка теперь в подробностях.

Карета всё так же не спеша катилась по улицам Лира, а Ринна рассказывала, тоже не спеша и в подробностях. Нет, множество ненужных деталей она опускала, конечно, но в целом королева

Кандина услышала всё, заслуживающее внимание. А после она долго молчала, играя шёлковым платочком, и Ринну это беспокоило, но она не решалась заговорить.

— Что ж, я тебя поняла, — сказала, наконец, Кандина. — Заклятье, которым можно влиять на короля через его родственницу — это серьезно. Потом встретишься с лордом-тайником и королевским колдуном, побеседуете. Они занимаются изучением таких вещей. Я за тобой пришлю.

— Я знаю это лишь со слов Вернана Сейри...

— Неважно, откуда. Твой дар... О, если бы я знала о нём раньше! — королева горестно вздохнула. — Может быть, его можно вернуть!

— Я не хочу, ваше величество, — воскликнула Ринна.

— Рано пока об этом, — королева похлопала её по руке. — Надеюсь, в детях дар проявится.

— Мой муж — тоже тай.

— Да, я поняла. Ты хочешь взять деньги в лирской конторе гринзальского банка «Три Изумруда». Это деньги Венешей? Давай лучше я дам тебе денег.

— Это не деньги Венешей, ваше величество. Отец оставил их мне по особому распоряжению, там должно быть немного. Была печать, чтобы их получить, но я её потеряла.

— А из-за чего суматоха? То, что хотел Сейри — в этом же банке в Гринзале? Что там?

— Отец никогда не говорим мне, ваше величество. Я лишь знаю, что он оставил письмо, как распорядиться тем, что в хранилище банка. И я знаю, это придётся сделать не сейчас, а много позже. И вдвоем с моим мужем.

— Ну-ну, — вздохнула королева, — знаешь, дорогая, всё, что ты рассказала о себе сейчас, не будет иметь значения, если ты всё-таки поселишься в Лирском замке как моя внучка и позволишь устроить твою жизнь.

— Простите, ваше величество, но — нет... — поспешила отказаться Ринна.

— Гм. Хорошо, я услышала, — королева взглянула на неё со странным, и, кажется, немного насмешливым выражением. — И почему ты дочь Лайта Венеша, и не его сын? Леди рождаются для другого.

— Один колдун мне это говорил: что дворцы строят мужчины, а женщинам они просто достаются...

— Так и есть, — согласилась королева. — Говоришь, Пламя одобрило твой брак? Не просто формальность?

— О, нет. Оно поднялось вот на столько, — Ринна показала ладонью.

— Значит, и с разводом могут быть сложности. Рик и Ринна... пробормотала королева и мимолётно нахмурилась. — Ладно. За мою жизнь кое-что уже перевернулось с ног на голову. Кондитерская Ринны Венеш, говоришь?

— Ринны Кан, — поправила Ринна, — я никогда не напомню о себе Крансартам, обещаю.

— Подожди, мне надо подумать.

На этот раз, впрочем, молчание не затянулось.

— Я поручусь за тебя, — сказала Кандина. — А дальше слушай внимательно. Ты должна согласиться на все мои условия.

Ринна кивнула в ответ на её вопросительный взгляд.

— Кондитерскую собираешься открыть в том доме на Сладкой улице? Хорошо. Я заметила помеченную вывеску. С домом я решу, его купят или арендуют для тебя. Молчи и слушай, — прервала она Ринну, которая хотела возразить. — Устраивай всё, как хочешь, тем более ты уже пробовала. Но я найду тебе расторопного и сведущего помощника — это сэкономит время и деньги. Понадобится что-нибудь — говори мне. Но самое главное: я буду с тобой в доле. На половину не претендую, но треть твоей кондитерской будет моя, — услышав это, Ринна чуть не задохнулась от изумления.

А королева рассмеялась.

— Кажется, именно третью заведения может владеть не член Гильдии, — пояснила она. — Я уже слишком стара, чтобы вступать, не находишь? И достаточно стара, чтобы считаться безумной, хотя пока, слава Пламени, мне этого не говорили. Мне уже можно всё, девочка. Поняла?

— Да, ваше величество, — кивнула Ринна.

— Бабушка, — поправила её королева, — ты единственная правнучка моей любимой кузины, с которой мы росли вместе, как сестры. Зови меня бабушкой, и только так. За исключением самых официальных случаев, ну да что мне тебя учить!

— Я поняла, ваше величество. Бабушка...

— Вот и умница. Дальше мелочи: кондитерская будет называться королевской, на ней будет мой герб, и твой тоже, придумаем что-нибудь. На Новомодье ты в числе других кондитеров, пекарей, мясников и прочих явишься в замок с подарком его величеству — это обязательно. А ещё с тебя уже завтра снимут мерки и будут шить платья для торжеств на Новомодье — будешь на них обязательно, особенно на главном балу. Понятно?

— Да, бабушка, — вздохнула она.

Это всё не будет легко и приятно...

— Главы Гильдий обратились к королю с просьбой назначить каждой покровителя из королевской семьи, чтобы дела решались быстрее и к общему удовольствию. Пока с этим неясно. Но думаю, ты подойдёшь на эту роль для своей Гильдии.

— О! Но, бабушка. Это значит, что я все-таки буду считаться...

— Членом моей семьи? Естественно, — королева резким жестом отмела возможные возражения, — ты не желаешь знаться с родственниками, скверная девчонка? Со старой бабкой, которая одной ногой в могиле?

— Нет, что вы, но... — и Ринна смущенно рассмеялась, не зная, как быть с таким поворотом.

Она рассчитывала на совсем другой вариант. То, что предлагала королева, было, в сущности, неплохо, если только оно возможно. А переиграть даму, которая уже пятьдесят лет как королева и считается умнейшей на Побережье — кто бы посмел?..

Карета тем временем прижалась к обочине и остановилась. Ринна выглянула в окно и увидела целую процессию из карет и верховых в странной одежде и тюбанах, а посреди процессии двигалась платформа, на которой стоял лев. Огромный ржаво-золотой лев с пышной гривой цвета корицы. Ринна вскрикнула от неожиданности. Лев был тот самый! И — неживой, это она поняла сразу. Ужасное зрелище!

Дверь приоткрылась, заглянул лакей.

— Ваше величество, специальные послы из Джубарана везут льва, убитого его высочеством принцем Айрином.

Ринна выскочила из кареты и подбежала к платформе. Лев стоял неподвижно, глядя перед собой глазами из какого-то самоцветного камня — глазами, очень похожими на настоящие. А над ним плясали редкие снежинки — зима всё-таки примеривалась к кандрийской столице.

Джубаранец, ехавший на платформе рядом со львом, наклонился к Ринне и что-то сказал на непонятном языке.

— Пойдёмте, миледи, прошу вас, — лакей потянул её к карете.

Оказавшись внутри, рядом с королевой, она расплакалась, вытирая слёзы ладонями.

— Что, девочка моя? — бабушка протянула ей платок.

— Он такой же. Он точно такой! — бормотала Ринна.

И как объяснить, что она, как тай, только что прочувствовала смерть этого прекрасного существа. Колдун?.. Нет-нет, конечно нет!

— Как твой колдун? — поняла королева Кандина. — Милая, это просто лев, их много в пустыне. Охота на львов — это традиция в Джубаране, для правителей и героев, для почётных гостей. Может быть, Айрин просто должен был...

Она обняла Ринну и гладила её по плечам, пока та старалась успокоиться.

Ну конечно, где-то пустыне живёт много львов, и все они похожи, скорее всего. Но она правильно сказала тогда Рику, что ей не нравится принц Сай-Айрин, не нравится, не нравится...

Королева приоткрыла дверку, подозвала стражника и велела уточнить, точно ли принц Айрин убил льва, и когда. Тот ходил довольно долго, но принес ответ: льва убил именно принц, принц настоящий герой, он охотится каждый день и убил множество зверей, и львы разбегаются от него в ужасе по пустыне, а прекрасные девы не могут отвести от него глаз...

— Пустые речи, не слушай, — усмехнулась Кандина. — Вообще, он охотится лишь на кабанов, как и его отец. Ну хорошо, а то мне что-то пришли в голову странные мысли...

Она повернулась к Ринне и сказала ласково, но твердо:

— Если твой супруг всё же явится к тебе и окажется грубым неотёсанным мужланом, я сама прикажу прогнать его за ворота.

— О нет, Рик не такой...

— В остальном делай с ним, что хочешь. Главное, постарайся родить мальчиков с настоящим даром. Мальчикам дар нужнее. Нашему королю достался слабый, но и он спасал ему жизнь. А уж полноценный дар Древних Королей... Кстати, твоего мужа проверят на дар, я распоряжусь. Король даст ему службу и титул, если он хоть немного достоин.

— Да, бабушка... — вздохнула Ринна и прикусила губу.

Это, вероятно, не то, что нужно Рику, но они потом как-нибудь договорятся.

— Вот и хорошо. Значит, едем в банк. Потом в Гильдию, к чему откладывать? — решила её величество. — Жаловались, что гильдейские любят решать дела неделями и писать больше бумаг, чем в королевской канцелярии! Надеюсь, со мной они обойдутся лучше, давай-ка воспользуемся. А потом поедем обедать в замок. Не бойся, поедим вдвоем, сегодня никто тебе досаждать не станет...

Ринна вернулась в дом на Сладкой улице, когда стемнело. Она приехала в карете. Лакеи и стражники втащили в дом сундучок с пряностями, мешок муки, бочонок меда и корзины со всем, что могло ещё понадобится. Припасы выделили по приказу бабушки из кладовых Лирского замка. Конечно, самой прогуляться по торгу и всё выбрать было бы для Ринны отдельным удовольствием, но это она отложила на потом.

Внизу их встретили потрясенная Верена и Нора, кутающаяся в шали.

— Вижу, тебе лучше, — обрадовалась Ринна. — Верена, а ты покажи, пожалуйста, где в кухне можно поставить припасы. Я буду готовить сегодня!

— Миледи, я должен узнать, потребуется вам карета завтра утром? — спросил старший сопровождения.

— Потребуется, — решила Ринна, — только не слишком рано!

Кажется, жизнь опять перевернулась удивительным образом.

— Что это значит? И кто приезжал за тобой утром? — дрожащим голосом спросила Верена, когда посторонние ушли.

— Моя бабушка, — Ринна положила на стол перед Вереной несколько гербовых листов. — Вот, видишь, откроется хоть завтра. Нет, послезавтра, завтра будем наводить порядок. Дом мой, вот документы на лавку, разрешение на работу от Гильдии. Вроде бы всё есть. Ты хотела работать в Лирском замке и снять домик в предместье. Я дам лучшее жалованье, и жить будешь тут! И Нора тоже.

— Но как?! — Верена дрожащими руками перебирала бумаги. — Как можно — за один день? Никто не получал разрешение за один день!

— За полчаса, — поправила Ринна. — Бабушка посодействовала. Мы даже не выходили из кареты, Мастер рысью бегал от кареты в дом и обратно, и так несколько раз, на одной ноге у него был сапог, на другой — туфля. Жаль, что ты не видела. Как вспомню его физиономию, когда он говорил мне: «Завтра!» Так бы и отправила его ещё побегать по Лиру.

— Да, о Пламя! — Верена тоже не удержалась от улыбки, — Что же у тебя за бабушка?! А это что? — она держала в руках документ, в котором были описаны права собственности на заведение.

Она долго вглядывалась в строчки, потом подняла совсем уж изумлённый взгляд на Ринну.

— Королева Кандина будет совладельцем твоей лавки? Что это? Как это возможно?

— Мы — подданные короля, которому и так принадлежит всё. Что такого, если часть лавки будет принадлежать королеве-матери?

— Но королева не может торговать! Владеть лавкой! Почему? Как это?! — кажется, мир скромной вдовы тоже только что перевернулся. — Зачем?! Это настоящие документы, или ты смеешься надо мной?!

— Всё настоящее. Она сделала это ради меня, — объяснила Ринна то, что, пожалуй, не для всех было понятно сразу. — Этим она поставила нас на одну ступень. Чтобы никто из высоких лордов не посмел мной пренебрегать на том основании, что я булочница.

— Но... А королева Кандина...

— Да, она и есть моя бабушка.

Тут Верена с размаху села на табурет, который очень удачно стоял — иначе она свалилась бы на пол.

— А кто же вы, леди? — несмело подала голос Нора.

— Ринна Венеш из Ленгара, «капризная принцесса», та самая. — Только, — она прижала палец к губам и улыбнулась, — не вздумайте разболтать мой секрет! Скажу сразу, у меня не было трех дюжин женихов, это выдумки! — она опять взглянула на Верену, которая сидела и беззвучно открывала рот, потом на замершую неподвижно Нору, улыбнулась, — я могу на вас положиться? Верена! Нора! — девушки по очереди кивнули. — Вот и хорошо. Значит, открываем кондитерскую. А теперь я займусь пряничным тестом, вы посидите со мной? Верена, можно тебя попросить истолочь специи?..

Пряничное тесто не слишком капризно, что бы не утверждали некоторые хозяйки. Главное — всё делать правильно. Зёрна кардамона, гвоздика и бадьян, корица и перец — это Ринна отобрала вручную, уделяя внимание каждому аромату по отдельности, потом высыпала в ступку и передала Верене. Дорогие заморские специи тоже могут растерять тот самый аромат или вовсе иметь не тот — тогда им нечего делать в ленгарских пряниках. То есть, не в ленгарских, конечно. Это королевская булочная? Значит, будут королевские пряники. История повторилась — леди из Ленгара ушла в чем была и унесла рецепт. Старая пропись рецепта осталась у графини — вот и пусть пробует пользоваться! Ещё бы переманить сюда Нону...

Мёд в бочонке оказался тот самый — тёмный, густой, душистый. Ринна подогревала его в большом котле над почти погасшими углями, помешивая, потом за весёлку схватилась Нора. Свежее сливочное масло — туда же, в мёд!

Мука нужна особая. Та, из которой получаются пышные белые булки, не годится для пряников! Муку Ринна лично проверила ещё в замке. Половина муки должна быть ржаной, половина пшеничной. Своей ржаной муки в Ленгаре мало, её привозят издалека.

Истолчённые в пыль специи Ринна высыпала в ржаную муку и заварила её в меду. Потом — черёд поташа и самого крепкого хлебного вина — они придадут рассыпчатость. А теперь это надо остудить, такому большому котлу придётся остывать до утра и дольше — спешить нельзя, это важно, иначе не выйдет тех самых пряников — плотных, рассыпчатых, нежных и тающих во рту, и невероятно душистых.

— Завтра закончим — и в подвал, — сказала Ринна. — Печь начнём за пять дней до Новогодья.

— Надо ли столько хлопот с пряниками, — заметила Нора, здоровье которой, похоже, быстро шло на поправку. — Слышала я, эсса Кан... миледи, то есть, что в Руате пряничное тесто неделями в подвале скучает, его даже в кадушке закапывают! Всё понять не могла — зачем!

— Чаше месяцами, и не неделями, — весело поправила Ринна. — вот и поймёшь, зачем...

Глава 17. Возвращение

Не на следующий день, конечно, кондитерская не открылась — дел до открытия пришлось переделать массу. Ринна забыла, что такое безделье и вообще свободное время. Покупки, переделки, портнихи и столяры-плотники, что готовить и как — не хотелось ошибиться, открывая заведение напротив Лирского замка. Новая посуда и решительно всё на кухню — у Верены за долги вывезли всё, что только можно было. У Ринны спрашивали совета и ждали распоряжений. Присланный королевой Кандиной помощник, эсс Турей, оказался неоценим — он, как и старый Дук, умел покупать дешевле и в два счета управился с нанятой Ринной прислужгой. Она не представляла, как бы всё делала сама, и начала остро сочувствовать ленгарским управляющим и экономкам. Добавить сюда ещё происки конкурентов — за день до открытия великолепные прозрачные окон-витрины были разбиты, а достать такие же стекла оказалось непросто. Но всё подходит к концу, даже обустройство кондитерских лавок. И однажды утром «Королевские сладости» открылись.

Да-да, именно эти два слова были написаны на вывеске над дверью. О том, что сладости, в какой-то степени, действительно королевские, пока решили громко не объявлять. День выдался морозным и солнечным. На специально сделанных наклонных подставках в окнах появилось всё, что Ринна с Вереной смогли придумать и приготовить к открытию. Накануне она опять провернула тот же фокус со съедобными ароматами, и наняла охрану, чтобы им не побили стёкла...

Успех был оглушительным. Для начала в маленькую кондитерскую заглянула королева Аллиель, которая проезжала мимо, она увезла большой короб с пирожными. К вечеру появились принцессы. Знатных гостей принимали Верена и эсс Турей, Ринна вовремя успела спрятаться в конторе и подсматривала через маленькое окошечко — его когда-то сделал ещё муж Верены. Так и пошло. Знатные дамы наезжали в течение всего дня. Если в Лаверри кондитерская эссы Кан ежедневно продавала сотни маленьких недорогих булочек и много меньше всего остального, то тут спросом пользовались изысканные бисквиты с винными соусами, их тесто Ринна приправляла крошечными порциями перца и мускатного ореха, а кто-то предпочитал заправки с корицей и имбирём, и ещё десятки вариантов. И это перед праздником, когда традиционно следовало воздерживаться от обильной пищи!

Через три дня Ринна наняла ещё троих поварих. Сладости коробами увозили в замок и по городу. Если бы скромная Нона, которая готовила исключительно для семьи графа Ленгара, увидела успех своих рецептов, она бы удивилась! А Верена, на глазах которой на этом самом месте разорилась её маленькая булочная, была глубоко потрясена, даже плакала.

— Дед прав, ты колдуешь! — заявила она однажды в сердцах. — Без колдовства это всё невозможно, я знаю.

Ринна только смеялась и обнимала её, обещала:

— Я и тебя научу, тоже будешь так колдовать!

И пригласила колдуна из замка зачаровать окна в кондитерской — стекла стоят дорого. Услуги колдуна, тоже недешёвые, «Королевские сладости» теперь могли себе позволить.

— Я хочу открыть ещё несколько булочных, — сказала она королеве однажды утром. — Ведь если ими только управлять, то можно иметь их сколько угодно!

Она приехала в замок последний раз примерить платья, которые сшила ей к Новому году портниха королевы: скромное, в котором она должна появиться в замке на процессии Гильдий в первый праздничный день, и невероятно роскошное бальное — на вечер.

— Вы полагаете, миледи, что открывать булочные интереснее рукоделия? — тонко улыбнулся королевский колдун, тот самый, который так хорошо зачаровывал окна.

Колдун на этот раз пил с ними чай, заедая его привезёнными Ринной пирожными. Он, кстати, играл в шахматы лучше первого министра, и поэтому был желанным гостем у старой королевы.

— О да, значительно интереснее! — с улыбкой ответила Ринна.

— Конечно, открывай! — разрешила королева. — Кстати, я надеюсь, ты не обделишь меня настоящими ленгарскими пряниками. Я их жду! Давно мечтаю, с тех пор как Турей доложил, что вы приготовили тесто!

Ну кто бы сомневался, что этот добрый эсс — глаза и уши её величества? Это так же верно, как то, что он всё чаще поглядывает на красавицу Верену глазами грустной собаки...

— Сколько угодно, бабушка, — пообещала Ринна, — мы начнём печь их уже сегодня. Они вам нравятся?

— Да, несколько лет назад мне привозил их посол Руата, — улыбнулась её величество. — Тот самый вкус и запах, что я помню с юности. Я чувствовала себя такой молодой, пока пряники не кончились! Ты умеешь печь те самые?

— Несомненно, и я обещаю, что теперь они будут у вас всегда. Только вот... я хочу, чтобы в нашей кондитерской готовили особые пряники, в виде туфелек. Можно на будущее запретить всем остальным печь пряничные туфельки? — эта мысль появилась у Ринны уже давно, — такие прянички будут только у нас. Мне кажется, они многим понравятся.

— Туфельки? Как странно, я таких пока не видела. Но пожалуйста, — сразу согласилась королева, — изложи это моему секретарю, он напишет указ. Думаю, король не откажется подписать такую безделицу...

— Сведения из Цитадели, ваше величество. О принце Айрине, вам доложили? — сказал вдруг колдун. — Я уже передал это вашему секретарю, а также секретарям их величеств.

А Ринна чуть не подскочила, и вся превратилась в слух.

— И что же об Айрине? — посерьезнела королева.

— Он здоров, в порядке, и уже покинул Джубаран, — сказал колдун.

— Не много. О том, что он покинул Джубаран, и так можно догадаться.

— Главное — он здоров, ваше величество! И он, мне помнится, получил от его величества однозначное разрешение не показываться дома до Новогодья. Почти приказ!

— Не приказ, лишь разрешение! — возразила королева. — Разрешение прохладиться и не участвовать в делах! До Новогодья. И он ещё не знает про невесту! Девушка ждёт предложения на Новогодье! Непонятно кто распустил слух, что это непременно случится, подозреваю, сами гретцы, что её привезли. Аллиель негодует, но что делать, об этом даже на рынках говорят!

— Принцу однозначно пора жениться, девушка — подходящая партия.

— Король тоже так считает. Но ведь Айрин упрям, как... почти как некоторые известные нам персоны, — королева выразительно посмотрела на Ринну. — Аллиель уже извелась. Боюсь, ей лучше пока не есть сладости.

— Я сделаю для её величества особый состав, от возможной полноты, — сказал колдун, — минимум колдовского воздействия, но помогает. Правда, там есть условие — надо каждый день трижды обходить замок.

— А, ну сделай такой королеве, и не забудь сказать про условие, — хмыкнула бабушка.

— Эсс колдун, что такое Цитадель? — решила спросить Ринна. — Никто не знает этого...

— А, да, миледи, — закивал колдун, — об этом особо не говорят. Это вроде Обители, но для колдунов. Большая крепость. Там живут временно, повышают мастерство, проходят посвящения, там лучшая библиотека на Побережье. А почему вы интересуетесь, миледи?

— Гадалка сказала, что моему мужу там помогли, когда он был ранен.

— Вряд ли именно там, они не возьмут каждого раненого, разве что особого. Но рядом с Цитаделью целые улицы лекарей. Надеюсь, он уже здоров.

— И я надеюсь...

Вот так незаметно, в работе и хлопотах, Новогодье подошло к самому порогу. И выпал снег, покрыл землю и крыши, шапками повис на деревьях и столбах, как... щедро рассыпанная сахарная пудра. А воздух стал морозным и хрустящим, и очень свежим и... несладким, к счастью. Сладости Ринне хватало в кондитерской. Цирк Кавертена вот-вот прибудет в город — она уже узнавала. Скоро она встретится с Кавертеном, с остальными. И хотя бы узнает про Рика.

Они с Вереной напекли целые горы пряников и долго расписывали их цветной глазурью. Так можно испечь и дворец, склеить той же глазурью и тоже раскрасить, но нет, любая лишняя работа вызывала теперь почти ужас. Много-много туфелек — и хватит для начала. И хорошо бы немного поспать, потому что уже завтра ранним утром Ринне отправляться во дворец.

Ей не спалось, и мысли о Рике не шли из головы. Вспоминался он — за столом в кухне, в Ленгаре. Его янтарный взгляд. Его горячее тело, к которому так хотелось сладко прижаться, оплестись вокруг подобно гибкой ветке...

Гадалка сказала, что он — в пути, он ищет. Но почему же так долго?! Изнывает от боли и ревности, хочет знать правду! Значит, тогда он правду ещё не знал. Конечно, откуда? Кто может ему рассказать про Сейри, про Гаверика, про остальное? Колдун? Это он тот чужеземец? Не очень верилось. И колдун знает лишь про её дар. Они с Риком встретятся, и... у неё не будет ни одного доказательства своей правдивости. Таи не колдуны, они не оставляют следов!

Он уверен, что в его душе ей не место, но пока не желает изгнать... Так сказала гадалка. Это значит, что он разочарован, но хотел бы убедиться, что не прав? Так вот, ей нечем его убеждать. Поклясться на Пламени? Да, она не сможет солгать. Но он своими глазами видел её ложные клятвы...

Наутро, едва взглянув на неё, Верена побежала на улицу за льдом — приводить в порядок припухшие глаза своей хозяйки, которой предстоял, ни много ни мало, визит к королю...

До замка Ринна ехала в карете, потом шла по расчищенной от снега парковой аллее в толпе других гильдейцев и несла большое блюдо, на котором они с Вереной построили башню из пирожных, закрепляя их тягучей карамелью и деревянными шпажками. Башню окружали холмы из разноцветных пряничных тufелек. Дары королю на других подносах тоже были съедобные — всё это предназначалось на общий праздничный стол. Поэтому пряники для королевы Кандины Ринна загодя отправила в замок — чтобы они достались персонально ей. Целый короб забавных разноцветных тufелек, каждая разрисована по-своему.

Праздничный костёр на площади перед замком должен зажигать сам король. Он его и зажжёт, наверное, уже давно — огонь поднимался высоко, бушевал, потрескивая, рассыпал искры. Таким и должен быть новогодний костёр у королевского замка. У костра собралась вся королевская семья, не считая толпы придворных — таков обычай. Приходят все, и все должны хотя бы немного станцевать. Ринна издали увидела большую высокую фигуру короля Эдина, который танцевал то с королевой Аллиель, то с маленькой, лет пяти, девочкой в пушистой шубке. Она увидела и принцев — долговязого, выше короля, Бернара и более низкого и плотного Канта, с ними принцессу Аустру и леди Гальданию. Принцесса Розита сидела чуть в стороне в кресле, среди кучи меховых одеял, рядом с ней бабушка, тоже в кресле. Наверное, они обе уже символически «станцевали», и теперь наслаждались видом праздника. Сбоку стоял длинный стол, уставленный разной снедью и кувшинами с вином — его по обычаю должны были накрывать королева и принцессы, хотя бы сделать вид.

Накануне Ринна ещё раз попыталась увернуться, не присутствовать на этой церемонии в качестве кондитерши. Но королева Кандина была неумолима. Да, она предупреждала, это её условие.

— А что ты хотела, дорогая? Ты ведь не можешь отказаться от себя, от чести Венешей — верно? Живя в покоях Лирского замка, нетрудно быть гордой. Но ты выбрала иное, причём сама, вот и не жалуйся! Станешь прятаться — все решат, что с тобой и заговорить стыдно!

Кто знает, чего добивается бабушка — уязвить, наказать? Посмотреть, как она справится? Что бы ни было, придется выдержать испытание, которое, кстати, и тяжёлым не назовешь, чего уж там. А вечером — явиться на королевский бал. И вот бы с ней был Рик. Вот бы они помирились уже сегодня! Но — на бал?..

Они танцевали на деревенской пирушке в день своего венчания, потом в Лаверри — и Рик всюду был как рыба в воде. И Ринна вдруг подумала, что на королевском балу её муж, может, и не стал бы танцевать, но в остальном не ударил бы в грязь лицом, и ей хочется оказаться на этом балу — с ним. Конечно, это пустые мечты. И что он надел бы? А ей пока не стоит загадывать более чем на два шага вперед.

Танцы прекратились, король с королевой и принцессой Аустрой вышли к столу принимать поздравления Гильдий, остальные полукругом встали за ними, кресло бабушки тоже перенесли ближе. В отдалении продолжала играть музыка, и было скорее празднично, чем торжественно. Ринна была не первой в длинном ряду. Поклон, короткая речь, ответ короля, он брал блюдо и передавал кому-то, королева угощала ломтем хлеба и мяса — как хозяйка дома, а принцесса наливала вино. И тут же подходил следующий гильдеец...

Ринна встретила взглядом с Гальданием задолго до того, как подошла её очередь. Кузина её узнала сразу — точнее, она узнала непочтительную горничную. Вот она придвинулась к Розите и что-то ей зашептала, та тоже удивлённо взглянула на Ринну, но тихо сказала что-то Гальданию — видимо, посоветовала вести себя как ни в чём ни бывало. Вот Аустра тоже увидела Ринну и застыла

на мгновение с кубком вина в руках, так, что заметила королева и тоже посмотрела...

Ринна старалась стоять прямо и сохранять на лице невозмутимую улыбку. Вот, её очередь. Поклон, слова поздравления, которые она затвердила накануне, вот король Эдин взял у неё блюдо...

— Я получила пряники, леди Ринна! — вдруг громко сказала королева Кандина, подчеркнув слово «леди». — Они удивительные. Они точно такие, как готовила моя дорогая сестра. Никто лучше леди из Руата не смыслит в выпечке.

Вот, а так ли это правдиво — не важно. Главное, что забава началась.

— Я очень рада, что угодила, бабушка, — заявила Ринна.

— Да уж, угодила, угодила, — королева улыбнулась тонкими сухими губами, и поднялась, опираясь на костыль. — Думаю, я должна представить вам искусницу. Это леди Ринна Венеш из Ленгара, дочь графа Ленгара. И она правнучка моей сестры! Моя внучка! — последние слова королева произнесла так, словно даровала Ринне титул.

По сути, так оно и было.

— Девочка моя, а это — ваша дорогая младшая кузина! — королева показала на Гальданию. — Вы ведь её узнали? Думаю, эта встреча вас порадует! И вас, леди Гальдания, правда же?

— Да, ваше величество! — прошептала совсем сбитая с толку Гальдания.

— Леди Ринна Венеш? — король не скрывал удивления. — Рад видеть вас в Ленгаре. Мы рады, да, дорогая? — он обнял за талию королеву. — Но... вы имеете какое-то отношение к тому заведению за мостом, из-за которого в замке скоро придётся расширять дверные проёмы?

— Имею некоторое. И я расцениваю ваши слова как похвалу, ваше величество?

— Ещё бы! Уж на что я люблю мясо...

— Мой муж тоже так говорит, ваше величество.

— Хотя вы — сама красота и стройность, — заметил король галантно.

— Мой муж тоже так считает, ваше величество, — она улыбнулась чуть лукаво.

Второй принц, муж Розиты, поперхнулся вином, и кто-то из слуг принялся стучать его по спине.

— Мы задерживаем церемонию, дорогой, — шепнула Эдину королева, — леди Ринна никуда не уйдёт, поговорим потом.

— Не уходите, леди, — король погрозил ей пальцем.

Ринна встала рядом с королевой Кандиной, и церемония продолжилась.

— Вы меня помните, леди Ринна? — к ней подошёл принц Бернар, старший сын короля, он приветливо улыбался и смотрел с искренним любопытством.

Это о нем Ринна говорила с Риком. Принц был высок, красив и очень похож на отца-короля, но теперь это Ринну не волновало.

— Да, ваше высочество. Хотя мы виделись так давно! Вы мало изменились...

— А вы — чрезвычайно! Тогда ведь были совсем малышкой. И вы с Айрином чуть не разнесли половину сада, я помню. Не поделили рысь, кажется?

Про половину сада — невероятное преувеличение.

— А я этого совсем не помню, ваше высочество.

Когда все поздравления от Гильдий были приняты, королевская семья отправилась в замок. Поскольку в конце церемонии королева Аллиель отошла, король Эдин предложил руку принцессе Аустре, а Ринна поднималась под руку с принцем Бернаром. Скоро они все оказались в маленькой гостиной за накрытым столом. Праздничное утро было для всех хлопотным и на людях, так что теперь — маленький отдых и посиделки только для семьи и близких.

— Обычно за этим столом не бывает посторонних особ, — тихонько сказала принцесса Аустра, — горничных, поварих, трактирщиц, и вообще простолюдинок.

Король удивлённо посмотрел на невестку.

— Всё меняется со временем, — громко сказала, усаживаясь, королева Кандина. — Когда-то друг моего мужа занялся торговлей, и скрывал это, чтобы не уронить честь. Теперь мой внук делает то же самое, но не скрывает. И не только он. Да, Эдин? А моя внучка открыла кондитерскую лавку, и желает открыть ещё. Кстати, той кондитерской, за мостом, мы владеем вместе, третья часть — моя! Мы обе леди из Руата и умеем готовить! Должно быть, я, трактирщица, не смею сесть рядом с твоей сиятельной супругой, Бернар?

Кажется, эта речь не привела в замешательство только короля Эдина.

— Простите АуSTRU, бабушка, — сказал принц Бернар, — она, кажется, плохо спала сегодня.

— Да, это верно, — тут же согласилась принцесса и очаровательно улыбнулась. — Я всегда плохо сплю перед Новогоднем. Прошу прощения, ваше величество.

— А мы слышали, что вы вышли замуж за, гм... бродягу какого-то? Это же неправда, леди Ринна? — спросил принц Кант.

— Неправда. Мой муж не бродяга, он циркач, фехтовальщик, — ответила Ринна спокойно.

— Циркач, фехтовальщик? — король вдруг улыбнулся. — Какой цирк?

— Цирк Кавертена, ваше величество.

— Видел его, — кивнул король. — Хороший цирк. А кто родители?

— Говорят, что его отец — хозяин цирка. Не этого, другого, — пришлось объяснять Ринне. — Я не успела с ними познакомиться, ваше величество.

— Название цирка?

— Я не знаю...

Тут как раз пришла королева Аллиель, ведя за руку девочку, что танцевала с королём у костра, и та без всяких церемоний забралась на колени королю. Теперь, без шубки, очень бросалось в глаза, как она похожа на короля и на принца Бернара.

— Надеюсь, эта разбойница вам не мешает, ваше величество, — заметила принцесса АуСтра.

— Ничего, — махнул рукой король. — Аллиель, Айрин уже в замке?

— Ещё нет. Если он сегодня не появится, завтра начнёте на него сердиться, ваше величество, — ласково сказала королева Аллиель, занимая место за столом.

— Ваш циркач не заставлял вас выступать, леди Ринна? — поинтересовалась принцесса Розита и кротко поморгала.

— Никогда, ваше высочество, — ответила Ринна и улыбнулась, как в гостиную графини Бьюлы.

— Какое счастье. Я бы, наверное, не пережила подобное.

— Да, конечно! — засмеялся король. — Редко какая леди такое пережила бы.

Ринна вспомнила, что о нём говорила Ярита. Он вырос в цирке, а значит, работал на круге. В цирке все работают, а сирот не кормят просто так. Да ладно, ей-то, поварихе-трактирщице, что терять?

— Я выступала, ваша величество, — сказала она. — Не потому, что муж заставил. Тогда его со мной уже не было. Да, вначале я и представить не могла, что могу выйти на круг, а потом просто пришлось.

— И что вы делали на круге? — король перестал улыбаться.

— Я танцевала с ручным медведем и делала другие трюки с ним. Зрители были в восторге, — Ринна покосилась на застывшую от изумления Розиту и на сидящую с ней рядом Гальданию, которая не поднимала глаз от стола.

Принцы переглянулись, АуСтра уронила ложечку.

— С медведем, — повторил король. — Но это сложно. Вас учили приручать медведя? Я восхищён.

— Не учили совсем, ваше величество, — призналась Ринна, — так получилось, что меня почти затолкнули к нему в клетку, и нужно было срочно приручать...

— Затолкнули? Где был ваш муж?

— Меня похитили, я сбежала, знакомые циркачи помогли... Это долго рассказывать, ваше величество.

— Хм. Да, в минуту опасности мы многое можем, — согласился король. — Ваш рассказ наверняка будет интересным, потом я найду время послушать. Наверное, вы, после того, как сходу приручили медведя, вообще никого не боитесь? Никого за этим столом, например? И меня тоже? — его величество изволил шутить, в его глазах заплескался смех.

— Мне кажется, вас не нужно бояться, ваше величество...

Король спросил, уже серьезно:

— Вы хотите развода, правильно? Вам нужен человек, достойный вас, леди.

Король Эдин был настроен к ней благодушно — кажется, это так следовало понимать.

— Ни в коем случае, ваше величество! — воскликнула Ринна. — Я не хочу развода!

— То есть, вы хотели бы остаться с мужем? — уточнил король. — Почему?

— Нас повенчало Пламя. Мы любим друг друга, ваше величество.

— Ну знаете. Когда вы оказались в клетке с медведем, где был он? Так что говорите только о себе, — голос короля стал жестче. — Со временем вы выйдете замуж за титулованного лорда.

— Нет, ваше величество. Мне, кроме моего мужа, не нужен никто.

— Он для вас лучше благородного человека с титулом? Со временем ваши злоключения забудутся, леди Ринна, и всё наладится.

— Я обещала разделить с ним жизнь, ваше величество, и нас обвенчало Пламя. Мне и принц не нужен... прошу прощения, ваше величество, ваши высочества...

— Не мучай её, Эдин, оставь, — вмешалась королева Кандина, — я ей всё это уже предлагала.

— Гм, даже как-то завидно, — пробормотал принц Бернар.

— Прошу, позвольте мне уйти, — попросила Ринна. — Меня ждут дела.

Цирк Кавертена, возможно, уже приехал в Лир.

— До вечера, — напомнила королева Кандина. — Подожди, тебе подадут карету.

— Когда вы рассчитываете встретиться с вашим э... сыном хозяина цирка? — спросил король.

— При самом лучшем раскладе — сегодня, ваше величество. Или в ближайшее время.

— Приводите его, хочу познакомиться. Сегодня так сегодня.

— Балы уже немного надоели, — сказала леди Аустра. — Представление с ручным медведем интересней, да, леди Ринна?

— Как сказать, ваше высочество...

Колкость, брошенная принцессой, была виртуозной, потому что к ней сложно было придраться. То ли она намекает, что муж Ринны — ручной медведь, то ли нет...

— Итак, где наш младший сын? — король накрыл ладонью маленькую руку жены. — Если он не явится сегодня, отправлю его проверять дальние крепости, до весны проедет. Если женится на этой маленькой глупой курочке, ладно уж, пусть не едет. А у Северинов что, других нет, только курицы?

Молодёжь разошлась, и король остался за столом в компании королевы и дремлющей бабушки. Можно было и поговорить, не очень следя за словами.

— Не будь к нему таким суровым, дорогой, — мягко попросила Аллиель.

— А ты прекрати, наконец, его баловать.

— И к ней будь добрее, пожалуйста. Гальдания повзрослеет. По матери у неё одни корни с Ринной Венеш, которая тебе приглянулась, как видно.

— Ну да, — не стал спорить король. — А наш сын — бестолочь. Ладно бы ехал в Ленгар и добыл себе эту девочку, так нет же, он отправился в пустыню гонять львов. Чучело льва у нас и так было, теперь их два. А Венеш после развода уже не выдашь за принца.

— Милый, она не хочет принца! — королева рассмеялась. — Она же ясно объяснила. Сын хозяина цирка лучше.

— Оказывается, да, — король тоже смеялся, — но ты представь, какой она была бы принцессой, если у неё медведи танцуют.

— Ну нет. Она спокойная и воспитанная, и даже бывает робкая. Но очень упрямая, что всем известно. Я собирала о ней сведения, перед сватовством.

— Спокойная и воспитанная, но её слушаются медведи, — гнул своё король, — да она идеальна!

— Она тебе понравилась! — Аллиель бросила насмешливый взгляд на своего короля.

— Как возможная невестка, — строго уточнил король. — А так-то лучше всех, конечно, ты, любовь моя, — он притянул в себе свою королеву и поцеловал её чуть более откровенно, чем это позволялось не в спальне.

Под королевой Кандиной скрипнул стул, и она открыла глаза — их величества успели отпрянуть друг от друга.

— Не судьба, что поделаешь, — сказала старая королева, — я поручала Ольгеру привезти её в Кандрию, с трудом уговорила упряма. И всё сорвалось. А ещё раньше просила Ленгара прислать её мне на воспитание. Она тай и должна была выйти за Айрина...

Королева вздохнула и снова задремала, что естественно в её годы.

Прямо от дворца Ринна поехала на рыночную площадь — мимо их кондитерской, по Сладкой улице. Вдоль всей улицы горели новогодние костры, танцевали люди, были накрыты столы, и на площади тоже — праздник же. А в углу площади собирали знакомый шатёр. Цирк Кавертена приехал в Лир!

Ринна выскочила из кареты и побежала к шатру.

— Ты?! Здесь! И-и-и! — откуда-то сбоку на неё с визгом налетела Клея. — Ты надолго в Лир? А где Рик?

Последние слова прогнали радость.

— Он не с вами? Вы ничего не знаете о нём?

Клея отрицательно замотала головой.

Откуда-то из-за горы полотнищ вышел Кавертен.

— О, это вы, леди?

— Здравствуйте, эсс. Вы знаете, где Рик?

— Я удивлен, что вы не с ним, леди. Рассчитывал встретить его в Лире. Он заходит обычно.

— Как вообще его можно найти, эсс Кавертен? Как называется цирк его отца?

Тот покачал головой, глядя на неё с тревогой.

— Не знаю, леди. Кажется, у вас что-то случилось?

— Неважно. Я вам не верю! — рассердилась Ринна. — Это уже чересчур! Вы ведь давно знаете Рика! Так что знаете, что за цирк у его отца и как его найти!

— Не знаю, леди Ринна! — с нажимом повторил Кавертен. — Но когда его увижу, то скажу ему о вас. Где вас найти?

— У меня кондитерская лавка на том конце Сладкой улицы...

— Простите, леди? — На лице старого циркача отразилось такое удивление, что Ринна даже растерялась. — У вас — кондитерская лавка?

— Да, именно. Знаете, что — я опять приеду завтра. До свидания, эсс Кавертен, — она повернулась

и пошла к карете.

— Леди Ринна, подождите, — крикнул он ей вслед.

Она обернулась.

Кавертен махнул рукой, отгоняя Клею, которая собиралась опять подбежать к Ринне, и сам подошёл к ней.

— Это карета из замка, леди? Я её видел.

— Да, эсс.

— Вы были в замке? И не встречали там Рика?

— А Рика можно встретить в замке?

— Я не должен вам говорить, — вздохнул Кавертен. — Никому не должен. Мне это попросту запрещено. Под заклятьем запрещено. Но мы, циркачи, такие, что с нами заклятья и не действуют, бывает. Понимаете, леди... Да, он сам хотел тогда через недельку-другую всё вам рассказать, — он мялся, подбирая слова.

— Эсс, пожалуйста, говорите яснее!

— Понимаете, леди. Бывает, королям надо разные дела по-тайному делать. Есть у них такие люди, которым это поручают. Иногда, бывает, сыновьям поручают. Проще всего по всему Побережью и до самых Диких Княжеств, и в другой конец, хоть за Седые горы, проехать с цирком, и никто внимания не обратит, и не остановят, если кордоны. Нам уже тысяча лет как послабления есть, чтобы ехать, хоть куда.

— Эсс? Не понимаю...

— Вот, пять или шесть лет назад Рик ваш и надел гильдейскую пряжку, чтобы с нами проехать. Он и ещё три лорда с ним. И Ивар, тот с ним почти всегда. Тогда они за Седые горы ехали, к князьку тамошнему. А мы что, король заплатил — мы довольны. Рик и ещё некоторые выступают — нравится им, и чтобы больше на нас походить, конечно... И прибыль с них есть, они ребята ловкие. И король наш — тоже ведь цирковой человек, цирки он любит, не чужой нам. Чудно ведь, леди, в кои веки мы о короле говорим, что он нам свой!

— Скажите же прямо, эсс! — взмолилась Ринна.

Хотя это, можно сказать, было уже ненужным — она догадалась, что этим путанным бормотанием пытается сказать ей циркач. Но это было как... ножом по сердцу. Невероятно и даже жутко.

— Так что хозяин того цирка — наш добрый король, миледи, Эдин Крансарт, да продлятся его дни ещё на сто лет! А его сын, значит, принц Айрин Крансарт — и есть ваш муж, миледи! Рик ведь, он, считай, на чужбине вырос, его и свои, бывает, в лицо не угадывают. Вот он и пользуется. А вы, значит, принцесса, её высочество. А что мы все с вами по-простому, так об этом у нас давняя договорённость, значит, чтобы в цирке было так. И вы уж не говорите никому из наших. А мужа своего ищите в замке, миледи... ваше высочество!

— Большое спасибо, эсс Кавертен, — Ринна поплотнее запахнула на себе тёплый меховой плащ.

Надо же, а ведь холодно... её высочеству.

Она вернулась в карету, крикнула:

— Домой!

И пара гнедых быстро примчала её к дому с вывеской «Королевские сладости». В её маленький пряничный дворец. Не такая уж длинная она, Сладкая улица.

— Ты уже? Хорошо повеселилась? — встретила её веселая Верена с грустными новостями. — Представь, у нас стащили полвоза дров! Ты зачаровала окна, а надо ещё и дровяной сарай! Дров не купить в такой день! Нечем топить, а на завтра много работы. Не у тебя, везучая, но как нам упускать завтрашнюю выручку? Есть пни нерубленные, но где дровосека в такой день взять? Праздник ведь. Да и пни эти сучковатые, всё проклянёшь, пока разрубишь, мы купили их по дешёвке... Ты что? — она испугалась, разглядев, наконец, состояние Ринны. — Что? Тебя обидели? Что случилось? — она бросилась к ней, обняла, — что, моя дорогая?

— Нет, не обидели. Ничего. Я посижу тут, у камина, хорошо? Уйди пока, ладно?

— Я принесу тебе чаю, — решила Верена. — Хочешь с настойкой?

— Хочу с настойкой...

«Если он не появится сегодня, завтра начнёте на него сердиться...» — сказала королева королю. Про принца Айрина. Они ждут его с часу на час. Сегодня.

Ринна сидела у камина на маленькой скамейке и смотрела на огонь. Туфли сбросила, потертая медвежья шкура под ногами — с виду ей сто лет! — согревала ноги.

Айрин. Её Рик? Она не поверит, пока сама не увидит. Пока он не скажет. Он сам.

Она не расслышала его имя у Пламени во время венчания. Просто не слушала. А он потом злился. Ей было всё равно, как зовут циркача, с которым ей не по пути. А он венчался по-настоящему, и пламя их соединило. По-настоящему.

Она ни в чём ни разу его не обманула. А он...

Но она не рассказывала ему про свою рысь, про то, как гуляла по лесу и по крышам. Не могла говорить об этом ни с кем чужим. Даже с Исминельдой — редко. Но Рик ведь не чужой.

Если бы он знал — может, сам понял бы, как её использует Сейри? Колдун говорил, что — нет, не понял бы. А вдруг?

А если бы он признался после венчания: «Я принц, которого ты знать не желаешь, на потеху всему Побережью»? Неизвестно, что было бы. Но нечто совсем иное, нежели сейчас.

В Лаверри он попросил у неё разрешения на свою ложь! И она согласилась. Она была влюблена и согласилась бы вообще на всё. Влюблена как... как кошка, да. Именно кошка. Тогда она ещё была кошкой. Теперь — так, воспоминания остались.

Он сказал тогда: «Не хочу тебя делить ни с кем. Ты будешь моя, а я — весь твой, и мы будем одни. Никаких цирков и никакого Ленгара. Ты и я». Она уточнила, и он объяснил: «Мы не будем разговаривать о цирке моего отца. Ты забудешь, что дочь графа». А это означало, что он собирался скрывать свое королевское происхождение. Тогда ей было уже безразлично, кто он. Но она удивилась бы, это верно. Да слов нет, как бы она удивилась!

Тогда они были одни и свободны. Теперь — нет...

А что она сегодня наговорила королю?! Её муж — сын хозяина цирка! Это безумие. И что теперь будет? И чему теперь будет верить он? Как ни странно, на неё навалилось безразличие. Он принц, она хозяйка кондитерской.

Пламя Светлое, я не желаю знать, как ты нас рассудишь!

Глава 18. Принц и принцесса

За окном медленно шёл снег. Что-то упало в передней. Нора заверещала. Ахнула и заговорила Верена. Шаги. Дверь открылась. Он зашёл, в морозном присыпанном снегом плаще. Плащ сбросил, и опустился рядом с ней на колени на медвежью шкуру. Взял её за руки, сжал.

— Привет, кошка.

У него теперь выпирали скулы, и глаза стали казаться больше. Но это были его глаза, его янтарный взгляд.

— Здравствуйте, ваше высочество, — сказала она. — Как же вы меня нашли?

— Меня привел долг. Супружеский. Моя жена — хозяйка кондитерской, должен же и я руку приложить, — по его губам мелькнула быстрая улыбка.

— Вы очень кстати, милорд, — вздохнула она. — У нас нет дров, нарубить бы. Если вы, как супруг, хотите исполнить долг...

Он встал, вышел. Она услышала сердитый голос Ивара:

— Я вам что, дровосек, ваше высочество?!

— Пожалуйста, лорд Лаленси!

Он вернулся, сел рядом с ней на шкуру, опять взял её руку и прижал к своей щеке.

— Ты правда принц? — спросила она, — скажи мне.

— Да. Я Сай-Айрин Крансарт.

— Как ты назвался, когда мы венчались?

— Айрином. Так меня обычно зовут. Сай-Айрин — только для важных бумаг.

— Я буду звать тебя Риком, — сказала она.

В сущности, злиться на него и не хотелось. Ни на кого уже не хотелось злиться.

— Согласен. А я тебя кошкой. Можно? — он поцеловал её ладонь. — Мне дышать без тебя больно. И не хочется. Я люблю тебя. Прости.

— За что?

— За то, что допустил. Думал, что берегу, охраняю. А получилось вот так.

— Зачем это было, Рик? Почему не говорил мне?..

— Хотел, чтобы ты меня полюбила. Я дурак, да?

— Да, — согласилась она, и он засмеялся.

Оттолкнув скамейку, она скользнула к нему и обняла, прижавшись. Шепнула:

— Рик, мне надо объяснить.

— Я читал твое письмо, — выдохнул он ей в ухо. — Ты что-то ещё хочешь объяснять?

— Нет, это всё. Как хорошо, что письмо дошло.

— Я искал его по Гильдейским домам. Ярита сказала. Это же не почта, а я не то чтобы циркач. Получил бы его к весне. Мог раньше приехать в Лир, но очень хотел прочитать твоё письмо. Прости меня и за это, кошка.

— Рик, я всё равно не могу доказать тебе...

— погоди. Этого не нужно. Пока мы вместе, я верю тебе, а ты мне. Ты объяснила, я понял.

— Риик? Где ты был?! — простонала она, прижимаясь к нему крепче.

— Всё рассказать? В Цитадели, потом нашёл твоего колдуна, он сказал, что ты взяла защиту и в снах до тебя не добратся, потом я побывал в Гринзале, потом услышал про бешеных котов в Кандрии, не знаю, почему связал это с тобой, выяснил, что там был цирк Яриты, а эта Ярита не

любит делать записи в гильдейских книгах, и демоны знают, где её всегда носит... — он прижался губами к бьющейся жилке у нее на шее. — Я так долго искал тебя, кошка. Никому не отдам.

— Как ты нашел колдуна?

— Очень просто. Он тогда мне представился по всем правилам. Мы говорили по-джубарански, помнишь?

— А почему говорят, что принц в Джубаране, охотится на львов? Ты прислал чучело льва?

— Какого льва? — он смотрел с искренним недоумением. — Какое чучело?

— Какой Джубаран?

— Да всё просто. Кайс Синтин мой друг. Я потом познакомлю вас. Я три года жил при дворе его отца. Он встречался в конце лета с Фарутом, а я был там негласно. Должен был ехать с ним охотиться в его пустыне, но встретил тебя. Мы договорились, и он прикрывал меня оттуда, из Джубарана. Но со львом, как видно, перестарался. Льва я не просил. Да и зачем охотиться на львов — их не пожаришь на вертеле...

Она слышала, как бьется его сердце — сильно и быстро. Прижала к его груди ладонь.

— Я сегодня сказала твоему отцу, что ты — сын хозяина цирка.

— Да?! — он широко улыбнулся. — Ну ладно, мы это переживём. В крайнем случае сбежим, — он потянул её вниз, и они вдвоем растянулись на шкуре. — У меня есть укрепленная крепость на острове, герцогство Таней. Хочешь туда?

— Хочу, — сказала она. — Знаешь, Рик, я кондитерша. Трактирщица. Особа без изысков. Простолюдника. Ты помнишь, с кем связался?

— Угу, а что? — заинтересовался он.

— Я не позову тебя в спальню, потому что там холодно, а у нас дрова украли. А тут тепло и не совсем жёстко. Но сначала ответь, как ты меня нашёл!

— Просто любовь моя, — он потянул зубами завязку на лифе её платья. — Ты писала, что встретишься с Кавертеном. Я приехал к Кавертену, а ты уже ушла. Он мне о тебе и сказал. У твоей лавки все витрины в пряничных туфельках, их издали видно...

За несколько часов перед балом король Эдин сидел в той же маленькой гостиной и просматривал бумаги, подsunутые вездесущим секретарём, и радовался тишине и кружке с горячим грогом. Всё-таки праздновать и радоваться день напролёт — утомительно. Королева Аллиель опять сама накрыла на стол, только для семьи — легкое белое вино, мясо, закуски. Ещё она заварила и разлила чай, и в комнате запахло цветами и фруктами — чай прислали в числе других подарков из Джубарана, от Айрина. Говорили о предстоящей охоте, король иногда вставлял пару слов. Невестки, конечно, в это время готовились к балу, как решительно все дамы в замке, не занятые чем-то сверхважным.

— Ты не собираешься примерить новый костюм, дорогой? — спросила Аллиель у короля.

— Он чем-то отличается от старого? Зачем примерять?

— Убедиться, что хорошо сидит.

— Сядет плохо — надену старый. Как будто кто-то станет на меня смотреть! Кому я нужен на этом балу? — долгие примерки одежды король терпеть не мог.

Королева вздохнула и отпила чаю из чашки. Она мечтала, чтобы Айрин уже вернулся и сидел сейчас с ними за этим столом. Или одевался к балу — ему она тоже загодя заказала костюм.

— Теперь, когда я знаю, кто готовит те дивные винные пирожные, буду сам ездить за ними за мост, — заявил вдруг Кант. — Как считаете, этот великолепный муж малышки Венеш на самом деле существует?

— У тебя есть сомнения? — король глянул на него исподлобья.

— Она его выдумала, я уверен. Отказаться от титула ради мужчины-простолюдина? Так не бывает, отец, согласись. Может, она стала настоящей циркачкой? А их покупают за серебро! Можно проверить.

— Что за дремучие у себя мысли? — непритворно удивился король Эдин. — Я бы на твоём месте не судил так о циркачках. Особенно если у них мужья-фехтовальщики. Послать тебя в цирк на пару месяцев? Отдохнешь от своего казначейства, а то у тебя вид скучный последнее время.

Принц Кант был по натуре внимательный, педантичный, прекрасно разбирался в торговых делах Кандрии, считал в уме без счётов и палочек, но пёстрый мир цирков был для него далек, как луна, и так же заманчив. Он близко не подходил к циркачкам, зато слышал, что они красавицы и затеищицы.

— Да ему просто тоже завидно, что его жена никогда не говорила ничего подобного! — засмеялся Бернар. — Про то, что он для неё дороже титулов.

— Король Фарут сделал её простолюдинкой, разве нет? — не унимался Кант, стакан-другой праздничного вина развязал ему и мысли, и язык. — А открыв свою лавку, она подтвердила, что это так и есть. И ведь милая малышка! Закрою глаза — так её и вижу!

— Что за разговоры! — королева сердито хлопнула ладонью по столу. — Не забывайся. Твоя жена скоро подарит тебе ребёнка.

— Я уважал Лайта Венеша, так что его дочь для меня всегда леди, — сказал король. — Пусть и для вас так будет. Подарить ей личный титул? Я не против. Надеюсь, Фарут не совсем сошёл с ума. Он всё-таки муж Савадины.

— Вроде бы послания из Руата не внушают таких опасений? — мягко заметила королева Аллиель. — Как сказала бабушка, много всего изменилось за последнее время. Дорогой, лучше возьми её мужа на службу и подари титул ему, если он будет достоин, конечно. Он циркач, фехтовальщик. Назначь его в дворцовую стражу. Или лучше покажи лорду-тайнику?

— Согласен, — кивнул король, — так и сделаем.

— Её величество королева Астинна, — появившись в дверях, объявил мажордом.

И в гостиную лёгкой походкой вошла маленькая леди в тёмно-синем.

Вдова короля Герейна, мачеха Эдина и формальная свекровь Аллиель, до сих пор королева Астинна была очень хороша: почти такая же тоненькая и стройная, как в молодости, лишь морщинки возле глаз выдавали её возраст, и то осторожно, не крича о нём, а густая седина в тёмных волосах даже шла. Уже несколько лет, выдав замуж последнюю дочь, королева Астинна покинула Лир и жила в маленьком загородном замке среди садов и виноградников.

Эдин встал, чтобы поклоном поприветствовать гостью, а потом обнял и поцеловал в щёку.

— Добро пожаловать, дорогая матушка, — сказал он шутливо.

Мачеха была всего четырьмя годами старше его самого, так что со временем их разница в возрасте вообще перестала иметь значение.

— Ах, мой мальчик, я так рада тебя видеть, — пошутила Астинна в ответ, тоже целуя короля.

— И вас, прекрасные господа, — она потрепала по волосам обоих склонившихся перед ней принцев.

— Здравствуй, дорогая, — Аллиель подошла к ней без поклонов и просто обняла. — Ты не приехала на костёр. Позволь угостить тебя вином и мясом, как положено.

Когда-то Аллиель была фрейлиной Астинны, потом сменила её на троне. Их дети были почти ровесниками, и со временем получилось так, что не подружиться было бы глупо.

Аллиель налила гостье вина и отрезала мяса и хлеба, та откусила лишь раз, а вино только пригубила. И решительно отвела королеву в сторону — поговорить.

Король лишь взглянул на них, и вернулся к отложенной было пачке документов.

— Аллиель, как я понимаю, Айрин вернулся?

— Неправильно понимаешь, — вздохнула та, — и Эдин сердится, хотя сам его отпустил. Боюсь, что если он не появится как можно скорее, то надолго отправится туда, где снег не тает!

— Погоди, — королева-мачеха больно сжала её руку, — пока я шла по замку, мне уже рассказали о явлении здесь Ринны Венеш, прекрасной кондитерши. Как это понимать?

— Так, как есть. Мы все изумлены.

— А Айрин?

— Что — Айрин?.. — королева её не понимала.

— Ну хорошо. Выслушай меня, а потом сама решай, что сообщить Эдину. Мне написала Савадина. Она обещала Айрину хранить всё в секрете, пока он сам не расскажет, но, видишь ли... Она решила, что надо сказать хотя бы мне, а там по обстоятельствам. Моя девочка расстроена, она говорит, что если бы была в это время в Асварде, то такого бы не допустила. Но Савадина была в отъезде и узнала позже.

— Ты об изгнании Ринны Венеш? Да, жаль, конечно, что так вышло.

— Нет, не только об изгнании. Айрин тогда негласно был в Асварде, ты знаешь. И решил заехать в Ленгар. И в результате он не поехал в Джубаран. Он женился на Ринне Венеш, отвез её в какой-то цирк, и... Короче говоря, вот, читай... — она достала из маленькой шёлковой сумочки письмо и вложила его в руку королеве.

Аллиель письмо прочитала. Целых два раза. Эдин как раз поднял взгляд, и, оценив выражение её лица, отложил свои бумаги.

Она поспешно подошла, села рядом, налила вина в стакан и выпила залпом, как воду.

— Дорогая, ты меня пугаешь, — Эдин встревожился.

— Нет-нет, все хорошо, — заверила Аллиель поспешно. — Кажется, у меня новости. Про Айрина.

— Я весь внимание...

— Видишь ли, наши старшие сыновья пристойно женились, как и положено принцам. Прямо точно в традициях королевских семейств. Поэтому младший решил, что хватит с нас пристойности, и пошёл в по стопам родителей. То есть нас с тобой, мой король. Он надел костюм шута... точнее костюм бродяги, и женился на Ринне Венеш, — и она вручила мужу письмо его младшей сестры, руатской королевы Савадины.

Тот лишь вскользь пробежал письмо глазами, потому что и так уже всё понял.

— Хозяин цирка, значит, — произнёс он задумчиво, прикрыв рукой глаза. — Хозяин цирка!

А потом все увидели, что король Эдин безудержно хохочет.

Огонь в камине догорел, но даже на древней медвежьей шкуре вдвоем было уютно лежать, укрывшись камзолом Рика. Они снова были вместе, но теперь иначе было всё. Теперь «цирк» её свёкра был не чем-то далёким и почти невозможным, он стал их реальностью. И он даже не был цирком!

— Рик, что теперь будет? — она потерлась лбом о его плечо.

— Хорошо всё будет, — он поцеловал её в висок. — Я представлю тебя родителям и двору, подарю утренний дар, а поскольку он безнадежно запоздал, то мы не станем ждать утра. Надеюсь, тебе понравится. У принцессы после свадьбы должны появиться новые украшения с камушками, иначе неприлично.

— Как интересно, — Ринна улыбнулась, — скорее хочу взглянуть. Но когда ты успел? — пожалуй, она не станет признаваться, что видела те драгоценности, и они ей уже нравятся.

Всё, что тогда случилось — недоразумение.

— Я заказал их ещё в Лаверри. Ювелир переслал в Лир.

— Рик, что это?! — она лишь теперь присмотрелась к тому, что висело на шнурке на шее её мужа, — откуда?!

Её подвеска с фальшивыми топазами.

— Ты потеряла у лекаря, потом он прислал вместе с микстурами. Ивару пришлось вернуться кое-за чем, вот старый Дук ему и отдал.

— Да, цепочка порвалась. Значит, ещё в Лаверри, а я не заметила! — она обрадовалась вещичке, как лучшему подарку. — Это печать, для банка. Теперь я без труда найду и посмотрю, что всё-таки в том хранилище.

— Печать? Так твой отец написал особое распоряжение? — удивился Рик, — ты это имела в виду, когда уверяла, что у тебя есть деньги? — он снял шнурок с подвеской и надел на шею Ринне. — Но что за печать такая?

— Подвеска открывается, я потом покажу, как. Нужна иголка. Вообще, это задание, которое мне надо выполнить. Какое — не знаю.

— Очень странно. А почему тебе задание, а не твоему брату? — недоумевал Рик. — На его месте я бы обиделся.

— Я не знаю. Но отец так пожелал. И я должна быть замужем, чтобы открыть хранилище. Но немного денег я могла получить и так...

Тут как раз постучали в дверь, негромко, но решительно, и они услышали насмешливый голос Ивара:

— Не хочется вам мешать, ваши высочества, но тут у порога карета, чтобы вести леди на королевский бал!

— Ты едешь в замок на бал? — Рик приподнялся на локте и удивлённо на неё посмотрел.

Времени прошло не мало, но им было на что его тратить, так что они толком и не поговорили. Правда, Ринна призналась, что обратилась за помощью к королеве Кандине. Теперь ей пришлось сообщать самое важное кратко и скороговоркой: про сегодняшнее утро, про знакомство с королевской семьёй, про обязательства, данные королеве-бабушке, про бальное платье. Но... деликатно умолчала про обстоятельства знакомства с принцессами и встречу с... о, Пламя! Гальдания.

— Так, значит, — Рик нашарил брошенные штаны, натянул, — едем на бал, дорогая жена. Что такое? Что за взгляд?

— Но, Рик. Тебя там ждёт невеста!

— Какая ещё невеста?..

— Гальдания, дочь герцога Северина. Все считают её твоей невестой, — она вдруг почувствовала себя так, словно на неё вылили ведро воды.

— Ри, ты не шутишь? Послушай, кайс Синтин мой друг, но я не могу, подобно ему, завести себе трёх жён, — он засмеялся. — И двух не могу. И не хочу, что главное!

— Рик. По-моему, она совершенно уверена в вашей скорой помолвке!

— Кошка, — он притянул её к себе. — Я в глаза не видел эту девицу и не просил её руки! Ты уверена, что всё так серьёзно?

Она кивнула.

— Странно. Мне сразу же рассказали про твою невесту, хотя я не спрашивала! И это было даже не в Лире...

— Видно, я не имел дел с теми, кто обсуждает чужих невест! Со мной сплетники говорили о другом. Да, видно, мной занялись всерьёз. Обложили, как кабана на охоте. Ри, не знаю, кто так подвёл эту девушку, но я тоже чуть не попался. Если всё так, как ты говоришь, то мне пришлось бы на ней жениться ради хороших отношений с Гретом. Или я рассорился бы со всеми и бежал на мой остров Таней. Ну не переживай. Нет такого, что нельзя уладить.

Рик помог ей одеться и застегнуть платье, оделся сам. Волосы Ринна поспешно закрутила в простой узел.

Они все ждали за дверью — Ивар, Верена и Нора. Ивар поклонился придворным поклоном и сказал серьёзно, но не скрывая насмешливого блеска глаз.

— С воссоединением, ваши высочества. Миледи, вы необычайно похорошели.

Видимо, он просто не умел вести себя по-другому.

— Спасибо, эсс Ивар, я в долгу перед вами, — Ринна быстро подошла, обняла Ивара и поцеловала в щёку, на что Рик кашлянул в кулак, а сам Ивар довольно улыбнулся.

— За что это, миледи? За комплимент или за дрова? — практично уточнил он.

— За то, что спасли моего мужа, — объяснила Ринна, — и вообще, за то, что вы у него есть.

— Мы друзья, миледи, — просто объяснил Ивар, — или братья, если угодно. Это была не совсем шутка, хотя я вовсе не принц.

— Давай я всё же тебе его представлю, Ри, — засмеялся Рик. — Прошу любить и жаловать, лорд Ивар Лаленси. Его отец, дядя Якоб, когда-то учил моего отца, а тётушка Милда — его названная сестра. Она родилась циркачкой, кстати. Я непременно вас познакомлю.

— Всё это хорошо, — зловредно добавил Ивар, — но в следующий раз, братец, занимайся сам своими дровами. Это твой долг, раз ты муж хозяйки. И не экономь ты на них так, узловатые пни — то ещё удовольствие. Хоть и греют дважды, когда их рубят и когда жгут!

— А я попрошу расчет! — заявила вдруг Верена, — не могу так. Боюсь представить, кем ты окажешься в следующий раз! То ты булочница, то леди, то внучка королевы, а теперь и вовсе принцесса! Ой, простите, что так обращаюсь, ваше высочество.

Это почему-то всех рассмешило.

— Даже не думай! — обнимая Верену, шепнула Ринна.

— А я не попрошу расчёт! — заявила Нора. — Какая разница, булочница хозяйка или принцесса. Зато работать тут сущее удовольствие! А может, пора уже вам поторопиться, чтобы на бал не опоздать, лорды и леди?

Нора давно уже знала и Ивара, и Рика, не говоря уж про Ринну, и вообще была девушка практичная и нестеснительная.

На бал они опоздали, конечно...

— Не переживай, — говорил король Эдин королеве Аллиель, — Нет такого, что нельзя уладить. И где, кстати, наши голубки? Ты говорила, что они уже в замке.

Они только что открыли бал, станцевали несколько танцев, и теперь сидели троне в конце бального зала и тихо разговаривали.

— Чтобы одеться к балу и сделать причёску, нужно время, дорогой. А как станем улаживать?

— Хотелось бы оставить всё как есть. Может, кое-кто усвоил бы, что из шкуры неубитого медведя рано делать ковер, — усмехнулся король. — Но жалко девочку. Её надо срочно выдать замуж.

— В Грете рассчитывают на принца.

— Утешатся вторым сыном герцога. Что поделаешь, принцев на всех не хватает. Мы уже поговорили с Ольгером. Я намекнул на некоторые привилегии, если его сын поухаживает за девушкой и сделает предложение. Лорд молод, вдовец, срок траура только что истёк — хорошая партия.

— И когда вы только успели?

— Что тут успевать, они тоже явились на бал. Кстати, ты сказала бабушке?..

— Про Ринну и Айрина? Да, конечно. Она счастлива. Она уже много лет мечтает, что они поженятся.

— Я тоже рад. А ты?

— А я боюсь, — королева изобразила шутливый ужас, — девица, у которой даже медведи танцуют, досталась моему мальчику!

— Ему не повредит, — хмыкнул король, — кстати, он пошёл в твоего отца, ты заметила? И внешне, и умением так устроить дела, что все остаются в дураках. Якобы охотился в Джубаране, а сам не покидал Побережье — и никто и усомнился. Это особые способности, кто бы ещё так мог? Надо пользоваться.

— Ты и пользуешься. Сам же давал ему столько тайных поручений, вот он и научился.

— Потому и давал...

В это самое время Ринна покинула душистую ванну, горничная помогла ей завернуться в простыню, другая подступалась с нагретыми полотенцами — сушить волосы. По соседней комнате нервно

выхаживал парикмахер. Когда вдруг зашёл принц Айрин, нарядно одетый, горничные дружно ахнули.

В руках у принца бы шкатулка, обитая голубым бархатом.

— Тебе привет от бабушки, дорогая. А ну-ка, давай примерим, — он махнул горничным, и те поспешно разошлись в стороны.

Рик извлёк из шкатулки кольцо и ловко застегнул на шею Ринны, потом — браслет, и вдел серьги. Справился лучше любой горничной, своими чуткими пальцами фокусника. Пока надевал, несколько раз успел незаметно коснуться губами её влажной кожи. Ринна понадеялась, что незаметно...

— Если ты не циркач, как научился таким фокусам?

— Сначала отец учил забавы ради, он умеет, — объяснил Рик. — Потом было бы желание. Вот, держи, — на его раскрытой ладони откуда-то возникла цепочка под подвеску. — Ведь не захочешь расстаться со своим сокровищем? Они с колье неплохо будут смотреться вместе.

— Вот спасибо, дорогой, — обрадовалась Ринна.

Он развернул её к зеркалу. Конечно, комплект был очень красив. Топазы густого голубого цвета играли в обрамлении других ярких камней, и на Ринне всё это выглядело куда лучше, чем в шкатулке.

— Я волнуюсь, Рик, — призналась она. — Я сказала королю, что ты сын хозяина цирка. И что будет теперь?

— Да мне самому это интересно. А вообще, не хочу я на бал, — заявил он, лаская жену взглядом. — Что мы там забыли, скажи, кошка?

— Нас ждут, мы должны. Взгляни, как тебе моё платье? — предприняла она отвлекающий маневр, показав на платье, стоящее в углу на манекене.

Прекрасно сшитое платье из жемчужно-серого шёлка по последней моде.

Он бегло глянул и равнодушно пожал плечами.

— Как тебе сказать. Без него ты мне больше нравишься. Эта простыня — просто совершенство. Но куда деваться, надевай его скорее. Ты же не сможешь пойти на бал без платья.

— Тогда выйди и не мешай! — Ринна немного обиделась.

Совсем немного. К тому же, когда Рик её увидел, он счастливо улыбнулся:

— Да ты просто прекрасна, кошка! Даже в платье.

И вот он, наконец — бальный зал Лирского замка. Ринна сжала руку мужа, взглядом попросила подождать. Он кивнул, и они постояли немного, ожидая окончания танца. К ним подбежал распорядитель:

— Приветствую вас, ваше высочество! Как я должен представить леди?

— Как её высочество принцессу Ринну.

В сущности, это было невероятно до сумасшествия. Совсем недавно она покинула родной Ленгар, потеряв при этом совершенно все. И вот, она — принцесса Кандрии, и сейчас под руку с любимым мужем войдёт в бальный зал Лирского замка.

— Рик, а может, сегодня мне лучше назваться иначе?

— Как — иначе? Ну все, перестань, любимая. Шутки кончились.

Вот распорядитель громко их объявил, они вошли, оказавшись на виду — сотни взглядов сразу скрестились на них двоих. Десяток ступенек вниз...

Стало так тихо, даже музыканты перестали играть. Рик вел её по залу в сторону двойного трона, который занимали король и королева Кандрии. Все смотрели... потрясённо.

Нет, не все. Вот принц Кант у стены, рядом с красивой блондинкой, он приветливо махнул рукой. Принц Бернар с Аустрой прямо у них на пути, Бернар протянул руку, и они с Риком поприветствовали друг друга быстрым рукопожатием.

— С отцом осторожнее, — услышала Ринна быстрое предупреждение старшего принца.

Вот они уже у ступеней трона. Поклонились одновременно. Король непринуждённо встал, подал руку королеве, они спустились вниз.

— Рад видеть вас на балу, леди Ринна, — сказал король, обращаясь только к ней. — Так вы встретились с мужем? Очень хорошо. Я хотел с ним познакомиться. Ну что, на первый взгляд вы мне нравитесь, молодой человек. Вы впервые в Лире?

— Каждый раз как первый, ваше величество...

— Вы циркач, верно? Фехтовальщик. А что ещё умеете?

— Да всё, ваше величество. Цирк — дело такое. Когда дерусь, когда пляшу, когда пою и зубы заговариваю. Даже по канату хожу. Показать?

— Потом, дорогой мой. Где ж тут канат? — король показательно окинул взглядом верхнюю часть зала. — И что, доволен вами хозяин вашего цирка?

Королева за плечом короля еле заметно улыбалась. На лице Рика появилась невозмутимо-приветливая маска, как тогда, когда он выступал на круге.

— Да кто знает, ваше величество. Его не всегда поймешь. Хозяева цирков такие.

— Ваше величество, мы с вашим сыном... — решила вмешаться Ринна, но король её перебил.

— С моим сыном? С каким? Если вы Айрина имеете в виду, то он в Джубаране. Льва нам недавно прислал. Все горожане радовались. Посланник кайса спел нам про то, какой он герой, великий охотник, и... Да чего он только не пел! Мы с королевой гордимся, да, дорогая? — он обратился к жене, однако строгим взглядом запретил ей вмешиваться.

— Вот что, молодой человек, — сказал он Рiku, — мы с королевой решили, что надо дать вам возможность выслужиться. Чтобы соответствовать леди Ринне, так скажем. Как вам для начала должность младшего капрала в моей страже?

Судя по взгляду Рика, он много чего хотел бы сказать королю, но ответил кратко:

— Благодарю, ваше величество!

— Отлично. Тогда следующий танец ваш. Ну хорошо, два следующих. Хочу, чтобы леди Ринна потанцевала. А потом сразу же отправляйтесь приступать к обязанностям. Приказ уже приготовили, сейчас подпишу.

Он махнул рукой, обнял королеву за талию и решительно отвел её обратно к трону. Рик поклонился Ринне и вывел её на середину зала, за ними стали пристраиваться пары.

— Всё хорошо, не волнуйся, — тихо сказал он ей на ухо.

Королева в это время негодуя шипела на короля:

— Зачем ты так?! Даже не дал поздороваться с сыном! Поговорить с его женой! Это их первый бал в Лире!

Король терпеливо отвечал, гася улыбку во взгляде:

— Ты хочешь, чтобы я спустил ему хозяина цирка? Не переживай, никуда они до завтра не денутся. Ты сама предложила пристроить его на службу, помнишь, дорогая? Прекрасная мысль. Да что ему делать на этом балу, дожидаться, когда можно сбежать?!

Оттанцевав положенное, Рик сразу повел жену к выходу. За дверями зала его окликнул стражник:

— Позвольте вручить королевский приказ, ваше высочество!

Рик взял плотную бумагу с королевским гербом, развернул и прочитал. Усмехнувшись, отдал Ринне. Там было написано вот что:

«Насчёт службы в страже я пошутил. Приказываю принцу Саю-Айрину Крансарту отвести жену в спальню и закрыть за собой дверь».

А дальше шёл замысловатый росчерк королевской подписи.

— Знаешь, кошка, — сказал Рик, широко улыбаясь. — Отец всегда даёт мне лучшие советы.

Глава 19. Полгода спустя...

В том, что солнечным летним днём в порт торгового города Гринзалья вошел корабль под кандрийским флагом, не было ничего удивительного — эти флаги здесь видели чаще всех прочих. То, что чуть ниже кандрийского на мачте развевался флаг Танейского герцогства, тоже было делом обычным — значит, корабль пришёл с острова Таней, входящего в состав Кандрийского королевства. Но когда на ветру развернулся и длинный вымпел с изображением золотой короны — вот это уже было чем-то исключительным. Это означало, что на борту шерка «Принцесса» в Гринзаль прибыл сам танейский герцог, он же кандрийский принц Айрин Крансарт. Тут и две пушки форта на входе в гавань грохнули приветственный залп, в порту забежали, а с «Принцессы» спустили шлюпки.

— Дядька Корин, какой шерк, а? Красота... — юнга на потрёпанном всеми морями «торговце» в углу гавани бросил чистить овощи.

— Красота, — согласился худой усатый кок в парусиновом фартуке, — а тебе-то что?

— А название не так написано, ты глянь.

— Вот умник на мою голову. Что тебе не так-то?

— Не пишут так названия кораблей, чтобы за словом ещё одно поместилось. Будто не дописано.

— Так оно и есть. Ты что ли эту байку не слышал? По всем портам рассказывают. А, ты ведь у нас неделю всего, голова, — кок усмехнулся. — Кораблик этот руатский король подарил принцу и принцессе, значит, на свадьбу. И имя кораблю дал с намёком, значит. Дескать, желает наследником скорее обзавестись. В Кандрии имя королевы или принцессы дают кораблю, когда она сына родит, а эта, Ринна Танейская, значит, пока не заслужила.

— А если и не заслужит? Так кораблю и гулять с половиной имени? — погрустнел мальчик.

— А это, умник, принцу будет печаль, а не нам с тобой, — веско заметил кок, — вот корзина репы, видишь? Давай, чисти!

Мальчик бросил взгляд на золотые буквы, украшающие борт корабля, поднял нож и повернулся к корзине. Действительно, репа никуда не денется, а о принцессах и кораблях можно помечтать и потом...

Шлюпки подошли к низкому причалу у дальнего края гавани — широкие ступени вели отсюда прямо к резиденции герцога. Губернатор со свитой встречали. Приветственные речи, к счастью, оказались совсем короткими. Ринна с удовольствием оглядывалась. Она в Гринзале!

У них с Риком теперь всё было хорошо. Король Фарут поздравил их с законным браком, дал понять, что кое-чем сожалеет, и подарил корабль, названный с намёком — шикарный подарок, кстати говоря. Их ответ содержал благодарность и заверения в вечной дружбе. Все права Ринны в Руате была восстановлены, земли возвращены, приданое выплачено. Брат тоже поздравил, но ему Ринна ответила прохладно, а отвечать остальным своим родственникам и вовсе поручила секретарю. Королева Аллиель это не одобрила: принцесса не должна идти на поводу у личных обид, не любя кого хочешь, но видимость безупречных отношений быть должна. Ну да ладно, Ринна не станет королевой, а принцессе или герцогине можно не быть идеальной. Пример такой неидеальности продемонстрировала, например, герцогиня Северин, мать Гальдании — она прислала Ринне гневное письмо, негодуя, что «старая дева» утащила жениха-принца у её юной и прекрасной дочери. Ринна даже растерялась, в основном от нелепости обвинений. Но дальнейшую переписку с герцогиней королева взяла на себя, и та быстро успокоилась, тем более что Гальдания вышла замуж. Розита вскоре родила дочь, после чего всех стало заботить одно — не округляется ли талия у Ринны?..

К весне они уехали на Таней, и уже несколько месяцев жили там, в немного мрачном старинном замке, когда-то завоёванном для себя королем Эдином, в котором родились все его сыновья и дочери. И это, надо сказать, было лучшее место на свете!

Вообще, с королевой Аллиель у Ринны сложились прекрасные отношения, почти как с бабушкой. С невестками, Аустрой и Розитой, тоже неплохие, особенно когда те поняли, что Рик так и не узнал про тот набег на его комнаты. Но подругами они не стали. Подругой Ринны осталась Верена, которая теперь заправляла в «Королевских сладостях». Перед отъездом Ринна исписала для Верены пухлую тетрадь, изложив рецепты свои и Ноны, в основном уделяя внимание нюансам и смесям специй, придающим выпечке особенный вкус. И она не слишком скучала по своей кондитерской. Разве что открыть такую же на Танее? Зато в её распоряжении была огромная кухня Танейского замка.

— Сначала в банк, а потом гуляем по городу? — спросил Рик. — Или сначала гуляем, а в банк

завтра?

— Сначала в банк, — решила она.

Банкиров предупредили заранее, и они дожидались важных посетителей у дверей, все семеро директоров банка «Три изумруда». Каждый лично представился принцу и принцессе.

— Кайвер Сейри, к услугам ваших высочеств, — поклонился последний.

Наверное, на лицах обоих высочеств что-то отразилось, поэтому он пояснил:

— Меня недавно утвердили в этой должности, как наследника моего троюродного кузена. Мы слышали о... недоразумениях и глубоко сожалеем. Наш девиз — безусловная честность и надежность, поэтому наш банк уже три века считается лучшим на Побережье.

— Мы не сомневаемся, — сказал Рик. — Давайте приступим, эссы?

Приступили.

— Вы должны подтвердить клятвой на пламени, что являетесь законным мужем этой леди, ваше высочество, а также что вы согласны исполнить волю её благородного отца. Просим нас извинить... Теперь приложите печать сюда, миледи, мы амулетом сличим слепки... Всё в порядке, миледи, добро пожаловать в наш банк... Теперь пройдем в хранилище...

Наконец тяжёлая дверь со скрипом открылась. Та самая, знакомая Ринне дверь. За ней — маленький чулан, в нем большой сундук. Сейри, который их сопровождал, подал Рiku запечатанный конверт:

— Это для вас, ваше высочество.

Ринне он сказал:

— Пожалуйста сюда, миледи. Приложите печать ещё раз, вот к этой восковой табличке на стене...

Она приложила. И часть стены повернулась, словно на хорошо смазанных петлях. Она зашла...

— Не спеши, торопливая моя, осторожнее! — Рик догнал её и взял за руку.

В таком же маленьком чулане были один на другой сложены мешки, куча грубых джутовых мешков, в которых купцы возят сыпучие товары. Один был порван, из него высыпалась на пол целая куча золотых и серебряных монет. Золотых больше. Рик откинул крышку ларца, стоящего прямо на полу — в глазах зарябило от множества цветных камней в окружении золота, золота, золота...

Рик даже присвистнул. Ринна обхватила себя руками, согреваясь — кажется, от каменных стен тянуло холодом.

— Хорошо, я понял, — сказал Рик. — Хочешь ещё полюбоваться? Лучше пойдём пока отсюда. Долго ещё придется думать и разбираться.

Уходя, Ринна снова приложила печать к восковой табличке. Рик задержался, быстро перебрал бумажные свитки в сундуке. Потом они вышли, и хранилище графа Ленгара вновь было заперто.

— Содержимое камеры пересчитывали? — спросил Рик одного из банкиров.

— Нам граф это не поручал, ваше высочество. Но в бумагах должна быть опись...

— Благодарю. Мы с женой ещё вернёмся.

— Что скажешь? — спросила Ринна, когда они покинули банк и шли пешком по солнечной улице Гринзала, а карета ехала чуть позади.

— Что так и есть, это сокровища кайса, которые твой отец взял в морском сражении. Помнишь, в Лаверри мы говорили про вашу единственную гавань, которую граф мечтал перестроить? По договору с джубаранцами это можно будет делать только через десять лет. Он завещал эту работу тебе. То есть и мне, получается, тоже, — он засмеялся.

— Рик?! — она даже остановилась.

— Да, любовь моя. Все те сокровища — это новые крепость и гавань, построенные по чертежам

твоего отца, следуя всем его указаниям. Должно хватить. То, что останется, мы можем взять себе. Не думаю, что это много, хотя кто знает! Полная стоимость сокровищ мне пока неясна. Как и права на них твоего отца. Он скрыл их от короля?

— Я думаю, правильно выплатить какую-то часть семьям тех, кто погиб в том сражении.

Рик кивнул.

— Но Клайк... Почему не он? — она всё же не понимала.

— Потому что твой брат не разделяет уверенности вашего отца в том, что это столь необходимо. Он найдёт способ увернуться. Например, можно устроить так, что приказ короля полностью избавит его от обязательства, и денежки пойдут на другие нужды, каких немало в Ленгаре. А ты, любовь моя, упряма и настойчива, и непременно сделаешь так, как надо. И ещё он рассчитывал, что ты выберешь себе в мужа такого мужчину, который построит тебе эту гавань, если ты его очень попросишь!

— Право выбирать мужа самой — это воля мамы!

— Какая разница, если сути это не меняет?

— Ты построишь мне эту крепость и гавань? Если я попрошу?

— Куда я денусь? — он обречённо вздохнул, но так и лучился весельем, — есть забавное в том, что гавань для Руата должен строить принц Кандрии. И конечно, я учту выгоды моего королевства. А если Фарут упрётся, пойдём на него войной.

— Рик...

— Шучу, дорогая. Вечером мы ужинаем у герцога, а сейчас идём на набережную есть булочки. Кстати, а ты не хочешь открыть ещё одни «Королевские сладости» в Гринзале?..

..... КОНЕЦ

Примечания

Грандама — выдуманное звание, высшее придворное звание при королеве, заведующая её штатом и канцелярией (аналог обер-гофмейстерины при российском дворе, статс-дамы при английском).

Здесь, как и в «Шуте», типы кораблей флота вымышлены. Приношу извинения тем любителям, кого это задевает). Можете в качестве «шерка» представлять линейный корабль или фрегат — имеется в виду именно такая картинка.

В книге обыгрывается давно известный рецепт турунских пряников (польская кухня). Вы легко найдёте его в интернете, с незначительными вариациями, которые вряд ли серьезно повлияют на результат. И да, тесто долго выдерживается. Не портится — мед и специи тот ещё консервант)
Проверено автором)

отсылка к роману "Шут и слово короля"